

Лена Летняя

A woman with light-colored hair, wearing a black wedding dress and a long black veil, stands in a snowy forest. She is holding a bouquet of white roses. The background is a misty, blue-toned forest with snow falling. The scene is framed by a decorative wrought-iron fence.

НЕВЕСТА
СМЕРТИ

Annotation

Его называли Смертью на службе Его Величества, а теперь он последний жрец самого страшного из Четырех Богов. Он дальний родственник короля, самый влиятельный человек в Северных землях. И он похоронил уже двух жен, а мне предстоит стать третьей. Отказаться невозможно, ведь я уже надела диадему послушания и обязана исполнить волю отца. Мой жених пугает меня до дрожи, да и умирать, как мои предшественницы, я не хочу, а потому постараюсь найти выход. Но в чужом мрачном замке так трудно понять, кто твой друг, кто враг, а кто — судьба.

- [Лена Летняя](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Эпилог](#)
-

Лена Летняя
Невеста Смерти

Глава 1

Впервые я увидела ее в зеркале. Я стояла перед ним в будущем подвенечном платье, замерев словно статуя. Швея и ее помощница подкалывали булавками пока еще разрозненные куски ткани, а мои мысли в тот момент уплыли куда-то далеко. Я грезилась о безмятежном будущем рядом с любимым человеком, поэтому хоть и смотрела на собственное отражение, в действительности не видела его.

Тогда-то в большом зеркале в полный рост на несколько секунд появилась она. Девушка, которая во всем была моей противоположностью. Бледное, как будто бескровное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и темные круги под ними, длинные темные волосы, в беспорядке падавшие на плечи, черное платье с пышной юбкой. А ведь я в тот момент стояла перед зеркалом в белом, как у всех невест, пусть еще и не законченном платье. Мою кожу всегда покрывал легкий загар, свойственный всем жителям Южных земель. Да и волосы у меня были светлыми, заметно выгоревшими на солнце, а глаза — серо-голубыми.

Видение появилось так внезапно и посмотрело на меня так пронзительно, что я резко втянула носом воздух, непроизвольно дернулась. И тут же вскрикнула от боли, поскольку помощница швеи — еще совсем юная девица с круглым лицом и довольно пустым взглядом — неосторожно ткнула меня острой булавкой.

— О, простите, госпожа! — она испуганно прижала руки ко рту и виновато посмотрела сначала на меня, а потом на свою нанимательницу — женщину в годах, которая шила мне платья всю мою жизнь, начиная с того, в котором меня благословляла Богиня.

Та тут же недовольно нахмурилась, отчего ее лоб изрезали глубокие морщины. Взгляд ее не обещал юной помощнице ничего хорошего, поэтому я поторопилась заверить их обеих:

— Нет, ничего страшного. Я сама виновата, не стоило так внезапно шевелиться.

Я натянуто улыбнулась и швее, и ее помощнице, хотя то место, куда меня ткнула булавка, до сих пор горело огнем, а сердце бешено колотилось от пережитого испуга. С болью мне удалось разобраться быстро: стоило приложить ладонь к боку прямо поверх платья — и остальное моя природа сделала сама.

Снова посмотрела в зеркало, я обнаружила, что в нем теперь

отражаюсь только я. Это помогло немного унять сердцебиение, но неприятное предчувствие лишь разрослось в груди. Я не понимала, откуда в обычном — не зачарованном! — зеркале могла взяться какая-то незнакомка, и это нервировало.

— Жаль, что вы не можете так же быстро и легко удалить пятно, — вздохнула швея, которая сразу поняла, что именно я сделала, приложив к больному месту ладонь.

Я посмотрела на платье: на белой ткани отчетливо виднелось пятнышко крови. Небольшое, но заметное.

Да, почему-то выводить пятна моя магия не умеет, о чем я и сама порой жалею.

— Снимайте его, Нея, — велела швея со вздохом. — Думаю, если заняться пятном прямо сейчас, то следа не останется.

— Ох, не к добру это, — пробормотала молодая помощница, пока они обе помогали мне снимать ненадежную конструкцию из соединенных булавами лоскутов. — Говорят, кровь на подвенечном платье — это к беде.

— Да помолчи ты, — шикнула на нее швея. — Не мели языком, так беду и то проще накликать.

Я сделала вид, что не услышала их болтовни. Дочери жреца Богини Виты не пристало обсуждать деревенские суеверия. Я в них и не верила никогда, но в тот день мои убеждения подверглись серьезному испытанию.

Не прошло и получаса после того, как швеи удалились, заверив, что к следующей примерке пятно будет выведено, а меня уже вызвал к себе отец. В самом этом факте не было ничего страшного, но когда я вошла в его кабинет и увидела выражение лица, я сразу подумала и про таинственную бледную незнакомку в черном, померещившуюся мне в зеркале, и про пятно крови на белоснежной ткани.

Мой отец — добрейший человек, который всю жизнь холил, лелеял и баловал меня. С самого рождения я была его любимицей, его принцессой. Даже мама — да будет Богиня добра к ней в своем чертоге — старалась вести себя со мной строже. Возможно, именно благодаря ей я не выросла капризной и избалованной... По крайней мере, мне так казалось.

На моей памяти отец лишь однажды посмотрел на меня с недовольством, граничащим со злостью. Примерно год назад, когда я ворвалась к нему в кабинет без приглашения и без стука, чтобы похвастаться... то ли новым платьем, то ли украшением. Он в тот момент сидел на небольшом диванчике у окна и читал письмо. Перед ним стояла открытая шкатулка со стопкой других писем, и, видимо, их содержание его не радовало. Тогда он резко захлопнул шкатулку и спрятал письмо в

складках простой белой мантии, которую носили жрецы его уровня. И посмотрел на меня этим взглядом, от которого мне захотелось сжаться в комок и убежать подальше.

Он потом быстро отошел и даже попросил прощения за то, что напугал меня, но тот случай я запомнила. И старалась больше не врываться в его кабинет. Даже сейчас постучалась и дождалась разрешения войти, хоть он меня и ждал.

Однако когда я переступила порог, меня обдало холодом и сердце почти замерло в груди от неприятного воспоминания. Отец сидел на том же диванчике, держал в руках лист бумаги и поднял на меня почти такой же взгляд, стоило мне войти.

Слова застряли в горле, а по спине пробежала волна неприятных мурашек, но взгляд отца уже смягчился и из недовольного стал скорее виноватым. Всего через пару минут причины таких метаморфоз стали мне понятны.

— Но это невозможно! — в ужасе воскликнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это должно быть шуткой. Просто обязано быть шуткой! — Я помолвлена. У меня свадьба через месяц. Как может кто-то сейчас просить моей руки?

— Помолвка — это не брак, — возразил отец с тяжелым вздохом. — В этом случае она тебя не защитит.

— Так ведь ему же еще полгода носить траур. Как минимум. К тому моменту я буду замужем.

Отец сокрушенно покачал головой.

— Нея, он уже попросил твоей руки. Я должен ответить сейчас. Он верховный жрец Некроса, Нея. Глава последнего Дома, поклоняющегося Богу Смерти. А я всего лишь младший жрец. Я не могу отказать ему, ты понимаешь?

Я не понимала. Не хотела понимать. С тех пор, как я повзрослела и вопрос замужества начал меня волновать, отец твердил мне, что никогда не будет меня ни к чему принуждать. Что я буду сама выбирать себе мужа. И я выбрала. Выбрала сердцем. Мне повезло получить в ответ взаимность, и последние несколько месяцев я готовилась к свадьбе, была счастлива и фантазировала о том, какой будет моя жизнь. Представляла себя женой, придумывала имена детям...

И вот теперь все рушилось из-за того, что верховный жрец Некроса, который едва ли видел меня хотя бы раз в жизни, который женился чуть больше месяца назад и потом внезапно похоронил молодую супругу спустя всего четыре недели, вдруг решил, что я должна стать его следующей

женой. Это было дико и не укладывалось у меня в голове.

— Папа, откажи ему, — мой голос прозвучал жалобно, умоляюще, но сейчас мне не было за это стыдно. Я вцепилась в руку отца и просительно заглянула в глаза. — Он старый и страшный. И дважды вдовец. А я люблю Роана, я должна стать его женой.

Отец высвободил руку и сжал мои плечи. На его лице все еще было написано сочувствие, но по его глазам я видела, что он уже все решил.

— Я не могу ему отказать, — повторил он. — Тебе придется выйти за него. Я не могу отказать Торрену Фолкнору только потому, что уже обещал тебя какому-то военному. Он оскорбится. Проклянет наш Дом: меня, тебя, твоего брата, твоего жениха, всех приближенных к нам, включая слуг. И ты можешь догадаться, что проклятие будет смертельным. Никто нас не защитит и не призовет его к ответу. Он родственник короля, он был его карающей дланью. Десятки людей могут погибнуть, если мы ему откажем.

С каждым его словом меня все больше сковывал холод и охватывало отчаяние. Часть меня понимала, что он прав: если мы обидим Фолкнора, он погубит всех, кто с нами связан.

— Но если ты ему не откажешь, погибну я, — дрожащим голосом озвучила я доводы другой моей части.

Отец долго смотрел мне в глаза, в его взгляде читались тоска и боль, и на мгновение надежда затеплилась у меня в груди. Однако секунду спустя он коснулся губами моего лба и тихо прошептал:

— Прости меня.

У меня перехватило горло, показалось, что я задыхаюсь. Злые слова, которые я ни разу не позволяла себе в адрес отца, жгли язык. Чтобы не дать им волю, я вырвалась из его объятий и бросилась бежать, не разбирая дороги от застилающих глаза слез.

Опомнилась и остановилась лишь у дверей зала обрядов. Вообще-то я не имела права туда входить без жреца — то есть без отца, но сейчас мне было все равно, даже если меня поймают. Меня только что фактически приговорили то ли к смерти, то ли к пытке длиной в жизнь. Что еще мне могли сделать?

Я дернула на себя тяжелую дверь — и она послушно отворилась. Может быть, я не могла распоряжаться собственной судьбой, но в моих жилах текла кровь жрецов, и я владела Силой, пусть и небольшой.

В зале обрядов было темно: ламп и окон здесь никогда не имелось, а свечи сейчас не горели. Их зажигали только во время церемоний и ритуалов. Я оставила дверь открытой, чтобы свет из коридора немного рассеивал темноту.

То, что я искала, находилось в противоположном конце небольшого зала. Зеркало. Не обычное, вроде того, что стояло у меня в спальне, а зачарованное магией жрецов Четырех Богов. Его раму украшали символы древнего алфавита — основы языка Богов, на котором сейчас уже никто не говорил. Лишь жрецы могли прочесть его и понять. Я не могла, я не была этому обучена, но мне это и не требовалось.

Я коснулась раскрытой ладонью поверхности зеркала, вкладывая всю свою небольшую Силу в заклинание. Одно из немногих, которые я знала. Я хотела увидеть того, кто одним росчерком пера сломал мне жизнь.

Конечно, это было глупо: верховный жрец закрывался от наблюдения щитами. Но даже если я не могла посмотреть на него в реальном времени, я могла заглянуть в прошлое. Связанное со мной прошлое. Год назад я первый и последний раз в жизни была в королевском дворце на большом праздничном балу в честь короля. Жрецы всех Четырех Богов на нем присутствовали. Наверняка был и он, пусть я на него тогда и не обратила внимания.

В этот раз зеркало без труда откликнулось на мою просьбу и показало мне того, кого я искала. Зря я думала, что мне от этого станет легче. Стало только хуже.

Он был стар. Не как отец, конечно, но все равно минимум вдвое старше меня. Я не назвала бы его лицо уродливым, но и красивым оно точно не было. Оно было бледным, мрачным, угрюмым и... опасным. Может ли у человека быть опасное лицо? Наверное, может, если его выражение выглядит столь угрожающе. Светло-голубые глаза, странно сочетавшиеся с длинными черными волосами, смотрели на мир с неприязнью. Торрен Фолкнор был высок и, вероятно, хорошо сложен, держался, как и следовало жрецу его уровня, с достоинством, граничащим с высокомерием. Черная парадная мантия, расшитая серебряными узорами, скрывала фигуру, но в моем новом женихе чувствовалась сила. Меня это совсем не радовало, скорее, пугало.

Даже больше, чем верховный жрец, мое внимание привлекла его спутница. На ней тоже было черное платье. Я слышала, что в Северных землях, где правили жрецы Некроса, черный вообще был популярен. Выглядела она такой же бледной и измученной, как девушка из моего видения. Я не была уверена, что видела именно ее: не успела разглядеть и запомнить черты лица, но общий образ был пугающе похож.

Так может быть, сегодня во время примерки теперь уже ненужного мне подвенечного платья, я на мгновение увидела собственное будущее? Мое лицо побледнеет, волосы — потемнеют, а потом я и вовсе последую в

чертог Виты?

Мои ноги подкосились, и я осела на холодный каменный пол, закрыв лицо руками и стараясь дышать, хотя что-то тяжелое с такой силой давило мне на грудь, что воздух не мог пробраться в легкие.

Богиня, за что мне это? И что же мне теперь делать?

Я молила Виту о знаке, о подсказке, о помощи. И неожиданно она откликнулась.

Глава 2

Я услышала за спиной шаги, но не попыталась встать, даже не пошевелилась. Мне было все равно, кто застал меня здесь. Я ждала оклика, отповеди и приказа покинуть священное место, но человек молча дошел до первых рядов скамеек, на которых сидели свидетели во время обрядов, и сел на одну из них.

Я шмыгнула носом — в тишине зала звук эхом отразился от стен, получилось неожиданно громко, — промокнула глаза подолом платья и обернулась. Хотя я и убеждала себя, что мне неважно, кто застал меня в столь неподобающем виде в запретном месте, я все-таки облегченно выдохнула, обнаружив на ближайшей ко мне скамейке Розу.

Роза — моя компаньонка. Так официально зовется ее место в нашем Доме. Ее приставили ко мне еще в мои четырнадцать, чтобы она сопровождала меня всюду. Отчасти она служила мне телохранителем, отчасти — наставницей в тех вопросах, с которыми я не могла обратиться ни к отцу, ни к брату. Я воспринимала ее как старшую подругу: Роза была почти на десять лет старше меня, — но она всегда держала со мной почтительную дистанцию. Кроме таких вот случаев, когда я оказывалась в полной растерянности и отчаянии. Хотя за все время нашего знакомства это случилось от силы третий раз.

— Кого хороним? — насмешливо поинтересовалась она, скрестив руки на груди и довольно фривольно положив одну ногу на другую. Она могла себе это позволить, поскольку ходила в штанах и свободной рубашке, а не в платье, как я.

— Меня, — призналась я тихо и бросила быстрый взгляд на зеркало. К счастью, оно погасло, стоило мне потерять концентрацию, и теперь отражало только погруженный в темноту зал.

— Если ты и дальше будешь сидеть на каменном полу, то до этого несомненно дойдет.

Ее ворчливый тон заставил меня улыбнуться и подняться. Ноги в тонких чулках действительно уже начали неприятно стыть от соприкосновения с холодным камнем. Я села на скамейку рядом с Розой, горестно вздохнув.

— Так что случилось? — поинтересовалась она. — Я видела, как ты выбежала из кабинета отца, словно за тобой гонятся сумрачные.

— Он выдает меня замуж.

Роза немного помолчала, как будто ждала продолжения. Я чувствовала на себе ее взгляд, но сама смотрела только на собственные руки, нервно ломая пальцы.

— До сего момента я была уверена, что это хорошая новость.

— Это было хорошей новостью, пока он выдавал меня за Роана, — кивнула я. — А теперь я должна выйти замуж за Торрена Фолкнора.

— Верховного жреца Некроса? — уточнила Роза, и по ее тону чувствовалось, что она хмурится.

— Да.

— Неожиданно.

— А представь, каково мне! — воскликнула я и посмотрела на нее... наверное, с мольбой, словно она могла что-то с этим сделать.

— А ты за него не хочешь? — невинно вздернув брови, уточнила Роза. Мне захотелось ее стукнуть, но я сдержалась. Такое поведение неприемлемо для дочери жреца.

— Конечно, нет! — я позволила себе только выразительный взгляд.

— Откажись, — невозмутимо предложила она, пожав плечами. Мой взгляд не произвел на нее никакого впечатления.

Если бы это было так просто!

— Таким людям, как он, не отказывают, — я покачала головой. — Да и не могу я, отец велит. Я не могу ему перечить. Ты же знаешь, я выбрала диадему.

С этими словами я отчасти машинально, отчасти демонстративно коснулась маленькой диадемы, украшавшей мою прическу.

— И не говори, что два года назад я не отговаривала тебя, — фыркнула Роза, скользнув по ней взглядом.

Я и не собиралась. В наших землях девушке в шестнадцать лет давали выбор: остаться под крылом отца и братьев, перейдя потом под покровительство мужа, или выбрать независимость. За первое мы платили абсолютным послушанием, получая взамен пожизненное обеспечение. Все заботы о нашем комфорте брали на себя мужчины. Независимость давала возможность принимать собственные решения, распоряжаться своей судьбой, но за это девушка платила полной ответственностью за себя и свою жизнь. То, что в первом случае должно было стать приданым, моментально отдавалось в ее распоряжение. Эти средства можно было потратить на образование, аренду жилья или открытие собственного дела. Не многие, правда, решались на это в шестнадцать лет.

На церемонии выбора нам подавали два подноса, символизовавшие два варианта. На одном лежала диадема, на другом — острые ножницы.

Если девушка выбирала покровительство мужчин, она надевала диадему и с тех пор носила ее всегда и везде, чтобы мужчины видели: она будет послушной женой. Если же девушка предпочитала стать хозяйкой самой себе, она распускала волосы и отрезала их. Под корень или лишь наполовину длины — значения не имело. В дальнейшем такая девушка могла стричься или совсем коротко, или носить волосы до плеч. Те, кто выбрал диадему, обычно носили волосы длиннее: до лопаток и ниже.

Сама Роза была пострижена почти как мужчина. Она никогда не говорила мне, почему сделала этот выбор, но когда я собиралась надеть диадему послушания, действительно пыталась меня отговорить. Я не воспринимала ее слова всерьез. У меня был добрейший отец, лучший в мире брат, и я уже любила Роана и ловила на себе его ответные нежные взгляды.

— Как я могла знать тогда, что все так обернется? — пробормотала я, снова чувствуя, как перехватывает горло. — Все должно было быть иначе.

— Отказываясь от права решать за себя, стоит думать о худшем.

И не поспоришь. Но сейчас эта мудрость выглядела запоздавшей, а я искала ответ здесь и сейчас. Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Роза внезапно предложила:

— Раз ты разочаровалась в диадеме, может быть, настало время ее снять?

Я резко повернулась к ней, глядя одновременно с надеждой и недоверием. Я никогда не интересовалась деталями традиции выбора, практически с самого детства планируя сделать его в пользу послушания.

— А можно?

— До того момента, как тебе стукнет двадцать, у тебя есть такая возможность, — кивнула Роза. — Правда, для этого надо кем-то стать.

— Кем?

Она пожала плечами и развела руками.

— Признанным мастером какого-то дела. Получить научную степень или специальность. В этом случае ты сможешь отказаться от прежнего выбора.

Я разочарованно фыркнула и откинулась на спинку скамейки. Нет, я была обречена, поскольку ничего не умела. Меня, конечно, учили определенным вещам. Читать, писать, считать, говорить на языках соседних государств, танцевать, ухаживать за собой, выбирать одежду, делать макияж и прически. Я даже умела готовить и шить, выращивать цветы и управляться с хозяйственными аппаратами-помощниками. А прежний папин шофер даже пытался научить меня водить автомобиль и

уверял, что у меня хорошо получается. Однако все это не могло мне помочь. Это делало меня желанной гостьей в домах людей моего круга, готовило для жизни в качестве жены офицера королевской гвардии, но едва ли могло считаться достаточным обоснованием для снятия диадемы.

— На все это нужно учиться, — возразила я. — А у меня нет времени.

— Я слышала, Фолкнор недавно овдовел. Опять. Разве он не должен соблюдать траур весь следующий год, прежде чем сможет снова жениться?

— Он имеет возможность ограничиться половиной этого срока.

— Что тоже немало.

— Полгода? — я посмотрела на нее, как на сумасшедшую. — Чему я могу научиться за такой срок?

— Магии, — заявила Роза с таким выражением, словно я не понимала очевидных вещей. — Нея, ты дочь жреца, у тебя есть Сила, а значит — есть фора! При желании и хороших наставниках ты сможешь подготовиться к экзамену и за полгода.

— Где я возьму наставников? — я вскочила с места будучи не в силах больше сидеть. Мысли металась в голове в поисках решения, но натыкались на бесконечные возражения рассудка. — Отец сразу поймет, откуда такая внезапная тяга к знаниям. И не позволит.

Роза замолчала, насупившись, а я почувствовала, как восторженная надежда снова медленно умирает. Однако через пару минут сосредоточенного молчания моя компаньонка озвучила новую идею. Еще более безумную.

— Я однажды слышала... примерно год или чуть больше назад, как твой отец и брат обсуждали то, что Фолкнор обучает магии талантливых молодых людей. При его Доме существует что-то вроде... школы.

Я перестала метаться, замерла напротив нее и посмотрела с недоумением.

— И что?

— Твой новый жених едва ли так хорошо разбирается в наших традициях, — Роза пожала плечами. — Напиши ему. Скажи, что хочешь до брака хотя бы немного узнать его. А чтобы соблюсти приличия, готова стать ученицей.

Я растерянно моргнула.

— Ты издеваешься? У меня осталось полгода терпимой жизни, а ты хочешь, чтобы я от этого отказалась? И сама сунулась в его логово?

Роза тоже поднялась, наши лица оказались на одном уровне, и я тут же испуганно сжалась. Когда она так смотрела на меня, я всегда пугалась.

— Если ты хочешь вернуть себе право решать за себя, то должна

научиться принимать трудные решения. А не просто ждать у моря погоды. Да, ради свободы приходится рисковать. И иногда прыгать через пропасть, точно не зная, где у нее другая сторона и есть ли она вообще. Это трудно, это страшно, но порой необходимо. Ты можешь сидеть тут полгода и лить слезы, жалея и хороня себя. А можешь шагнуть навстречу страху и попытаться что-то изменить. Выучиться на магистра или выяснить, с чего вдруг Фолкнор решил на тебе жениться, заставить его передумать. Или просто настолько разочаровать его, что он сам от тебя откажется. Ну или... узнать его поближе и решить, что не так страшен сумрачный, как его малюют.

Судя по ее усмешке, мое лицо заметно перекошило. Но ее слова достигли цели. Для себя я признала, что моя компаньонка права: просто сидя дома и страдая, я ничего не изменю. Даже если я решу учиться тайком здесь, это не решит проблему с возможной обидой Фолкнора на отказ. А если мы начнем общаться, он, может быть, действительно передумает. Или мне удастся убедить его отказаться от этой затеи. Или хотя бы дольше носить траур.

Или я найду доказательства того, что две его предыдущие жены так быстро сошли в могилу с его помощью. Может быть, от смертельного проклятия король нас не защитит, но покрывать убийцу ни в чем неповинных женщин не станет.

На месте я вполне могла придумать что-то еще. Главное — не сидеть сложа руки!

— Вот теперь это моя девочка, — хмыкнула Роза, разглядывая меня. Наверное, мое лицо опять изменилось.

Я постаралась улыбнуться. Теперь дело было за малым: мне всего лишь нужно обмануть верховного жреца и убедить Роана в том, что мое желание поехать в Фолкнор — не предательство наших чувств.

Глава 3

В первую очередь я решила заняться письмом Фолкнору. Во-первых, я подозревала, что это будет небыстро и непросто, а во-вторых, боялась, что после встречи с Роаном моя решимость может пошатнуться.

Написание письма на десяток строчек превратилось в целую эпопею. Очень долго я не могла продвинуться дальше приветствия и обращения, а потом — никак не могла сформулировать свою просьбу.

Какого тона мне придерживаться? Дать ли понять, что мне его предложение — как петля вокруг шеи? Или же писать дружелюбно, чтобы не вызвать подозрений? Будить в женихе подозрения не хотелось, но и вводить его в заблуждение, изображая радость, тоже.

Смяв и отбросив в сторону очередной листок, я закрыла лицо руками и застонала в голос. С чего я вообще взяла, что смогу обмануть верховного жреца? Взрослого мужчину, который понимает в интригах гораздо больше, чем я?

Об этом редко говорили вслух и никогда не заявляли официально, но все знали, что несколько лет он был королевским убийцей. Король посылал его к тем, кого хотел покарать, но кого не мог достать законным, открытым способом. Фолкнор не оставлял следов, никто так и не сумел обвинить его ни в одном преступлении. Даже стражи порядка соседних государств. Просто в домах, где его принимали — и не могли не принять из-за его высокого происхождения — частенько кто-то умирал. Мы в Южных землях прозвали его Ангелом Смерти, а в других краях его называли просто Смертью. Смертью на службе Его Величества.

И вот я собираюсь обманом проникнуть в его замок и найти свидетельства того, что он, возможно, убил своих жен. Да я сошла с ума! Даже если он их убил, то едва ли оставил какие-то улики.

Глубоко вдохнув, я заставила себя взять новый лист бумаги и продолжить сочинять письмо, перечеркивая отдельные слова и целые абзацы. Вариант с получением звания магистра и снятием диадемы у меня все равно оставался. Как и надежда на то, что, узнав меня поближе, Фолкнор сам передумает.

За окном уже совсем стемнело, а звуки в доме затихли, когда я наконец отложила ручку и удовлетворенно выдохнула, решив, что в этом варианте письма ничего не хочу менять. Оно получилось лаконичным и сдержанным, уважительным, но отстраненным.

Многоуважаемый шед Фолкнор,

Я польщена вашим вниманием. Мне жаль, что у меня не было возможности лично познакомиться с вами ранее. Я понимаю, что вы сейчас носите траур, а потому мой визит в ваш замок в качестве невесты будет неуместен. Однако мне хотелось бы лучше узнать вас до того, как нас объединят священные узы брака. Я слышала, что вы берете учеников и обучаете их магии. Позвольте ли вы мне приехать в качестве вашей ученицы? Я вас не стесню и не потребую много вашего внимания. Со мной будет моя компаньонка, что исключит любые кривотолки на наш счет, и все приличия будут соблюдены.

С наилучшими пожеланиями,

Линнея Веста

Вот так. Я обратилась к нему подчеркнуто уважительно, используя обращение «шед»: так в наших землях называли верховных жрецов. Возможно, в Северных землях это обращение тоже было в ходу. Я также дала понять, что считаю его сватовство во время траура неприличным, но готова помочь ему сохранить лицо. И я никак не выдала свой интерес к обучению, просто прикрылась им для достижения другой цели.

Я понимала, что ждать две недели, за которые письмо и ответ на него пройдут по обычной почте, я не смогу. Изведусь от волнения и нетерпения. Да и каждый день, проведенный дома, я рисковала поддаться страху и передумать. Поэтому я тихонько сбегала в канцелярию, где в это время суток уже никого не было, и подложила письмо в стопку корреспонденции отца. Почта жрецов рассылалась с помощью магии, конверты перемещались по адресу в считанные секунды. Я была уверена, что согласие отца Фолкнор уже получил. Мне оставалось надеяться, что мое письмо ни у кого не вызовет вопросов, и уже утром до завтрака будет доставлено жениху.

Вернувшись к себе, я прошла в спальню и не раздеваясь повалилась на постель. Я чувствовала себя такой уставшей, что у меня не было сил даже собрать смятые листки, разбросанные по полу в соседней комнате. Сделать это было необходимо, чтобы никто из слуг утром не прочел мои черновики, но я не могла заставить себя подняться.

Я все думала о том, что нужно встать и пойти, а сама покачивалась на волнах полудремы, пока не провалилась в сон, в котором принялась бродить по коридорам незнакомого замка. Это место разительно отличалось от дома, в котором я выросла. Здесь были узкие окна, крутые лестницы, темные коридоры, которые где-то скупо освещались электрическими лампами, а где-то — свечами. Я же привыкла к большому

количеству панорамных окон, порой занимавшим целую стену, пологим лестницам, широким коридорам и высоким потолкам. Большую часть освещения нам дарило солнце, которое светило почти постоянно, прерываясь лишь на короткие ночи. Тогда по всему дому и двору зажигались электрические огни.

Во сне меня преследовало чувство тревоги. Я то ли кого-то искала, то ли бежала от него. Возможно, я искала выход из угрюмого лабиринта узких коридоров, но с каждым шагом запутывалась в нем все сильнее.

Страх внутри нарастал, хотя я пока не знала, чего боюсь. Но вот я свернула в очередной безликий коридор и увидела его: мужчину в темном плаще с капюшоном. Капюшон был надвинут на лицо так сильно, что его полностью скрывала тень. Однако я знала наверняка, что передо мной мужчина. Его выдавала фигура: внушительный рост, широкие плечи.

Незнакомец шагнул ко мне, а я испуганно попятилась назад. Расстояние между нами неумолимо сокращалось, поэтому я повернулась и бросилась бежать. Длинное платье и туфли на каблуках работали против меня, да и во сне порой становится невыносимо тяжело двигаться, но я упрямо стремилась прочь, с трудом переставляя ноги и чувствуя чужое дыхание у себя за спиной. Оно уже щекотало кожу на шее, шевелило вставшие дыбом короткие волоски на ней.

Я в панике толкнула подвернувшуюся на пути дверь, вбежала в комнату и тут же закричала, встретившись лицом к лицу с незнакомкой из моего видения. То же черное платье, темные волосы, бледная кожа. И чужое лицо. Она вновь смотрела на меня сквозь зеркальную поверхность, и мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять: это же я! В этот раз в зеркале действительно отражалась я, но я не была собой. Я была ею.

Крик умер у меня на губах. Я забыла о преследователе и медленно приблизилась к зеркалу, глядясь в свое чужое отражение, касаясь руками лица. Девушка в зеркале послушно повторяла мои движения, но я все еще не могла поверить в то, что она — это я.

Я снова почувствовала движение за спиной, и мгновение спустя в зеркале рядом со мной показался Торрен Фолкнор. Он был уже не в плаще с капюшоном, а в той парадной мантии, в которой я видела его сквозь зачарованное зеркало. Его взгляд обжег меня, а губы девушки в отражении шевельнулись.

— Помоги... — услышала я женский голос. Он звучал так тихо, словно говоривший был очень-очень далеко.

Но я не могла ей помочь. Мне стало так страшно, что я снова закричала, дернулась и... наконец проснулась.

Тяжело дыша, я села на кровати. Двери, ведущие из моей спальни на просторный балкон, были распахнуты, я видела, как ветер колышет тонкие занавески, но мне не хватало воздуха, я задыхалась. Даже во сне мой будущий муж пугал меня до паралича.

Постепенно я успокоилась и отдышалась, окончательно осознав, что я дома и пока что в безопасности.

Пока что. От этой мысли по спине снова пробежал холод.

Все тело казалось ватным, и мне ужасно хотелось лечь и снова уснуть, но я уснула прямо в платье, которое следовало снять. Следовало также умыться и навести порядок в комнате, то есть, собрать и выбросить черновики писем, предварительно порвав их. Я надеялась, что пока буду все это делать, кошмар оставит меня, и остаток ночи я смогу проспать спокойно.

Я повернулась, чтобы слезть с кровати, и едва не закричала снова, увидев в углу комнаты бесформенную тень. Мой преследователь из сна догнал меня в реальности?

* * *

Не знаю, почему я не закричала. У меня словно голос отнялся. Я лишь попыталась отползти назад, затаив дыхание. Но потом моргнула — и видение исчезло. На месте бесформенной тени оказался обычный человек в ночном халате. Мой брат.

Я шумно выдохнула, а он шагнул ко мне, вскинув руку в успокаивающем жесте.

— Прости, Нея, не хотел тебя напугать, — тихо повинулся он, улыбаясь и садясь на кровать рядом со мной.

— Ты меня не напугал, — соврала я, стараясь успокоить быстро и неровно колотящееся в груди сердце. — Просто дурной сон привиделся. Что ты здесь делаешь?

— Да я вот... — он неловко пожал плечами, опустив на мгновение взгляд. — Ты кричала, я пришел убедиться, что все в порядке. Оказалось, ты спишь, и я понял, что кричала ты во сне. Как раз думал, стоит ли тебя разбудить... А ты уже и сама проснулась.

Я смутилась, бросив еще один взгляд на двери, ведущие на балкон. Наши с братом спальни находились рядом, и балкон у них был общий. Видимо, Корд тоже не закрыл двери на ночь: хоть осень уже и началась, ночи все еще оставались очень жаркими и душными, как и дни.

Неужели я так громко кричала?

— Что тебе снилось? — тем временем встревоженно спросил брат.

Мне не хотелось все это пересказывать, я уже собиралась просто отмахнуться, но почему-то не смогла. Тяжело вздохнув, я внезапно выложила ему все: и про преследователя в балахоне, который потом оказался Фолкнором, и про девушку, которая просила о помощи. Я даже рассказала ему, что видела ее сегодня в зеркале еще до того, как узнала про нового жениха.

— Я как-то слышал легенду Северных земель, — после непродолжительного молчания поведал Корд. — О Невесте Смерти. Что-то о девушке, в которую в начале времен влюбился Бог Некрос. Деталей не помню, но смертной девушке любовь Бога Смерти стоила жизни. Якобы дух ее до сих пор бродит по Северным землям и является невестам. Увидеть ее — дурной знак.

Я подтянула колени к груди и обхватила их руками, чувствуя, как внутри разливается холод, и отчаянно пытаюсь его прогнать. Брат заметил мою реакцию, лицо его помрачнело.

— Я пытался убедить отца отказать Фолкнору, правда пытался...

Я коснулась его руки, останавливая поток оправданий. Мой милый Корд хоть и был младше меня на год, но почему-то всегда считал, что обязан меня защищать от всех невзгод. Пару лет назад он начал активно расти и развиваться, потому в свои семнадцать выглядел уже как настоящий мужчина, а до этого его попытки меня защищать смотрелись довольно забавно.

Корд замолчал и вздохнул, перехватил мою руку и сжал ее.

— Какая ирония, да? — он горько усмехнулся. — Мы, жрецы, считаемся привилегированным сословием. Даже младшие... Мы влияем на политику, на экономику, на умы и на души людей, но при этом не способны повлиять на собственную судьбу.

Я ободряюще сжала его руку в ответ. В прошлом году Корд впервые в жизни влюбился. Очень сильно, страстно, насколько я могла судить со стороны. Однако он отказывался делиться со мной подробностями, и вскоре я поняла почему.

Все жрецы так или иначе владеют Силой, но среди нас есть те, кого Богиня Вита отметила особо. Они-то и становятся верховными жрецами и возглавляют Дом. Они способны творить настоящие чудеса, им подвластна магия любого уровня сложности. Они могут вылечить или свести в могилу, могут создавать что-то из ничего, а могут разрушать, могут приманить удачу или проклясть навечно. Они могут защитить от сумрачных,

остановить эпидемию, даже изменить погоду — до определенной степени. К ним идут простые люди и наместники короля, а порой обращается за помощью и сам король. Их дворцы стоят в крупных городах, залы обрядов вмещают сотни, а порой и тысячи человек. Они имеют деньги и власть, какие нам, младшим жрецам, и не снились.

Мы можем не так много, а потому живем не так шикарно и в основном в провинции, но простые люди и старосты небольших городов и деревень нас уважают и побаиваются. На уровне всего государства или даже отдельно взятой земли мы ни на что не влияем, но на уровне ближайшего города и его окрестностей власть имеем.

В одном поколении семьи богиня чаще всего отмечает только одного: старшего сына. Он становится верховным жрецом после смерти отца. Редко — очень редко! — она не отмечает никого, тогда Дом теряет свое значение, спускается на уровень ниже, а его «территорию» делят между собой другие Дома. Еще реже Богиня отмечает двоих, тогда Дом делится на два и делит свою «территорию» между ними. Другими словами, между жрецами постоянно происходит передел сфер влияния. И каждый младший жрец, которому не досталось милости Виты, лелеет надежду на то, что Великая Сила проснется в его детях. Шансы на это повышаются, если жрец женится на дочери другого жреца.

Мой отец, например, был вторым сыном, ему Великой Силы не досталось. Мать росла единственным ребенком в семье, но женщин Вита особой милостью не отмечает. У моего брата неплохие шансы на то, чтобы стать верховным жрецом. Если это случится, он сможет жениться по своему усмотрению, отец не станет ему указывать. Но пока Великая Сила в нем не проснулась, а это значило, что ему стоит присматриваться к девушкам нашего сословия.

Его избранница, как я поняла, была не из семьи жрецов, а потому отец запретил ему пока даже думать об отношениях с ней.

— У тебя хотя бы еще есть шансы, — я постаралась изобразить ободряющую улыбку. — А вот моя судьба, похоже, уже решена.

Брат посмотрел на меня как-то странно, не моргая. В темноте его глаза — вообще-то такие же голубые, как и мои, — казались черными. И невероятно взрослыми. Я вдруг поняла, что за эти два года брат перегнал меня не только в росте. Сейчас уже трудно было поверить, что он младше меня на год. Казалось, он стал старше лет на пять.

— Тебе выпал горький жребий, Нея, — тихо признал он. — Если тебе действительно является Невеста, то тебя, скорее всего, ждет та же судьба, что и твоих предшественниц. Но у тебя есть шанс выжить, Нея. Один шанс.

Только один. Ты понимаешь, о чем я?

Я нахмурилась и хотела ответить, что не понимаю, но так и не смогла ничего произнести. Меня снова обдало холодом, когда смысл его слов дошел до меня.

— Что? Убить?

— Или ты его, или он тебя. Нея, — Корд наклонился ко мне, но я инстинктивно отпрянула, — я думал сегодня об этом целый день. О том, что можно сделать. Как спасти тебя. Но больше ничего не пришло в голову. Не знаю, что он делал с предыдущими женами, но явно же ничего хорошего! В другой ситуации я бы может тебе сказал: стерпится — слюбится, надо просто приложить усилия, но Фолкнор не тот человек, с которым это может получиться. Если бы отец выдал тебя за кого-то из наших жрецов, то имело бы смысл попытаться ужиться с ним. Ужились же наши родители, хотя никто из них не хотел этого брака. И были счастливы, пока мама была жива. Но все, к чему прикасается верховный жрец Некроса, — все умирает. Он отравлен силой своего жестокого Бога, она губит даже их самих. Почему, ты думаешь, их не осталось? Поэтому спасти себя ты можешь только одним способом.

Я смотрела на брата и не верила в то, что это говорит он. Ведь он знает, как наша Богиня карает убийц. Но в то же время что-то внутри меня предательски зашептало о том, что это тоже выход. Возможно, самый быстрый и простой, особенно, если план с обучением, получением звания магистра и снятием диадемы не увенчается успехом.

— Просто подумай об этом, — мягко попросил Корд, снова коснувшись моей руки. — У тебя есть время.

После этого я не смогла рассказать ему о своем плане. Я так и сидела на кровати, обняв колени и тревожно хмурясь, когда Корд встал, поцеловал меня в макушку и ушел к себе через балкон. Еще через несколько минут я все-таки встала и занялась разбросанными по полу черновиками письма и подготовкой ко сну.

Перед тем, как отправиться в постель, я снова поймала свое отражение в зеркале. К счастью, в этот раз там снова была именно я. Мне вспомнились слова брата о Невесте Смерти. Действительно ли это она являлась ко мне? Если да, то почему она просила помочь? И почему я видела ее, как будто это была я?

И в тот же момент я поняла, что просто так и есть на самом деле: Невеста Смерти — это я. Если моего жениха называли Смертью, то как еще стоило теперь называть меня?

У тебя есть шанс выжить, Нея. Один шанс. Только один.

Я погасила лампу и забралась под тонкое одеяло. В комнате все еще было жарко, несмотря на открытый балкон, но меня заметно знобило.

Я уснула лишь тогда, когда начало светать, а потому поднялась поздно. К моему пробуждению ответ Фолкнора уже ждал меня.

Дорогая Линнея,

Я буду счастлив принять вас в качестве ученицы прежде, чем назвать вас женой. Однако ваша компаньонка может присоединиться к вам только в том случае, если собирается изучать магию вместе с вами. Для этого ей придется сдать вступительные экзамены. В противном случае я жду только вас. Даю вам слово, что все приличия в отношении вас будут соблюдены.

Торрен Фолкнор.

Глава 4

Условие Фолкнора едва не разрушило весь замысел. Роза не владела магией и никогда не училась ей. Сдать вступительный экзамен она ни при каких обстоятельствах не смогла бы. Или к этому пришлось бы готовиться дольше, чем длится любой траур. Это означало, что в замок верховного жреца Некроса я могла отправиться только одна. И даже у самой Розы, которая все это придумала, этот вариант вызывал заметные сомнения.

Мои отец и брат испытали настоящее потрясение, узнав, что я напросилась в ученицы Фолкнора, желая познакомиться с ним до свадьбы. Корд был категорически против и требовал у отца запретить мне. Однако тот возразил:

— Если сам Фолкнор дал согласие, то я запретить не могу. Это будет выглядеть так, будто я не доверяю его слову. Я бы не хотел обижать его этим. Но если Нея решит, что одна она поехать не готова...

И во мне словно что-то щелкнуло. Я вспомнила слова Розы о том, что мне нужно научиться принимать трудные решения. И хотя она сама уже сомневалась в правильности этого решения, я уверенно заявила, что поеду.

Теперь мне оставалось только поговорить об этом с Роаном.

— Лучше напиши ему письмо, — посоветовал Корд мрачно. — А его ответное письмо сожги, не читая.

— Почему? — удивилась я.

— Он не поймет, — пояснил брат. — И не простит.

Это предсказание показалось мне слишком пессимистичным, но Корд, очевидно, знал, о чем говорил. Наверное, сам через это прошел с той девушкой. Потому что он оказался прав.

Роан всегда казался мне самым светлым и самым добрым человеком из всех, кого я встречала. Ему безумно шел мундир королевской гвардии, а лицо, усыпанное веснушками, озарялось улыбкой каждый раз, когда я его видела. За все время я ни разу не слышала от него грубого слова, он при мне даже голос не повышал.

До этого дня. Он, конечно, уже знал от моего отца, что наша помолвка расторгнута: тот отправил ему записку еще утром, до того, как я проснулась. Поначалу его гнев и досада и были направлены на отца, но как только я сказала, что отправляюсь в Фолкнор завтра же, чтобы изучать там магию, он замер, замолчал и прищурил светло-карие глаза, глядя на меня с подозрением.

— Вот как? — холодно уточнил он. — Не терпится поскорее упасть в объятия нового жениха? Боишься, что за полгода он может передумать и найти кого-то другого?

— Да нет же, у меня есть план... — попыталась объяснить я, но Роан вскинул руки, давая мне знак замолчать.

— Избавь меня от этого. Конечно, я все понимаю. Я с самого начала не верил в то, что жрец отдаст свою единственную дочь за военного. Верховный жрец — партия гораздо более выгодная. Даже если это жрец Некроса!

Он сказал это с такой злостью и с таким презрением, что я почувствовала, как глаза защипали слезы обиды.

— Мне кажется, я не заслужила подобного тона!

— Действительно, — фыркнул Роан. — Ты ведь всего лишь обманула меня. Два года ты и твоя семейка водили меня за нос, ссылаясь на традиции жрецов вступать в брак только после совершеннолетия. А на самом деле вы просто ждали предложения получше! Держали меня как запасной вариант... Я верил тебе, Нея! А ты оказалась такой же лживой, как и все жрецы!

Я не выдержала: в тишине небольшого сада, разбитого во внутреннем дворе, где мы разговаривали, прозвучала звонкая пощечина. Наверное, в Роане говорили обида и горечь разбитого сердца, но мое сердце тоже было разбито! Вместо того, чтобы поддержать, Роан предпочел обвинить меня. Даже не выслушал толком...

После этого он ушел, не прощаясь, но зато так чеканя шаг, что эхо долетало до меня и после того, как он скрылся из виду.

Я обессилено опустилась на скамейку, безучастно глядя на крошечный пруд, по поверхности которого плавали водяные лилии — красивые, нежные и хрупкие. Обычно я любила на них смотреть, но сейчас их вид не радовал глаз.

На одно короткое мгновение мне показалось, что все бессмысленно. Зачем мне теперь стремиться к независимости, если мужчина, ради которого я собиралась бороться с новыми обстоятельствами, так легко предал меня? Не проще ли смириться с участью будущей жены Фолкнора? Однако внутренний голос — почему-то звучавший почти так же, как голос Розы, — тут же воспротивился этим мыслям. Да, Роан предал меня тем, что не захотел даже выслушать, но я предать себя не имела права. Я твердо решила, что обязательно получу это проклятое звание магистра и разорву ненавистную помолвку! Тогда Роан увидит, как несправедлив был ко мне. И придет просить прощения!

Лишнего времени на сборы я тратить не стала и отправилась в Фолкнор уже на следующее утро северным полу-экспрессом. На нем можно было пересечь страну с юга на север всего за сутки с небольшим.

Роза вызвалась сопроводить меня до Колдора — небольшого города на севере, от которого до замка Фолкнор можно было добраться на автомобиле часа за полтора. О своих планах я, конечно, уведомила жениха, и он пообещал прислать за мной авто. Пока по нашей короткой переписке он производил довольно приятное впечатление, и это настраивало оптимистично: может быть, верховный жрец действительно не так страшен, как мы привыкли представлять? Может быть, с ним можно договориться?

Всю дорогу до Колдора Роза была не очень разговорчива. Да я и не стремилась ее разговорить, все больше предпочитая смотреть в окно и думать. О Фолкноре, о Роане, о словах Корда.

Поезд выходил из Флоренса — ближайшего к нам крупного города — во второй половине дня, поэтому спать мы легли, едва преодолев границу с Центральными землями, а проснулись уже в Северных.

Я никогда не покидала родной городок и даже не знала, что всего в одном дне пути от нас мир так кардинально меняется. Чем дальше на Север мы уезжали, тем меньше красок оставалось за окном. Мы выехали из мира солнца, удушливой жары, сочной зелени и ярких цветов, запахом которых был наполнен воздух, а оказались в мире всех оттенков серого, в котором солнце пряталось где-то за плотными облаками, деревья стояли уже почти голыми, а земля чернела размытой дождями грязью. Даже трава, если она где-то и попадалась, не выглядела зеленой.

Отсутствие красок удручало меня, но главное испытание ждало впереди, когда мы с Розой вышли на платформу в Колдоре. Я знала, что на севере гораздо холоднее, чем у нас, поэтому с утра сменила легкое платье, в котором выехала, на длинную прямую юбку из плотной ткани и такую же плотную блузку, застегивающуюся под самое горло. Сверху перед выходом из вагона надела пальто, которое носила дома только зимой, обмотала шею шарфом. Я полагала, что во всем этом точно не замерзну, но первый же порыв ледяного ветра заставил меня поежиться и почувствовать себя практически голой. Я обхватила себя руками, тщетно стараясь удержать выдуваемое ветром тепло.

Проводник помог Розе вытащить на платформу мои чемоданы, а я нашла взглядом человека, державшего в руках табличку с названием замка Фолкнор, и помахала ему рукой. Худощавый мужчина лет пятидесяти, а может быть и больше, — лицо его было покрыто довольно глубокими

морщинами, — в темно-сером пальто из гораздо более плотной ткани, нежели у меня, тут же улыбнулся и подошел ко мне.

— Вы Линнея Веста?

Я лишь кивнула в ответ, потому что от холода меня трясло так, что за четкость речи я не могла поручиться.

— Меня зовут Карл, меня прислал за вами шед Фолкнор.

Что ж, по крайней мере, слово «шед» действительно было здесь в ходу. Карл тут же взял два моих чемодана и заверил, что автомобиль припаркован недалеко и он быстро вернется за двумя другими. А пока мы с Розой остались наедине. Поезд уже поехал дальше — его путь заканчивался еще дальше на севере, немногочисленные пассажиры, сошедшие в Колдоре, как и мы, тоже быстро разошлись, поэтому у нас была возможность спокойно попрощаться.

Всегда сдержанная и немного отстраненная Роза неожиданно сгребла меня в охапку и крепко сжала.

— Береги себя, Нея, — заметно волнуясь, попросила она. — Пиши мне. Если станет совсем плохо и тебе потребуется помощь, напиши про дядю Таона.

— Какого еще дядю?

— Это на случай, если он будет вскрывать твои письма. Просто упомяни между делом дядю — и я пойму, что тебе нужна моя помощь. И я приду, обещаю. И вот еще...

Роза выпустила меня из объятий и наклонилась к небольшому саквоюжу — единственному багажу, который взяла с собой в эту короткую поездку туда и обратно. Она достала из него небольшую плоскую шкатулку и на несколько секунд открыла ее, показывая мне содержимое. Тепло, которое едва-едва появилось у меня в груди после ее слов, моментально растаяло: в шкатулке на бархатной подложке лежал небольшой револьвер. Я испуганно посмотрела на уже почти что бывшую компаньонку, а она тут же захлопнула шкатулку и заговорила тихо и быстро:

— Он в полном порядке и готов к использованию: почищен, заряжен. Вся эта ваша магия — это, конечно, здорово, но пуля порой верней. Только имей в виду: достала — стреляй. Глаза не закрывай и подпусти к себе поближе, чтобы попасть, но недостаточно близко, чтобы можно было выхватить его у тебя из рук. Поняла?

Я рассеянно кивнула, зачарованно глядя на нее, но не пошевелилась, поэтому Роза сама засунула шкатулку в мой саквож. И снова порывисто обняла.

В этот момент вернулся Карл, забрал оставшиеся чемоданы, и теперь

мы пошли к автомобилю уже вместе, а Роза направилась к небольшому вокзалу дожидаться обратного поезда.

Когда я подошла к авто, Карл уже уложил мои чемоданы в багажник и открыл мне дверцу.

— Госпожа Веста, — окликнул он, когда я собралась забраться на заднее сидение, — если позволите... Мне кажется, вы одеты не по нашей погоде. Позвольте одолжить вам пальто.

На его лице были явно написаны смущение и неуверенность в своем предложении: захочет ли невеста верховного жреца надевать пальто простого шофера? Но меня било крупной дрожью, пальцы рук немели, поэтому я очень даже хотела. Когда тяжелое пальто, еще хранящее чужое тепло, легло мне на плечи, я с чувством поблагодарила Карла. Меня беспокоило, что сам он остался в брюках и свитере с высоким горлом. Черных, как и следовало ожидать.

— А как же вы?

— Я к нашей погоде привык, — заверил он с улыбкой.

После этого мы наконец сели, каждый на свое место: он за руль, а я на заднее сидение прямо за ним.

Ехали мы долго. Я успела устать от тряски и однообразного пейзажа за окном: серое небо, черная земля, голые деревья. Пока мы ехали по Колдору, еще наблюдалось какое-то разнообразие. Хотя бы в архитектуре зданий, если не в цветовой гамме. Северяне, судя по всему, презирали яркие краски. Может быть, они им резали глаз так же, как меня вгоняла в уныние эта одноликая серость?

На проселочной дороге смотреть и вовсе стало не на что, поэтому в какой-то момент я задремала. Проснувшись от того, что машина резко дернулась, вероятно, попав колесом в яму.

— Простите, госпожа Веста, — повинился Карл, глядя на меня через зеркало заднего вида. — Местные дороги оставляют желать лучшего. Шед Фолкнор регулярно ругается с местными властями на их счет, но эти бездельники не боятся даже гнева Некроса.

Я улыбнулась в ответ на его улыбку, стараясь незаметно размять затекшие мышцы. Посмотрела в окно: бескрайние, уже убранные поля, на которых кое-где пасся скот, сменились густым лесом. Голые деревья, тянущие черные ветки во все стороны, подступили к самой дороге. Казалось, они задумали недоброе и могут в любой момент схватить нас.

— Уже скоро приедем, госпожа Веста, — заверил Карл, продолжая поглядывать на меня в зеркало.

— Можете звать меня просто Нея, — предложила я.

Дома меня все называли так: и родственники, и друзья, и слуги.

— Красивое имя. И вы очень красивая. Вы ведь новая невеста шеда?

Я против воли нахмурилась, но тут же постаралась вернуть лицу нейтральное выражение. Не стоило демонстрировать пренебрежение к жениху — это было неприлично.

— Да, — лаконично ответила я, притворяясь, что вид из окна меня крайне интересует.

— Что ж, ему можно только позавидовать, — бодро заявил Карл и добавил уже тише и печальнее: — Может быть, хоть с вами ему повезет.

После этих слов уже я попыталась поймать его взгляд в отражении, но Карл увлекся дорогой.

— А вы хорошо знали его последнюю жену?

— Ну как... — протянул он. — Я возил ее несколько раз. Славная была девушка.

— А что с ней случилось?

Карл долго молчал, сосредоточенно глядя вперед и бросая на меня взгляды лишь изредка. Наконец он мягко ответил:

— Не забивайте себе этим голову, Нея. Уверен, в этот раз шед ни при чем. А остальное не так уж важно.

— В этот раз?

Карл насупился и замолчал, а у меня в груди появилось неприятное, тянущее ощущение. Как предчувствие. Я хотела услышать ответ на свой вопрос, но в то же время боялась его. Однако Карл молчал, и я не решилась настаивать. Вместо этого спросила:

— Вы знаете легенду про Невесту Смерти?

— Конечно, — тут же оживился Карл, обрадовавшись смене темы. — У нас ее все знают. Очень романтичная, хоть и печальная история.

— Романтичная? — удивилась я.

— А вам не кажется романтичным, когда нечто столь грозное, как Бог Смерти, влюбляется в обычную девушку? И больше того: когда нечто столь юное и светлое, как молодая девица, отвечает взаимностью? Полюбить Смерть непросто.

На этот раз он смотрел на меня достаточно долго, со значением. Так, что я даже смутилась и снова отвела взгляд. Тем более мы как раз преодолели лес и по обе стороны дороги вновь протянулись поля. Мне показалось, что машина при этом поехала немного быстрее.

— Значит, это история о взаимной любви?

— Да, это легенда о том, как появились жрецы, — кивнул Карл, теперь косясь в зеркало заднего вида чаще. — Они пошли от этого союза: бога и

смертной женщины.

— Похоже, я слышала другой вариант этой легенды, — отозвалась я, с удивлением замечая, что мы действительно едем все быстрее и быстрее: с каждой секундой автомобиль на неровной проселочной дороге трясло и раскачивало сильнее. — Почему мы так разогнались?

— Не извольте беспокоиться, Нея, — попросил Карл, однако голос его при этом прозвучал более чем взволнованно. — Просто туман сгущается.

Поскольку впереди все оставалось чисто и прозрачно, а Карл продолжал бросать встревоженные взгляды в зеркало заднего вида, я обернулась. За нами действительно сгущался туман: похожий на молочно-белый густой дым, он клубился над дорогой. Строго над дорогой. И хотя мы ехали на приличной скорости, туман... догонял нас. Не знаю почему, но мне стало не по себе. Хотя что такого опасного могло быть в обычном тумане?

— Только это не обычный туман, — возразил Карл, и я поняла, что последним вопросом задалась вслух. — Приходящие идут именно в таком.

— Приходящие? — переспросила я, не понимая, о чем он говорит.

— Приходящие с туманом, — дрогнувшим голосом уточнил Карл. — Жуткие твари.

Я вглядывалась в туман, который казался все ближе, и наконец заметила в нем движение. Неясная тень, худощавая и долговязая, мелькнула и тут же исчезла. Потом в другом месте появилась другая. Мне было и страшно, и любопытно. Я затаила дыхание и закусила нижнюю губу, пытаясь разглядеть таинственных существ.

— Не бойтесь, Нея, — ободрил меня Карл, хотя из нас двоих по-настоящему напуганным выглядел именно он. Я толком не понимала, что происходит и чем нам это грозит. — Граница уже близко, а дальше им хода нет. Мы успеем. Надеюсь...

Это его «надеюсь» прозвучало не очень обнадеживающе. Туман тянулся к нашему авто, я заворуженно смотрела на движение теней, которых становилось все больше, но мне так и не удалось разглядеть ни одного идущего... то есть, приходящего. И я не понимала: если они идут, а мы едем, то почему они нас догоняют?

А потом мы вдруг проехали арку — просто арку, построенную из черного камня прямо на дороге — и туман остановился, а потом начал таять. Карл облегченно выдохнул и сбросил скорость.

— Ну все, Нея, приехали почти.

Я заставила себя оторвать взгляд от постепенно удаляющейся арки и снова повернуться лицом вперед. Здесь по обе стороны дороги снова росли

деревья, но уже редкие, одиночные. За ними было прекрасно видно то, что называлось замком Фолкнор.

Он не был похож на дворцы наших верховных жрецов. Трехэтажное здание из серого — кто бы сомневался? — камня с четырьмя колоннами посередине смотрело на нас десятками одинаковых окон. Между замком и нами блестел гладкой поверхностью, в опускающихся сумерках казавшейся черной, большой пруд. Дорога повернула, огибая и пруд, и замок, и стало видно, что у здания есть еще два крыла, которые смыкались, оставляя узкий въезд, и образовывали довольно просторный внутренний двор с большим фонтаном в центре. Воды в фонтане не было, зато его украшали довольно мрачные фигуры каких-то существ с перепончатыми крыльями и страшными мордами.

Карл направил автомобиль к широкой лестнице, у подножия которой уже выстроилось несколько человек в форме слуг. Перед ними стоял высокий пожилой мужчина с очень важным лицом и в обычном черном костюме. Скорее всего, распорядитель Дома.

Я выбралась из салона автомобиля и с благодарностью вернула Карлу пальто. Тот заверил, что займется моими вещами, ему на помощь уже спешил молодой человек в форме лакея. Он приветливо поклонился мне и переключил внимание на чемоданы, которые Карл уже доставал из багажника.

— Добро пожаловать в Фолкнор, госпожа Веста, — подчеркнуто вежливо, но при этом все равно как будто недовольно поприветствовал меня распорядитель. — Меня зовут Долорсдон. К вашим услугам.

Во внутреннем дворе не было такого ветра, как на платформе, поэтому я смогла поздороваться с ними нормальным голосом, но зайти внутрь дома мне все-таки очень хотелось. К счастью распорядитель — имени которого я не запомнила с первого раза — сделал приглашающий жест в сторону лестницы, и мы вместе поднялись к массивным дверям, а мгновение спустя уже оказались в просторном, довольно искусно обставленном холле. В интерьере чувствовалась сдержанная элегантность вместо кричащей роскоши, которой грешили наши верховные жрецы. Я засмотрелась на вазы с композициями из засушенных цветов, на деликатную лепнину на потолке, плавно переходящую на стену.

— Линнея, вы приехали! — радостно окликнул меня довольно приятный мужской голос. — Как я рад наконец познакомиться с вами лично.

Я едва не подпрыгнула на месте и обернулась на голос, чувствуя, как сердце в груди замерло в ожидании знакомства с моим новым женихом.

Глава 5

Мужчина, которого я увидела, обернувшись, оказался очень похож на шеда Фолкнора, каким я его видела в зачарованном зеркале, но выглядел все-таки иначе. Как минимум он был моложе и... светлее, что ли. Взгляд не тяжелый и неприязненный, а вполне приветливый, выражение лица более мягкое, улыбка на губах. Он даже показался мне красивым, в отличие от жениха.

Недоразумение решилось достаточно быстро, стоило незнакомцу подойти ближе и чуть склонить голову в приветственном поклоне.

— Ронан Фолкнор, младший жрец Некроса и младший брат нашего многоуважаемого шеда.

Я выдохнула. То ли облегченно, то ли разочарованно: с одной стороны, пугающее меня знакомство еще немного откладывалось, с другой — уж лучше бы этот Фолкнор был моим женихом.

— Я не знала, что у него есть брат, — призналась я, протягивая руку, которую Ронан тут же галантно поцеловал.

О Торрене Фолкноре всегда говорили, как о последнем верховном жреце. Создавалось впечатление, что он вообще последний жрец Некроса. А на самом деле младшего жреца просто не учитывали. Нас часто не учитывают.

— Рада с вами познакомиться.

По его губам скользнула печальная улыбка, и он тихо заметил:

— Подозреваю, что эта фраза — всего лишь дежурная вежливость. Вы наверняка предпочли бы остаться в своем теплом солнечном краю и не знать никого из нас.

Я лишь пожала плечами и развела руками, не подтверждая и не опровергая его догадку. Ему такая реакция пришлась по душе, потому что его улыбка из печальной превратилась в одобрительную.

— Брат ждет вас у себя в кабинете, — сообщил Ронан, делая приглашающий жест в сторону лестницы. — Если вы позволите, я сначала провожу вас к нему, а потом — в вашу комнату.

Я кивнула, и мы поднялись на второй этаж, прошли по плохо освещенному коридору, который вызвал во мне гнетущее и тревожное чувство узнавания, словно я бывала тут раньше. У двери в дальнем конце коридора Ронан дал мне знак остановиться и подождать. Сам он постучал и вошел в кабинет, оставив меня в коридоре.

Несколько томительно долгих секунд я простояла в тишине и полутьме незнакомого дома совершенно одна, борясь с глупым и совершенно неуместным желанием убежать. Наконец дверь снова распахнулась, и Ронан пригласил меня войти.

— Линнея, позвольте представить вам моего брата, шеда Торрена Фолкнора, верховного жреца Некроса и вашего будущего супруга.

Мой будущий супруг в этот момент сидел за огромным письменным столом, небрежно откинувшись на спинку кресла, больше похожего на королевский трон с картин художников прошлых веков. Он не встал при моем появлении, даже не пошевелился. Лишь холодные глаза, казавшиеся сейчас скорее серыми, чем голубыми, скользнули по мне сверху вниз и обратно. Похоже, шеда Фолкнору не понравилось то, что он увидел. По крайней мере, его лицо заметно скривилось, он прикрыл глаза и потер лоб ладонью, пробормотав:

— Милостивые Боги, совсем ребенок...

Мне показалось, что я краснею. То ли от обиды, то ли от смущения. А ведь я сама хотела его разочаровать, чтобы он от меня отказался. Мне стоило порадоваться тому, что я ему не понравилась, показалась слишком... юной. Но меня это почему-то не обрадовало. Наверное, выиграло врожденное самолюбие. Да и привыкла я к тому, что дома все мною восхищались, называли красавицей. Я действительно не вышла ростом, и лицо мое, наверное, еще казалось слишком детским, но ребенком я давно не была. Если бы не Фолкнор с его предложением, через месяц я стала бы женой, а еще через месяц начала бы готовиться стать матерью. Мое детство осталось далеко позади.

— Шед... — одернул брата Ронан, отошедший чуть в сторону.

Сочетание вежливого обращения и укоризненного тона прозвучало очень странно, но Фолкнора это совсем не задело. Он только немного выпрямился в кресле и попытался изобразить улыбку. Лучше бы он не пытался.

— Простите мою неучтивость, Линнея, — ровным голосом, в котором не слышалось и следа ноток раскаяния, попросил он. — Я ожидал, что вы будете старше.

Его недовольный вид и пренебрежительный, как мне показалось, тон меня разозлили. Смешавшись с волнением, эта злость на мгновение затмила мне разум. Иначе я не могу объяснить, почему вдруг ответила довольно резко:

— Я бы тоже хотела, чтобы вы оказались моложе, шед Фолкнор. Но не я выбрала этот союз.

Едва слова сорвались с губ, как я тут же пожалела о них. Ронан тихо рассмеялся, прикрывая рот ладонью, словно пытался скрыть неуместное веселье. Лицо жениха не дрогнуло, но черная бровь выгнулась так сильно, что ей мог грозить вывих. Если, конечно, физически возможно вывихнуть бровь.

Фолкнор неожиданно встал. Медленно, как будто через силу. Ножки кресла при этом громко проскрежетали по полу. Я инстинктивно отступила на шаг назад, когда жених двинулся ко мне, сверля холодным взглядом. Полы простой повседневной мантии, накинутой прямо поверх рубашки, развевались при каждом его шаге.

Он подошел почти вплотную, я даже почувствовала едва уловимый запах, исходивший от его одежды. Незнакомый, но приятный. Фолкнор, конечно, был гораздо выше меня: моя макушка едва доставала до его плеча. Но я все равно зачарованно смотрела ему в глаза, даже когда пришлось запрокинуть для этого голову.

Фолкнор долго изучал мое лицо вблизи, выглядя при том довольно отстраненно. Наконец его взгляд остановился на моей прическе.

— Красивая диадема, — заметил он как бы между прочим. — Я полагал, что в ваших землях она символизирует смирение и послушание. Мне говорили, что диадему выбирают девушки с кротким нравом.

Если я и не покраснела раньше, то это наверняка произошло теперь. Я отвела взгляд от его глаз и склонила голову, наконец понимая, почему выбор пал на меня. По крайней мере, отчасти. Его явно привлекала перспектива обретения послушной, кроткой жены. Оставалось понять, почему из всех дочерей жрецов, которые почти всегда выбирали диадемы, он решил сделать предложение именно мне.

Интересно, а если я не буду демонстрировать послушание и покорность, он откажется от брака? Если я буду дерзить и перечить ему, может быть, он решит поискать кого-то более кроткого?

План был хорош, если бы не одно «но»: когда Фолкнор стоял так близко, грозно нависая надо мной, и сверлил взглядом, я не могла вымолвить ни слова. Мне даже дышать рядом с ним становилось тяжело.

— Да, теперь это больше похоже на правду, — хмыкнул он.

И наконец отступил, резко повернувшись, так что полы мантии хлестнули меня по ногам.

— Раз уж вы приехали познакомиться, я полагаю, нам стоит иногда проводить время вместе. Но имейте в виду: я единственный верховный жрец в Северных землях, мое время дорого, поэтому развлекать вас нарочно я не намерен. Для начала поужинаем вместе. Не сегодня. Сегодня,

полагаю, вы устали с дороги. Завтра. Поскольку вы приехали как бы учиться, я поселил вас в крыле, отведенном под школу, вместе с другими учениками. Долорсдон проводит вас ко мне завтра. Будьте готовы к восьми.

Говоря все это, он пересекал кабинет обратно к столу. Остановился, снова резко повернулся. Полы мантии колыхнулись и на этот раз на мгновение обвилились вокруг его ног. В кабинете снова повисла тишина.

— У вас есть какие-то возражения или встречные предложения? Просьбы?

Я лишь отрицательно мотнула головой, боясь, что голос меня подведет, если я заговорю, и я буду выглядеть глупо и жалко.

— Тогда я вас больше не задерживаю. Ронан.

Он махнул брату рукой, указывая на меня, а сам сел на место и уткнулся взглядом в какие-то бумажки. Младший Фолкнор подошел ко мне, всем своим видом демонстрируя сочувствие и желание поддержать и ободрить.

— Идемте, Линнея, — тихо пригласил он, открывая дверь.

Я была только рада поскорее уйти, но на пороге неожиданно для самой себя обернулась и бросила на жениха быстрый взгляд через плечо. И тут же вздрогнула от пробежавшего по телу холодка: он смотрел мне вслед исподлобья, и это был самый пугающий взгляд из тех, что я когда-либо ловила на себе.

Фолкнор мгновенно опустил глаза, притворившись, что читает какой-то документ. Ронан деликатно подтолкнул меня в спину, и мы наконец вышли. Дверь кабинет тяжело захлопнулась за нами.

Только оказавшись в коридоре, я наконец облегченно выдохнула и заметила, как дрожат руки. Я, конечно, и не надеялась, что верховный жрец Некроса окажется славным парнем, но не думала, что находиться рядом с ним будет настолько тяжело. Дело было даже не в ужасе, который внушал мне пронзительный взгляд светло-голубых глаз, а в чем-то гораздо более тонком и менее заметном. Как некая аура вокруг него. Я почувствовала ее особенно остро, когда он подошел ко мне.

Однако жениху удалось вселить в меня не только страх, но и гнев. Его пренебрежительный тон, недовольные взгляды... Как будто я сама напросилась ему в невесты! Не нравлюсь? Так пусть расторгнет помолвку, я с превеликим удовольствием поеду домой. Свадьбы с Роаном теперь уже не будет, конечно, но я еще встречу кого-то другого.

Несмотря на все эти гневные мысли, меня мучил вопрос: почему я ему не понравилась? Чем?

— Не обижайтесь на Торрена, Линнея, — мягко попросил Ронан,

неторопливо шагая рядом со мной по пустому коридору.

Я хотела возразить, что ни на кого не обижаюсь, но поняла, что все это время шла, сердито скрестив руки на груди и насупившись. Поэтому лишь предложила:

— Можете звать меня Нея.

Ронан кивнул и продолжил свою мысль:

— На самом деле мой брат не так плох, как может показаться на первый взгляд. К нему просто нужно привыкнуть. Быть верховным жрецом Некроса — тяжкое бремя. И сделайте скидку на то, что он недавно похоронил жену. Опять.

Если первые заверения еще как-то могли примирить меня с поведением шеда Фолкнора, то последний аргумент вызвал только раздражение.

— Не пытайтесь убедить меня, что он скорбит, — я дала сомнению отразиться в тоне. — Они были женаты — сколько? Месяц? Он сделал мне предложение на второй день после ее смерти? Или на третий?

— Да, наверное, девушке в вашем возрасте это может показаться странным, — Ронан с пониманием покивал. — Но поверьте мне, Нея, мы все скорбим по Лилии. Пусть их брак не длился долго, Торрен был к ней очень привязан. Они знали друг друга больше года: она училась в его школе.

На это я промолчала. О том, что свою прежнюю жену Фолкнор знал не только до свадьбы, но и до обручения, я не подумала. Мы как раз снова спустились в холл и пересекли его, свернули в еще один коридор. Если холл и даже кабинет Фолкнора выглядели неожиданно красиво и уютно, то коридоры в замке казались удручающе скучными и пустыми: только голые стены, пол, потолок и вгоняющие меня в тоску узкие окна, которые почти не давали света.

Все так же в молчании мы поднялись на третий этаж, где нам наконец повстречалась одна живая душа: в коридоре мы столкнулись с девушкой, которая несла в руках полотенце и небольшую сумочку.

Честно говоря, я едва не споткнулась на ровном месте, увидев ее. На ней были не просто штаны — таким меня не удивить, та же Роза всегда носила штаны, — но это были очень узкие штаны из какой-то плотной ткани. Они до неприличия плотно обтягивали бедра. Это выглядело настолько необычно, что я едва смогла напомнить себе, что пристально разглядывать незнакомца — неприлично.

Девушка, прошедшая нам навстречу, такими предрассудками не страдала. Она не только откровенно пялилась на меня, пока мы

сближались, но и не постеснялась обернуться нам вслед, не скрываясь. Я увидела это, бросив быстрый и максимально незаметный взгляд через плечо.

Ронан наконец остановился у одной из дверей, толкнул ее и пригласил меня войти. Видимо, это и была моя комната, поскольку тут стояли мои чемоданы. Я обвела помещение взглядом и с трудом подавила вздох. Здесь все выглядело гораздо прозаичнее, нежели в холле или в кабинете шеда. Узкая кровать, небольшой шкаф, письменный стол, скромный камин. Все очень просто и функционально, ничего лишнего или хотя бы красивого. И даже... Я с удивлением поняла, что второй двери тут нет.

— А где ванная комната?

— В конце коридора, — неловко признался Ронан. — Понимаете, для большинства наших учеников и такие условия выглядят вполне роскошно. Торрен посчитал, что раз вы приехали под предлогом учебы, то будет логично, если вы будете жить как остальные ученики. Но поскольку вы все-таки его невеста, дочь жреца и наверняка привыкли к другому, я постараюсь уговорить его отвести для вас спальню в нашей части замка.

Я вопросительно посмотрела на него, и Ронан пояснил:

— Все восточное крыло он отдал под школу, а остальная часть Фолкнора используется нами. Я имею в виду, нашей семьей и приближенными к дому. Так что я тоже живу там, сюда прихожу только на занятия.

— О, так вы мой будущий преподаватель? — обрадовалась я. Почему-то мне показалась очень завлекательной мысль о том, что мы будем видеться каждый день.

— Да, я преподаю искусство создания печатей.

Я только хлопнула глазами в ответ на это, поскольку не представляла, что такое «печати». Ронан заметил мое замешательство и сузил глаза.

— Как много вы знаете о магии, Нея? Вы ее изучали раньше?

Я смущенно пожала плечами.

— Знаете, у нас девушек, которые выбирают диадему, учат только быть достойной женой. Магии меня не обучали.

— Понимаю, — он снова тепло улыбнулся мне. — Тогда, полагаю, мы сможем обойтись без входящего тестирования. Я просто включу вас в начальную группу. Но даже они занимаются уже пару месяцев. Боюсь, вам придется нагонять программу.

— Я постараюсь справиться.

Кажется, мой ответ его удивил: Ронан тоже выразительно выгнул бровь. У него это получилось не так феноменально, как у брата, но тоже

очень впечатляюще.

— Что ж, если потребуется помощь — обращайтесь, — предложил он. — По поводу комнаты я поговорю с Торреном...

— О, нет, не надо! — я даже замахала руками для убедительности. — Меня все устраивает. Раз уж я приехала как бы учиться, — я против воли передразнила тон шеда, чем вызвала у Ронана еще одну улыбку, — то должна жить вместе с остальными.

— Позиция достойная восхищения, — кивнул он. — Завтрак у вас с восьми до девяти на первом этаже в столовой. В четверть десятого уже начинаются занятия. Дальше ориентируетесь. Если что-то будет непонятно, ищите меня, я подскажу. Сегодня я попрошу подать вам ужин сюда.

Он скользнул взглядом по чемоданам, нахмурился и уточнил:

— Прислать вам горничную в помощь? Вообще-то в их обязанности входит только уборка здесь раз в три дня, но для вас можно сделать исключение, я полагаю... Если вы хотите.

Я очень хотела. Я с трудом представляла, как размещу все привезенные вещи в этом крошечном шкафу, помощь профессионала мне бы пригодилась. Но я все-таки покачала головой. Независимость так независимость. Мне не хотелось принимать от шеда Фолкнора даже такую маленькую милость. Его поведение казалось мне странным. Может быть, он и хотел поставить меня в положение, когда я начну просить? Что ж, я не доставлю ему такого удовольствия.

— Я справлюсь сама.

— Тогда оставляю вас, — он снова изобразил вежливый поклон. — Если вам что-то понадобится...

— Я найду вас, — с улыбкой заверила я.

Он уже почти переступил порог моей комнаты, когда я все-таки набралась смелости и остановила его вопросом:

— Ронан, а что случилось с Лилией?

Он замер, улыбка моментально испарилась с его лица. На секунду мне показалось, что он сейчас, как и Карл, велит мне не забивать этим голову, но после недолгого колебания Ронан все-таки ответил:

— Она упала. С крыши. Трагическая случайность.

И после этого он торопливо ушел, пока я осмысливала его ответ. Иначе я бы обязательно спросила: а что жена шеда Фолкнора могла делать на крыше? Однако Ронан ушел, задать второй вопрос я не успела, поэтому решила оставить его до нашей следующей встречи.

Сейчас же я снова обвела взглядом комнату и задержала его на

чемоданах. Стянув с себя пальто, повесила в шкаф прежде всего его, а сама подошла к кровати и села на нее, стараясь осознать тревожный и вместе с тем очень волнительный факт.

Впервые в жизни я осталась по-настоящему одна. Без отца, без брата, даже без Розы. Отныне я никому не могла доверять и ни с кем не могла посоветоваться. Вокруг меня были чужие люди, чужие нравы, чужая земля со своими легендами, опасностями и обычаями. Мне предстояло сделать так много, но абсолютно не на кого было в этом опереться.

Отныне я сама по себе. И это пугало даже больше, чем пронзительный взгляд светло-голубых глаз нового жениха.

Глава 6

С чемоданами я провозилась весь вечер с перерывом на ужин, который мне подали в комнату, как и обещал Ронан. Есть за письменным столом было очень странно, да и еда оказалась непривычной, поэтому съела я не так много. Глиняный горшочек с мясом, картошкой и еще какими-то овощами лишь поковыряла: дома на ужин я обычно ем рыбу, а мясо — тем более такое жирное — вообще не очень-то люблю. Салата съела больше. И съела бы весь, если бы овощи были свежими, а они выглядели как-то приготовленными, и вкус у них был резким, не слишком приятным. Я привыкла к свежим овощам, которые лишь поливали ароматным маслом и слегка присыпали приправами. Зато хлеб и сыр пришлись мне по вкусу, невзирая на то, что тоже отличались от наших. Жаль только, что и того, и другого принесли мало.

Шкаф категорически не желал вмещать все мои вещи, а я далеко не сразу поняла, что большая часть привезенного мне здесь никогда и не понадобится. Даже в помещении здесь было довольно прохладно, что уж говорить об улице! Поэтому все легкое, тонкое, летящее и дышащее я в конце концов отправила обратно в чемоданы, а в шкаф повесила только те вещи, что считались у меня зимними. Посмотрев на них, я с тоской задалась вопросом, что же буду делать, когда здесь наступит зима. Не выходить из замка на улицу, а по его коридорам ходить в пальто?

Мне определенно требовался новый гардероб, но купить его сейчас было не на что: отец, конечно, дал мне денег на карманные расходы и пришлет еще, но несколько новых платьев и теплая верхняя одежда не вписываются в этот бюджет. Своим приданым я распоряжаться не могу, у жениха денег просить не стану даже под страхом смерти.

В конце концов я решила, что надо прямо написать отцу о том, что мои вещи не подходят для этого климата и мне нужны новые. Я пока ношу диадему и делаю вид, что исполняю его волю, а значит, он должен обеспечивать меня всем необходимым.

Спалось мне плохо. Я никак не могла прогнать из головы тревожные мысли, а еще не могла согреться, несмотря на огонь в камине и теплое одеяло.

Утром меня разбудили голоса и шаги в коридоре, но встать я смогла не сразу. Чтобы вылезти из-под одеяла, потребовалось все мое мужество: камин к утру прогорел и воздух еще немного остыл. Я надела самое теплое

платье, но все равно мерзла, когда шла в общую ванную.

Вечером мне повезло здесь никого не встретить, но сейчас я нерешительно застыла на пороге, поскольку одна девушка там уже была. Я не привыкла умываться вместе с кем-то, поэтому не знала, стоит ли мне выйти и подождать своей очереди в коридоре или все-таки остаться здесь. Наличие нескольких раковин говорило о том, что умываться здесь принято всем вместе, но мне казалось это диким.

— Привет, — незнакомка улыбнулась. — Ты Линнея? Заходи, чего стоишь?

Я все-таки переступила порог и прошла к раковине, максимально удаленной от той, у которой стояла девушка. Что было бессмысленно, поскольку их было всего четыре, а незнакомка стояла у второй от входа.

— Ты меня знаешь? — удивленно уточнила я после дежурных приветствий.

— У нас нечасто появляются новенькие, — она пожала плечами. — Я имею в виду, после основного набора. Да и о тебе весь замок шепчется с тех пор, как стало известно о вашем обручении с шедом. Прямо во время его траура. Это необычно.

Я кивнула, соглашаясь, но больше никак не поддерживая беседу. Процесс умывания всегда казался мне достаточно интимным, все во мне сопротивлялось тому, чтобы делать это рядом с кем-то. Поэтому я лишь покосилась на девушку, пытаюсь понять, долго ли она еще будет здесь. К моему удивлению, она тоже носила штаны. Не такие скандальные, как та девица, что повстречалась нам накануне, но все равно.

— Меня, кстати, Ирис зовут.

— Очень приятно, — я бросила на нее извиняющийся взгляд. Как же я забыла о таких простых правилах вежливости?

— А ты действительно всегда носишь эту диадему?

Я посмотрела на собственное отражение в зеркале. Волосы я уложила и заколола еще до выхода из комнаты и диадему, конечно, тоже надела, но только сейчас поняла, что здесь такое, скорее всего, никто не носит.

— Да, такова наша традиция.

— Забавная традиция, — если бы не доброжелательный тон, я бы решила, что моя новая знакомая решила надо мной посмеяться. Ее темно-рыжие волосы были собраны в простую косу, она их ничем не украшала. — Наверное, шеда потянуло на экзотику, раз он решил взять жену издалека.

— Наверное, — согласилась я, на этот раз не удержавшись и поморщившись. После знакомства с Фолкнором скрывать свои эмоции по поводу предстоящего брака стало сложнее. — Но, может быть, еще

обойдется...

— Хм, а ты не очень-то рада этому, да? — заметила Ирис.

Я не понимала, почему она не уходит. Она уже не умывалась, просто топталась у раковины и расспрашивала меня. Любопытство заело?

— Все это было очень неожиданно, — объяснила я. — Для меня. Я собиралась замуж за совсем другого человека. За молодого красивого парня, которого хорошо знала и любила... — я осеклась, вдруг вспомнив, что не все из этого оказалось правдой. Как выяснилось, Роана я знала не очень хорошо. Но говорить это Ирис было не обязательно. — А потом я вдруг оказалась невестой шеда Фолкнора. Я еще не привыкла к этой мысли. Да и видела его всего один раз.

— Очевидно, теперь вы будете встречаться регулярно, — Ирис улыбнулась.

Я мысленно умоляла ее поскорее уйти. Во-первых, меня утомили ее вопросы. Во-вторых, я хотела спокойно прочистить нос, а делать это при посторонних категорически не могла.

— Наверное, будем, — лаконично согласилась я, надеясь, что на этом ее вопросы иссякнут. Наивная.

— Я одного не понимаю: зачем тебе с нами учиться? Боишься, что если просто будешь жить здесь до свадьбы, пойдут некрасивые слухи?

— А ты бы на моем месте не боялась? — на этот раз я ответила немного резче.

И судя по всему, Ирис наконец поняла, что я не очень рада ее присутствию. По крайней мере она торопливо собрала вещи в небольшую сумочку и заявила:

— Да, пожалуй, ты права. Ладно, я пойду, не буду тебе мешать. Только не задерживайся здесь, а то завтрак скоро закончится, поесть не успеешь.

Интересно, а из-за кого я тут торчу уже лишних пять минут?

— Только знаешь, Линнея, — тихо добавила Ирис, уже взявшись за ручку двери и не глядя на меня, — ты бы не демонстрировала так открыто, что брак с шедом тебе поперек горла. Здесь каждая вторая мечтает занять твоё место. Многие только из-за этого сюда и приезжают. Они смиряются с выбором шеда, но если поймут, что ты им пренебрегаешь, могут и отравить.

И после этого она стремительно вышла, я даже ничего сказать в ответ не успела. Так и замерла с зубной щеткой в руках, растерянно глядя на дверь.

Час от часу не легче! Мало мне забот, так меня еще и отравить могут. Это было уже слишком. Я даже почти не расстроилась, только нервно

рассмеялась и покачала головой.

— Вот будет смешно, если меня отравит какая-нибудь ревнивая девица, влюбленная в шеда, пока я буду пытаться расторгнуть помолвку с ним, — сказала я своему отражению.

Однако отражение не находило это смешным. У девушки, смотревшей на меня из зеркала, были очень испуганные глаза. Поэтому я постаралась больше не встречаться с ней взглядом.

Интересно, а Лилия хотела выйти замуж за Фолкнора? Или он так же выбрал ее, не оставив выбора ей? Может быть, она тоже демонстрировала пренебрежение? И кто-то из менее удачливых соперниц решил, что она не заслужила такого счастья, заманил на крышу и столкнул?

Я тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Они никуда не могли меня привести. Быстро умылась, вернулась в комнату, чтобы положить на место умывальные принадлежности и полотенце, и поторопилась на завтрак, пока он действительно не закончился.

Непонятно только, как я буду есть среди тех, кто может в любой момент решить меня отравить.

* * *

Когда я вошла в столовую, разговоры за длинным столом, стоявшем в центре просторного зала, моментально стихли. На меня посмотрели даже те, кто сидел спиной ко входу. Под взглядом минимум двух десятков пар глаз я почувствовала себя очень неудобно. Попыталась найти свободное место, но не смогла сразу этого сделать, поэтому продолжала топтаться у входа, не зная, куда направиться. Наконец я заметила Ирис, которая призывно помахала мне рукой, а потом показала на пустой стул рядом с собой. Что ж, может быть, она и любит совать нос не в свое дело, но сейчас я была благодарна ей за эту маленькую помощь.

— Доброе утро, — поздоровалась я с теми, кто оказался рядом со мной.

Меня в ответ поприветствовал нестройный хор голосов. Ученики, сидевшие на другом конце стола, почти сразу потеряли ко мне интерес и возобновили разговоры, а мои соседи пока предпочитали без зазрения совести разглядывать меня. Я же скользила взглядом по столу, по тарелкам с едой, пытаюсь выбрать себе завтрак. На глаза попались жаренные яйца с беконом, какие-то жирные колбаски, сыр, хлеб. Кастрюля с неизвестным содержимым стояла слишком далеко, чтобы я могла в нее заглянуть. Как

они едят все это на завтрак? Столько жира и никаких фруктов. В итоге я снова сделала выбор в пользу хлеба и сыра, а Ирис сама налила мне из кувшина напиток, похожий на какао.

— Значит, ты Линнея Веста? — наконец заговорил парень, сидевший напротив меня. — Невеста шедя из южных земель, жрица Богини Жизни Виты?

Я подняла на него взгляд. Обычный парень: скорее всего, высокий, светловолосый, в черном свитере, в каких тут сидели многие, даже девушки. Наверное, в такой одежде холод меньше ощущается. Где бы раздобыть такой?

— Я дочь жреца, — поправила я. — У нас женщины не становятся жрицами, хоть мы и владеем Силой.

— Какая-то ты чумазая, — насмешливо прокомментировала девица, сидевшая чуть подальше.

Я не сразу узнала в ней ту, с кем мы столкнулись в коридоре накануне. Сейчас ее длинные черные волосы были собраны в высокий хвост, и это немного меняло образ. Темные глаза смотрели на меня с наглым вызовом, и было в них что-то порочное, словно ее поцеловал сумрачный.

— Это загар, — невозмутимо объяснила я, специально говоря так, как обычно разговаривают с неразумными детьми. — Случается с людьми в тех краях, где ярко светит солнце. Знаете, такой большой желтый шар, который висит в небе. Не знаю, видно ли у вас его когда-нибудь.

— Летом, — с улыбкой кивнула другая девушка, сидевшая рядом с темноволосой нахалкой. — То есть месяца полтора в год, иногда два.

Я с трудом удержала лицо от демонстрации ужаса, который охватил меня в тот момент. Если меня не отравят, не скинут с крыши или не убьет сам шед, я умру от нехватки солнца.

— Вот и вся загадка, — хмыкнул парень, сидевший рядом с Ирис. Мне было плохо его видно. — Ему надоели ваши бледные физиономии, поэтому он и нашел себе жену на юге.

— Не боишься выходить за него замуж? — тут же снова спросил парень, который начал разговор.

На этот раз я ничем не выдала своего отношения к предстоящему браку, решив не пренебрегать предупреждением Ирис. Я лишь приподняла брови в знак удивления.

— Почему я должна бояться?

— Говорят, у него ядовитое семя, — доверительным шепотом сообщил сосед того парня, и они оба рассмеялись. — Потому жены и умирают.

Я нахмурилась, поскольку не поняла, что именно означает эта фраза.

Ее смысл дошел до меня лишь спустя несколько секунд. Я тут же почувствовала, что краснею, и опустила взгляд в свою тарелку. На юге молодые люди не позволяли себе такие комментарии в присутствии девушек. Однако здесь мое непонимание, а потом и смущение вызвали только еще большее веселье.

— Лилия упала с крыши, — напомнила Ирис. Одна из немногих, кому шутка не показалась смешной. — Шед тут ни при чем.

— Откуда ты знаешь? — тут же возмутился первый парень. — Может, она просто почувствовала, как оно ее травит, поняла, что ее ждет медленная, мучительная смерть, и решила закончить все по-быстрому?

— Да брехня это все, — томно фыркнула все та же темноволосая наглая девица, откинувшись на спинку стула. — Нормальное у него семя, такое же, как у всех.

— Ну, тебе-то есть, с чем сравнивать, — усмехнулась Ирис.

— А ты не завидуй так явно, — ничуть не смутилась темноволосая. — Лилии вашей надо было меньше с Ронаном путаться...

— Может, она тоже сравнить хотела? — со смешком предположил один из парней. — Как ты.

Еще несколько человек обменялись пошлыми комментариями на тему шеда, темноволосой девицы, Лилии, Ронана и меня заодно, но я очень старалась их не слушать. Мои щеки и так пылали от смущения и гнева, а остальных это только забавляло.

— Ладно, хватит, не будем смущать новенькую, — внезапно заявил парень, который все это начал. — Очевидно, девицы юга не привыкли к таким разговорам. Не будем портить шеду невесту. Зачем нам эти проблемы, да?

— Меня больше интересует, будет ли он устраивать праздник в ее честь, — задалась вопросом ученица, сидевшая с той же стороны стола, что и я, а потому для меня невидимая.

— Во время траура? — усомнилась Ирис. — Не думаю.

— Он всегда может сделать вид, что это школьный праздник, — снова оживилась девушка, сидевшая рядом с темноволосой девицей. — Мы-то его траур соблюдать не должны.

Из-за этого комментария я посмотрела на нее и успела заметить, что темноволосая сверлит меня неприятным взглядом. Она тут же отвернулась, но на мгновение мы посмотрели друг другу в глаза, от чего у меня мурашки по спине побежали.

— А что вам толку-то от этого? — поинтересовался парень, сидевший напротив меня. — Во время траура шед танцевать все равно не станет. А

если станет, то только с новой невестой.

— Да хоть посмотреть на него, — мечтательно вздохнула какая-то девушка, сидевшая довольно далеко. — Постоять рядом, парой фраз перекинуться. А то в этом году он нас совсем забросил.

— А шед Фолкнор не преподает в школе? — осмелилась я подать голос, поскольку этот вопрос меня заинтересовал.

— Делать ему больше нечего, — фыркнул сидевший напротив меня парень. — У последнего верховного жреца есть дела поважнее.

— Но, вообще-то, иногда он проводит отдельные занятия, — заметила Ирис.

— И как покровитель школы присутствует на важных мероприятиях, — добавила еще какая-то девушка, но я не успела уследить которая.

— На радость нашим соученицам, которые грезят о том, чтобы стать женой верховного жреца, — хмыкнул парень, который первым начал отпускать скабрзные шутки.

— Но теперь-то ты разбила все надежды, поднявшие головы после смерти Лилии, — добавил его сосед.

— Глупости, — лениво возразила темноволосая. — Невеста — еще не жена. Фолкнору полгода траур носить. За это время загар с нее сойдет, и он поймет, что она такая же, как мы.

Неожиданно с резким скрежетом выдвинулся стул, один из парней, сидевших недалеко от меня, но до сего момента не участвовавший в общем разговоре, поднялся с места и бросил на темноволосую гневный взгляд. Все разговоры вновь смолкли, поэтому его слова прозвучали в гробовой тишине:

— Тебе-то все равно ничего не светит, Далия. Шеды не женятся на шлюхах. Они выбирают цветы свежие, нежные и хрупкие. Их, очевидно, приятнее растаптывать.

Выдав эту тираду, он стремительно зашагал к выходу и пару мгновений спустя исчез из виду. Тишина висела в столовой еще какое-то время, многие смотрел на темноволосую — Далию, как выяснилось, — но та даже бровью не повела.

— Пряма настоящая драма, — фыркнула она и спокойно продолжила есть.

Разговоры вокруг возобновились, а я все смотрела на дверь, за которой скрылся нервный парень.

— Это Вестар, — шепнула мне Ирис. — Он был влюблен в Лилию, но проиграл ее шеду. Что вполне понятно.

— А сама Лилия была влюблена в Вестара? — так же тихо поинтересовалась я.

— Да кто ее знает, — Ирис пожала плечами. — Мы не были близкими подругами. Ухаживания его она поначалу принимала, но как только Фолкнор проявил к ней интерес, Вестар тут же был забыт. Пойми, мы тут все не из жрецов. Даже не из состоятельных семей. Те детям, проявившим способность к магии, учителей нанимают из младших жрецов других земель. Или из обученных магов. Мы здесь по милости и на содержании у Фолкноров. Но как только отучимся, пойдем сами себе на хлеб зарабатывать. А стать женой верховного жреца — это же как в небесный чертог попасть. Никаких забот до конца жизни.

Да, только конец наступает удручающе быстро. Конечно, эту мысль я озвучивать не стала: мало ли, кто услышит. Но про себя подивилась: мне моя жизнь дороже комфорта, я уже пошла на определенные жертвы, чтобы иметь шанс на будущее.

Впрочем, я тут же напомнила себе, что не мне судить. Все, что я до сих пор имела, было нажито не мной. И если я опустила себя до условий школы Фолкнора, то для других, как сказал Ронан, эти условия были «роскошными». Какой же могла быть их жизнь до школы? Мне едва ли удалось бы представить. Если бы я жила так, может быть, тоже считала бы Торрена Фолкнора даром Богов? И верила бы, что именно я смогу прожить с ним долго и счастливо... Каждому ведь надо во что-то верить.

От этих мыслей меня отвлек звук гонга. Мои соседи по столу тут же зашевелились, поднимаясь со своих мест, и я поняла, что завтрак закончился, а я так ничего и не съела: только половину куска хлеба и маленький кусочек сыра. Торопливо допив какао, которое здесь было не сладким, как дома, а терпким, я поднялась вместе с остальными.

Мой первый учебный день ждал меня.

Глава 7

Первым занятием у нас оказалось то самое «Искусство создания печатей», которое преподавал Ронан Фолкнор. Это была первая и последняя хорошая новость за день.

Ронан выдал мне учебник, убедился, что мне есть чем и куда записывать лекцию и зарисовывать печати, а потом тихо порекомендовал:

— Не пытайтесь сразу все понять, Нея. Для начала просто фиксируйте то, что я рассказываю и показываю, и запоминайте, что получится. Мы потом назначим с вами несколько дополнительных индивидуальных занятий, чтобы я мог объяснить то, что вы пропустили. И вам понадобится подучить язык Богов, чтобы лучше понимать суть создания печатей.

Я кивнула, но в полной мере осознала его совет лишь во время занятия. По словам Ронана, наша начальная группа продолжала изучать простые печати, состоящие из треугольника, вписанного в круг. Оказывается, в прошлый раз они изучили, что может содержаться в центре такой печати, а сегодня собирались продолжить изучением областей, которые образовывались стороной треугольника и частью круга. Объясняя, Ронан постоянно ссылался на какие-то потоки Силы, о которых все, кроме меня, уже имели представление. Я же не понимала ровным счетом ничего, поэтому действительно старалась просто рисовать и писать, как он и посоветовал.

Сразу стало понятно и то, зачем потребуется учить язык Богов. Подобно тому, как символы древнего алфавита, начертанные на раме зеркала у меня дома, придавали ему волшебные свойства, так и в печатях вся магия заключалась в словах, вписанных в определенные области. И чтобы добиться нужного результата, требовалось знать эти слова.

Как раз этому нас и учили на следующем занятии, полностью посвященном языку Богов. Его вел высокий блондин лет сорока, лицо которого показалось мне смутно знакомым, но где и когда я могла его видеть, я так и не смогла вспомнить. Он вполне мог быть просто на кого-то похож. Правда, он тоже задержал на мне взгляд, как будто узнал, но мог ведь и просто заинтересоваться новым лицом, зная, что я невеста Фолкнора.

Его звали Луфр Мари, и он оказался не таким приветливым и понимающим, как Ронан Фолкнор. Он тоже выдал мне учебник, а к нему еще и словарь, но по поводу пропущенного материала заявил лишь то, что

я должна буду сдать ему зачеты по всем пропущенным темам. Список тем Мари тут же набросал мне на листе бумаги, но по его тону я поняла, что изучать их мне придется самостоятельно.

В этот момент я очень пожалела, что раньше никогда не интересовалась языком Богов, несмотря на то, что его символы окружали меня с детства. Почему я никогда его не учила? Корд учил, я могла бы учить его вместе с ним, но мне это не приходило в голову, а отец никогда не предлагал включить это в мою программу. Считалось, что женщине, принявшей диадему, это не нужно. Теперь вся моя надежда была на то, что этот язык дастся мне так же легко, как и другие. Наше королевство граничило с тремя соседями, я учила язык каждой из этих стран и владела ими на вполне достойном уровне.

Однако уже через полчаса я поняла, что язык Богов куда сложнее языков людей. Здесь у меня возникли даже проблемы с записыванием слов, поскольку многие символы были так похожи, что в начертании нашего учителя выглядели почти одинаково. Он, конечно, зачитывал их при этом вслух, но мне это не помогало, поскольку ни букв, ни звуков, которые они образуют, я не знала. Поэтому я просто записывала слова, как могла, порой впадая в отчаяние, понимая, что придется нагонять не только пропущенные темы, но и те, что буду проходить сейчас, поскольку все равно ничего не понимаю.

После второго занятия нас ждал длительный перерыв, включавший в себя обед. Я была уже очень голодна, поскольку то небольшое, что я съела на завтрак, никак не могло питать мое тело долго. Однако вид супа, который нам подали в качестве основного блюда, напрочь отбил весь аппетит. Мясной жирный бульон, в котором лежало столько всего, что я не все ингредиенты смогла определить: снова картошка, какие-то бобы, овощи и большие куски мяса. Конечно, с жиром. Маслянистые разводы, плававшие по поверхности супа, вызывали приступы тошноты.

Пустой живот болезненно урчал, требуя еды, но то, что я видела перед собой, не воспринималось мною как еда. И от этого хотелось зареветь в голос, но я, конечно, сдержала себя, хотя ком в горле все же встал, а слезы успели защипать глаза. Слезы я сморгнула, ком — проглотила вместе с куском хлеба. Понимая, что на одном хлебе долго не протяну, я съела еще и салат из маринованных — как мне объяснила Ирис — овощей. Зачем так портить овощи, я пока не поняла, решила спросить позднее, когда мы будем наедине. Сыр в меня уже не лез, он здесь имел более плотную структуру и обладал более навязчивым вкусом, чем дома. Поэтому я заставила себя съесть некоторое количество супа. Хотя бы бульона и той части мяса, к

которой не крепился жир. Мои соседи по столу тем временем с аппетитом съели все содержимое тарелок, а некоторые ребята еще и положили себе добавки.

Зато Ирис, которая, как оказалось, училась в школе уже третий год, обещала помочь мне с изучением языка Богов.

— Я не слишком хороша во всем остальном, — смущенно призналась она. — Уже второй год пытаюсь освоить продвинутый курс и подозреваю, что на высший меня все равно не возьмут, но зато язык я за это время выучила почти как родной.

Я была рада этой помощи. И было приятно в первые же дни обрести некое подобие подруги. Ирис была старше меня, она поступила в школу уже двадцатилетней, но после Розы я не видела в этом проблемы. Мне даже нравилось, что у меня снова будет своего рода наставница.

Тем более в группе я пока ни с кем сойтись не успела. Начинающих было больше всего: со мной десять человек. Ирис объяснила, что некоторые отсеются еще в процессе обучения, другие уйдут после первого года, решив, что полученных знаний достаточно, чтобы прокормить себя. Из всей моей группы я успела познакомиться только с девушкой, которая на завтраке сидела рядом с Далией. Ее звали Келда, и у нее дивно хорошо выходило чертить печати.

После обеда нас ждало еще два занятия по одному предмету — простейшие зелья. Их нам преподавала женщина, что меня немного удивило. В наших землях женщины редко изучали дисциплины, связанные с магией, настолько глубоко, чтобы преподавать их. Но по крайней мере эта женщина носила платье, а не штаны, как большинство моих соучениц. Я сразу определила в ней высокое происхождение и родство с Фолкнорами: уж очень она была похожа и на Ронана, и на Торрена. Однако насколько близким окажется это родство, я и помыслить не могла.

— Меня зовут Сусанна Фолкнор, — сообщила она, вручая мне учебник, — я мать вашего будущего мужа.

Я так растерялась, что только молча хлопнула ресницам пару раз, открыв рот. Я знала, что нужно как-то ответить, но все мысли предательски разбежались. Не ожидала я, что познакомлюсь с матерью шеда вот так, между делом, на занятии. Но, пожалуй, она могла оказаться только его матерью и никем иным: такое же мрачное выражение лица, полное отсутствие улыбки, неприязнь во взгляде, светло-синие глаза и темные волосы. Интересно, в кого Ронан получился такой улыбчивый? В отца? В это трудно поверить, ведь тот тоже был верховным жрецом Некроса.

В конце концов я выдавила из себя какие-то дежурные фразы о том,

как я рада знакомству, которые вызвали у нее лишь кривую ухмылку. И не слишком убедительно прозвучавшее заверение:

— Я тоже очень рада вашему приезду и вашему обручению с моим сыном.

Я попыталась изобразить улыбку и кивнуть, после чего поспешила занять свое место. У меня была надежда на то, что хотя бы на этом предмете я не буду чувствовать себя полным ничтожеством, ничего не понимающим в происходящем на занятии. Я готовилась стать женой военного, то есть моя жизнь предполагалась довольно простой, без штата слуг. Поэтому меня учили готовить, а процесс приготовления зелья мало чем отличался от приготовления еды.

Первая часть занятия — теоретическая — далась мне нелегко из-за отсылок к прошлым темам, но все же я понимала почти все. А когда мы перешли к приготовлению зелья по рецепту, я и вовсе расслабилась. Это было даже проще, чем приготовление пищи. Скорее походило на безумно долгое заваривание чая: мы все добавляли и добавляли какие-то травы в медленно кипящий на горелке котелок.

Все шло хорошо, пока мы не добрались до финальной стадии.

— А теперь — активация, — объявила госпожа Фолкнор и достала из шкафа за своей спиной плетеную коробку с крышкой, издающую подозрительный писк.

После этого она принялась обходить нас, запуская руку под крышку, доставая маленький комочек и вручая его каждому по очереди. Я видела, как передернуло Келду и как помрачнели лица других учеников, но пока не понимала, что происходит.

Наконец госпожа Фолкнор вручила маленький трепыхающийся комочек и мне.

— Держите крепче, а то улетит, — строго велела она.

И я обхватила маленькую летучую мышь двумя руками, потому что одна все норовила разжаться, чувствуя ерзанье крошечного животного. Сердце забилось вдвое быстрее от страха и дурного предчувствия.

Госпожа Фолкнор закончила обход и взяла одну летучую мышь и себе, поскольку готовила зелье параллельно с нами. В другую руку она взяла нож, которым мы измельчали некоторые ингредиенты.

— Все просто, — спокойно сообщила она. — Отрезаете одним быстрым движением голову и тут же выдавливаете кровь в зелье. Только действуйте быстро. Не стоит мучить животное. Да и кровь будете терять.

Свои слова она сопровождала соответствующими действиями. За ней повторили и остальные. Одна я осталась стоять, окаменев словно статуя. Я

чувствовала в руке трепыхание живого существа и не представляла, как отрежу ему голову и выдавлю из крохотного тельца кровь.

— Линнея, чего вы ждете? — недовольно поинтересовалась госпожа Фолкнор. — Еще немного — и время будет упущено, вы не сможете активировать зелье.

— Но я... я не могу... это сделать.

Госпожа Фолкнор раздраженно закатила глаза, стремительно подошла ко мне и забрала у меня летучую мышь. Взяв мой нож, она прижала мышь к доске, на которой мы все резали, и одним быстрым движением отсекла ей голову, а потом выдавила кровь в зелье.

— То, что мы здесь преподаем, Линнея, — это магия смерти. Она всегда требует жертву. Или привыкайте, или займитесь чем-то другим.

Я медленно кивнула, будучи не в силах оторвать взгляд от маленькой головы, оставшейся валяться на доске, и пятен крови. Госпожа Фолкнор бросила к ним еще и безжизненное тельце, от чего мне стало совсем не по себе.

Как закончилось занятие, я помнила плохо. Голова была занята безумными паническими мыслями, которые крутились в ней со страшной скоростью.

Бежать отсюда. Умолять отца не выдавать меня за Фолкнора. Или сбежать и обвенчаться с первым встречным, только бы не достаться шеду. Я не могу здесь находиться. Я не смогу здесь учиться. Это была скверная затея, с самого начала обреченная на провал.

Я вернулась к себе в комнату, заперла дверь на задвижку и практически упала на кровать лицом в подушку, обессиленная и раздавленная.

Я замерзла. Проголодалась. Устала. Мне хотелось реветь, потому что я понимала: эта магия не для меня. Я даже летучую мышь не смогла убить, как я буду приносить другие жертвы? Почему я сразу не подумала о том, какую именно магию преподают в Фолкноре? Это же было очевидно.

Я чувствовала себя дурой. Никчемной дурой, которая возомнила, что сможет обрести независимость. Отчасти мне даже было стыдно за эти надежды, за намерения.

Через четыре часа меня ждал ужин с женихом, и это не добавляло оптимизма. Я едва ли смогу проглотить даже кусочек хлеба под его взглядом. Значит, опять голодать?

Я вдруг отчетливо поняла, что если останусь тут, то умру. От холода, голода или отвращения к магии смерти. Это не моя жизнь. Не мой путь. Все это должно оказаться дурным сном.

Но это не было сном. И умирать мне тоже не хотелось. Поэтому полежав какое-то время и пожалев себя, я встала, вытерла мокрые глаза, села за письменный стол, достала из ящика учебник языка Богов и словарь, которые положила туда во время перерыва, и раскрыла. Глубоко вдохнув, принялась всматриваться в закорючки, означающие буквы алфавита. Я еще успевала поучить его до ужина с Фолкнором, на котором собиралась впихивать в себя еду, как бы ни смотрел на меня шед. А перед сном приму горячую ванну, чтобы как следует согреться.

Я уже прыгнула через пропасть, и законы природы не позволят мне вернуться назад. Мой единственный шанс — добраться до другого края.

А если его не существует, мне придется создать его из небытия.

Глава 8

На наш ужин жених оспоздал на добрых четверть часа, ейсли не больше. Все это время я пщросидела в столовой, которая превосходила по размерам неашу школьную. Стол здесь тоже был ничуть не меньше того, за которым помещались все ученики школы. Место для шеда было накрыто, конечно, во главе, а для меня — по правую руку от него. Компанию мне составляли молодой лакей, кажется, тот же, что помогал Карлу с моими чемоданами, и бокал воды. Больше, естественно, в отсутствие Фолкнора мне ничего не подали.

К счастью, Ирис, заметив, что я не пришла на полдник, о котором просто ничего не знала, принесла мне в комнату стакан молока и пару жаренных лепешек из домашнего пресного сыра. Правда, это было уже давно, и я даже не помнила, как проглотила это все, поэтому уже снова мучилась от голода. Секунды тянулись для меня невыносимо долго. Я исподтишка разглядывала убранство столовой, которое вновь поразило меня своей сдержанной элегантностью и уютом, и мысленно накручивала себя перед новой встречей с женихом, гадая, как он себя поведет. Других приборов на столе не было, а это означало, что ни Ронан, ни госпожа Фолкнор к нам не присоединятся.

Наконец двери распахнулись, заставив меня вздрогнуть. Сначала в столовую вошел Долорсдон, распорядитель дома, а потом буквально влетел Торрен Фолкнор. Он шел так стремительно, что мантия жреца развевалась за ним, словно крылья, заставив меня вспомнить о бедной летучей мышке.

— Я прошу простить меня за опоздание, Нея. Возникли серьезные обстоятельства, вынудившие меня на время покинуть Фолкнор. Я надеялся вернуться вовремя, но задержался.

Он сел рядом со мной и залпом осушил свой бокал воды. Его движения были резкими, стремительными, вид — уставшим. Это позволяло надеяться, что он не соврал: действительно отлучался по делам и действительно торопился вернуться.

Интересно, кто научил его называть меня «Нея»? Скорее всего, Ронан.

— Ничего страшного, шед Фолкнор. Вы честно предупредили, что вы занятой человек.

Он покосился на меня, слегка изогнув бровь, словно мой ответ его удивил, но ничего не сказал. Нам как раз начали приносить еду, и от разнообразия закусок у меня глаза разбежались. Ужин хозяина дома

разительно отличался от того, что подавали в школьной столовой. Здесь хватало и свежих овощей, и легких молодых сыров, и нежирного, тонко нарезанного мяса, и даже рыбы слабой соли. Мне потребовалось призвать на помощь все свое воспитание и самообладание, чтобы не накинуться на содержимое тарелки с непристойным энтузиазмом.

Фолкнора еда интересовала гораздо меньше, чем меня. Боковым зрением я видела, что он не столько ест, сколько медленно потягивает вино из бокала и поглядывает на меня. Но мне было наплевать. Первый раз за два дня я видела перед собой нормальную еду, и поскольку сам шед молчал, не торопясь инициировать разговор, я позволяла себе есть. И собиралась наесться и за прошедшие дни, и впрок, если получится.

— Приятно видеть, когда кто-то в моем присутствии ужинает с таким аппетитом, — наконец заметил Фолкнор, когда моя тарелка почти опустела. — Редкое зрелище.

Я торопливо прожевала то, что успела положить в рот, и максимально нейтральным тоном поинтересовалась:

— Ваше присутствие обычно отбивает у людей аппетит?

— Очевидно, немаловажную роль играет тот факт, что я известный на все королевство отравитель, — таким же нейтральным тоном ответил он.

Кусочек рыбы, который я пыталась проглотить в этот момент, встал поперек горла. Я непроизвольно замерла, почувствовав, как забилося сердце, исподлобья покосилась на жениха. У него было странное выражение лица: губы как всегда сжаты в прямую линию, но глаза при этом как будто улыбаются.

Я проглотила рыбу, откашлялась, незаметно сделала глубокий вдох, успокаивая сердце, и поднесла к губам бокал вина, давая себе время привести в порядок мысли и обрести контроль над голосом.

— Полагаю, вы обручились со мной и позволили приехать в ваш замок не для того, чтобы отравить меня.

— Конечно, — кивнул он. — А я полагаю, что вы очень голодны. Мне сказали, что вы плохо едите.

Даже не знаю, от чего я смутилась больше: от того, что не смогла скрыть голод, или от того, что он был в курсе моих проблем с питанием — незначительного, как мне казалось, для него обстоятельства. Интересно, кто ему сказал?

— Я понимаю, что наша еда для вас непривычна, Нея, — голос жениха прозвучал почти... мягко? — Но вам придется к ней привыкнуть. В нашем климате иначе не выжить.

Пока он это говорил, нам как раз подали основное блюдо. И если у

него на тарелке лежал большой мясной стейк, сочившийся розовым, то мне принесли запеченную белую рыбу и поджаренные на огне свежие овощи. Другими словами, именно то, что я привыкла есть на ужин.

— Здесь не юг, большую часть года свежие овощи и фрукты — роскошь. Моя семья может это себе позволить, но я не собираюсь снабжать ими столовую школы. Рыба доступнее, но она не питает так, как мясо.

Он отрезал себе кусок стейка, и на тарелку полился розовый сок, да и мясо внутри оказалось красноватым, что называется, «с кровью». Меня слегка замутило, поэтому я предпочла перевести взгляд на свою тарелку и смотреть впредь только туда, чтобы не портить себе аппетит.

— Жирная пища помогает нам не мерзнуть, — продолжил Фолкнор лекцию, прожевав и запив мясо еще одним глотком вина. — Так что привыкайте, Нея. Вы нужны мне здоровой и сильной. Чтобы родить здоровых и сильных детей.

Я опустила нож с вилкой, снова посмотрев на жениха. Да, конечно, наследники.

— Значит, я вам нужна для продолжения рода? В этом весь смысл нашего брака?

— Разве не в этом смысл любого брака?

Он снова встретился со мной взглядом, вопросительно приподняв бровь. Она у него словно жила собственной жизнью, отдельной от него. Я дала себе время обдумать ответ, сделав еще один глоток вина, и все-таки призналась:

— До того, как вы появились в моей жизни, я считала, что в брак вступают, чтобы любить, уважать и заботиться друг о друге. По крайней мере, я думала, что у меня с Роаном будет именно так.

— С кем? — удивился он.

— Так звали моего прежнего жениха. Отец отказал ему, когда вы возникли на горизонте. Вы не знали?

— Я не интересовался его именем.

— А вы вообще чем-нибудь интересовались? — вырвалось у меня.

Он равнодушно пожал плечами, переключая все внимание на стейк.

— Нет. Зачем? Вы мне подходите, Нея. Остальное не имеет значения. Только скажите, мне ждать вызова на поединок от вашего бывшего?

Он спросил это с плохо скрываемой насмешкой, и мне захотелось швырнуть ему в лицо содержимое тарелки и посмотреть на реакцию. Однако рыба и овощи были слишком хороши, чтобы так бездарно их расходовать.

— Нет. Он не жрец, простой военный. Он не может вас вызвать.

Фолкнор снова отвлекся от еды и впери́л в меня свой пронзительный, прожигающий насквозь взгляд.

— Любой мужчина может вызвать другого на поединок, Нея, — строго заявил он. — Было бы желание. Да, я имею право не принять его вызов. Или сражаться нечестно, применяя магию. Но это будет свидетельством уже моей трусости. То, что он меня не вызвал, свидетельствует об одном: не очень-то вы были ему нужны.

Я снова почувствовала, как в горле встал ком. Я и так это знала, но получить напоминание в открытую, да еще и от него, оказалось вдвойне больно.

— Я и вам не нужна, — с горечью заметила я. — На моем месте могла бы быть любая другая. Вам ведь все равно и нет до меня никакого дела. Я вам даже не нравлюсь. Ни вам, ни вашей матери. Не понимаю только, зачем вам невеста из южных земель? Что, своих не нашлось подходящих?

На его лице снова промелькнуло удивление, смешанное с недоверием. С ответом он не торопился, я уже начала думать, что его и вовсе не последует, когда он наконец заявил:

— Не нашлось. У вас есть то, чего нет у моих землячек. Поверьте, я искал. Вы дочь жреца. У вас есть Сила. наших жрецов почти не осталось. Только я, моя мать и мой брат. Ни на ком из них я не могу жениться. У девушек в Северных землях Силы нет. Некоторые стараются ее получить, но даже лучшим из них далеко до вас, хоть вы никогда не обучались магии. Ваша Сила с вами с рождения. Поэтому вы мне подходите. Ни ваши, ни даже мои желания в расчет не берутся. Нам обоим остается только смириться.

Теперь уже я достаточно долго молчала, непонимающе глядя на него. Зачем ему моя сила? Он и так верховный жрец, его старший сын наверняка будет отмечен Некросом и получит Великую Силу. Моя Сила, имеющая совсем другую природу, может только помешать.

Я хотела спросить об этом, но почему-то задала совсем другой вопрос:

— А как же Лилия? Она вам подходила?

Его приборы громко звякнули о край тарелки, в тишине столовой звук получился оглушающим. Я видела, как Фолкнор прикрыл глаза и сжал челюсти, борясь с какими-то эмоциями, но с какими именно — со стороны было не угадать. Всего пару мгновений спустя он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня уже совершенно невозмутимым взглядом.

— Подходила. Она была редкой девушкой. Не имея в роду жрецов — по крайней мере, официально, — она обладала врожденной Силой, достаточно большой.

— Вы проводили расследование того, что с ней случилось? — осторожно поинтересовалась я, внимательно следя за его реакцией. — Как она оказалась на той крыше?

— Она любила гулять на крыше, — отстраненно ответил он. — Я много раз предупреждал ее, что это опасно, но она меня не слушала.

— Но вы уверены, что она упала случайно?

Фолкнор так долго молча смотрел на меня, что я успела пожалеть о своем вопросе, но при этом тоже не отрываясь смотрела на него. Я была не в силах отвести взгляд от его глаз, словно он меня гипнотизировал. Наконец Фолкнор тихо выдохнул:

— Я этого никогда не утверждал. Впрочем, — добавил он уже громче, — довольно о моей несчастной супруге. Вы ведь приехали сюда познакомиться со мной. Так вы написали в своем письме? Время идет, а вы пока не задали мне ни одного вопроса обо мне. Что бы вы хотели узнать?

Я растерялась и все-таки отвернулась. Почему-то мне не приходило в голову, что он спросит об этом так прямо. Я вдруг поняла, что у меня осталось еще очень много вопросов, но ни один из них не касался его лично. О чем я могла его спросить? Какой у него любимый цвет? Как он предпочитает проводить досуг? Спит ли он со всеми студентками в своей школе или у него есть какие-то критерии отбора?

Видимо, мое молчание затянулось, потому что он тихо хмыкнул и прокомментировал:

— Вижу, что вопросов у вас нет. Я так и думал. Что ж, тогда я хочу узнать вас получше, раз уж вы здесь.

Он потянулся за бокалом вина, сделал большой глоток, все так же неотрывно глядя на меня, пока я делала вид, что моим вниманием теперь владеет рыба. Или то, что от нее осталось. А потом он неожиданно потребовал:

— Снимите платье.

На этот раз мои приборы громко звякнули о край тарелки. Мне показалось, что я ослышалась, по крайней мере, очень хотелось на это надеяться. Я посмотрела на шеда, чувствуя, что сердце бьется быстро и неровно, а дыхание перехватывает.

— Что?

— Вы внезапно оглохли, Нея? — довольно грубо поинтересовался он в ответ. — Вроде до этого слышали меня прекрасно. Я прошу вас снять платье.

— Зачем?

— Как зачем? — бровь вновь взлетела вверх, и на этот раз в этом

движение мне виделась насмешка. — Я собираюсь на вас жениться и хочу посмотреть, что мне достанется.

Я против воли бросила растерянный и, наверное, испуганный взгляд на лакея и Долорсдона, которые стояли здесь же. И если на лице молодого парня еще отразилось какое-то подобие удивления, то распорядитель стоял с каменным лицом, как будто происходящее его совершенно не трогало.

Мой взгляд снова метнулся к шеду. Я старалась сохранить внешнее спокойствие, но чувствовала, что начинаю дрожать, и это вполне могло быть заметно. Мне и так было холодно в моем платье, а теперь меня еще и нервная дрожь била.

Шед сидел, все так же откинувшись на спинку стула и потягивая вино, и выжидающе смотрел на меня. Оставалось надеяться, что он не встанет и не заставит исполнить его желание силой. Едва ли я смогу ему сопротивляться: он выше ростом и сильнее. И едва ли слуги вступятся за меня, что бы он ни решил сделать.

— Это категорически неприемлемо, шед Фолкнор, — я хотела сказать это твердо, но голос все же дрогнул. — Я не буду этого делать.

Его губы едва заметно скривились, в глазах появилось странное выражение, похожее одновременно и на презрение, и на удовлетворение. Он вдруг наклонился ко мне, заставив отпрянуть, насколько позволяла высокая спинка стула. Его взгляд снова скользнул по моей диадеме.

— А не так уж вы послушны, да, Нея? Может быть, это украшение в ваших волосах — лишнее? Оно вводит в заблуждение по поводу вашего характера.

Я больше даже не пыталась скрыть дрожь. Какой смысл? Все равно он наверняка видит и мой страх, и мою растерянность. И наслаждается ими.

— Мое послушание распространяется только на отца, брата и мужа, — слегка заикаясь, выдавила я. — Вы пока мне не муж, я не обязана вас слушаться. Вам придется дождаться первой брачной ночи. Тогда увидите все, что захотите. И сможете делать со мной все, что захотите.

На мгновение выражение его глаз изменилось. В них промелькнуло нечто похожее на уважение, но я решила, что мне показалось. Едва ли этот человек умеет испытывать подобное к женщинам. Или вообще к кому-либо.

— Знаешь, девочка, в чем беда твоего нынешнего положения? — вкрадчиво произнес Фолкнор, внезапно перейдя на «ты». В его тоне при этом появились нотки сочувствия, но я полагала, что они обманчивы. — Я могу объявить нас мужем и женой, не вставая с этого стула. В любой момент. Я верховный жрец этих земель. Единственный, а потому могу

венчать кого угодно. Даже самого себя. И объявив тебя своей женой, я смогу дальше делать с тобой все, что захочу. Например, взять тебя прямо сейчас на этом столе в присутствии своих слуг еще до того, как нам подадут десерт. Независимо от того, как ты отнесешься к такой перспективе. Было очень опрометчиво с твоей стороны приехать сюда вот так. Одной, без сопровождающих, положившись лишь на мое слово. Рядом с тобой нет никого, кто заставил бы меня это слово сдержать. Ты либо очень смелая, либо очень глупая.

Я понимала, что он прав, поэтому мне стало так страшно, что даже замутило. Весь прекрасный ужин грозил позорно покинуть мой желудок, поэтому я потянулась за бокалом с водой, надеясь, что прохладная жидкость поможет унять это ощущение. Заодно это был хороший повод отвернуться от жениха. Слезы страха и обиды подступили к глазам, рука дрожала, когда я брала бокал, и шед не мог этого не видеть. Я чувствовала себя в ловушке, в безвыходной ситуации, и озвученная им перспектива казалась такой реальной, словно это уже происходило со мной. Он меня пока даже пальцем не тронул, но я уже чувствовала себя униженной одними его словами.

— Вы правы, шед Фолкнор, — с горечью признала я, не глядя на него. Голос уже настолько не слушался меня, что слова прозвучали едва слышно. — Это было глупо. Было глупо считать, что все мужчины похожи на моего отца. Как и всех дочерей жрецов, меня растили, оберегая от неприглядной правды жизни. По наивности я решила, что слово верховного жреца на севере столь же нерушимо, как и на юге.

Ком, собирающийся в горле, мешал говорить, и я сделала еще один большой глоток воды, чтобы протолкнуть его. Глаза жгло, но я очень старалась не разреветься. Это наверняка доставит ему еще большее удовольствие.

— Теперь мне понятно, почему из всех возможных вариантов, из всех дочерей жрецов востока, запада и юга, вы выбрали меня. Девушку, вдвое вас младше, опрометчиво выбравшую диадему, потому что мужчины, окружавшие меня, пока я росла, были добры, заботливы и любили меня. Глядя на них, я считала, что быть послушной дочерью, сестрой и женой будет легко и приятно. Я не подозревала, что однажды диадему обратят против меня. И посчитают, что она дает право поступать со мной, как душе угодно: запугивать, угрожать, унижать, оскорблять. Да, вы можете объявить меня своей женой и сделать все, что вы озвучили. В соответствии с традициями моей родины, я вам слова поперек не скажу. И приму все.

Тяжело сглотнув, я заставила себя посмотреть на него, прежде чем

задать последний вопрос:

— Но скажите мне, шед Фолкнор, неужели верховному жрецу Некроса нужно все это, чтобы почувствовать себя мужчиной?

На не слишком выразительном лице жениха появилось весьма растерянное выражение, которое плохо сочеталось с его общим обликом. Не ожидал такого ответа? Да я сама не ожидала. Видимо, ощущение безысходности придало мне сил и дерзости. Разве может со мной произойти нечто более страшное, чем то, что он уже пообещал? Не станет же он меня бить.

Фолкнор склонил голову набок и посмотрел совсем иначе. Потом он резко отстранился, снова садясь на стуле прямо и возвращаясь к прерванной трапезе с абсолютно невозмутимым видом. У меня появилось странное ощущение, как будто я только что прошла какую-то странную проверку, но ее результат мне был непонятен. Пока у меня появилась надежда, что этим вечером его женой я не стану.

— Вам разве пятнадцать? — неожиданно спросил шед между пережевыванием стейка. Я отметила про себя, что он вернулся к прежнему учтивому тону.

После его выпада продолжить свою трапезу я уже не смогла, только потянулась за вином: от холодной воды сводило желудок.

— Нет, почему? Мне восемнадцать. В пятнадцать меня бы никто сюда не отпустил.

— Просто вы сказали, что вы младше меня вдвое. А мне не так давно исполнилось тридцать.

Я недоверчиво покосилась на него. Почему он вдруг решил мне об этом сообщить? Да и какая разница, старше он меня на двенадцать лет или на пятнадцать?

Хотя в глубине души я вынуждена была признать, что это немного меня утешило.

— Вы выглядите старше, — осмелилась заметить я.

— Правда? Не задумывался об этом.

Я вдруг поняла, что он лжет: он прекрасно знает, что выглядит старше истинного возраста, и его это тревожит. Интересно, почему? Корд был даже рад, когда стал выглядеть старше меня. Может быть, это проходит с возрастом?

— Я понимаю, что не нравлюсь вам, Нея, — это заявление Фолкнора огорошило меня еще сильнее. — Наверное, теперь и вовсе кажусь чудовищем?

На этот раз он вопросительно посмотрел на меня, а я окончательно

растерялась. Фолкнор так резко перешел от угроз взять меня силой на обеденном столе к светскому тону и вполне вежливым расспросам, что у меня голова кружилась от такой перемены. Я не знала, чего ждать от него в следующую секунду.

Однако после того, как он показал мне, насколько я беззащитна в его замке, я парадоксальным образом перестала так сильно бояться. Как будто успела мысленно смириться с тем, что самое страшное в моей жизни вот-вот произойдет, и я ничего не смогу с этим сделать. И когда оно не произошло, я испытала нечто похожее на эйфорию.

— Шед Фолкнор, только не говорите, что все это время вы пытались мне понравиться, — осторожно попросила я. — Потому что если это так, то лучше вам действительно отравить меня на следующем ужине.

По его губам скользнуло некое подобие улыбки. Или скорее — кривой усмешки. Он сложил на почти опустевшей тарелке приборы, давая знак, что закончил трапезу. Я сделала то же самое. Чудесную рыбу, которую я съела лишь наполовину, было жаль, но после полученного стресса я уже не могла есть. Фолкнор обратил внимание на мое движение, как и на то, что я не доела, но ничего не сказал. Вместо этого он заверил:

— Нет, теперь я вас точно не отравлю. Потому что теперь вы мне нравитесь.

— Неужели?

Он снова склонил голову набок, едва заметно поморщившись, и махнул рукой, признавшись:

— Ладно, возможно, «нравитесь» — это слишком сильно сказано. Вы мне интересны. Вы не вписываетесь в схему. Либо вы очень смелая и гораздо умнее меня, либо очень глупая. Первое маловероятно, но и на дуру вы не похожи. Возможно, все не так, как мне кажется. Я пока не понял, но мне стало очень интересно разобраться. И понять, зачем на самом деле вы приехали в Фолкнор.

Я почти не поняла его последние слова, но не стала ничего спрашивать. Вдруг, пытаясь выяснить, о какой схеме он говорит, я выдам истинную причину своего приезда? Кто знает, как он тогда себя поведет? Его угроза объявить нас мужем и женой в любой момент все еще звучала у меня в ушах, рисковать не хотелось.

— Полагаю, вы наелись, — продолжил Фолкнор, когда я так ничего и не ответила. — Десерт вас интересует?

Я покачала головой. Я всегда была равнодушна к сладкому, а сейчас тем более не смогла бы что-то съесть. Лишь большая корзина с фруктами, стоявшая на столе, заставила меня печально вздохнуть. Я планировала

добраться до нее как раз в качестве десерта, но теперь мне хотелось только поскорее уйти. Идею попросить разрешения взять с собой яблоко или апельсин я сразу отвергла: я ведь твердо решила ни о чем его не просить.

Если шед и заметил мой вздох, то ничего не сказал. Лишь понимающе кивнул, досадливо нахмурившись. Он снова посмотрел на меня, но на этот раз его взгляд не прожигал насквозь. Или у меня просто выработался иммунитет?

— Может быть, хотя бы горячий чай? — предложил он. — Вы выглядите замерзшей.

От горячего чая я отказываться не стала: легкое искристое вино, которое мне наливали, совсем не грело, а я действительно все время мерзла. Жених посмотрел на распорядителя дома, и тот кивнул, понимая безмолвный приказ. Наши тарелки убрали, стол принялись накрывать к чаю.

— Учитывая, что мы обручены, вам не обязательно обращаться ко мне официально, — заметил Фолкнор, пока Долорсдон и лакей суетились вокруг нас. — Вы можете звать меня по имени. Даже по сокращенному, если вам так будет удобнее.

— Тор? — уточнила я.

— Рен, — поправил он. — Родители всегда называли меня Реном, а моего брата — Роном. Рен и Рон. Порой это приводило к путанице.

— Забавно, — осторожно прокомментировала я, не зная, что еще на это сказать.

— Обхохочешься, — с непередаваемой серьезностью кивнул он.

И это оказалось так похоже на шутку, что я не удержалась от улыбки. Однако лицо шеда осталось серьезным, поэтому я быстро подавила неуместное веселье.

— Боюсь, для меня это будет непросто, шед Фолкнор, — призналась я.

— Тогда как вам будет угодно, — пожал плечами он. — Мне без разницы. Просто мне нравится называть вас Нея, я подумал, что будет справедливо дать вам возможность обращаться ко мне соответственно.

— Вам нравится мое домашнее имя? — удивилась я. Это был второй почти комплимент от него за ужин. То есть он сделал мне на два комплимента больше, чем я могла рассчитывать.

Нам как раз подали чай, и прежде чем ответить, Фолкнор сделал несколько глотков, как будто давал себе время подумать. Наконец он заявил, глядя в свою чашку:

— Мою первую жену звали Линн. Поэтому имя Линнея мне не нравится. Я был рад узнать, что вы привыкли к имени Нея.

Его голос так внезапно охрип, когда он говорил это, что я растерялась. Насколько я знала, первый раз он был женат относительно давно, уже несколько лет назад. Тем более диким выглядело его третье обручение сразу после похорон второй жены. Но я не ожидала услышать в его голосе такие эмоции при упоминании первой.

Интересно, не стало ли мое имя еще одной причиной, по которой его выбор пал на меня? Линн, Лилия, Линнея. Может быть, ему и не нравится, что наши имена похожи, но вполне возможно, он сам неосознанно выбирает их.

Я ничего не стала на это отвечать. Разговор о Лилии привел к требованию снять платье. Мало ли что взбредет ему в голову, если я начну расспрашивать о Линн. Я предпочла сосредоточиться на чае, поэтому какое-то время в столовой царил тишина, нарушаемая лишь треском огня в камине да тиканьем больших настенных часов. Фолкнор оставался погружен в какие-то свои мысли, а я просто радовалась тому, что он снова ведет себя цивилизованно. Большого я от него и не хотела. Его внимание меня скорее пугало, а теперь и вовсе было для меня опасным.

Мне казалось, жених окончательно забыл о моем присутствии, когда он неожиданно сказал:

— Вам нужно одеваться теплее. Такие платья не подходят для нашего климата. Я так и так на вас женюсь, для меня важнее, чтобы вы ничего себе не застудили. Так что лучше одевайтесь практично, а не соблазнительно.

Я даже не знаю, что меня ошарашило больше: то, что его, помимо питания, волновал еще и мой гардероб, или то, что он считал мое платье соблазнительным.

Боги, он что, решил, что я так оделась, чтобы его соблазнить? От этой мысли кровь прилила к лицу.

— Это очень неожиданное заявление от человека, который несколько минут назад требовал снять платье и показать себя во всей красе, — нервно ответила я.

Фолкнор хмыкнул и посмотрел на меня. На его лице вновь появилось странное выражение, которое я уже видела в начале ужина. Если смотреть только в глаза, можно подумать, что он улыбается, но его губы оставались плотно сжаты в прямую линию. Лишь сам взгляд стал мягче и как будто... теплее? Или мне просто стало теплее от чая? Пожалуй, после сегодняшнего ужина мне и самой стал интереснее мой жених. Слишком странным и непредсказуемым он оказался.

— Одевайтесь теплее, — просто повторил он. — Когда время придет, я сам сниму с вас платье.

От этого обещания у меня мурашки побежали по спине. Рука дрогнула, и чашка, которую я как раз опускала, пронзительно звякнула о блюдце. Что ж, по крайней мере, он явно не имеет в виду, что это время придет сегодня.

— У меня нет достаточно теплой для ваших краев одежды, — призналась я, чтобы не позволить собственным мыслям уплыть в пугающем направлении. — Но я уже написала отцу письмо с просьбой прислать мне денег на новый гардероб. Его отправят с завтрашней почтой. Вас я буду вынуждена просить предоставить мне возможность его обновить. Вероятно, для этого следует поехать в Колдор?

Он кивнул.

— Карл вас отвезет, когда вам будет удобно. Я попрошу отправить ваше письмо с моей почтой, так будет быстрее. А еще быстрее будет, если вы поедете завтра же, я сам дам вам денег.

Я протестующе замотала головой.

— Нет, пока вы мой жених, а не муж, мой гардероб — не ваша забота.

Бровь снова дернулась, выдавая, что мне удалось удивить его еще раз, но тут же вернулась на место.

— Будем считать, что деньги вам одолжены до тех пор, пока отец не пришлет вам необходимые средства. Вам нужно хотя бы одно теплое платье. И белье.

Я смущенно кашлянула. Вот только обсуждать с ним нижнее белье мне не хватало! Фолкнор опять насмешливо покосился на меня.

— Хочу вам напомнить, что я уже дважды был женат. Кое-что понимаю в женском белье.

— Хочу вам напомнить, что я замужем пока не была, — не сдержалась я. — И обсуждать это с мужчинами не привыкла.

— Справедливо, — согласился он.

После этого мой жених поднялся, поскольку с чаем мы закончили, и я сделала то же самое. Мне еще следовало разобрать сегодня конспект по языку Богов с учетом знания алфавита. Стоило поправить все криво записанные слова и немного поучить их.

Мы вышли из столовой, но у ее дверей остановились. Здесь наши пути расходились, поскольку жили мы в разных частях замка.

— Что ж, доброй ночи, Нея, — пожелал Фолкнор, протянув мне руку. — Спасибо за компанию. Полагаю, нам стоит время от времени ужинать вместе. Чтобы лучше узнать друг друга, — последние слова прозвучали язвительно, но в них больше не чувствовалось угрозы.

Я вложила свою ладонь в его, но вместо того, чтобы поцеловать

тыльную сторону, как было принято у нас на юге, Фолкнор только слегка сжал ее, чуть склонив голову. Пальцы у него оказались очень холодными.

— Доброй ночи, шед.

Он выпустил мою руку, еще раз окинул взглядом с головы до пят, покачал головой и, резко повернувшись и вновь задев меня полами мантии, пошел прочь. А я поторопилась к себе.

В этот раз Долорсдон меня не провожал. Видимо, считалось, что теперь я и сама могу найти дорогу. Планировка замка действительно была не слишком сложной, но одинаковые коридоры сбивали с толку и заставляли вспомнить кошмар, который приснился мне в день второго обручения. Поднимаясь на верхний этаж, я боялась столкнуться с человеком в черном плаще с капюшоном, повернув за угол.

Однако я ни с кем не столкнулась и спокойно дошла до своей комнаты. Лишь взявшись за ручку двери, услышала едва уловимый шепот, сравнимый с дуновением ветра:

— Нея...

Я резко повернула голову на звук и почувствовала, как внутри все холодеет.

Она снова была здесь. Та самая девушка, уже являвшаяся мне в зеркале. Бледная, с темными волосами, в беспорядке свисающими по обе стороны лица, в черном платье с пышной юбкой. Только теперь она смотрела на меня не из зазеркалья. Она стояла в конце коридора.

Я судорожно вдохнула, пытаясь удержать рвущийся наружу крик. Незнакомка словно поняла это и приложила палец к губам, давая знак соблюдать тишину. А потом поманила к себе рукой.

У меня ноги отнимались от страха, поэтому я стояла на месте, как вкопанная, вцепившись в ручку двери, чтобы не упасть. Я умоляла Богиню или прогнать видение, или послать сюда кого-нибудь... живого, но коридор оставался пуст, а девушка все стояла и безмолвно звала меня. Я видела, что она не открывает рот, но моего уха вновь коснулось едва слышное:

— Нея... Помоги...

— Ч-что я могу с-сделать? — заикаясь даже сильнее, чем во время разговора с Фолкнором, прошептала я.

Наверное, видение — или призрак? — приняло это за согласие. Девушка повернулась и медленно пошла по коридору. Скорее, даже поплыла. Я снова резко втянула в себя воздух, испытывая непреодолимое желание скользнуть в комнату, закрыть за собой дверь, запереться на задвижку и не выходить до утра, наплевав на необходимость умываться.

Только от призраков запертые двери не спасают. И если я хотела

понять, что от меня нужно таинственной Невесте, мне следовало пойти за ней.

Поэтому с замирающим в груди сердцем я шагнула вперед.

Глава 9

В глубине души я надеялась, что когда дойду до поворота, незнакомка исчезнет. Но она была там. Стояла в противоположном конце нового коридора и смотрела на меня. Ждала. Обхватив себя руками за плечи, чтобы унять дрожь, я пошла к ней. Несколько секунд она стояла неподвижно, потом повернулась и двинулась дальше.

Так мы и шли некоторое время. Она всегда оставалась на приличном расстоянии впереди. Показывала направление. Ждала, если я замедляла шаг, мучаясь от страха и сомнений. Мы пересекли почти весь третий этаж, спустились по лестнице, снова прошли и теперь уже поднялись по лестнице. Я больше не понимала, где нахожусь. Это еще школьное крыло? Или мы успели перейти в основную часть замка?

Наконец после очередного поворота я увидела ее не в конце коридора, а неожиданно близко. Достаточно, чтобы как следует рассмотреть и убедиться, что она не из плоти и крови: теперь стало видно, что она полупрозрачная.

Она стояла напротив одной из дверей и смотрела на нее. Я снова замерла на месте. Мне оставалось сделать каких-то десять шагов, но я боялась приближаться к призраку.

— Чего ты хочешь от меня?

Она молчала. Молчала и смотрела на дверь. Я понимала, что должна войти в комнату, но от страха уже едва могла дышать, не то что ходить, поэтому солгала:

— Я не понимаю, чего ты хочешь...

Ее голова резко повернулась ко мне, наши взгляды встретились, и я почти физически ощутила гнев незнакомки. Он обрушился на меня ледяной волной и кровавой пеленой перед глазами, яркой вспышкой и резкой болью где-то в районе солнечного сплетения. Я охнула и согнулась пополам, плотно зажмуриваясь. В голове тут же замелькали картинки из того сна, в котором я бежала по коридорам от мужчины в черном плаще. И теперь я поняла, что в том сне я проделала тот же путь, что и сегодня вслед за девушкой в черном платье.

Когда боль отпустила, а я снова смогла открыть глаза и вдохнуть, девушки передо мной уже не оказалось. Возможно, она поняла, что пока она не уйдет, я не приближусь к нужной двери.

Еще один глубокий вдох, десять шагов, металлическая дверная ручка,

показавшаяся ледяной наощупь, скрипучие петли. Я вошла в темное помещение и едва не закричала, нос к носу столкнувшись с еще одним призраком: на этот раз светловолосой девушкой в лиловом платье с огромными перепуганными глазами. Не закричала только потому, что успела осознать: это же я. Света в коридоре было мало, а в комнате не было совсем, поэтому я не сразу увидела раму зеркала, в котором отражалась. Оно стояло прямо напротив входа, на противоположной стороне комнаты. Как в моем сне.

Я пошарила рукой по стене и нащупала крошечный рычажок выключателя. Щелчок — и комнату залило тусклым светом одинокой лампочки под потолком. Я оглянулась по сторонам: комната походила на какой-то склад или хранилище. Здесь пылилась старая мебель: я заметила большой платяной шкаф, несколько столиков разного размера и формы, составленные друг на друга стулья, продавленное кресло. Какие-то вещи были зачехлены, другие стояли так. Несколько коробок, вероятно, с какой-то мелочевкой, стояло на полу и на столах. Лампочка под потолком висела голой, без абажура. Судя по толстому слою пыли на мебели, здесь если и убирались, то нечасто.

И все-таки кто-то здесь регулярно бывал и последний раз заходил недавно: в пыли на полу была протоптана дорожка. Она вела от двери к тому самому зеркалу, в котором я увидела свое отражение.

Этот предмет выбивался из общего ряда. Хотя бы потому, что остальные вещи выглядели вполне обычными, а рама зеркала была исписана все теми же символами языка Богов, какие покрывали раму зачарованного зеркала у меня дома.

Почему оно хранится тут, а не в зале обрядов?

Я осторожно приблизилась к нему, скользя взглядом по надписям. Конечно, я не могла определить, такие же они, как на нашем зеркале, или чем-то отличаются, но теперь я хотя бы отличала буквы.

А еще я поняла, что древние слова вырезаны на раме недавно. Кто-то превратил обычное зеркало в волшебное? Зачем? И кто мог это сделать?

Я намеренно сосредоточила внимание на раме, потому что до дрожи в коленях боялась увидеть в отражении за моим плечом шеда Фолкнора. Как в том сне. Не знаю почему, но мне казалось, что мое присутствие здесь его не обрадует.

Понять бы еще, что мне хотела показать здесь девушка в черном? Зеркало или что-то еще?

Я еще раз посмотрела по сторонам, но взгляд ни за что не цеплялся. А когда я снова повернулась к зеркалу, то все-таки тихо вскрикнула, но тут же

зажала себе рот рукой.

В отражении за моим плечом действительно кое-кто стоял, но совсем не мой жених. Это была молодая женщина в длинной белой ночной сорочке. Такая же бледная, как и незнакомка в черном платье, но это определенно была другая женщина. Она смотрела на меня сквозь зеркало почти полностью выцветшими, казавшимися прозрачными глазами. Подол ее сорочки был пропитан кровью. Она протянула ко мне руки, и на них тоже была кровь.

— Помоги... — снова услышала я тихий шелест, хотя губы женщины оставались плотно сжаты.

Сердце зашло в груди, мне казалось, оно вот-вот разорвется от страха. Я резко обернулась, но комната за моей спиной, конечно, оказалась пуста.

И без того тусклый свет мигнул. Я подняла голову и бросила на лампочку умоляющий взгляд: в этом кошмаре с мертвыми женщинами мне не хватало только остаться в крошечной темноте. Однако лампочка осталась глуха к моим молитвам и медленно погасла, как гаснет догоревшая свеча. В то же мгновение дверь комнаты захлопнулась с оглушающим стуком.

Я оказалась в ловушке. Меня окружала непроницаемая темнота и такая же плотная тишина, нарушаемая лишь моим неровным дыханием. Все мое тело казалось парализованным. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни тем более сдвинуться с места. Лишь почувствовала, как по щеке скатилась горячая слеза.

Позвать на помощь я тоже не могла: паралич распространялся и на голосовые связки. Я не знала, как до сих пор дышу и почему сердце еще бьется, пусть и с огромным трудом.

Не знаю, сколько я простояла так, дрожа в темноте. По ощущениям — целую вечность, но возможно, пролетела лишь пара секунд. Я чувствовала, что в комнате не одна: помимо моего дыхания, подозрительно похожего на позорное тихое скуление побитой собаки, был еще какой-то звук. Я перестала дышать и прислушалась: рядом со мной раздавался едва слышный шорох, похожий на шуршание пышных юбок. Я сразу подумала о платье девушки в черном.

Мою шею обдало ледяным дыханием, волоски на ней встали дыбом, а я закусила губы, будучи все еще не в силах пошевелиться.

— Он идет, Нея... — раздался рядом с моим ухом тихий шепот. — Прячься.

Из коридора действительно донесся звук чьих-то торопливых шагов.

Они приближались к комнате. Рядом со мной в темноте скрипнула дверца. Я вспомнила, что в той части комнаты стоял большой старый шкаф.

Меня снова обдало холодом, все тело закололо крошечными иголочками. Довольно неприятно, но зато это ощущение помогло мне сбросить с себя оцепенение. Я повернулась на скрипящий звук и в темноте наощупь попыталась найти тот шкаф. Конечно, я несколько раз чувствительно ударила ногой о что-то невидимое для меня, но все же добралась до своей цели. Я скользнула в тесное пространство, и дверца сама захлопнулась за мной, как и открылась перед этим. И в следующее мгновение распахнулась дверь комнаты.

Я слышала, как щелкнул выключатель, но свет не загорелся. Выключатель щелкнул еще раз — и лампочка под потолком все-таки вспыхнула. И вот странность: когда я стояла в комнате, ее свет казался мне слишком тусклым, а теперь, когда я пряталась в шкафу, он вдруг стал для меня слишком ярким. Между дверцами шкафа была довольно крупная щель, и мне казалось, что через нее меня обязательно увидят. При таком-то ярком освещении!

Снова раздался звук шагов, скрипнула и тихо закрылась дверь в комнату. Я прижалась к стенке шкафа, но при этом попыталась увидеть того, кто вошел, в щель между дверцами.

И увидела. Мне пришлось зажать рот ладонью, чтобы не выдать себя случайным вздохом или тихим всхлипом. Потому что теперь здесь был и он: мужчина в черном плаще, с надвинутым на лицо капюшоном. Во сне я решила, что это Торрен Фолкнор, но теперь сомневалась в этом.

Он ведь пошел к себе, так? Тогда что он может делать здесь?

«Так ведь ты тоже пошла к себе, но тем не менее ты здесь», — резонно заметил внутренний голос, который вновь подозрительно походил на голос всегда логичной и рациональной Розы.

Аргумент показался мне разумным, но совершенно неразумно выглядело то, что в собственном замке верховный жрец ходит в черном плаще с капюшоном, как будто прячется от кого-то. Так делают, чтобы не попасться на глаза, те, кто не хочет, чтобы их видели в определенной части замка. Или в замке вообще. Но хозяин дома ведь может ходить везде. Кого ему бояться? От кого скрываться?

Тем временем неизвестный прошелся по комнате, замер и настороженно оглянулся по сторонам. Я снова перестала дышать. Кажется, он понял, что в комнате есть кто-то еще, и теперь станет меня искать. Мужчина сделал несколько осторожных шагов, медленно приблизившись к шкафу, а я сползла по стенке вниз, присев на корточки, чтобы меня не было

видно. Конечно, это не спасет меня, если он решит открыть шкаф, а ведь неизвестный уверенно шел к нему.

Откуда он знает, что я здесь?

Едва вопрос оформился в моей голове, я сразу поняла: следы! Как я обратила внимание на протоптанную дорожку в пыли на полу, так и он мог заметить новый след, ведущий к шкафу.

Сквозь щель я видела, как мужчина подошел вплотную и дернул дверцу. Я закрыла глаза. Совсем как детстве, когда еще боялась монстров из древних сказок. Я росла довольно впечатлительным ребенком, а няня любила рассказывать нам на ночь всякие страшилки. Мне потом порой казалось, что в моей комнате кто-то есть. Чаще всего я убегала к брату, и Корд прятал меня под своим одеялом, и, вооружившись игрушечным рыцарским мечом, обещал защищать. Но иногда мне было слишком страшно, чтобы слезть с кровати, и тогда я просто зажмурилась. Если не вижу я, то не видят и меня — такая вот детская логика.

Дверцу дернули еще раз, и я приоткрыла один глаз, поскольку ни скрипа, ни потока света не заметила. Шкаф не открывался, как будто кто-то замкнул замок.

Или держал дверцы.

Их дернули еще раз, уже сильнее, но они снова не поддались. А потом раздался оглушительный грохот, громкий мяв и приглушенная ругань. Настолько приглушенная, что я не разобрала толком слов и не смогла узнать голос.

Зато мужчина потерял интерес к моему шкафу. Решил, что наследил кот? Или предположил, что раз шкаф заперт, то здесь никто не может прятаться? Я не знала наверняка, но была рада увидеть, как он уходит.

Сквозь щель я видела, как неизвестный подошел к зеркалу, поднял с пола чехол и закрыл его. Потом он взял что-то со стола, стоявшего рядом с зеркалом, и торопливо направился к двери.

Выключатель снова щелкнул, погрузив комнату в темноту, дверь, скрипнув, отворилась и сразу захлопнулась. Послышались удаляющиеся шаги. Стоило им стихнуть, как заскрипела, отворяясь, дверца моего укрытия. Мне давали знак, что можно выходить, но я не двинулась с места.

Я так и сидела на дне шкафа, в темноте, обхватив руками колени и прижавшись спиной к задней стенке. Меня трясло от пережитого ужаса, я никак не могла заставить себя подняться. Я вспоминала прикосновение ледяного дыхания, женщину в окровавленной ночной сорочке, существовавшую только в отражении, и мне очень хотелось проснуться от этого кошмара, обнаружить себя в собственной постели.

Но время шло, а я все не просыпалась. Зато и мертвые женщины больше никак себя не проявляли. Постепенно я успокоилась, поняла, что слишком замерзла, чтобы сидеть тут и дальше, и все-таки выбралась из своего убежища. Все так же наощупь добралась до двери, снова ударившись о все возможные невидимые препятствия. Я очень хотела поскорее уйти отсюда, но взявшись за ручку двери, нерешительно замерла и после секундного колебания снова нащарила выключатель.

Когда тусклый свет послушно вспыхнул, я вернулась к зеркалу. Снимать чехол не стала, потому что само зеркало меня не интересовало. Меня интересовал столик, стоявший рядом с ним. Неизвестный что-то взял с него. Я не видела, что именно, но я ведь видела столик перед этим, когда осматривала комнату. Может быть, я смогу понять, чего не хватает?

Место, с которого мужчина что-то забрал, я определила сразу все тем же способом: по потревоженной пыли. Но сколько я ни пыталась вспомнить, скользая взглядом по другим предметам, я не смогла воскресить в памяти вид столика до прихода неизвестного. Сейчас здесь стояли разные коробочки, шкатулочки, лежали старые потрепанные книги. Вероятно, то, что отсюда забрали, не выбивалось из общего ряда. Да и судя по следу, оно было прямоугольной формы.

— Может быть, именно эту вещь вы и хотели мне показать? — прошептала я, обращаясь к мертвым незнакомкам. Сейчас я почти не сомневалась в том, что это прежние жены шеда.

Лампочка под потолком мигнула, как будто в знак согласия. Я едва не подпрыгнула на месте и почти бегом кинулась к двери, чуть не забыла выключить свет.

Как вернулась в комнату, я толком не помнила. Пришлось поблуждать по коридорам. К счастью, я никого в них не встретила, но все равно едва не разревелась от облегчения, когда добралась до нашего общежития. И лишь заперев дверь на задвижку, я смогла спокойно выдохнуть.

Постояв немного у двери и подумав, я шагнула к кровати и достала из-под нее саквояж, в котором так и остался лежать подарок Розы. Я вытащила плоскую шкатулку, раскрыла ее и посмотрела на револьвер. Потом нерешительно взяла его в руки, примеряясь.

Меня, конечно, никогда не учили стрелять. Даже держать оружие в руках. Роза сказала, что нужно не закрывать глаза и подпускать достаточно близко, чтобы точно попасть, но при этом так, чтобы меня не могли разоружить. Я, конечно, видела, как стреляет она сама: время от времени Роза упражнялась в моем присутствии. Поэтому общее представление о том, куда нажимать и откуда вылетает пуля, я имела.

Только не понимала, как смогу носить его с собой. У Розы для этого имелась специальная кобура. Вряд ли я смогу купить себе такую же. Да и жених едва ли поймет, если я начну разгуливать по замку с такой штукой. Примотать к бедру? Нет, будет слишком заметно. Уж лучше к голени. Тогда с длинным платьем, если оно будет достаточно свободным, пистолет могут не заметить.

Из моей груди вырвался то ли вздох, то ли стон. Кому я вру? Как я смогу носить такое на себе? И смогу ли вообще выстрелить в человека?

Я положила револьвер обратно в шкатулку, убрала ее в саквояж, а саквояж — под кровать. Пока у меня нет подходящей одежды, думать об этом все равно бессмысленно.

Выпрямившись, я с удивлением обнаружила, что на моей кровати лежит то, чего раньше там не было. В возбуждении после своей «прогулки» я не сразу заметила сложенную на кровати одежду. Теплый толстый свитер вроде тех, что носили другие ученики, и штаны из плотной ткани. Конечно, черные.

Кажется, жених всерьез обеспокоился тем, что я могу себе что-нибудь застудить. Его жест мог бы показаться милым, если бы я не понимала: он заботится о своих будущих наследниках, а не обо мне.

Что ж, это не значит, что я не могу принять его заботу, раз уж оказалась в такой ситуации. Отвергать свитер я точно не собиралась. Едва ли я осмелюсь надеть штаны, но с той прямой юбкой, в которой я приехала в замок, свитер тоже будет смотреться хорошо.

Вещи следовало убрать в шкаф, но я успела сделать всего несколько шагов к нему, прежде чем снова удивленно остановилась.

На письменном столе стояла большая корзина с фруктами. Та самая, что украшал сегодня наш стол за ужином. И на которую я бросила всего один быстрый взгляд в самом конце. Значит, шед его все-таки заметил.

Глава 10

Я так и не смогла заставить себя выйти из комнаты вечером, поэтому легла спать, не умываясь. Полночи не сомкнула глаз, крутила в голове все произошедшее. В основном перед глазами стояли лица мертвых женщин, которые что-то пытались мне сказать или показать. Они просили меня о помощи, но чем я могла им помочь, я не представляла. И как со всем этим могло быть связано зеркало?

Меня мучили и мысли о человеке в черном плаще. Кто он? И чего хочет? Что он делал в той комнате? И почему женщины сначала привели меня туда, а потом прятали от него? Что он забрал со столика?

Самым ужасным было то, что я ни с кем не могла поговорить обо всем этом. Никому в Фолкноре я не доверяла и не понимала обстановку. Здесь определенно происходит что-то странное и опасное для меня, но от кого именно исходит угроза, я пока не представляла.

Поначалу я была уверена, что бояться стоит жениха, но теперь сомневалась. Хотя он оставался для меня совершенно непонятным. По письму он показался вполне вежливым и разумным, но ни того, ни другого я не могла сказать ни по нашей первой встрече, ни по второй. Он вел себя так, словно это меня ему навязали, а не он себя мне навязал. Как будто это я вторглась в его жизнь и разрушила ее. Почему?

Ответ пришел сам собой: он женится на мне, потому что я ему подхожу, но то, что ему подхожу именно я, его по какой-то причине злит. По какой? И почему ему подхожу именно я? Почему он так торопится с обручением, хотя ему еще полгода соблюдать траур?

А что если он не собирается его соблюдать? Эта мысль пугала больше всего и долго не давала мне уснуть.

Как и следовало ожидать, утром с постели я встала уставшая и разбитая. Болела голова, а серая хмарь за окном повисала на и без того тяжелых веках пудовыми гирями, тянула обратно в постель, под одеяло. Спать!

Но я заставила себя встать. От головной боли избавилась, приложив кончики пальцев к вискам: дар целительства — это весьма полезная вещь. Быстрое умывание прохладной водой и один сладкий сочный апельсин вернули мне бодрость. А благодаря теплому свитеру я пошла на завтрак, не дрожа всем телом. И поскольку сегодня внимания к моей персоне было не так много, как накануне, я смогла нормально поесть: на этот раз я не

постеснялась узнать, что в кастрюле, а в ней оказалась вполне приемлемая каша.

В этот день занятия у нас были лишь до обеда. Первое оказалось чисто теоретическим: обряды жрецов Некроса. Честно говоря, я совершенно не поняла, для чего их преподают: никто в этой школе не мог стать жрецом. Хотя бы потому, что жрецами не становятся, а рождаются. Ты можешь приручить Силу, выучить на зубок слова и действия всех обрядов, но если ты не принадлежишь к роду, который когда-то был избран Богами для служения им, жрецом ты все равно не станешь. Но зато теоретическое изучение обрядов означало, что головы летучим мышам мы здесь отрезать точно не станем. А поскольку я выросла в Доме жреца, многие обряды видела с детства и прекрасно знала, мне было проще в них разобраться, чем в языке Богов или в искусстве создания печатей. Пусть обряды Некроса и отличались от обрядов Виты.

Зато следующий предмет заставил меня снова похолодеть внутри. Он назывался «Призыв и управление духом», и это воскресило в памяти события предыдущего вечера.

Сегодня нам рассказывали о правилах и ограничениях призыва. Так я узнала, что невозможно вызвать и тем более заставить служить себе дух более сильного мага и тем более жреца.

— Дух жреца может вызвать только другой жрец, — объяснял Кай Форт, еще один наш преподаватель.

Молодой, светловолосый, высокий и красивый, он сразу понравился мне, потому что был очень похож на людей, среди которых я выросла. Такой же улыбчивый и мягкий в общении. Было странно осознавать, что он владеет таким мрачным ремеслом, как призыв мертвых.

— А дух верховного жреца и вовсе вызвать невозможно, после смерти они неприкасаемы.

После этого он рассказал о том, что чаще всего духов вызывают ради предсказаний, поскольку в чертоге Некроса им становится известно больше, чем при жизни, или чтобы поручить им какое-то задание. Порой даже для защиты.

— Но в этом есть и ловушка, — его улыбчивое лицо стало серьезным, — потому что, призвав кого-то из чертога Некроса, вы рискуете откусить больше, чем сможете прожевать. Неосторожный призыв озлобленного духа может закончиться для вас фатально. Особенно это относится к призыву тех, кто умер насильственной смертью. Поэтому как бы сильно ни хотелось порой вызвать дух убиенного и спросить его, кто убийца, делают это крайне редко из соображений безопасности.

— А какие именно поручения можно давать призванным? — неожиданно для самой себя спросила я, все еще думая о мертвых женщинах, явившихся мне накануне. — Можно ли, например, послать их к другому человеку с сообщением?

Может быть, мертвые жены приходили ко мне не по своей инициативе, а по чьей-то воле?

— Можно, — согласился Форт, с любопытством покосившись на меня. — Но бессмысленно. Лучше воспользоваться магической почтой, так будет быстрее и надежнее. Духи редко способны общаться словами. Все чаще образами и знаками, а это выходит не очень понятно. И одно дело спрашивать их о грядущем или неведомом, тогда еще есть смысл разгадывать их образы и знаки, а передавать таким образом сообщение... Нет, я бы не стал.

— А есть какой-то... срок давности? — снова спросила я, не давая учителю продолжить начатую тему. — Я имею в виду, можно ли вызвать того, кто жил... сотни лет назад?

— Я как раз собираюсь об этом сейчас рассказать, если вы позволите мне продолжить лекцию.

Говоря это, он доброжелательно улыбался, но я смутилась и замолчала. Через несколько минут он действительно поведал, что чем больше времени проходит со смерти человека, тем сложнее вызвать его дух, ведь он все дальше уходит в чертог Некроса.

— Легче всего на призыв откликаются духи людей, ушедших в пределах пяти лет. Дальше с каждым прошедшим годом задача начинает усложняться. К тому же, чем больше времени прошло со дня смерти, тем меньше духи похожи на людей. Те, кто ушел несколько десятилетий назад, порой являются в виде теней, в очертании которых с трудом можно узнать человеческую фигуру.

— А мы будем это делать? — поинтересовался какой-то парень. Я еще не запомнила его имя. — В смысле, призывать духов и пытаться ими управлять?

— Конечно, — кивнул Форт. — Через какое-то время.

И эта новость меня не обрадовала.

После занятия Форт попросил меня задержаться. Дождавшись, когда остальные выйдут из класса, он подошел к моему столу и сел на стул за соседним.

— Значит, вы и есть Линнея Веста? — с неожиданной теплотой уточнил он.

А я уж думала, что больше не услышу этот вопрос.

— Не поймите меня неправильно, — тут же добавил он, заметив мою растерянность. — Просто я очень рад, что теперь в Фолкноре живет и учится кто-то из Южных земель.

— Вы тоже оттуда? — догадалась я.

Он кивнул и снова широко улыбнулся.

— Как тогда вас занесло сюда?

— О, это длинная и грустная история. Если хотите, я могу ее вам как-нибудь поведать на прогулке. Вы любите гулять, Линнея?

Я, конечно, не могла похвастаться большим опытом в любовных делах, но в моем понимании это очень походило на флирт. Поэтому я бросила на Форта настороженный взгляд исподлобья.

— Вы знаете, что я обручена с шедом Фолкнором?

— О, вы все-таки меня неправильно поняли, — вздохнул Форт с грустной улыбкой. — Да, я знаю, что вы обручены. Я тоже обручен. И это часть той самой длинной грустной истории. Просто местные... как бы вам сказать? Они хорошие люди, но они другие, если вы понимаете, о чем я. Было бы приятно иметь возможность общаться с кем-то, кто вырос там же, где и я.

Я облегченно выдохнула и улыбнулась ему в ответ. Да, наверное, общение с земляком пойдет мне на пользу. Может быть, его дружба мне даже пригодится однажды.

— Что ж, с удовольствием послушаю вашу историю, — согласилась я. — Надеюсь, шед будет не против.

— Мы будем гулять так, чтобы он нас видел, — заверил меня Форт. — От него все равно ничего не скроешь, а поскольку ничего дурного мы не замысливаем, то лучше делать все на виду, чтобы ни у кого не появилось вопросов или сомнений.

Я кивнула, соглашаясь. Дома мне тоже иногда позволяли оставаться с Роаном наедине при условии, что мы общались там, откуда за нами мог кто-то наблюдать. Конечно, полным уединением это трудно было назвать, но так хотя бы разговаривать можно спокойно.

Уже направляясь к выходу, я все-таки обернулась и задала вопрос, который просился на язык еще во время занятия, но который я так и не задала, постеснявшись мешать учителю и дальше:

— Скажите, а духи могут приходить сами? Если их никто не зовет, я имею в виду.

На лице Форта отразилось удивление, а потом задумчивость.

— Знаете, Линнея, признанной теории призыва это противоречит, но рассказы о самовольном явлении духов существуют веками. Некоторые

теоретики и практики признают, что самовольно могут являться родственники, желающие защитить членов своей семьи. Якобы тогда воли умершего достаточно. Но я не скажу наверняка. Лично с таким явлением не сталкивался.

Что ж, это уже позволяло о многом задуматься. Значит, вызвать и подослать дух возможно, а может ли он явиться сам — науке точно неизвестно. К сожалению, ни к каким ответам меня это не приближало. Лишь множило вопросы.

* * *

До обеда мы с Ирис успели немного позаниматься языком Богов, на который накануне у меня не хватило сил. Она помогла мне разобрать конспект и изучить первую в списке пяти выданных Мари тем.

Я же смогла ненавязчиво расспросить ее про Лилию. Ирис даже достала из нижнего ящика письменного стола (а мы занимались в ее комнате) газету, целый разворот в которой был посвящен свадьбе шеда. Имелся здесь и снимок молодоженов. Я сразу узнала и девушку, и платье: да, мне являлась именно Лилия.

На фотографии шед Фолкнор выглядел точно так же, как и в жизни: мрачно и немного надменно. Он смотрел в камеру, то есть позировал для официального снимка молодоженов, но при этом не потрудился улыбнуться. Лилия смотрела на него и улыбалась за двоих, взгляд ее казался теплым, влюбленным. Или она была по-настоящему очарована супругом, или хорошо умела притворяться.

— Почему она в черном платье?

— Так у нас всегда выходят замуж в черном, — Ирис пожала плечами. — А у вас?

— А у нас в белом, — вздохнула я, вспомнив платье, которое шила к свадьбе.

Интересно, что с ним стало? Его разобрали на куски ткани или перешили для другой невесты? Почему-то от этих мыслей мне стало грустно.

— Белый — это, наверное, красиво, — заметила Ирис, глядя на меня, как мне показалось, сочувственно.

— Символизирует чистоту и новое начало, — кивнула я. — Чистоту помыслов жениха, чистоту невесты... Как белый лист бумаги, на котором молодые начнут писать свою историю.

— У нас чистота невесты — это не главное, — хмыкнула Ирис.

Да, в этом отношении север и юг заметно отличались.

— Но насколько я знаю, для Лилии шед был первым и единственным мужчиной, — добавила она, аккуратно складывая газету и убирая ее обратно в нижний ящик стола. — Всем этим разговорам про Ронана я не верю. Конечно, их часто видели вместе, но, во-первых, он был ее учителем. А во-вторых, они ведь породнились.

— Значит, Лилия все же была влюблена в шеда? — осторожно уточнила я. — Не просто хотела обеспечить себе безбедную жизнь?

— Мне кажется, когда она выходила за него, была влюблена, — тихо ответила Ирис, не глядя на меня. — Но потом... Впрочем, — она мотнула головой, махнула рукой и принужденно улыбнулась. — Кто знает? Как я уже сказала, мы не были близки. Так ты разобралась со звукообразованием?

Обед тоже прошел веселее, чем накануне. Не могу сказать, что я ела с таким же аппетитом, как остальные, и новый суп, по составу очень похожий на вчерашний, не вызывал у меня восторга, но слова Фолкнора, как ни странно, повлияли на меня. Я смирилась с тем, что местная еда — это своего рода лекарство, необходимое для выживания в условиях Северных земель. А лекарства не бывают вкусными. К тому же меня грела мысль о яблоке, которое я собиралась съесть в комнате. Я решила, что надо будет отнести немного фруктов Ирис, раз уж ни с кем другим из учеников я пока не подружилась.

После обеда меня ждало еще одно дополнительное занятие. На этот раз с Ронаном Фолкнором, и для него мне пришлось идти в кабинет, который находился в «семейной», как оказывается это называли, части замка.

Это занятие прошло более напряженно, чем с Ирис. Ронан, конечно, вел себя как учитель, а не как подруга, с которой можно отвлечься на сторонние темы. И поскольку я была единственной ученицей на этом занятии, для меня оно оказалось вдвое интенсивнее. Под конец от названий частей печатей и их назначений закружилась голова, а рука устала конспектировать.

Ронан «обрадовал» меня тем, что печать, как и зелье, нуждается в активации, то есть в жертвоприношении.

— А другого способа активации не существует?

Кажется, это был первый вопрос, который я задала за полтора часа. Ронан удивленно посмотрел на меня.

— Это же магия смерти, — напомнил он. — Смерть должна присутствовать так или иначе. А что не так с жертвоприношением?

Я недоверчиво посмотрела на него.

— А что с ним может быть «так»? Убивать ни в чем не повинных зверьков — разве это правильно?

Ронан откинулся на спинку кресла, на котором сидел, и с улыбкой посмотрел на меня. Мы занимались за его письменным столом, и для меня он приставил стул рядом с собой, а сам сидел на своем обычном месте.

— Разве ты не употребляешь зверей в пищу? Рыбок, птичек и прочих?

— Но это не то же самое, — неуверенно возразила я.

— Только потому, что ты не сама их убиваешь?

Я не нашлась, что на это ответить. Да, в некоторой степени так и было: я сама не рубила курице голову, не потрошила рыбу, не снимала шкуру с кроликов. Я понимала, что кто-то это делает, но происходило это далеко от меня. И мне не хотелось приближаться.

Думаю, Ронан правильно понял мое молчание, потому что вздохнул и мягко похлопал меня по плечу.

— Мне жаль, Линнея, но это единственный способ активации, доступный нам. Вероятно, вы на юге используете другие способы, но я не могу тебе с этим помочь. Зато могу угостить чаем, если ты устала.

Чай был очень кстати, тем более компания Ронана нравилась мне гораздо больше, чем компания его брата. Он вышел отдать распоряжение прислуге, а я осталась в кабинете. Сложив вместе учебник и тетрадь и убрав ручку и карандаши в пенал, я обвела любопытным взглядом кабинет. Ронан еще не вернулся, поэтому я могла позволить себе осмотреться, не стесняясь. Конечно, если бы я вдруг оказалась одна в кабинете шеда, то сидела бы, не шелохнувшись, в страхе, что он может в любую секунду вернуться и неправильно истолковать мой интерес. Но Ронан не производил на меня такого пугающего впечатления.

На столе я не нашла ничего примечательного: несколько книг с множеством закладок, сложенных на краю стопкой, лоток с писчей бумагой, принадлежности для письма и черчения, лампа, которую скоро предстояло зажечь, потому что за окном уже темнело и естественного освещения не хватало.

Я перевела взгляд на книжные шкафы и прочую мебель. В кабинете имелась зона для отдыха: небольшой диванчик и кресло у окна, рядом с которыми стоял низкий кофейный столик. Книжные шкафы тянулись вдоль противоположной стены, и книг на полках помещалось немало. Наверное, я за всю жизнь столько не прочту.

В одном из шкафов была полка, отведенная не под книги, а под рамки с фотографиями. Я встала со стула, желая одновременно и размять

затекшие мышцы, и посмотреть на фотографии вблизи.

Снимков здесь стояло немного, и к собственному удивлению я узнала почти всех запечатленных на них людей. Первым в глаза бросился более старый фотопортрет, на котором были изображены молодая госпожа Фолкнор и серьезный мужчина в мантии верховного жреца. Очевидно, отец Ронана и Торрена, прежний шед Фолкнор. На другой фотографии госпожа Фолкнор выглядела уже старше, рядом с ней стоял мальчик лет десяти. Я не смогла определить, кто это — Торрен или Ронан. Они были очень похожи даже сейчас.

Однако заметив третий снимок, я потеряла интерес к остальным. На этой фотографии я прежде всего узнала девушку. Конечно, без окровавленной ночной сорочки и мертвенной бледности она выглядела не так устрашающе. Просто молодая красивая дама со скромной улыбкой и счастливым взглядом. На этом групповом портрете она стояла между двумя мужчинами. Торрена Фолкнора она держала под руку, а Ронан стоял рядом с ними. Все трое улыбались.

Все трое. Даже Торрен Фолкнор. На нем уже была мантия верховного жреца, и он старался выглядеть серьезным, но такой мрачности, как сейчас, на снимке заметно не было. Я даже взяла рамку с фотографией в руки и поднесла ближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

И едва не выронила, когда практически над моим ухом раздался комментарий:

— Это его первая жена. Линн.

Я вздрогнула и виновато посмотрела на Ронана, торопливо ставя фотографию на место.

— Простите.

— Я понимаю ваше любопытство. — Он мягко улыбнулся и посмотрел на снимок, подавив вздох. — Хорошая была девушка. Мы знали друг друга с детства, можно сказать, росли вместе. Они жили здесь неподалеку. Хорошая семья, высокое происхождение. Не жрецы, но тоже состояли в дальнем родстве с королевской семьей.

— Что с ней случилось? — осмелилась спросить я, хоть мой вопрос и прозвучал едва слышно.

Ронан нахмурился и удивленно посмотрел на меня.

— Почему вас так интересуют подробности смертей жен моего несчастного брата?

Я пожала плечами и смущенно отвела взгляд в сторону.

— Может быть, потому, что я тоже собираюсь стать его женой?

Ронан на это неожиданно усмехнулся. Нехорошо так, почти зло.

Выглядело это до того непривычно, что я немного растерялась.

— Ах да, конечно. То ли проклятие, то ли злой рок, то ли мой брат — убийца, который лично губит своих жен. Слухи, пересуды... До меня они доходили. Думаю, до Торрена тоже. Знаете, в отношении Линн они в каком-то смысле справедливы. Ее действительно убил он.

Мне показалось, что сейчас ноги меня подведут и я позорно грохнусь на пол. Ронан сказал это так отстраненно, так спокойно. В его голосе слышалась только едкая ирония, но никак не осуждение и не ужас. Я удивленно посмотрела на него, не в состоянии скрыть собственный шок. Ронан на это только хмыкнул и уточнил:

— Или правильнее будет сказать: ее убил его ребенок. Линн умерла в родах. И она, и их сын. Торрен, несомненно, виноват в этом, но за такое не наказывают. Как вы думаете?

Я никак не думала. У меня кружилась голова от этой новости. Когда чуть больше недели назад у нас в Южных землях начали говорить о гибели молодой жены верховного жреца Северных земель, о смерти его первой жены упоминали загадками. С многозначительными намеками и выразительными взглядами, но без конкретики. Однако по разговорам складывалось впечатление, что он сгубил обеих. И это «сгубил» как-то сразу преобразовалось в головах многих — в том числе и в моей — в «убил». Но оказывается, смерть первой жены Фолкнора была не его виной. Она была его личной трагедией, которую в наших землях извратили до неузнаваемости. Совсем как легенду о Невесте Смерти.

— Это ужасно, — выдохнула я, чувствуя, как в горле встает ком, а глаза начинают щипать слезы.

— Да, верно, это было ужасно, — согласился Ронан мрачно. — Ужасная ночь, за которой последовал ужасный год. Мне кажется, Торрен с тех пор ни разу не улыбнулся по-человечески. Мы все очень надеялись, что Лилии удастся растопить лед отчаяния, который его сковал. Но видите, как вышло...

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел уже хорошо знакомый мне лакей с большим подносом, на котором разместились чайник, пара изящных чашек и две небольшие вазочки: одна с маленькими круглыми шоколадными конфетками, а другая с тонким хрустящим печеньем. Лакей поставил все это на кофейный столик и тут же исчез, а Ронан пригласил меня сесть на диван. Сам он опустился в кресло.

— Беда в том, что моему брату очень нужен наследник, — объяснил Ронан, наливая мне чай. — Потребовалось почти пять лет, чтобы маме удалось убедить его снова жениться. Первое время он и слышать об этом не

хотел. Но такие люди как он себе не принадлежат. Его отметил Некрос, других, ему подобных, не осталось, поэтому у него есть обязательства перед народом Северных земель. Им нужен верховный жрец. И мой брат сейчас единственный, кто может его зачать. Поэтому он обязан жениться и обязан произвести наследника. Даже если это пугает его до ступора.

— Пугает его? — удивилась я и даже забыла про чашку, которую подносила к губам.

Ронан бросил на меня хмурый взгляд исподлобья.

— Конечно, пугает. Пережить подобное один раз очень тяжело, но Торрен боится, что история повторится. Он боялся этого с Лилией, он боится этого с вами. Думаю, именно поэтому он так суров. Он боится... привязаться к вам, а потом потерять.

Я сделала глоток чая, давая себе несколько секунд подумать. С этой точки зрения его поведение выглядело несколько иначе, хотя я и не понимала, как страх за меня мог спровоцировать те угрозы, что я услышала на ужине. Нет, в них было что-то еще. Какая-то другая причина.

И на фоне всего сказанного Ронаном столь поспешное обручение после гибели второй жены выглядело еще более странно. Про наследника я все понимала, но не настолько же он торопится, чтобы не соблюсти приличия? И если он так переживает в этих ситуациях, то почему не дал себе времени прийти в себя? Что-то здесь не сходилось. От меня явно скрывали какую-то важную деталь.

— Только не пугайтесь раньше времени, Нея, — уже более легким тоном попросил Ронан. — С вами не обязательно случится то же самое. Вы подходите ему гораздо больше, чем обе его предыдущие жены вместе взятые. С вами все будет иначе.

Вот опять это слово — подходите. Да чем же я ему так подхожу? Звезды как-то по-особенному стояли в день моего рождения?

— А он правда был королевским убийцей? — на всякий случай уточнила я. Может быть, и эту часть его биографии переврали в наших землях?

Ронан смущенно кашлянул и изобразил на лице неловкость.

— Не заставляйте меня отвечать на этот вопрос, Нея, — взмолился он. — Торрен все-таки мой брат, но и врать вам я бы не хотел. Он был призван на службу, потому что Его Величество всегда доверял нашей семье. И да, ему поручали решение многих... весьма деликатных вопросов.

Это значило «да». У меня вырвался судорожный вздох, и чашка вновь некрасиво звякнула о блюдец, а Ронан бросил на меня настороженный взгляд. Я решила объяснить ему причину своего интереса:

— В наших краях верят, что Богиня всегда карает убийц. Вита — Богиня Жизни. И того, кто посмел жизнь отнять, она наказывает, лишая возможности жизнь давать. Лишает возможности иметь детей. Правда, мы верим в то, что она просто не дает такому человеку зачать ребенка... Но, наверное, Некрос иначе к этому относится?

— У нас нет такого поверья, — Ронан покачал головой. — Некрос и есть смерть. Я знаю, что в других землях так называют Торрена, но он лишь исполняет свой долг, как все жрецы и все поданные короля. Да, смерть идет с ним рука об руку всю жизнь, но таков его жребий. Я уже говорил вам, что это нелегко.

Я понимающе кивнула, хотя все это не утешало и не успокаивало, только добавляло тревог. Пока я раздумывала над всем услышанным, Ронан, очевидно, тоже думал над тем, что сказала я, потому что неожиданно спросил:

— А как же служба в армии? Или в полиции? Неужели все солдаты ваших земель, кому пришлось убить врага, не могут иметь детей?

— О, нет, на это можно получить специальное благословление от наших жрецов, — с готовностью ответила я, поскольку когда-то меня тоже мучил этот вопрос. Еще в детстве. Да и я много раз видела, как отец проводит соответствующий обряд. — Когда в наших краях кого-то призывают на службу или он сам желает отправиться на нее, жрец обращается к Богине за благословлением. Чаще всего она его дает, но бывает, что нет.

— Интересно, какой ответ Богини обходится дороже? — неожиданно донесся от двери едкий голос шеда.

Я непроизвольно вздрогнула и подскочила с места. Ронан остался сидеть, лишь отставил чашку и откинулся на спинку кресла.

— Чем обязан твоему визиту, брат?

— Вообще-то я искал свою невесту, — шед выразительно посмотрел на меня. — Которая приехала знакомиться со мной, но почему-то больше времени проводит с тобой.

— Ты же сам сказал, что слишком занят, — напомнил Ронан. — А я помогаю ей нагнать школьную программу.

— Вот как, — старший Фолкнор окинул взглядом стол, на котором, конечно, не было ничего, что свидетельствовало бы об учебном занятии. Учебник и тетрадь так и остались лежать на письменном столе Ронана. Подвижная бровь многозначительно выгнулась. — Что ж, я сделаю вид, что поверил. У меня для вас ответ вашего отца, Нея. Судя по толщине конверта, он чувствует себя виноватым.

С этими словами он подошел ко мне и протянул запечатанный конверт, подписанный рукой моего отца. Судя по всему, там действительно находилась внушительная сумма денег.

— Благодарю, шед, — с трудом выдавила я в ответ. — Вам не стоило... самому...

Я замолчала, так и не сумев сформулировать мысль. От его намеков у меня так сильно билось сердце, что я едва дышала. Сразу вспомнились замечания Далии о том, что Лилии не стоило путаться с Ронаном. Может быть, Торрен Фолкнор действительно неверно истолковал общение Лилии со своим учителем? Вдруг он неправильно поймет и наше общение? Я все еще продолжала бояться его, даже узнав, что в гибели первой жены он не виноват. Ведь Лилия все равно каким-то подозрительным образом упала с крыши...

— Я еду в Колдор, — сообщил меж тем шед, разглядывая чашки и вазочки на столе. — По делу. Могу взять вас с собой. Пока я буду занят, вы сможете купить себе самое необходимое, а потом мы вместе вернемся.

Он поднял взгляд на меня, но я лишь недоуменно молчала, не зная, что ответить. Это вообще вопрос или уведомление? Я беспомощно оглянулась на Ронана, но тот только улыбался, глядя на нас.

— Нея?

Голос жениха заставил меня опомниться и снова перевести взгляд на него.

— Что?

— Вас устраивает этот вариант? — наконец прояснил он суть своего вопроса. — Если да, то у вас есть пять минут на то, чтобы собраться.

Меня не устраивал этот вариант. Я была в ужасе от того, что мне придется ехать с ним в машине сначала в Колдор, а потом обратно. Но отказать ему я не могла: он ведь сделал все, чтобы я как можно скорее смогла обзавестись теплыми вещами, а моей поездке сейчас объективно ничего не мешало.

— Да, конечно, шед.

— Тогда жду вас через пять минут в холле.

Заявив это, он бросил еще один хмурый взгляд на брата, потом резко повернулся и вышел, хлопнув за собой дверью.

Глава 11

Я так бежала, что оказалась в холле полностью готовая к поездке уже через четыре минуты. Мысль о том, что я могу заставить шеда ждать, наводила на меня ужас, но когда я, задыхаясь, выбежала в холл из своего крыла, он уже был там. Увидев его, я замерла, как вкопанная.

Он выглядел совсем иначе. Мантию жреца сменило черное пальто, сидящее по фигуре и значительно лучше подчеркивающее и немалый рост, и широкий разворот плеч, и величественную осанку. Волосы, обычно свободно свисающие по обе стороны лица, сейчас были аккуратно зачесаны назад и стянуты черной лентой в небольшой «хвост». Жених мерил холл шагами, дожидаясь меня, но заметив мое появление, не выказал недовольства. Лишь сделал приглашающий жест в сторону двери и прокомментировал, когда я проходила мимо него, тщетно пытаясь привести сбившееся дыхание в норму:

— Не стоило так торопиться, я бы не уехал без вас.

У подножия лестницы нас уже ждали автомобиль и Карл, который тепло улыбнулся мне и приветственно поклонился. Я тихо поздоровалась с ним в ответ, пока он держал для меня дверцу. Захлопнув ее за мной, он обошел авто и открыл дверцу моему жениху. Когда шед забрался на заднее сидение и сел рядом со мной, я поняла, насколько опрометчиво с моей стороны было согласиться на эту поездку.

Заднее сидение автомобиля было гораздо меньше, чем мне запомнилось, мы с Фолкнором оказались так близко друг к другу, как были всего один раз: в день моего приезда, когда он подошел ко мне вплотную после моего дерзкого ответа. Даже во время ужина и прощаясь после него мы соблюдали дистанцию. Но в тот первый день он стоял рядом всего несколько секунд, а теперь нам предстояло ехать больше часа. Я не знала, смогу ли так долго выдерживать его подавляющее воздействие.

Однако через несколько минут молчаливой поездки я поняла, что сегодня не ощущаю тяжести его ауры. Сегодня мне казалось, что от шеда исходит только горечь. Может быть, мои ощущения больше зависели от моих собственных мыслей? В первый день я устала с дороги и испытывала страх перед будущим супругом, а сегодня, после рассказа Ронана, я чувствовала к нему скорее сострадание.

— Если вы хотите мне что-то сказать, то просто скажите, — неожиданно предложил Фолкнор, не поворачивая головы. — Не надо

пытаться прожечь меня взглядом: у вас это все равно плохо получается.

Его слова смутили меня. Я и сама не осознавала, что все это время посматриваю на него, а он заметил, хотя, казалось, совсем не интересовался тем, что я делаю.

— Я просто хотела поблагодарить вас, шед, — быстро нашлась я, но от волнения голос прозвучал хрипло. Мне пришлось откашляться, и продолжить я смогла уже увереннее. — За одежду и фрукты. И за помощь с письмом, и с поездкой в Колдор... — я поняла, что слишком увлеклась перечислением, и заставила себя замолчать.

— И за постель, и за огонь в вашем камине, за еду на столе, — язвительно продолжил он. — За воздух можете не благодарить: им я не управляю.

Его тон неприятно царапнул, заставил меня смутиться еще больше.

— Зачем вы так? Я говорила искренне...

— Просто ничто из этого не стоит благодарности, — уже спокойнее пояснил он. — Обычная забота главы Дома о приближенных к нему. Я сделал бы то же самое для любой ученицы школы, а вы к тому же моя невеста. Заботиться о вашем здоровье и удобстве — моя прямая обязанность, раз уж я принимаю вас у себя.

— Замечать это и быть благодарной — такая же моя обязанность, — мягко заметила я.

Он наконец повернул голову и с интересом посмотрел на меня. На меня и на мою диадему, которую я продолжала носить.

— Серьезно? — недоверчиво уточнил он. — Так вас учат в ваших землях?

— А у вас не так? — в свою очередь удивилась я.

Он едва заметно пожал плечами.

— Мне трудно сказать, я ведь мужчина. Знаю то, чему учили меня. Но мой отец всегда обеспечивал мою мать всем необходимым и даже больше, а это не мешало ей время от времени устраивать ему скандалы с битьем посуды. И будь я проклят, если ему это не нравилось. Мирились они тоже бурно.

Я потрясенно замолчала. Моя мать ушла довольно рано, я была еще ребенком, но я помнила ее. И ни разу не слышала, чтобы она повысила голос в присутствии отца, про скандалы и говорить нечего. Она тоже носила диадему, и такое поведение считалось нормой. Меня учили тому же. Но мне всегда казалось, что отец просто не давал поводов для ее недовольства.

Мы снова какое-то время молчали, а потом я почувствовала на себе его

взгляд.

— О чем вы говорили с Роном?

— О разном, — быстро ответила я и призналась уже тише: — О вас в основном.

— Интересно. То есть говорить со мной обо мне у вас не получается, а вынюхивать за моей спиной — сколько угодно?

— Я не вынюхивала, — возразила я, твердо посмотрев на него. Может быть, твердо — это я себе польстила, но я старалась. — Я просто увидела фотографию вашей первой жены, и он мне про нее рассказал...

— Болтун, — недовольно процедил Фолкнор и тут же отвернулся к окну.

Я помолчала несколько секунд, но все-таки решилась:

— Мне очень жаль, шед Фолкнор. Правда. Я не знала, что вы пережили. Я вам очень сочувствую.

Он молча смотрел в окно, как будто даже не услышал моих слов. Я тоже отвернулась к окну, попутно поймав в зеркале заднего вида взгляд Карла. Тот словно говорил: «Не обращайтесь внимания, Нея. Он всегда такой».

— Что еще он вам сказал? — строго поинтересовался Фолкнор после продолжительного молчания.

Я уже успела погрузиться в собственные мысли, а потому снова вздрогнула от неожиданности и не сразу поняла его вопрос.

— Ничего. Только то, что вы боитесь повторения истории, поэтому так грубы со мной. Якобы вы боитесь привязаться.

Он снова удивленно посмотрел на меня.

— Я с вами груб?

— На самом деле, он использовал слово «суров», — быстро поправила я, избегая смотреть жениху в глаза. — Я ошиблась.

Фолкнор еще какое-то время молча изучал меня взглядом, а потом констатировал:

— Значит, это вы считаете, что я с вами груб.

Я промолчала, чувствуя, как от страха снова учащается сердцебиение и становится трудно дышать. Воспитание требовало извиниться за то, что я выдала свои мысли на этот счет. Того же требовал инстинкт самосохранения. Но что-то внутри противилось этому. Ведь я сказала чистую правду.

— Возможно, проблема в разнице наших восприятий, — осторожно ответила я. — В ваших землях не считается грубостью угрожать девушке взять ее силой на обеденном столе на потеху слугам между основным

блюдом и десертом? Может быть, мне стоило принять это как комплимент?

Я даже заставила себя все-таки поймать его взгляд. Возможно, после разговора с Ронаном мне просто очень хотелось, чтобы поведению шеда за ужином нашлось какое-то объяснение. Или чтобы он извинился, и это не висело между нами. Не висело надо мной — прежде всего. Я хотела верить в то, что он говорил несерьезно, но мне требовалось подтверждение, иначе я так и буду дрожать в его присутствии. А это очень унижительно.

Фолкнор смотрел на меня, чуть прищурился глазами. Слово в душу заглядывал. Мне становилось все труднее и труднее дышать, но я старалась не отводить взгляд.

— Я прошу у вас прощения за свое поведение за ужином, — наконец медленно ответил он. — И я принимаю ваше сочувствие. Но я настоятельно прошу вас в дальнейшем все интересующие вас вопросы адресовать лично мне, а не моему брату, не моей матери и не вашим соученикам. Договорились?

Я кивнула. Похоже, с ним все-таки можно общаться нормально. Это немного обнадеживало, хотя мне было страшно представить, как он отреагирует, если мне все-таки удастся получить степень магистра магии, снять диадему и разорвать помолвку.

Тем не менее всю оставшуюся дорогу до Колдора мы провели не в гнетущем молчании, а в умиротворяющей тишине. Я вновь задремала, убаюканная мелкой тряской и однообразным пейзажем за окном. Проснулась уже в городе, когда автомобиль остановился у большого и явно богатого дома. В сгущающихся сумерках он выглядел мрачновато, но я поняла, что начинаю привыкать и к этому темно-серому камню, и к странным украшениям фасадов.

— Вы проснулись, это хорошо, — заметил жених, не глядя на меня. — Я выйду здесь, меня ждут в этом доме. Думаю, я задержусь не больше, чем на час. Карл отвезет вас в торговый квартал, вы купите все необходимое и вернетесь за мной. Одного часа вам хватит?

Я нерешительно нахмурилась. Откуда я могла знать? Как далеко находится квартал? Сколько там магазинов? Смогу ли я сразу найти все, что мне нужно, в одном или придется пройти несколько? Фолкнор, кажется, понял причины моей растерянности, поскольку тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ладно, у вас есть два часа. Думаю, хозяева не откажутся потерпеть мое общество чуть дольше. Но если управитесь раньше, приезжайте раньше.

Пока он все это говорил, Карл вышел из авто, обошел его и открыл

дверцу. Фолкнор бросил на меня быстрый взгляд, коротко кивнул, видимо, прощаясь, и выбрался из салона. Карл вновь захлопнул дверцу, сел на свое место, и мы снова тронулись.

Я не удержалась и оглянулась. Фолкнор стоял посреди дороги и тоже смотрел нам вслед. Потом он сделал странное движение рукой — снизу вверх, и из-под земли выросла тень, отдаленно напоминающая человека. Фолкнор даже не посмотрел на нее, но мне показалось, что он отдал ей какой-то приказ. Тень метнулась следом за нами. Я испуганно отпрянула, но она растворилась, не догнав нас.

— Не бойтесь, Нея, — успокоил меня Карл. — Шед просто отправил за вами охранника. Вы его даже не увидите, если никто и ничто не будет вам угрожать.

— А что, в городе опасно? — удивилась я, снова садясь прямо.

— Нет, — с улыбкой заверил Карл. — Не волнуйтесь. Я думаю, шед просто перестраховывается. И его можно понять. Учитывая обстоятельства.

Пожалуй, с этим я была полностью согласна.

Глава 12

Покупка новых нарядов — занятие, которому в своей прежней жизни я могла предаваться часами. Порой мы с Розой проводили в торговых кварталах целый день, плавно переходя из одного магазина в другой и прерываясь время от времени на чай или кофе с пирожным или полноценный обед. Это всегда было весело, особенно я любила язвительные комментарии Розы по поводу некоторых вещей, которые мы встречали, а порой и тех, что выбирала я. Мне редко удавалось заставить себя остановиться, и обычно я тратила все имеющиеся у меня на руках деньги. Пару раз даже подписывала долговые расписки.

Однако сегодня все было иначе. Вместо Розы меня сопровождал Карл, который на все попытки посоветоваться отвечал только, что я прекрасна в любом наряде. Я физически ощущала, как истекает отведенное Фолкнором время, а потому решила не слишком увлекаться процессом. В конце концов, мне требовалось немного одежды для выживания — вот и все. За изысками смогу вернуться позже одна. Наверное.

А пока мне требовались теплое пальто и шарф, пара теплых платьев и вероятно — пара свитеров, которые я смогу носить с юбкой. На штаны, которые в этих краях женщины носили гораздо чаще, чем у нас, я лишь посмотрела, но снова не решилась даже примерить. Зато накупила белья и тонких, но очень теплых облегающих... тоже штанов, наверное, которые, как мне объяснили, надевались под юбки и платья вместо чулок. Продащица называла их колготами.

Несколько обновок я сразу надела на себя: одно из платьев, под него — эти самые колготы, сверху — пальто. Обмотала горло шарфом. Мне сразу стало гораздо комфортнее. До этого даже короткие перебежки из магазина в магазин заставляли дрожать. Единственное, что угнетало, — это цвета. Даже если это не был оттенок серого или черный, цвет все равно выглядел очень темным, мрачным. Но я успокоила себя тем, что не буду выделяться на фоне других, как выделялась сейчас своим бирюзовым пальто.

У меня оставалось еще немало денег, но с момента нашего расставания с шедом прошло уже больше часа, поэтому, купив две пары теплой обуви, я решила остановиться. Прежде всего потому, что мне опять не хотелось заставлять жениха ждать. И, возможно, злить его этим. А потом в голову пришла мысль, что было бы неплохо припрятать немного денег. На всякий случай. Мало ли, как сложится и что мне еще понадобится? Раньше я

никогда не думала о таких вещах, потому что отец никогда не скупился, и когда я просила, всегда давал мне нужную сумму, но теперь я не могла быть уверена, что в любой момент смогу обратиться с такой просьбой.

В результате к дому мы вернулись через полтора часа. Карл подал сигнал, и всего пять минут спустя шед вышел к нам. Сев на свое место, он вежливо поинтересовался, все ли необходимое я купила. Я заверила, что в ближайшее время мне ничего не понадобится, на что он удовлетворенно кивнул и снова отвернулся к окну.

Я поймала себя на внезапной мысли, что он с трудом переносит мое общество и меня это печалит. Я не понимала почему. У меня не было задачи ему понравиться. Наоборот, чем меньше я ему нравлюсь, тем больше шансов однажды от него освободиться. И все же мне было обидно, что я ему совсем не нравлюсь, что он постоянно отворачивается, как будто я ему неприятна. Возможно, я оказалась более тщеславна, чем думала до сих пор. В глубине души я понимала, что дело в другом, но сейчас не могла позволить себе даже подумать об этом.

Я не знала, как мы ехали по городу сюда, потому что все проспала, но мы точно поехали не тем путем, которым добирались до торгового квартала. Фолкнор молча смотрел в свое окно, я — в свое, с удивлением замечая, что на улицах становится все больше людей. Нам стали попадаться уличные музыканты и артисты, а вскоре послышалась музыка.

— Зачем ты поехал через центр? — неожиданно спросил Фолкнор. — Ты же понимаешь, что сегодня площадь перекрыта и придется объезжать ее переулками.

— А что случилось? — осмелилась спросить я, поскольку это давно меня интересовало.

— Праздник, — лаконично ответил Фолкнор, бросив на меня быстрый взгляд. — Не государственный и не религиозный, местный. День основания Колдора.

— Я подумал, вашей невесте будет интересно взглянуть на это, — честно ответил Карл, сдержанно улыбаясь. — Да и вы раньше любили праздничные ярмарки. Помните, как я возил вас сюда с братом, когда вы были еще совсем мальчиком? Вам тогда лет десять было.

Фолкнор хмуро посмотрел на Карла и снова отвернулся, холодно процедив:

— Не помню.

Я поняла, что он лжет. Поймала взгляд Карла в зеркале заднего вида: тот тоже явно знал, что шед просто вредничает.

— Вы любили крендели с сахарной глазурью, — мягко напомнил

он, — а ваш брат — посыпанные тертым сыром и запеченные с ним. Вы обожали представления циркачей и могли смотреть на них, даже замерзнув до синевы, а Рон предпочитал плясать в хороводах.

Фолкнор снова бросил на Карла испепеляющий взгляд, который должен был бы меня напугать, но... не напугал. Я только тихо хихикнула, попытавшись представить то, о чем говорил шофер. Правда, в моем воображении маленькие Торрен и Ронан выглядели одинаково: как мальчик на фотографии в кабинете Ронана.

Мой смех затих, едва жених перевел недовольный взгляд на меня. Я тут же поспешно отвернулась к окну. Мы как раз подъехали к той самой перекрытой площади, и из-за большого количества народа Карлу пришлось практически остановить автомобиль. Чтобы продолжить путь, нам следовало свернуть на узкую боковую улицу, но почему-то мы не торопились это делать.

— Уверены, что не хотите немного погулять там, шед? — как ни в чем не бывало спросил Карл у Фолкнора. — Может быть, показать невесте, как у нас бывает весело? И тогда ей будет проще пережить расставание с родными краями.

— Весело? — едко переспросил Фолкнор. — У меня вообще-то траур, ты не забыл?

— Но у вашей невесты траура нет, — гнул свое Карл. — Ей наверняка интересно посмотреть.

Я снова повернулась к Фолкнору, а он — ко мне. На мгновение наши взгляды встретились и словно зацепились друг за друга. По крайней мере, я отвести свой уже не смогла, только почувствовала, как перехватило дыхание.

— Вам правда интересно? — недоверчиво уточнил Фолкнор. — И вы хотели бы прогуляться там со мной?

По его тону я не совсем поняла, что именно вызывает у него сомнение: то, что я хотела бы побывать на празднике, или то, что я хотела бы побывать там с ним. Я растерянно пожала плечами. Конечно, мне было интересно. Площадь переливалась разноцветными огнями, музыку было слышно даже в салоне автомобиля. Все это так не походило на угрюмую мрачность севера, которую я наблюдала уже несколько дней, что вызывало крайнее любопытство. Если здесь нашлось место чему-то столь яркому и веселому, мне очень хотелось на это посмотреть. Может быть, тогда мне перестанет казаться, что здесь легко можно умереть от холода, серости и тоски.

И все это интересовало меня куда больше, чем пугала перспектива

прогулки с ним. Наверное, Фолкнор прочел эти мысли в моем взгляде, потому что, недовольно поджав губы, он заявил:

— Хорошо, но не надолго. У меня нет времени.

И с этими словами он сам открыл свою дверцу и вылез из салона. Я бы тоже так сделала, очень уж мне не терпелось и было страшно, что он вдруг передумает, но я не понимала, как именно дверца открывается изнутри, поэтому пришлось подождать помощи Карла. За это время Фолкнор успел обойти автомобиль и подать мне руку, помогая вылезти. Сразу после этого он предложил мне локоть, и после небольшого колебания я его приняла. Прежде, чем мы растворились в толпе, я успела благодарно улыбнуться Карлу. Тот пожелал нам хорошей прогулки.

Первые несколько шагов я ни на что не обращала внимания. Идти с Фолкнором под руку оказалось неожиданно... волнительно? До сих пор мы, наверное, только раз прикоснулись друг к другу, когда он сжал мою руку на прощание после ужина, а теперь я держалась за его локоть, и это ощущение затмевало собой все остальные.

Однако потом происходящее вокруг захватило меня, и я перестала обращать на это внимание. Я разглядывала разноцветные гирлянды, украшавшие небольшие деревянные киоски, в которых торговали всякой мелочевкой. Одни предлагали еду, которую готовили прямо рядом с прилавком на небольших жаровнях, другие — простенькие украшения из дерева, металла и камня, какие-то фигурки и предметы обихода. В некоторых киосках предлагали во что-нибудь сыграть: угадать, под какой чашкой спрятался камень, или испытать меткость, бросая шары в пирамиду из деревянных цилиндров — распиленных толстых веток деревьев. Где-то наливали пахнущее пряностями горячее вино, где-то предлагали погадать на картах.

Киоски опоясывали площадь, а внутри нее играли музыканты, выступали циркачи, плясали люди — где-то парами, где-то хороводами, — за длинными общими столами ели, пили и отдыхали. Все вокруг двигалось, сверкало, гремело. Музыка, голоса, смех, тепло огня и запахи, от которых рот наполнялся слюной, а живот начинал призывно урчать, мешались вместе и заставляли сердце радостно стучать, а губы — растягиваться в широкой улыбке.

— Нравится? — поинтересовался Фолкнор через какое-то время.

До этого мы не разговаривали, и я почти забыла, с кем именно иду под руку, поэтому посмотрела на него почти удивленно. Его губы не поддавались магии праздника, но в глазах я видела ту мягкую улыбку, которую замечала раньше. Я активно закивала.

— Конечно. Я люблю городские праздники. У нас они немного другие, но здесь так много... цвета, что это напоминает мне о доме.

Фолкнор понимающе кивнул.

— Да, вам, южанке, должно быть трудно привыкнуть к нашим... декорациям. Когда я был в Южных землях, у меня в глазах рябило от многообразия красок. Столько разных цветов на клумбах и цветные фасады домов, витражи... Порой глаза болели.

— Вы были у нас? — меня это удивило.

— Совет жрецов собирается по очереди во всех землях. Я, конечно, в него вхожу.

— Да, разумеется, — я смутилась. Ведь знала же про это. — Значит, вам у нас не понравилось?

— Почему же? Я признаю, что в этой пестроте есть своя красота. Она не такая, как у нас, но я способен ее и увидеть, и оценить. Хотя должен признать, что для меня эти поездки каждый раз становились испытанием.

— Почему?

Он повернулся ко мне и снова выразительно выгнул бровь.

— А вы попробуйте походить под своим палящим солнцем в черной парадной мантии жреца Некроса.

Он сказал это таким тоном, что я против воли рассмеялась.

— Вам, наверное, было даже хуже, чем мне в день приезда сюда. К тому же у вас длинные волосы. Наши мужчины не носят длинные волосы именно из-за жары.

— Почему тогда их носят женщины? — поинтересовался он, скользнув взглядом по моей прическе.

— Потому что женщина должна быть красивой, — ответила я, пожав плечами. Я никогда не задумывалась над этим вопросом. — Особенно та, что выбрала диадему.

— А с короткими волосами женщина не может быть красивой? — продолжал допытываться он.

Я не знала, что на это ответить. Да, у нас в моде были прически из длинных волос. Коротко стриглись только независимые женщины. Чаще всего они не уделяли прическе столько внимания, сколько приходилось уделять нам.

— Длинные волосы — это женственно. Разве нет?

Теперь я посмотрела на него вопросительно. Может быть, на севере считается как-то иначе? И я не нравлюсь ему из-за волос? Впрочем, в школе у девушек тоже были длинные волосы. Да и судя по фотографиям, обе его прежние жены носили длинные волосы.

— Мне кажется, даже если вас побрить наголо, вы все равно будете красивой.

Я настолько не ожидала такого ответа, что моментально остановилась. Он тоже не ожидал от меня такого маневра, поэтому продолжил идти. Но поскольку я держала его за локоть, его развернуло ко мне.

— В чем дело? — недовольно нахмурившись, спросил жених.

— Вы правда считаете меня красивой?

Брови, сошедшиеся до этого на переносице, удивленно прыгнули вверх.

— А вы так не считаете?

— Нет... то есть, да... то есть... — я так растерялась, что забыла все слова. Пришлось мотнуть головой, чтобы заметавшиеся мысли перестали скакать. — Я хочу сказать, что мне показалось, будто я вам не нравлюсь.

— Вы ошиблись, — спокойно возразил Фолкнор, скользнув по мне медленным взглядом с головы до пят и обратно. — Ваша внешность, конечно, немного необычна для глаз того, кто вырос в Северных землях, но как я уже сказал, я умею видеть и ценить незнакомую красоту. Вы красивы. Хотя бы потому что молоды и умны, пусть последнее и стало для меня сюрпризом. Так что вы, Нея, мне нравитесь. Мне не нравится то, что я вынужден на вас жениться. Не я вас выбрал, я лишь согласился с тем, что вы очень подходящая кандидатура.

Я смотрела на него и испытывала очень противоречивые чувства. Насколько противоречивые, что я сама не могла их понять. Он умудрялся говорить так, что одни слова ласкали слух, а другие ранили самолюбие, одни давали надежду, а другие ее убивали. И я уже сама не знала, чего хочу больше: нравится ему или нет.

— Кажется, я вас опять обидел, — равнодушно заметил он, продолжая скользить по мне взглядом. — Хотя и не понимаю чем. Если у вас пропало настроение, мы можем вернуться к автомобилю. Хотите?

Я покачала головой. В конце концов, он не сказал мне ничего нового. Кроме того, что считает меня красивой. Я решила, что нужно сосредоточиться на этом, и настроение сразу вернется. Мне даже удалось улыбнуться.

— Если вы не против, я бы побыла здесь еще.

Он снова вонзил в меня нечитаемый взгляд и внезапно предложил:

— Хотите горячего вина?

Сейчас я не мерзла так сильно, как обычно, но вокруг так вкусно пахло, что я не нашла в себе сил отказаться. Мы подошли к одному из киосков, где на жаровнях стояли котелки с горячим ароматным напитком, в

котором плавали какие-то специи и кусочки фруктов. Горожане подходили к таким киоскам со своими кружками, которые носили с собой, но поскольку мы оказались на празднике случайно, Фолкнору пришлось купить нам и по глиняной кружке, куда румяная и улыбчивая женщина налила черпаком вино.

Горячая жидкость приятно обожгла горло, тепло тут же разлилось по телу вместе со спокойствием и радостью и упало в живот, напомнив, что там довольно пусто. Обед был давно, у Ронана я успела сделать лишь пару глотков чая, а полдник я пропустила. Фолкнор, видимо, тоже это сообразил и купил мне еще и крендель.

Теперь мы шли просто рядом. Я пила вино и ела огромный, пышущий жаром крендель с сахарной глазурью, Фолкнор ограничился только вином. Время от времени мое внимание привлекали какие-нибудь игры или выступления, я останавливалась, и жених терпеливо дожидался, пока я посмотрю. Мне было тепло, вкусно и спокойно, лишь уши немного мерзли от порывов холодного ветра. И даже то, что мы теперь преимущественно молчали, мне не мешало.

Когда кружка опустела наполовину, я почувствовала прилив неудержимого любопытства, смешанного с внезапным бесстрашием. Опасное сочетание, если задуматься, но в тот момент я не задумывалась. Я просто поинтересовалась:

— А почему вы сегодня не в мантии жреца? Мой отец всегда ее носит. Я считала, что так положено.

— Не совсем, — возразил Фолкнор. — Мантию обычно носят, чтобы окружающие узнавали в тебе жреца и... относились соответствующим образом. Когда нет желания быть узнаваемым, я надеваю обычную одежду.

— Значит, сегодня вы не хотели, чтобы вас узнали, — резюмировала я. — А почему?

Он посмотрел на меня с заметным удивлением, как будто не ожидал, что это может быть мне интересно. Я терпеливо ждала ответа.

— Потому что мой визит был неофициальным, — наконец объяснил он. — Хоть меня и позвали как жреца Некроса.

— А для чего? — не унималась я.

Он вздохнул, немного помолчал, как будто сомневался, что ему стоит отвечать на этот вопрос. Но потом вдруг кивнул каким-то своим мыслям и принялся рассказывать:

— Это дом одного уважаемого в городе человека. Его престарелая мать была очень больна и очень мучилась. Доктора не смогли ей помочь. Боли были настолько сильными, что она молила Некроса о милости

каждый день, но он почему-то не торопился призвать ее в свой чертог. Меня пригласили... помолиться с ней. И ускорить процесс. Я ведь его наместник. Меня он должен слышать лучше и откликаться быстрее.

— Помогло?

— Да, она нашла покой.

Я кивнула, хотя что-то в его тоне показалось мне странным. Но только через несколько шагов и пары глотков вина я вдруг поняла, что он имел в виду. Я снова резко остановилась, словно уперлась в невидимую стену. На этот раз жених ждал этого, потому что тоже остановился сразу и посмотрел на меня, как мне показалось, выжидающе.

Я подняла на него испуганный взгляд и едва слышно уточнила:

— Вы убили ее?

На его лице не дрогнул ни один мускул, даже бровь осталась неподвижной.

— Я даровал ей милость Некроса, о которой она его молила, — поправил он.

— Но это не ваше дело. Не ваше право. Вы жрец, а не Бог. Вы не должны...

— Боги, Нея, порой слишком заняты, — неожиданно резко перебил он. — Заняты или глухи, они не слышат даже собственных жрецов. Даже верховных. Даже если он единственный. Вы считаете, я должен был помолиться с ней и оставить наедине с болью, немощью и мыслями о том, за что великий Некрос так наказывает ее? Чем она перед ним провинилась?

Наверное, я была уже пунцовая. Сердце больно ухало в груди, дыхание сбилось, а наполовину съеденный крендель и кружка с остывшим вином в моих руках казались теперь какими-то глупыми, неуместными.

— Не нам решать, когда должна прерваться жизнь другого человека, — все-таки смогла выдать я. — На то есть воля Богов.

— У нас с вами разные взгляды на жизнь и смерть, Нея, — он покачал головой. — Я не жду, что вы поймете. Или сможете это принять. Но смерть — это всего лишь естественный этап жизни. Его не надо бояться. И надо понимать, что иногда этот этап — единственное хорошее, что осталось впереди. Вы слишком молоды и слишком здоровы, чтобы знать, какой может быть боль. И не дай вам Боги однажды узнать это. Но вам придется как-то смириться и принять то, кто ваш будущий муж. Принять меня и мое служение Некросу, как его принимаю я. И не думайте, что мне это легко дается.

Его голос все время звучал ровно, лишь на последней фразе дрогнул и стал тише. Это оказалось так неожиданно, что я снова осмелилась

посмотреть на него, хотя до этого разглядывала собственные руки. Эмоции, которые на мгновение проявились в его голосе, заставили меня задуматься. Каково ему было заниматься тем, чем он занимался, все годы службы у короля? Ронан тоже говорил об этом: о том, что его брату выпал тяжкий жребий и для него это нелегко.

— Ей не было больно умирать? — удивив саму себя, спросила я.

Он покачал головой.

— Нет. Этот яд сначала действует как обезболивающее, потом вызывает эйфорию. Она ушла в покое. Уверенная, что какова бы ни была причина наказания, Некрос простил ее и ждет в своем чертоге.

— А если это не так?.. — снова попыталась возразить я, но Фолкнор внезапно коснулся моего плеча, и я тут же замолчала.

— Это так, Нея. Я знаю.

У меня не нашлось больше аргументов. В конце концов, он верховный жрец. Кому как не ему знать волю его Бога?

Мы снова двинулись вперед, продолжив обходить площадь по кругу, но теперь я уже почти не обращала внимания на происходящее вокруг. Только пила вино, думая о том, что сказал Фолкнор, и пыталась проглотить вместе с ним горечь, появившуюся во рту.

— Честно говоря, вы приняли это легче, чем я ожидал, — вдруг мягко заметил он.

Я активно помотала головой и призналась:

— Нет, я все еще не могу этого принять, но я попробую понять.

— Трудно нам с вами будет, — вздохнул он. — Слишком разная у нас вера. И вроде Боги единые, но у каждого свое учение.

Я нерешительно улыбнулась ему. Он практически прочитал мои мысли. И в этом я почему-то увидела добрый знак: если иногда мы все же мыслим одинаково, то все не так плохо, да?

К теме служения Некросу мы больше не возвращались. Допили вино и оставили кружки на одном из столов. Крендель оказался слишком велик для меня, поэтому Фолкнору пришлось помочь мне его доесть. Я попробовала свои силы в метании мячей в пирамиды из деревянных цилиндров и с третьей попытки даже попала в цель, но не смогла обрушить пирамиду полностью. Приз за такое «выступление» не полагался, но Фолкнор купил мне подвеску: выкованный из железа цветок, и сказал, что это «утешительный приз». Меня это очень тронуло.

Попутно он рассказывал мне об истории города и, видимо забывшись, даже предался воспоминаниям о посещении подобных праздников в детстве. Я в основном слушала, не перебивая, но когда он спрашивал,

рассказывала о том, как отмечают праздники у нас.

На несколько минут мы остановились в той части площади, где выступали циркачи: жонглеры, фокусники и клоуны. Я смеялась, Фолкнор изо всех сил старался не улыбаться. Я не понимала, зачем он себя сдерживает. Если смерть — это всего лишь естественный этап жизни, то к чему его траур? Было в этом что-то неправильное.

Позже, когда мы снова продолжили прогулку, кто-то вдруг схватил меня за руку и попытался увлечь в хоровод танцующих. Я была не против: мне всегда нравились танцы, но я нерешительно посмотрела на Фолкнора. Тот только кивнул.

— Карл верно сказал: траур у меня, а не у вас. Веселитесь, Нея.

И я не стала отказываться. Конечно, я не знала правильных шагов, но танцам меня учили с самого детства, и я быстро сориентировалась. Музыка, движение, смех и радостные восклицания со всех сторон вскружили мне голову. Наверное, с момента моего второго обручения мне впервые было так весело. Я забыла о призраках, о подозрительной гибели моей предшественницы, о человеке в черном плаще, о темном прошлом и не менее темном настоящем жениха, о своем «гениальном» плане по обретению независимости и о странном совете брата. Я просто кружилась под музыку, подскакивая, притопывая и прихлопывая. Ловила иногда на себе взгляд жениха, который наблюдал за мной со странным выражением на лице. Мне оно было непонятно, но я не видела в нем ничего плохого.

А потом в толпе снова мелькнула она. Бледное лицо и обнаженные руки, которые так неестественно смотрелись на фоне тепло одетых людей, черное платье. Видение тут же исчезло, но я дернулась, запнулась, сбилась с шага, меня кто-то толкнул, и я упала на каменные булыжники, которыми была вымощена площадь, больно ударившись бедром и руками. Когда я падала, мне показалось, что в толпе я увидела и мужчину в плаще с капюшоном. Он промелькнул где-то рядом с Фолкнором, но тоже мгновенно исчез.

Глава 13

Хоровод продолжил кружиться, лишь немного сместился, чтобы не затоптать меня. Даже не пытаясь встать, я тревожно завертела головой, пытаюсь найти взглядом или Лилию, или мужчину в плаще, но они словно испарились.

Или вовсе мне померещились? Но с чего?

— Ушиблись?

Голос жениха прозвучал прямо у меня над ухом, его руки легли мне на плечи, и через пару мгновений я уже оказалась на ногах: он поднял меня легко и непринужденно. Я лишь поморщилась от боли в бедре да с тоской посмотрела на испачканные перчатки и пальто.

— Чуть-чуть, — отозвалась я, поскольку Фолкнор пытался поймать мой взгляд и ждал ответа.

Я не сразу поняла, что его руки по-прежнему лежат на моих плечах. Он слегка сжимал их, как будто опасался, что я снова упаду.

— Что-то случилось? — поинтересовался Фолкнор, слегка хмурясь. — Мне показалось, что вы чего-то испугались.

Я против воли бросила еще один встревоженный взгляд по сторонам, но так и не увидела ни призрака, ни таинственного неизвестного, прячущего лицо под капюшоном.

— Нет, ничего... — неуверенно пробормотала я. — Показалось... И... я просто очень неуклюжая.

Не знаю, почему я не сказала ему правду. До этого момента мне казалось, что я больше не боюсь его, но, видимо, до полного доверия нам было пока далеко.

Я попыталась отряхнуть перчатки, бессильно посмотрела на испорченное пальто, которое я только что купила. Бедро болезненно ныло, но это было самой малой из моих проблем. Руки жениха на моих плечах и его близость тревожили гораздо больше.

— Дайте посмотреть, — велел он.

И стянул с меня перчатки, но на ладонях была лишь небольшая ссадина.

— Здесь все в порядке. Где-нибудь болит?

— Здесь, — я приложила ладонь к ноге, — но это не проблема.

Прикрыв глаза, я пустила силу исцеления по кругу, заживляя обе болячки. Фолкнор молча наблюдал за моими действиями, продолжая слегка

хмуриться. Лишь когда я закончила и продемонстрировала ему абсолютно здоровую ладонь, прокомментировал:

— Никогда раньше не видел целительницу в действии. Но я слышал, что среди жриц Виты это распространенный дар.

— Я не жрица, — поправила я. — Всего лишь дочь жреца. У нас женщины не становятся жрицами.

— Что странно, вы не находите?

Я лишь пожала плечами. Мне это не казалось странным, потому что это было просто непреложным правилом мира, в котором я выросла. Мне не приходило в голову задумываться над этим. Я с интересом посмотрела на Фолкнора.

— А что здесь странного?

— Просто у нас жрецами становятся все: и мужчины, и женщины. Первенец, независимо от пола, становится верховным, остальные — младшими.

— У вас другой Бог, — неуверенно предположила я, хотя даже мне самой это казалось не очень убедительным аргументом.

— Вот именно. Некрос — воплощение мужского начала, а Вита — женского. Тогда почему Некросу служат в равной степени и мужчины, и женщины, и Великой Силой он одаривает и тех, и других, а Вита так пренебрежительно относится к женщинам в семьях жрецов?

Я растерянно хлопала глазами, глядя на него как на строго учителя, к чьему экзамену оказалась не готова.

Действительно интересно, а почему так?

— Потому что Вита — женщина, и она предпочитает мужчин? — неуверенно предположила я.

Он скептически приподнял бровь, демонстрируя неуверенность в таком объяснении, но спорить не стал.

— Возможно. Ладно, сейчас не время для теологических бесед. Наверное, хватит с вас впечатлений на сегодня? Пора возвращаться?

— Думаю, да, — я попыталась изобразить улыбку, потому что он все еще смотрел на меня с тревогой. — Тем более я вся испачкалась.

— Горничные решат эту проблему, — заверил Фолкнор. — Идемте.

И он на мгновение коснулся моей спины, легонько подталкивая вперед. Мне показалось, что сейчас его рука скользнет по моим плечам, и он меня обнимет, но этого не произошло. Словно опомнившись, Фолкнор убрал руку.

Мы вернулись к машине, которая ждала нас на том же месте. Теперь потоки людей двигались в двух направлениях: кто-то уже уходил с

площади, кто-то еще только направлялся на праздник. Карл улыбнулся нам и проворно выскочил из машины. Он открыл мне дверцу, но Фолкнор сам помог мне забраться в салон.

Из центра города мы выбирались медленно, но только когда покинули пределы Колдора, я осознала, насколько уже поздно. Вероятно, когда мы приедем, ужин в школьной столовой уже закончится. Это было бы трагедией, если бы не огромный крендель, который я съела на ярмарке, и не корзина с фруктами, дожидавшаяся меня в комнате.

В этот раз поездка показалась мне даже приятной, а тишина — скорее уютной, чем давящей. За окном мало что можно было разглядеть, пока облака не растащило, и на небе не засветилась яркая полная луна. Под ее холодным светом мир выглядел иначе. Я вглядывалась через окно в пустые поля и в пугающую темноту голого леса, пытаюсь понять, в чем может быть их красота. Если шед Фолкнор сумел оценить красоту юга — и мою, эта мысль почему-то настойчиво крутилась в голове, и от нее становилось непривычно тепло на душе, — то и я должна суметь понять, чем хорош север. И чем хорош мой жених.

Я повернула голову и осторожно посмотрела на него. К счастью, он все так же смотрел в окно, поэтому я имела возможность изучить его взглядом незаметно.

Как минимум, он высокий, широкоплечий и сильный. Как мой отец, а это определенно хорошо. Длинные волосы у мужчины — это непривычно, но аккуратно зачесанные и стянутые лентой они выглядят очень даже симпатично. Когда нам с Роаном удавалось остаться наедине, ему нравилось играть с моими волосами. Если они были не собраны в прическу, конечно. Он гладил их и пропускал между пальцев, целовал кончики и делал комплименты. Я попыталась представить, каково было бы сделать то же самое с волосами Фолкнора, но эта фантазия показалась мне столь волнующей и неприличной, что я смутилась и прогнала ее.

Что еще? Вообще-то, если задуматься, то ничего отталкивающего во внешности Фолкнора я найти не могла. Конечно, он был бледнее, чем мои земляки, но я уже поняла, что здесь это не признак болезни, просто солнца мало. И когда его взгляд не прожигал насквозь, его глаза становились даже красивыми. А то, что порой он выглядит надменно... Так ведь он верховный жрец, дальний родственник короля, богатый и влиятельный человек. Наверное, он имеет право на некоторую надменность?

— Вы опять пытаетесь прожечь на мне дырку? — насмешливо поинтересовался Фолкнор и резко повернул ко мне голову.

И я снова словно прилипла взглядом к его глазам. Покраснела,

смутившись, но отвернуться не смогла.

— Простите, шед...

Он тяжело вздохнул, бросил мимолетный взгляд в мое окно, прищурился и внезапно потребовал:

— Карл, притормози.

Шоферу этот приказ пришлось не по душе, но он все равно сбросил скорость, и вскоре автомобиль замер посреди пустынной дороги.

Фолкнор неожиданно наклонился ко мне, я тихо ойкнула, когда его лицо вдруг оказалось рядом с моим. Я бы решила, что он задумал что-то нехорошее, если бы при этом он смотрел на меня, но он смотрел в мое окно.

— Шед, может быть, поедем? — нервно спросил Карл. — Когда я вез госпожу Нею с вокзала, в этом месте за нами увязались проходящие.

— Вот и сейчас над полем сгущается туман, — заметил Фолкнор.

Я оторвала взгляд от его лица, которое по-прежнему было непростительно близко к моему, и тоже посмотрела в окно. Там над полем действительно белел туман, казавшийся в лунном свете таким же плотным и молочно-белым, как тот, что преследовал нас в день моего приезда.

— Оставайтесь здесь, я пойду посмотрю.

Фолкнор отстранился и коснулся своей двери, но я внезапно в ужасе вцепилась в его руку. Я сама толком не знала, чего боюсь, ведь по-прежнему не имела никакого представления о том, кто такие или что такое эти «проходящие». Я просто чувствовала страх Карла, и мне казалось отвратительной идеей остановиться здесь. А идея «пойти посмотреть» вообще не выдерживала никакой критики.

— Не надо, — отчего-то шепотом взмолилась я. — Давайте уедем.

Бровь уже привычно выгнулась, а губы дрогнули, словно шед собирался улыбнуться, но потом передумал. Он накрыл мою руку своей — такой холодной, что я непроизвольно вздрогнула, — и аккуратно освободился от моей хватки.

— Не бойтесь, Нея. Просто оставайтесь здесь. И не открывайте двери. Если появятся проходящие, уезжайте.

И не дожидаясь ответа, он открыл дверцу, вылез из салона, захлопнул ее за собой и растворился в темноте.

Долгое время ничего не происходило. Карл не глушил двигатель, не выключал фары, сидел весь напряженный, нервно постукивая пальцами по рулю. Казалось, этот стук и рычание двигателя остались единственными в мире звуками. Я пыталась что-то разглядеть в окно, но в лунном свете видны были только силуэты деревьев и далеких построек и серебрящаяся

дымка тумана. Сердце с каждой минутой билось все быстрее, в животе завязывался неприятный узел. Я кусала губы и сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладонь.

— А эти приходящие, — спросила я, чтобы немного развеять гнетущее молчание, — откуда они приходят?

— Никто не знает, — отозвался Карл. — Говорят, из сумрака.

Это было сомнительно. Сумрак — такое же далекое от нашего мира место, как и небесный чертог, в котором обитают Боги. Но по всей видимости, другого ответа для меня у Карла не было. Он лишь добавил:

— Они появляются то тут, то там. В города никогда не заходят, а вот деревни и отдельные поместья иногда разоряют. Шед ставит защиту от них по всем Северным землям, но он один, а территория большая. Да и приходящие с туманом — не единственная напасть Северных земель, от которой может защитить только он. Со временем защита ослабевает, ее приходится обновлять. В приоритете места, в которых приходящие начинают появляться часто. Потому что эта зараза как привяжется, так не выведешь. Вокруг Фолкнора они регулярно вьются, но тут защита стоит особая, постоянная. Приходящим ее не разбить и не ослабить, это только жрецам под силу.

— А чего они хотят? Зачем приходят?

— Ничего они не хотят, — фыркнул Карл. — Кормятся они. Приходят под прикрытием тумана, и каждый, кто не успел спрятаться в защищенном месте, становится их добычей. У нас находили целые деревни трупов с разорванными глотками и выпитой кровью. Я сам однажды такое видел.

— А какие они?

Он удивленно посмотрел на меня через зеркало заднего вида. Я и сама не знала, откуда такое любопытство. Наверное, полная неизвестность страшила меня больше, чем пугающий рассказ.

— Никто не знает. Потому что те, кто видели их вблизи, уже никому ничего рассказать не могли.

Я с трудом сглотнула и замолчала, снова попыталась увидеть что-нибудь за окном, но луна уже спряталась, и мир погрузился в непроглядную темноту. Стало понятно, что теперь мы увидим туман и приходящих с ним только в том случае, если они появятся в свете фар.

Дверца резко распахнулась, и мы с Карлом вздрогнули, но потом так же одновременно выдохнули, когда рядом со мной снова сел Фолкнор.

— Можем ехать, — сообщил он. — Ложная тревога. Это просто туман.

— И слава Богам, — пробормотал Карл, торопливо трогаясь с места. До черной каменной арки оставалось не так далеко.

Я посмотрела на Фолкнора. Он выглядел... раздосадованным тем, что никого не нашел в тумане.

— А если бы это был не просто туман? — поинтересовалась я. — Что бы вы сделали с этими проходящими?

— То, что я делаю лучше всего, — он снова чуть наклонился ко мне и тихо пояснил: — Убил бы их.

Больше до самого замка я не задавала вопросов.

В холле нас встречал Долорсдон, и Фолкнор велел ему забрать у меня пальто и перчатки и передать горничным, чтобы те почистили их. Когда распорядитель удалился с моими вещами, Фолкнор вновь сжал мою руку на прощание. При этом большой палец внезапно скользнул по тыльной стороне моей ладони в совершенно ненужном, но приятном, ласкающем движении. Туда и обратно. Я непроизвольно задержала дыхание и посмотрела на жениха почти испуганно. Он смотрел на меня как всегда спокойно, но руку почему-то не отпускал. И молчал. Я хотела поблагодарить его за прогулку, но когда открыла рот, из него вырвались совсем другие слова:

— У вас всегда такие холодные ладони...

— А у вас всегда горячие. Даже когда вы выглядите замерзшей.

— Горячее южное сердце, — нервно пошутила я.

— Не чета моему, холодному северному, — хмыкнул он.

И мне почудилось в его тоне сожаление.

— Мы с вами пропустили ужин, — тут же продолжил Фолкнор своим обычным, спокойным и серьезным тоном без лишних эмоций. — Мне распорядиться, чтобы вам подали что-нибудь в комнату?

— Нет, спасибо, я не голодна.

— Тогда, может быть, вы поужинаете со мной завтра?

От этого предложения я отказываться не стала. И он казался этим доволен. Фолкнор все еще держал мою руку в своей, и вдруг наклонился, коснулся ее губами, как было принято у нас. Только после этого выпустил. Не знаю почему, но я широко улыбнулась в ответ на это.

— Доброй ночи, Нея.

— Доброй ночи, шед.

На этом мы наконец расстались. В свою комнату в общежитии я возвращалась чуть ли не пританцовывая. Я убеждала себя, что причина этого в танцах на празднике и музыке, которая все еще звучала у меня в ушах, но внутренний голос лишь посмеивался надо мной. И смех этот тоже был очень похож на смех Розы. Я подумала, что стоит написать ей, рассказать, что у меня все хорошо и жених оказался не так ужасен, как мы

все опасались. Она ведь наверняка волнуется.

Уже в коридоре третьего этажа, на котором находилось наше общежитие, я столкнулась с Карлом, который относил свертки из магазинов в мою комнату, а теперь возвращался обратно. Я широко улыбнулась и ему, с трудом удерживаясь от того, чтобы повиснуть у него на шее и расцеловать в обе щеки.

— Карл, спасибо вам, — с чувством выдохнула я, вкладывая в эти простые слова всю глубину своих эмоций.

— За что? — удивился он.

— За праздник. Вы не представляете, какую услугу мне оказали. Я теперь могу нормально разговаривать с собственным женихом. Знаете, это было очень смело. Я бы никогда не решилась так настойчиво чего-то предлагать шеду Фолкнору. А вы совсем не боялись его гнева.

— Это было не сложно, Нея, — он покачал головой. — Шед вообще очень сдержанный человек. Я за всю жизнь от него не слышал грубых слов. Ну, разве что пару раз, но это было сказано в сердцах. А в данном случае я лишь помог ему сделать то, чего он сам хотел.

— Он хотел пойти на праздник? — я склонила голову набок, заинтересованно разглядывая Карла.

Он снова покачал головой.

— Шед хотел провести с вами время, наладить отношения. Просто не знал как.

Это заявление меня удивило.

— Откуда вы знаете? Он сам вам это сказал?

Карл снисходительно улыбнулся.

— Нет, он ничего мне не говорил. Но шед Фолкнор никогда не пользуется моими услугами. Я вожу его брата, мать, учителей школы и иногда ее учеников, но не его самого. Ему это не нужно. Верховные жрецы ходят своими тайными тропами, которые нам неизвестны, и перемещаются в пространстве быстрее других. Автомобили им не нужны. Он ездит только вместе с кем-нибудь, если это необходимо. Я полагаю, он поехал с вами, чтобы иметь возможность пообщаться в непринужденной обстановке.

Огорошив меня этой новостью, Карл кивнул на прощание и ушел. А я осталась стоять посреди коридора и смотреть ему вслед. Растерянная, но почему-то очень довольная.

Когда Карл исчез из вида, я наконец дошла до своей комнаты и взялась за ручку двери. На этот раз я скорее почувствовала, чем увидела ее. Как и раньше, она стояла в конце коридора и смотрела на меня. Только теперь я уже не испугалась.

— Не сегодня, Лилия, — тихо, но твердо сказала я ей. — Уйди.

За моей спиной раздался удивленный голос Ирис:

— Нея, с кем ты говоришь?

Я резко обернулась и торопливо заверила, фальшиво улыбнувшись:

— Ни с кем.

Примерно так же я отвечала в детстве, когда меня заставляли за шалостями. Воровато посмотрев в конец коридора, я убедилась, что Лилия уже исчезла.

Ирис окинула меня недоверчивым взглядом, но допытываться не стала. Захлопнув за собой дверь, она направилась в общую ванную комнату, а я поторопилась скрыться в своей.

Глава 14

С того дня моя жизнь в Фолкноре начала налаживаться. Я постепенно привыкала к местной еде, но в моей комнате никогда не переводились фрукты: жених присылал новую корзину каждые три дня. Ужинали мы теперь всегда вместе, поэтому как минимум один прием пищи состоял из знакомых и привычных для меня продуктов.

Нагонять учебную программу было трудно. Я не привыкла так много времени посвящать учебе, а тут приходилось вникать и в ежедневные уроки, и в те, что я пропустила. Большинство учителей относились к этому с пониманием. Исключение составляли Луфр Мари и госпожа Фолкнор.

Мари всегда был мною недоволен. Он придирался к моему произношению, ругался, если я не могла вспомнить перевод слова или допускала в написании ошибку. После уроков по языку я впадала то в бешенство, то в уныние, и если бы не занятия с Ирис, я бы безнадежно отстала. Но эта девушка терпеливо объясняла мне и прошлые темы, и помогала с текущими.

— Не обращай на него внимания, — говорила она. — Он всех нас ненавидит. Говорят, он из разорившихся восточных жрецов. Его Дом пришел в упадок, вот ему и пришлось идти преподавать.

Я была благодарна ей и за помощь, и за поддержку, всегда приносила на наше занятие что-нибудь из своей фруктовой корзины, и мы часто болтали, вместе грызя яблоки или разбирая на дольки апельсин. Она рассказывала мне о родном городе, который находился еще дальше на севере, о матери, которую оставила ради учебы в школе. Оказывается, Ирис была одной из первых учениц школы Фолкнора.

— Я всегда чувствовала в себе Силу. Маме это не нравилось. Уж не знаю почему. Отец мой давно умер, мама, конечно, была против того, чтобы я ехала сюда, поэтому пришлось сбежать посреди ночи, не попрощавшись.

Если я правильно поняла, мать не простила этого Ирис, и они теперь не общались. Мне казалось это очень грустным.

У госпожи Фолкнор были ко мне свои претензии. Каждый раз на очередном занятии я прекрасно справлялась с приготовлением зелья, но проваливалась с его активацией. Еще дважды она убивала животное вместо меня, не забывая при этом отчитать. В следующий раз она ничего не стала делать и просто ждала, пока время активации не вышло, после чего

заявила, что у меня появилась первая пересдача. Я подозревала, что рано или поздно она просто выгонит меня.

Я гадала, смогу ли в этом случае пожаловаться жениху. Сделает ли он что-нибудь, или как Ронан разведет руками и скажет, что другого пути, кроме как переступить через себя и начать приносить жертвы, у меня нет? Я не знала, и пока пожаловалась на эту ситуацию только в письме Розе, которое в остальном получилось довольно позитивным.

Наиболее дружелюбно ко мне относились Ронан Фолкнор и Кай Форт. Вообще-то печати нам тоже полагалось активировать, но Ронан не торопился с этой частью программы.

— Для начала вы должны научиться чертить печати без мельчайших ошибок. Криво выведенный символ или слово может полностью изменить ее работу, — объяснял он. — Так что активация подождет.

В призыве духов, как оказалось, активация не требовалась. Успех зависел от силы духа вызывающего и вызываемого. Осуществляющий призыв маг должен был завладеть какой-нибудь вещью, принадлежавшей вызываемому духу при жизни. И не просто принадлежавшую, а имевшую значение. Таковую, которая хранит след его ауры.

— Прежде, чем упражняться с призывом, вам необходимо научиться считать эту ауру и сравнивать со своей, — объяснял Форт. — Потому что упаси вас Боги от призыва того, кто намного сильнее вас. В лучшем случае он не придет. Но если у вас вдруг хватит сил на призыв, не ждите, что вы сможете контролировать дух. Скорее всего, вам же будет хуже.

И с Фортом, и с Ронаном я общалась и вне занятий. Ронан продолжал помогать с пропущенным материалом по своему предмету, а Форт время от времени составлял компанию на прогулке.

Бродили мы в небольшой роще под самыми окнами кабинета моего жениха. Форт рассказал о том, что он — побочный сын одного из младших жрецов юга.

— Отец никогда не отказывался от меня, никогда не скрывал меня, но как выяснилось, в этом есть свои минусы, — с грустной улыбкой говорил он. — Его настоящая семья, естественно, ненавидела и меня, и мою мать. И как следствие, в небольшом городке, где я вырос, к нам относились не очень хорошо. Люди нашего круга нас избегали, потому что мы были связаны со жрецом, а более высокое общество нас презирало. Получилось, что мы и не с теми, и не с другими. И когда я встретил девушку, на которой захотел жениться, ее отец категорически мне отказал, хотя она сама отвечала мне взаимностью.

— Но почему? — не поняла я.

— Потому что не хотел связываться с бастардом. Не хотел, чтобы неприязнь ко мне и моей матери перекинулась на его дочь. Его можно понять, конечно. Мой отец был готов дать мне денег на дом и собственное дело, но отца моей возлюбленной это не устраивало. Он сказал: «Сделай себе свое имя и свой капитал, желательно, подальше отсюда. Тогда и поговорим». Вот я и делаю. Сначала уехал учиться магии в Западные земли. Научился кое-чему, узнал про школу в Фолкноре и переехал сюда. Теперь учу и учусь сам.

— А девушка? — поинтересовалась я.

— Ждет, когда я встану на ноги, — Форт улыбнулся. — Думаю, через год смогу уже перевезти ее сюда. Здесь недалеко есть деревня, хочу купить там дом. Если Фолкнор даст мне заем под будущее жалованье. Я еще не спрашивал, но говорят, что он человек отзывчивый, хоть и строгий. Должен пойти навстречу. А если она не захочет жить в деревне, то начну оказывать магические услуги в Колдоре или другом городе. В здешних землях почти нет жрецов, а людям иногда нужны их услуги по тому же призыву мертвых.

— Хороший план, — искренне ответила на это я.

Форт, пожалуй, мне нравился. Мне чудилось в его ситуации некоторое родство с моей. С поправкой на то, что его не принуждали к браку с незнакомым человеком. Но ему тоже требовалось учиться, чтобы обрести самостоятельность и независимость, как и мне.

Меня волновало, как жених отнесется к моему общению с ним. Ведь даже мои дополнительные занятия с Ронаном его раздражали. Однако за ужином в тот день Фолкнор ничего не сказал о моей прогулке, и я приняла это как молчаливое разрешение. Думать о том, что он просто не смотрел в окно, мне не хотелось.

Мы всегда ужинали вдвоем. Один раз я даже спросила, почему его матушка и брат никогда к нам не присоединяются. Он сказал, что не хочет, чтобы нам мешали. Хотя чему именно они могли помешать, я точно не знала. Обычно мы просто ели, сидя за одним столом. Он дежурно интересовался, как у меня дела в школе, а на аналогичные вопросы о том, как прошел его день, отвечал уклончиво. Чаще всего мы говорили на отвлеченные темы, но однажды я упомянула приготовление пирога, что его крайне удивило.

— Вы умеете готовить? — не поверил он и пытливо посмотрел на меня поверх бокала вина, который как раз поднес к губам. Он всегда пил красное вино и ел мясо.

— Да, меня учили этому, — призналась я. — Не могу сказать, что я достигла тех высот в кулинарии, какими владеет наша кухарка, но для

начала супружеской жизни моих познаний достаточно.

Он усмехнулся.

— Это абсолютно бесполезный навык для брака со мной.

А мне внезапно стало грустно.

— Меня не готовили к браку с вами, шед Фолкнор, — наверное, мой голос прозвучал слишком холодно.

Жених поморщился как от зубной боли.

— Надо же... Не готовили... — пробормотал он. — Значит, вас готовили к жизни с солдатом?

— Роан офицер, — поправила я.

— Без разницы, — отмахнулся он. — Значит, вас учили всему, что может понадобиться. А к чему у вас самой душа лежит?

Его вопрос поставил меня в тупик, но Фолкнор смотрел на меня, дожидаясь ответа. Даже есть перестал и бокал только держал в руках.

— Я не совсем понимаю, шед, — призналась я.

— Есть ли что-то, чему вас учили, потому что вам это нравилось? — пояснил он. — Не потому, что вам надо было это знать и уметь.

Я отчаянно пыталась сообразить, что на это ответить. Никогда раньше мне не приходило в голову задумываться о таких вещах. Я просто учила то, чему меня учили. Порой мне было скучно, но никакого протеста я не испытывала. И никогда не испытывала никаких дополнительных желаний и потребностей. Или просто научилась не замечать их?

— Я знаю и умею все, что положено знать и уметь девушке моего происхождения.

Он лишь хмыкнул и сменил тему.

Иногда он большую часть ужина проводил, погружившись в собственные мысли. А пару раз вообще не пришел, появился только, когда мне подавали десерт, чтобы поздороваться, извиниться и снова исчезнуть. Зато теперь мне подавали еду независимо от того, когда он появлялся в столовой. И появлялся ли вообще.

Я не обижалась, когда он опаздывал или не приходил. Я видела, что он действительно очень занят. К нему постоянно кто-то приезжал или он сам отлучался из замка, о чем я узнавала в основном от Ронана. Потому что Фолкнор действительно не пользовался в таких случаях услугами Карла. Однако что именно он делает, я не знала. И, наверное, после разговора на праздничной ярмарке не хотела знать.

Призраки его жен меня за это время ни разу не тревожили. Линн я и до этого видела всего один раз, но и Лилия перестала приходить. Как будто обиделась на то, что я ее прогнала. Человек в черном плаще с капюшоном,

надвинутым на лицо, мне несколько раз попадался, но каждый раз это был кто-то, кого я знала. Или Ронан, или Форт, а однажды даже сам Фолкнор. Здесь начались частые дожди, поэтому такие плащи надевали многие: они не промокали. Даже мне жених выделил почти такой же для прогулок, только размером поменьше.

Мне почти удалось убедить себя, что все эти явления в первые дни стали следствием моей нервной, впечатлительной натуры. То ли я их нафантазировала, то ли они мне привиделись. В глубине души я знала, что это не так, но моя жизнь становилась вполне нормальной, пусть я и лишилась всего, к чему привыкла. Но я привыкала к новому и начинала чувствовать себя в безопасности, поэтому мне хотелось верить, что все это было фантазией. Мне хотелось верить, что все как-то образуется. Я либо достигну своей цели, либо окончательно привыкну к жениху, который теперь мне почти нравился.

Наши отношения стали спокойными. Он не давил на меня, я ничего не требовала от него, и в этом мы нашли подобие комфорта. Он целовал мне руку на прощание, я улыбалась, когда встречала его. Мы были взаимно вежливы, но на этой точке развитие наших отношений замерло. Мы не стали друзьями и не влюбились друг в друга без памяти, как пишут в романах, но на данный момент меня это устраивало.

Мое спокойствие длилось две прекрасные недели, пока в один дождливый день у нас не случилось очередное занятие по призыву духов. Против обыкновения в классе оказалась не только наша группа новичков, но и группа учеников, продолжающих обучение уже второй год. Это уже мне не понравилось, потому что Далия занималась именно в этой группе. Она была единственной из всех моих соучеников, кто позволял себе время от времени отравлять мне жизнь эпизодической грубостью и мелкими пакостями.

Однако эта новость лишь слегка выбила меня из колеи. Мое сердце остановилось чуть позже.

Форт подвел нас к составленным вместе письменным столам, за которыми мы обычно сидели во время занятий. Они были накрыты тонкой простыней, скрывавшей от наших глаз то, что стояло на них.

— Здесь у нас несколько предметов, принадлежавших умершим людям, — объявил он. — Одни из них имели для хозяев значение, другие нет. Одни принадлежали обычным людям, другие — жрецам. Есть даже пара предметов, принадлежавших верховным жрецам. Вашей задачей будет изучить эти предметы, считать их ауру и определить, какого из духов вы в состоянии вызвать. Ваши более опытные товарищи помогут вам, если у вас

возникнут проблемы. Готовы?

Я не была уверена, что все мы к этому готовы, но Форт тем не менее сдернул покрывало. Мой взгляд, как и все остальные, торопливо пробежал по предметам и задержался на одном из них. Сердце замерло, когда я увидела небольшую шкатулку.

Я видела ее всего один раз, но очень хорошо запомнила. Тот день намертво отпечатался в моей памяти. Словно наяву я увидела, как вбегаю в кабинет отца, смеясь, оборачиваюсь вокруг своей оси, пританцовывая, демонстрирую ему... наверное, платье. А он сидит на диванчике у окна, читает письмо, а потом смотрит на меня... с такой злостью, какой я больше никогда не видела на его лице. Я замираю на месте, мой взгляд падает на шкатулку, которая стоит на диванчике рядом с отцом.

И вот теперь шкатулка моего отца каким-то образом оказалась среди вещей умерших людей.

— А откуда все эти вещи? — поинтересовался парень из моей группы.

Его голос долетел до моего сознания словно откуда-то издалека. Я все еще стояла, затаив дыхание, смотрела на шкатулку, пытаюсь понять, как она могла тут оказаться, и боролась с желанием прямо сейчас выбежать из класса, найти ту комнату с волшебным зеркалом и попытаться увидеть сквозь него отца.

— В основном, я собирал их сам, чтобы упражняться в призыве, — охотно пояснил Форт. — Другие куплены специально, чтобы сбить вас с толку. Некоторые вещи любезно предоставил шед Фолкнор. Давайте, выбирайте предметы, читайте ауры. Не стесняйтесь.

Все подошли ближе. На столе лежали и детские игрушки, и женские украшения, и безделушки вроде ручного зеркальца, и несколько шкатулок. Не обращая внимания на другие предметы, я потянулась к шкатулке отца слегка дрожащей рукой.

— О, прекрасный выбор, Нея, — тут же раздался над моим ухом насмешливый голос Далии. — Обязательно попробуй призвать хозяина этой вещицы.

Я бросила на нее хмурый взгляд, смутно осознавая, что здесь какой-то подвох. Однако в голове билась только одна мысль: что с моим отцом? Я ничего не слышала о нем с того дня, как получила письмо с извинениями за недальновидность и деньгами. Мог ли он умереть за это время? Могла ли шкатулка так быстро попасть сюда?

Я знала, что если мой отец действительно умер, то обязательно откликнется на мой зов. Родных всегда вызывать проще. Я так разволновалась, что совсем забыла обо всех предостережениях и

предварительных проверках. Ведь я точно знала, что это его шкатулка. По крайней мере, я была искренне в этом уверена.

Поэтому я положила руку на крышку, на которой полудрагоценными камнями был выложен замысловатый узор, прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться, и принялась шептать слова призыва:

— Дух хозяина шкатулки, явись мне. Из чертога Богов призываю тебя. Покажись и слушайся...

— Нет, Нея, стой! — неожиданно прервал меня Форт.

Он подскочил ко мне и вырвал шкатулку из рук.

— Нея! Зачем?

Он ошарашенно смотрел на меня, а я точно так же — на него. Причины его испуга и возмущения были мне непонятны.

— Ты ауру считала?

— Это шкатулка моего отца, — мой голос дрогнул, когда я произнесла это вслух.

Форт нахмурился и покачал головой.

— Нет, это исключено. Эту шкатулку дал мне шед Фолкнор еще в прошлом году, она принадлежала кому-то из верховных жрецов Некроса, кого уже давно нет в живых.

— Но...

Теперь нахмурилась я. Мысли все еще метались в голове, как перепуганные птицы, и руки продолжали дрожать, но я постепенно начинала понимать, что сглупила. Я снова потянулась к шкатулке, на этот раз чтобы считать ауру. Она действительно оказалось мало того, что чужой, так еще и очень сильной. Слишком сильной для ауры младшего жреца. Я облегченно выдохнула.

— Надеюсь, он не услышал тебя, — пробормотал Форт, озабоченно разглядывая шкатулку.

Ответом ему стал испуганный вздох, пробежавший по классу. Я увидела, как ученики, до этого стоявшие рядом со мной, торопливо попятнулись прочь, а глаза их округлились. Даже Форт тяжело сглотнул, глядя мне за спину, и сделал шаг назад.

Я почувствовала спиной холод. Обнаженной кожи коснулось уже знакомое ледяное дыхание, заставив маленькие волоски встать дыбом. Я резко обернулась и отшатнулась: огромная черная тень возвышалась прямо за моей спиной.

— Дух, прочь! — велел Форт, но голос его прозвучал неубедительно.

Тень не отреагировала. Она стояла на одном месте, слегка покачиваясь, как дым на легком ветру. Мои ноги словно вросли в пол, я не

могла пошевелиться, глядя в эту клубящуюся тьму.

— Дух, прочь! — повторил Форт уже более уверенно.

Он шагнул вперед, пытаясь встать между тенью и мной, но призрака это не устроило. Тьма шевельнулась, и невидимая сила швырнула нашего учителя в стену. Кто-то из наиболее впечатлительных моих соучениц вскрикнул и бросился бежать. Я не увидела, кто именно это был, лишь слышала перепуганный голос и топот ног.

Вокруг меня теперь образовалась пустота, но это было справедливо: я сама по собственной глупости призвала беспокойный, непокорный и, видимо, давно ушедший дух. Мне было и отвечать перед его гневом. Странно только, что он пришел на мой зов.

Однако тень, весьма агрессивно отреагировавшая на вмешательство Форта, совершенно не торопилась наказывать меня за то, что я потревожила ее покой. Она лишь приблизилась ко мне, словно вглядывалась в меня. Мне даже показалось, что на короткое мгновение в полупрозрачной тьме я разглядела черты лица неизвестного мне мужчины. Чем-то он напомнил мне моего жениха. Вероятно, возрастом и цветом глаз, потому что падающая на лоб челка была соломенного цвета.

— Линн... — услышала я хриплый шепот.

И он словно пробудил меня. Я резко вдохнула, чувствуя, как ко мне возвращается власть над телом.

— Прости, что потревожила, — выдавила я из себя. Голос плохо слушался и дрожал, но я все же постаралась произнести как можно тверже: — Уйди. Пожалуйста.

Тьма вновь дрогнула и в мгновение ока исчезла. Я собственным глазам не поверила. Другие, видимо, тоже не поверили, потому что в классе еще долго висела тревожная тишина, словно все боялись даже дышать.

Не знаю, сколько бы мы так простояли, если бы дверь не распахнулась, и в класс не влетели бы встревоженные братья Фолкноры, а вслед за ними проскользнула Келда. Видимо, она не просто так убежала, испугавшись, а отправилась за помощью жрецов. Это было очень разумно с ее стороны.

— Что здесь происходит? — недовольно поинтересовался шед Фолкнор, окинув взглядом замерший класс.

Весьма предсказуемо взгляд его остановился на мне. И честно говоря, в этот момент мне стало даже страшнее, чем было при общении с тенью давно умершего верховного жреца. Я чувствовала, что еще очень пожалею, что шед оказался поблизости и пришел на зов Келды.

— Форт? — поняв, что от меня он ответа не дождетя, жених перевел взгляд на нашего учителя, которому как раз помогли подняться.

— Ничего такого, шед Фолкнор, — вежливо ответил он, слегка морщась и потирая ушибленную спину. — Неудачный призыв.

— Нея забыла проверить, кому принадлежала шкатулка, и вызвала сюда верховного жреца Некроса, — тут же дала более развернутый ответ Далия. Судя по ее голосу, она была очень довольна моим промахом.

Мне оставалось только виновато посмотреть на Фолкнора. Он же, скрестив руки на груди, посмотрел на меня с интересом. Его взгляд, как это часто бывало, то и дело задерживался на моей диадеме.

— Не верю, — в конце концов изрек он, прищурившись. — Она не могла вызвать дух верховного жреца. Слишком сложно. У нее не хватило бы сил.

Мне почему-то стало обидно, а нестройный хор голосов моих соучеников вразнобой попытался заверить шеда, что они сами все видели. Фолкнор поднял руку, и голоса мгновенно смолкли.

— Покажите мне, как вы это сделали, Нея.

У меня сердце ухнуло вниз, упало в живот и болезненно забилося там. Сама мысль о том, чтобы вызвать эту страшную тень снова, парализовала мозг. И судя по судорожному вздоху, остальные испытывали то же самое.

— Шед, мне кажется... — начал Форт, но Фолкнор остановил его тем же движением руки.

— Не бойтесь, я буду здесь, — заверил он. — Я могу прогнать любой дух.

Его губы кривились в подобии странной улыбки, на лице было написано сомнение. При этом весь его вид давал понять, что он не отстанет, пока его желание не будет исполнено.

Форт вздохнул и, помедлив, все же вернул мне шкатулку. Я вцепилась в нее обеими руками, боясь уронить — так они дрожали. Выложенный полудрагоценными камнями узор на крышке расплывался перед глазами, я никак не могла сосредоточиться на призыве. Я чувствовала на себе любопытные взгляды, и мне было ужасно неловко. А еще страшно. Нельзя же вот так дергать дух верховного жреца туда-сюда! Что если я призову его, он разозлится по-настоящему, а Фолкнор не успеет его прогнать?

Я так ничего и не начала делать, когда услышала, как по классу вновь прокатился удивленный вздох. Вскинула голову, боясь увидеть перед собой черноту, но вместо этого встретила взглядом с Лилией.

Боковым зрением я видела, как перекосило лицо шеда, но не могла отвести глаза от лица Лилии.

— Берегись... — шепнула она.

Мне казалось, она хотела сказать что-то еще, но тут Фолкнор сделал

шаг вперед, взмахнул рукой — и Лилия исчезла. А он повернулся ко мне, снова испепеляя взглядом.

— Как вы посмели? — его голос звучал тихо, но я слышала в нем с трудом сдерживаемую ярость. — Что вы о себе возомнили?

— Я не... — попыталась оправдаться я, но он не дал мне закончить.

— Кажется, я разбаловал вас хорошим отношением. Не смейте больше никогда тревожить мою жену. Ясно вам?

Я хотела объяснить ему, что это не я, что она приходит ко мне сама, но он уже резко повернулся, взметнув полы мантии, и стремительно вышел из класса.

Ронан бросил на меня извиняющийся взгляд и тоже скрылся за дверью.

Дверь захлопнулась, соученики снова зашевелились и принялись вполголоса обсуждать произошедшее. Я продолжала стоять на одном месте, сжимая в руках шкатулку и растерянно глядя на то место, где перед этим появлялись призраки. Почему на мой зов пришел дух верховного жреца? Почему Лилия выбрала именно этот момент, чтоб снова появиться. Берегись? То есть, она уже не ждет моей помощи, а предупреждает об опасности?

— Нея, ты как? — деликатно поинтересовался Форт, забирая из моих рук шкатулку.

Я пожалала плечами. Мою голову разрывало от вопросов, а в груди что-то неприятно ныло от мысли, что едва-едва наладившиеся отношения с женихом снова под угрозой. У него было такое лицо... А в совокупности предупреждение Лилии и реакция шеда внушали страх, который мне за это время с трудом удалось преодолеть.

Сосредоточиться на занятии я так и не смогла. Считала несколько аур с других предметов, даже выбрала себе подходящую, но осуществить призыв не получилось. Мысли путались, и я никак не могла настроиться. Форт все равно поставил мне «зачет» за занятие, заявив с улыбкой:

— Формально дух ты вызвала и даже справились с тем, чтобы его прогнать. Так что не вижу причин тебе это не засчитать.

Я слышала, как фыркнула Далия, но меня это не трогало. Гораздо больше волновало то, что после занятия Форт попросил меня задержаться. Когда мы остались в классе одни, он сделал приглашающий жест в сторону одного из пустых письменных столов. Я села за него как прилежная ученица, а он подтащил еще один стул и сел рядом.

— Нея, объясни, что произошло? Ты всегда очень сосредоточенна и аккуратна, я не верю, что ты могла забыть считать ауру прежде, чем вызвать дух. Почему ты решила, что это шкатулка твоего отца?

Я смотрела на сложенные на столе руки и кусала нижнюю губу. Наверное, если бы эти вопросы задавал мне не Форт, а кто-то другой, я бы не стала отвечать. Но ему я начала доверять.

— Точно такая же шкатулка есть у нас дома, — объяснила я, посмотрев на него исподлобья. — Я была уверена, что это она. И очень испугалась, что с отцом что-то случилось. Я ничего не слышала о нем уже больше двух недель.

— Он не пишет тебе?

Кажется, Форта это удивило. А я лишь снова пожала плечами и отрицательно мотнула головой. Мой отец — человек занятой. Я и не ждала от него писем каждую неделю.

Форт встал, подошел к столу с предметами, взял с него шкатулку и вернулся обратно. Он поставил ее на стол передо мной и откинул крышку.

— Видишь эту печать на дне?

Я наклонилась и присмотрелась. На дне шкатулки действительно был выведен круг с несколькими многоугольниками, вписанными в него. Они делили его на множество секций, в каждой из которых помещалось слово на языке Богов. Шрифт был очень мелким, надписи наверняка делали под лупой. Да и такие сложные печати мы еще не проходили, поэтому я подняла на Форта вопросительный взгляд.

— Это символ перемещения, — объяснил он. — Такие шкатулки — абсолютные близнецы с символом перемещения на дне — используются для быстрого обмена почтой. У моих родителей были такие. Отец, как ты понимаешь, не мог постоянно к нам приходить, но его всегда заботило наше с мамой благополучие. Они обменивались письмами каждый день. Иногда дважды — утром и вечером. Она писала письмо, клала его в шкатулку, закрывала ее и письмо мгновенно перемещалось в его шкатулку. Аналогичным способом он передавал ей деньги и мелкие подарки. Быстро, удобно... А главное, канцелярия жреца была не в курсе.

Теперь мне стало понятно, почему его удивило, что отец не писал мне уже больше двух недель. А мне стало немного обидно. Впрочем, я и сама написала за это время лишь одно письмо Розе. Отцу писала лишь с просьбой о деньгах.

— Эта шкатулка, — он закрыл крышку и мягко похлопал по ней ладонью, — принадлежала кому-то из коллег прежнего шеда Фолкнора. Я имею в виду, какому-то другому верховному жрецу Некроса. Он давно умер, как ты понимаешь по состоянию его духа. Полагаю, он не оставил наследников, и его имущество было распродано. Видимо, отец Торрена и Ронана Фолкноров купил себе несколько вещей на память о друге. В том

числе и эту шкатулку, хоть она и не имела пары.

Он выразительно посмотрел на меня, а я почувствовала, как сердце вновь ускоряет ход, и мне становится жарко, несмотря на то, что в классе, как и в других помещениях замка, было довольно прохладно.

— Вторая шкатулка у моего отца, — пробормотала я. — Мой отец имел какие-то отношения с верховным жрецом Некроса? Какие у него могли быть дела с ним?

— Кто знает? — Форт пожал плечами. — Но, по всей видимости, дела эти они скрывали от своих канцелярий. Возможно, вели какие-то тайные переговоры. Но, вероятно, они ничем не кончились.

— Почему?

— Печать деактивирована, то есть связь была прервана. Теперь это просто красивая шкатулка, как и та, что лежит у твоего отца.

Он помолчал, задумавшись, и, понизив голос, поинтересовался:

— У твоего отца нет сестры?

— Нет, у него брат. А что?

— Просто предположил, что речь могла идти и сватовстве, — пожал плечами Форт. — Для южных жрецов породниться с северными довольно выгодно. Полагаю, ты это и без меня знаешь, — он неловко улыбнулся и неопределенно махнул рукой, очевидно, имея в виду мою помолвку.

— Нет, не знаю, — возразила я. — А чем это выгодно?

Он посмотрел на меня сначала удивленно, потом — смущенно. Кажется, Форт уже и сам был не рад, что затронул эту тему, но теперь ему пришлось ответить мне:

— Южных жрецов очень много. Конкуренция за территории, на которые распространяется их власть, очень велика. А в Северных землях, напротив, жрецов, как я уже говорил, почти нет. Фолкноры последние. Двадцать лет назад ситуация была не намного лучше. Рано или поздно их не останется, а это значит, что Северные земли начнут рвать на части жрецы других богов. Для южных жрецов породниться с северными — это все равно, что место в очереди за собой застолбить. Я полагал, твоя семья исходила из этого, когда соглашалась на твой брак с Фолкнором. Когда он умрет, его ребенок станет здесь главным. И твоя семья получит контроль над Северными землями. Полагаю, он это тоже понимает, но по какой-то причине его это устраивает.

— Или у него нет выхода, — ошарашенно выдохнула я.

Голова кружилась от таких новостей. Я никогда не вникала в политику, в тонкости влияния жрецов на своих территориях. Знала, что у нас неплохие позиции, и знала, что благодаря Корду мы можем их укрепить

или даже улучшить. Я никогда не задумывалась о том, что с моей помощью отец тоже может расширить зону своего влияния.

Так, может быть, поэтому он не отказал Фолкнору? Он не боялся за Дом. Не боялся смертельного проклятия и истребления. Просто хотел «застолбить» за собой Северные земли. Теперь даже совет Корда выглядел иначе. Брат тоже понимал, что если я выйду замуж за Фолкнора, а потом убью его, мы все равно получим власть на этой территории, даже если я не успею не то что родить наследника, а даже забеременеть. Не потому ли он был настолько против моей поездки сюда с намерением узнать жениха получше? Боялся, что после более близкого знакомства я уже не смогу его убить, и придется ждать или мириться с тем, что главным здесь останется Торрен Фолкнор?

Нет, нет, нет. Все это невозможно! Лишь домыслы. Отец не поступил бы так со мной. Даже если он осознавал возможную выгоду, решающим должно было стать опасение, боязнь верховного жреца Некроса. Иначе быть не может.

— Я всего лишь предположил, Нея, — пошел на попятную и Форт, заметив мое состояние. — Я могу ошибаться. К тому же раз у твоего отца нет сестры, значит, и с тем другим жрецом у него были какие-то другие дела. Далеко не все жрецы столь амбициозны. Большинству хватает и того, что у них есть.

Я кивнула, хотя зерно сомнения уже было посеяно в моей душе. Мы снова замолчали. Форт рассеянно поглаживал крышку шкатулки, а я просто сидела с совершенно пустой головой и полным смятением в душе.

— А Лилию ты зачем вызвала?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я вздрогнула.

— Я ее не вызвала, — с нажимом заверила я. Пусть хотя бы он знает, если жених не захотел меня слушать. — Она сама является.

— Это уже не первый раз? — Форт нахмурился.

— Я начала видеть ее еще до приезда в Фолкнор, — призналась я. — Сначала она звала меня, потом просила о помощи. А теперь вот начала предупреждать. Но я не понимаю ни как могу ей помочь, ни чего должна остерегаться. Может быть, вы что-нибудь об этом знаете?

Я посмотрела на него с надеждой, но он лишь покачал головой. На его лице отразилось сомнение, он взял в руки шкатулку и решительно встал.

— Единственное, что я знаю, — это то, что незадолго до смерти Лилия страшно поругалась с мужем. Я заходил по делам школы к Ронану в кабинет, а когда возвращался, услышал их ссору. Лилия в слезах пробежала мимо меня.

— А по какому поводу они ссорились?

— Понятия не имею. Я лишь слышал, как она назвала его лживым подлым трусом. Видел, как она бежала из его кабинета и плакала. И видел, что он не пошел за ней, чтобы утешить. А через пару часов я узнал, что она упала с крыши.

Он так выделил это слово — упала, что я поняла: он не верит в случайность происшествия.

— Думаете, она не упала, а... прыгнула? — едва слышно уточнила я.

— Честно говоря, я очень стараюсь об этом не думать, — мрачно признался он. — Особенно глядя на тебя.

Глава 15

Разговор с Фортом не выходил у меня из головы до самого вечера. Я искренне надеялась прояснить с женихом ситуацию за ужином, объяснить ему, что не вызывала Лилию. Ни в шутку, ни со злым умыслом. И, может быть, даже рассказать ему о человеке в черном плаще, о явлении Линн, о зеркале... Но он на ужин не пришел. Даже под конец, из чего я сделала вывод, что он в замке, просто не хочет меня видеть. Обвиняющий взгляд старого распорядителя дома только укреплял меня в этой мысли.

Вместе с десертом мне подали объемный конверт. Обратным адресом значился мой родной дом.

— Это пришло с вечерней почтой, госпожа Веста, — сообщил Долорсдон надменно.

Он выглядел так, как будто долго думал, отдавать мне письмо сегодня или наказать за плохое поведение и придержать его до завтра. Это предположение промелькнуло у меня в голове, пока я разрывала конверт, и вылетело, стоило мне увидеть содержимое: книгу и письмо. Письмо было от Розы, поэтому я в первую очередь развернула его.

«Дорогая Нея!

Я очень рада была узнать, что тебе нравится учиться в Фолкноре и что ты привыкаешь к климату и местному укладу жизни. Жаль только, что магия смерти требует от тебя таких жертв. Я тут поспрашивала, как с активацией справляются наши жрецы. Мне посоветовали почитать эту книгу, чтобы понять. Возможно, ты сможешь найти в ней что-то полезное для себя и у тебя получится делать активацию по-своему. Ведь ты дочь жреца Виты, твоя Сила имеет другую природу.

И еще у меня для тебя новость. Хорошая она или плохая, решать тебе. Может быть, и не стоит об этом писать, но рано или поздно ты все равно узнаешь. Уж лучше от меня. К тому моменту, как ты получишь это письмо, Роан уже будет женат. Его новое обручение было объявлено на следующий день после твоего отъезда. На этот раз долго ждать он не стал. Девушка из хорошей, состоятельной семьи, но, конечно, не дочь жреца. Мне ее уже жаль. Знаешь, сейчас я как никогда рада тому, что обручение с Фолкнором разрушило твою помолвку с этим парнем. Вероятно, ты со мной не согласишься, но я считаю, что такой человек будет паршивым мужем.

Береги себя. И помни, что я всегда готова тебе помочь.

Роза».

Возможно, получи я это письмо вчера, я бы восприняла новость о свадьбе Роана спокойнее. Но после всего, что произошло сегодня, она выбила меня из колеи. словно это стало последней каплей к несправедливому гневу жениха и подозрениям в адрес отца.

С такой скоростью Роан мог жениться только при одном условии: все это время у него был кто-то еще. Все эти годы, что он ухаживал, улыбался, говорил о своей любви ко мне, он врал. Уж не знаю, что он при этом врал той другой девушке, но определенно держал нас обоих за влюбленных дурочек. Коими мы и были, если задуматься. Теперь мне стало понятно его обвинение в наш последний разговор: так поступал он, держал другую девушку «про запас». Роан не просто предал меня, даже не попытавшись отстоять нашу помолвку. Он никогда меня не любил. Я была для него более выгодным вариантом.

От осознания этого я почувствовала себя невозможно глупой и совершенно никому не нужной. Сложила письмо и спрятала его между страницами книги. Пальцы плохо слушались, а глаза то и дело заволакивала пелена, но я упрямо смаргивала ее, не желая реветь при Долорсдоне и лакее. Десерт — восхитительный крем с карамельным вкусом — так и бросила едва тронутым. Поскольку ужинала одна, я могла просто встать и, ни с кем не прощаясь, покинуть столовую, прижимая книгу к груди.

Лишь в своей комнате я разрешила себе поплакать, но слезы из глаз так и не полились. Грудь одновременно болезненно сдавливало снаружи и распирало изнутри, мне было тяжело дышать, но заплакать не получалось. Горькие мысли снова метались в голове, заставив забыть о домашнем задании.

Сколько подлости человек способен скрывать за красивой улыбкой и сладкими речами? И могу ли я быть уверенной, что по-настоящему знаю хоть кого-нибудь из тех, кого люблю? Или все только пользуются моей доверчивостью?

Может ли быть так, что отец обещал мне свободу выбора и готов был отдать за простого гвардейца не из нежных чувств, а из-за полного безразличия к моей судьбе? И стоило появиться Фолкнору с его предложением, как меня тут же отдали ему в надежде выгадать что-то от этого брака. Выживу — хорошо, дам возможность отцу и брату получить в свое ведение целые Северные земли. Умру в процессе — тоже невелика потеря. Ведь главные надежды Дома связаны с Кордом, а не со мной.

Может быть, и в том, что брат нежно меня любит и заботится, я ошибалась? Может быть, все эти годы я вообще лишь придумывала себе,

что любима, просто потому что мне очень этого хотелось?

Со временем я поняла, что бестолково мечусь по комнате, задевая то край стола, то стул, то кровать. Заставила себя остановиться и глубоко вдохнуть. Первое получилось, второе — нет. Мне не хватало воздуха. Я открыла окно, но это не помогло. В комнате только стало холоднее, а мне и так было холодно. Я мерзла снаружи и чувствовала холодную пустоту внутри. И не знала, к кому пойти, чтобы согреться.

Еще немного пометавшись из угла в угол, я схватила пальто и выбежала в коридор, не сменив домашние туфли на сапожки — это почему-то совсем вылетело у меня из головы. Я решила, что мне нужно прогуляться, подышать свежим воздухом. Может быть, Ронан или Форт заметят меня и придут составить компанию. Идти самой к кому-то из них мне не позволяло воспитание, а Ирис была чудесной, но холодной. Она могла помочь с учебой, но я чувствовала, что разговор по душам с ней не сложится. Тот факт, что на улице давно стемнело и из окна меня никто не увидит, меня почему-то совершенно не смутил.

Уже у самой лестницы путь мне преградила Лилия. Она впервые появилась прямо передо мной, так что я едва не столкнулась с ней. Если, конечно, можно столкнуться с бестелесным призраком. Просто ее лицо вдруг оказалось в сантиметре от моего, когда я повернула за угол. Я испуганно отпрянула назад, едва не упав.

Лилия склонила голову набок и вновь поманила за собой. Я решила, что в этот раз не стану пренебрегать ее зовом. Пока только призраки бывших жен шеда демонстрировали искреннее желание помочь мне. Стоило быть благодарной и попытаться помочь им, а не прогонять, как я сделала в последний раз.

Вскоре я поняла, что дух ведет меня на крышу, и испуганно замерла. Мне совершенно не хотелось оказаться там, где Лилия погибла. Да и крыша сама по себе казалась мне опасным местом, но призрак уверенно двигался вперед, мне пришлось преодолеть страх и пойти следом.

К счастью, та часть крыши, на которую Лилия меня привела, была плоской, со всех сторон обнесенной высоким бортиком. Это выглядело вполне безопасно.

Стоило мне шагнуть за дверь, ведущую на чердак, на меня набросился порыв ледяного ветра, напомнив, что я забыла застегнуть пальто, захватить шарф и сменить обувь. Два последних пункта я уже исправить не могла, поэтому оставалось только запахнуть полы пальто.

Управившись с пуговицами, я оглянулась по сторонам, пытаясь найти взглядом Лилию и понять, что она хотела мне показать. Однако призрака

нигде не было. У дальнего бортика спиной ко мне стоял только мужчина с длинными темными волосами, которые ветер бессовестно трепал. На нем не было ни пальто, ни мантии жреца, только повседневный сюртук, но я все равно поняла, что это Торрен, а не Ронан Фолкнор.

Первым моим порывом было уйти, пока он меня не заметил, но я подавила его. Я ведь хотела с ним поговорить. Может быть, именно к нему Лилия меня и привела? Значит, она и сама хочет, чтобы я ему все рассказала и объяснила. Непонятно только, почему она не является сразу ему?

Я сделала несколько шагов вперед, на ходу поднимая воротник и втягивая голову в плечи, чтобы как-то закрыться от пронизывающего ветра. Здесь он был сильнее и холоднее, чем внизу. Неужели Фолкнору не холодно стоять тут без верхней одежды? Что он вообще здесь делает? Любуется видом? Его поза казалась напряженной и... какой-то скорбной. Уже в самый последний момент я сообразила, что он мог прийти сюда из-за явления Лилии днем. Тогда мое вмешательство будет более чем неуместно.

Однако думать об этом было уже поздно. Фолкнор заметил мое приближение и резко обернулся, как раз когда я снова нерешительно замерла на месте.

— Что вы здесь делаете? — грозно поинтересовался он.

Настолько грозно, что я едва удержалась от желания ответить: «Ничего» и сбежать. Мне все-таки удалось преодолеть страх и подойти ближе, к самому бортику, который доходил мне почти до талии. Даже ночью было понятно, что отсюда открывается красивый вид. Я не смотрела на Фолкнора, но чувствовала, что он следит за мной взглядом.

— Мне нужен свежий воздух, — уклончиво объяснила я, осторожно посмотрев вниз. Голова тут же закружилась, и я торопливо подняла взгляд, устремив его в темную даль.

— И вы решили погулять по крыше? — хмыкнул он. — Плохие новости из дома?

— С чего вы взяли? — я удивленно посмотрела на него, чуть повернув голову. Откуда он может знать?

— Сегодня за ужином вам передали конверт, пришедший из вашего дома. Вы прочитали письмо, и оно вас расстроило настолько, что вы бросили чудесный десерт и ушли. А полчаса спустя вы пришли гулять на крышу, куда за все время ни разу не поднимались. Вывод напрашивается сам собой.

Меня удивило, что он так хорошо осведомлен о том, как прошел мой ужин. Лучше бы сам на него пришел, чем спрашивать потом

распорядителя!

— Мне сообщили, что Роан женился, — после непродолжительного молчания призналась я.

— Кто? — на этот раз его недоумение прозвучало не очень правдоподобно.

— Роан, мой прежний жених, — раздраженно напомнила я. Его демонстративное пренебрежение меня разозлило. — Я уже говорила вам про него.

— Ах этот, — фыркнул Фолкнор. — Значит, я ошибся, и новости все-таки хорошие.

Теперь негодование заставило меня повернуться к нему всем корпусом. Гнев и боль, раздиравшие меня изнутри с момента прочтения письма, подавили страх и требовали выплеснуть себя. Хотя бы и на него.

— Чем же эта новость так хороша, по-вашему?

Он тоже повернулся ко мне, мрачный и невозмутимый. Чуть наклонился, приблизив лицо к моему, из-за чего мое сердце дернулось, не зная, остановиться ему или забиться сильнее.

— Тем, что вы наверняка испытывали чувство неловкости и стыда, думая, что подвели его. Даже понимая, что он предал вас, не вступившись и не попытавшись помешать нашей с вами помолвке. Но теперь вы знаете, каков он на самом деле. Знаете, что он вас никогда не любил, лишь пытался использовать. Готов поспорить, отец собирался купить вам дом в качестве свадебного подарка. Небольшой, не такой, к какому вы привыкли, конечно. Но офицеру королевской гвардии пришлось бы копить на него полжизни. Теперь материальные запросы вашего бывшего жениха легли на плечи отца другой несчастной, и ваша совесть может быть спокойна. Это прекрасная новость, как по мне.

— А как по мне, очень больно узнать, что тот, кого ты искренне любила, никогда не любил тебя в ответ! — возразила я сорвавшимся под конец фразы голосом. Горло перехватило, и мне показалось, что вот сейчас я наконец смогу заплакать, а потом — вдохнуть полной грудью.

— О, пожалуйста, — Фолкнор скривился и отвернулся. — Избавьте меня от вашей детской драмы. Себе можете врать, что вы его любили, сколько угодно, а мне бессмысленно. Вы его точно так же никогда не любили, как и он вас. Может быть, любили какой-то образ или очень хотели любить.

— Да как вы смеете? — слезы моментально пропали, теперь снова рвался наружу гнев. Он выплескивался из меня, несмотря на предостережения внутреннего голоса. Но все-таки становилось легче

дышать. — Как вы можете судить об этом? Вы меня совсем не знаете! Если у вас нет сердца, это еще не значит, что ни у кого нет!

Он снова резко повернулся, шагнул вперед, угрожающе навис над мной, но в этот раз я не отступила назад и не опустила голову. Не потому, что мне не было страшно. Я все еще боялась его, но сейчас задетая гордость не позволяла этого демонстрировать.

Фолкнор, кажется, не ожидал, что я останусь стоять на месте и наши тела практически соприкоснутся. На несколько секунд это сбило его с толку. Я почти не видела в темноте его лица, но судорожное, неровное дыхание чувствовала кожей.

И все-таки, чем же от него так приятно пахнет?

— У меня как раз есть сердце, — наконец тихо, но эмоционально заговорил шед, тоже не отступая. — А еще глаза, память и мозги. Я наблюдал за вами с момента вашего приезда. Скажите честно: сколько раз за все время вы думали о своем Роане, о разорванной помолвке, о вашем разбитом сердце? Хотя бы каждый день? Или через один? Сомневаюсь. А когда злая судьба разлучает тебя с любимым человеком, ты думаешь о нем постоянно, просто потому что больше ни о чем думать не можешь. Ты даже дышать не можешь. Я знаю, о чем говорю, Нея, я похоронил двух жен. Но в вас ничего подобного не замечал, хотя ваш Роан для вас все равно что умер. Вы не любили его, а ему было глубоко плевать на вас, раз он так быстро нашел вам замену. Так что скажите спасибо, что обручение со мной уберегло вас от опрометчивого брака, в котором вы бы все равно были глубоко несчастны.

— Можно подумать, с вами я буду счастлива, — не удержалась я. — Мы точно так же не любим друг друга и никогда не полюбим! Разница лишь в том, что вы и не пытаетесь притвориться влюбленным, а я не заблуждаюсь по поводу своих чувств к вам! Так за что мне говорить спасибо? За то, что ваш дом даже больше того, к которому я привыкла?

На его лице снова промелькнуло удивление, как будто он не ожидал от меня такого ответа. Впрочем, я и сама его не ожидала. Почему-то иногда во время разговора с ним я становилась... другой. Я до сих пор немного боялась Фолкнора, но при этом позволяла себе отвечать ему дерзко. Как будто он пробуждал во мне что-то, чего никогда не было раньше. Я никогда не позволяла себе такого тона с отцом.

Однако теперь, когда между нами снова повисло молчание, я наконец испугалась по-настоящему. Вспомнила, как Форт сказал, что в день гибели Лилия поссорилась с мужем, бросила ему в лицо оскорбление. Может, он и не пошел за ней сразу, но потом мог найти ее здесь, их ссора могла

продолжиться и...

Нет, нет, нет, тогда Лилия не привела бы меня к нему сейчас!

Фолкнор медленно выдохнул, сверля меня тяжелым взглядом. Он злился, но в кои-то веки старался держать себя в руках. Он снова отвернулся, оперся руками о бортик. Его плечи заметно поникли, он склонил голову, словно силы покинули его, и стоять прямо вдруг стало невыносимо.

— Возможно, это даже поможет нашему браку, — заметил он. — Никакого обмана и самообмана, никаких надежд, никаких взаимных ожиданий, которые мы можем не оправдать. Все предельно ясно и честно.

Не знаю почему, но моя злость мгновенно улетучилась. Что-то в его позе или тоне отозвалось странным чувством в груди. Появилось желание подойти к нему ближе, коснуться плеча в ободряющем жесте. Это желание напугало меня, и я обхватила себя руками, чтобы точно не сделать ничего подобного.

Я наконец вспомнила о том, где мы находимся и почему мы здесь.

— Она ведь сюда пришла в ту ночь? — осторожно поинтересовалась я, меняя тему. — Лилия.

Он молчал довольно долго, но потом все-таки ответил. Голос его при этом прозвучал немного хрипло:

— Да. Она любила это место. Часто приходила сюда.

— А вы? То есть... Вы любили ее?

Не знаю, зачем я это спросила. Было бы странно ожидать, что Фолкнор станет говорить со мной о своих чувствах. Причем чувствах к другой женщине. Но он неожиданно признался:

— Я уважал ее. И ценил. За ум, красоту, силу духа, внутреннее достоинство. Она не имела благородного происхождения, но благородства ей было не занимать. И она любила меня. Очень искренне и очень нежно. А это само по себе большая редкость. Я старался убедить ее, что люблю так же искренне, но это плохо кончилось.

Он снова шумно вздохнул, выпрямился, поднял лицо к темному небу, на мгновение прикрывая глаза. После чего повернулся ко мне.

— Я должен извиниться перед вами, Нея. Я... был груб с вами сегодня. Опять. Мне стоит чаще вспоминать о том, что вы еще очень молоды. И с большим пониманием относиться к вашим выходкам...

— Я не вызывала Лилию! — торопливо перебила я, вспомнив наконец о чем хотела с ним поговорить. — Шед Фолкнор, поверьте мне, я никогда не стала бы делать этого. Я никогда не призывала дух вашей жены. Он сам является мне. Является уже давно, с самого нашего обручения.

Он недоверчиво сощурился и нахмурился, глядя на меня с интересом, смешанным с подозрением. Я в отчаянии закусил губу, не зная, как доказать ему это.

— Я знаю, что это звучит странно, но первый раз она явилась мне еще до того, как я узнала, кто она. И потом она показывалась мне несколько раз уже здесь. Она и сейчас привела меня к вам. Думаю, она хочет, чтобы мы поговорили.

Бровь поднялась вверх: мне в очередной раз удалось удивить его. Фолкнор снова окинул меня пронзительным взглядом, словно решая, стоит ли мне доверять, и медленно кивнул.

— Что ж, давайте поговорим. Только лучше нам пройти в мои личные комнаты. Там теплее.

— Я не замерзла, — испуганно заверила я, хотя это не было правдой. Без шарфа и теплой обуви пальто не спасало.

Губы жениха дернулись в подобии усмешки, и он мягко уточнил:

— Я замерз.

Глава 16

В комнату, в которую меня привел Фолкнор, я входила с опаской. Вообще-то у нас на юге считается, что неженатый мужчина и незамужняя девушка не должны оставаться наедине за закрытой дверью. Особенно в вечерние часы. Я спокойно оставалась в кабинете Ронана Фолкнора во время наших занятий, но лишь потому, что дверь всегда оставалась приоткрытой. Да и не чувствовала я никакой угрозы с его стороны. О его брате Торрене я все еще не могла этого сказать, хотя он и извинился за свое поведение на нашем первом ужине.

Комната оказалась небольшой гостиной, вроде той, что была и у меня в моем родном доме. Небольшая приватная зона между общими помещениями дома и моей спальней, где я обычно принимала подруг. С той только разницей, что здесь царил полумрак: когда мы пришли, комната освещалась лишь огнем в камине. Фолкнор зажег несколько светильников на стенах, но большая люстра под потолком так и не вспыхнула. Мне хотелось думать, что он просто не любит яркий свет.

Фолкнор внезапно оказался у меня за спиной, а его руки — на моих плечах. От неожиданности я вздрогнула, попыталась отстраниться, но он с усмешкой пояснил:

— Пальто позволите? Садитесь в кресло у камина, там тепло.

Я позволила снять с себя пальто и прошла к указанному креслу. Жар от камина действительно оказался ощутимым, я сразу начала согреваться и осторожно оглядываться. Гостиная хозяина была такой же элегантной, как и его кабинет. Во всем — отделке, мебели, декоре — чувствовались вкус и деньги, но нигде я не заметила перебора, кичливости, излишней роскоши. Красиво, уютно, функционально, но при этом очень сдержанно.

Пока я любовалась обстановкой, Фолкнор прошел к небольшому столику у стены, на котором стояли два графина — один с водой, другой с жидкостью цвета пережженного сахара — и несколько стаканов. Большое зеркало, висевшее на стене, увеличивало количество предметов вдвое. Фолкнор налил в два стакана коричневой жидкости, в один потом добавил воды и подал его мне.

— Поможет согреться внутри, — объяснил он. — Только пейте аккуратно. Это довольно крепкая штука, даже разбавленная.

Я поднесла стакан к лицу, осторожно понюхала содержимое и непроизвольно поморщилась. Жидкость была очень вонючей. Но я все-таки

попробовала сделать маленький глоток, о чем тут же пожалела: вкус оказался резким, жгучим и каким-то горьким.

Пока я знакомясь с неизвестным мне напитком, Фолкнор подтащил к моему креслу невысокий пуфик и сел на него, хотя с его внушительным ростом это едва ли могло быть удобно. Его лицо оказалось ниже моего, но ему не было до этого дела. Он уперся локтями в колени широко расставленных ног, сделал небольшой глоток из своего стакана, разглядывая меня, и наконец велел:

— Рассказывайте, я внимательно слушаю.

И я принялась рассказывать. Сначала путанно, то пропуская что-то, то повторяя дважды, то углубляясь в подробности, которые никак не могли его интересовать. Я рассказала о примерке платья, во время которой впервые увидела Лилию в зеркале, о своем сне, в котором видела ее глазами и столкнулась с мужчиной в черном плаще, а потом и с самим Фолкнором.

— Как вы узнали, что это я? — удивился он. — Разве вы знали, как я выгляжу?

Пришлось признаться и в том, что перед этим я использовала зачарованное зеркало, чтобы посмотреть на него. Фолкнор лишь по обыкновению выразительно выгнул бровь, но ничего не сказал, и я продолжила рассказ.

Об истинных причинах отправиться в Фолкнор я умолчала, конечно, но он и не стал задавать дополнительных вопросов.

Когда я упомянула Линн, которую видела в отражении несколько секунд, Фолкнор дернулся, судорожно сглотнул, нахмурившись, но прерывать не стал, позволяя сначала рассказать все остальное. В том числе то, что на празднике я видела и Лилию, и мужчину в плаще. Немного смущаясь, я призналась, что после этого не видела призрак его жены целых две недели, потому что прогнала его.

— Остальное вы сами видели, — тихо закончила я. — И вот теперь она привела меня на крышу. К вам, я полагаю.

Он кивнул, с некоторым недоумением посмотрев на дно опустевшего стакана, и поднялся, чтобы налить себе еще. Я так и сидела с почти нетронутым напитком.

— Все это очень странно, — заметил Фолкнор, возвращаясь на пуфик. — Духи весьма редко являются к нам сами, без вызова. Тем более странно, что мои жены являются вам. Будь вы из наших жрецов, это еще можно было бы попытаться как-то объяснить. Хотя даже я точно не знаю как.

Мне показалось странным, что в моей истории его больше всего

заинтересовало это. На мой взгляд, загадочный мужчина в плаще, шныряющий по дому, должен был привлечь его внимание в первую очередь. Ведь вполне возможно, что именно он убил Лилию.

— Шед, а вы... — я запнулась, в последний момент испугавшись своего вопроса, но все же заставила себя его озвучить: — Вы не вызывали Лилию после смерти? Чтобы узнать, что с ней случилось. Там ведь очень высокий бортик. Она не могла упасть случайно.

Его лицо помрачнело, на этот раз он сделал большой глоток. Не глядя на меня, покачал головой.

— Пытался, но она не пришла. Такое бывает. Особенно в случае с насильственной смертью. Особенно когда призыв пытается осуществить тот, кто в ней виноват.

— Почему вы считаете, что виноваты? Это из-за вашей ссоры в день ее смерти? — уточнила я.

Он вскинул на меня свой прожигающий насквозь взгляд, от которого у меня мурашки побежали по спине, несмотря на тепло камина. Как будто заметив это, Фолкнор отвернулся.

— Форт очень болтлив, — проворчал он себе под нос, глядя на пляску огня в камине.

Я поняла, что неосторожно выдала учителя, и тут же попыталась его выгородить. Получилось очень неуклюже:

— При чем тут он? Я узнала не от него.

Фолкнор снова посмотрел на меня, на этот раз с кривой усмешкой.

— Слабая попытка, Нея. Зато теперь я точно знаю, что вы совсем не умеете лгать. Не так много людей знают о нашей ссоре, а ваш круг общения и того меньше. Ронан не любит говорить о Лилии, а Ирис не болтлива. Остается Форт. С которым вы так мило беседуете чуть ли не каждый день во время своих прогулок.

На последней фразе его тон стал едким, колючим. Я бы приняла это за ревность, если бы у меня были основания полагать, что жених в меня влюблен. А так я решила, что он все же просто недоволен моим общением с другим мужчиной.

— Да, мы поссорились, — признал Фолкнор, не дожидаясь моего нового ответа. — Она... поняла, что я ее не люблю, что женился только потому, что мне нужен наследник. Это ее очень огорчило.

— Настолько, чтобы прыгнуть с крыши? — усомнилась я. — А если ее толкнул тот человек в плаще? Не зря же она пыталась мне на него указать.

— Я в любом случае виноват в том, что с ней случилось, — он снова посмотрел на меня, но на этот раз его взгляд казался скорее несчастным,

чем прожигаящим. — Если она прыгнула из-за нашей ссоры, то я ее довел. Если ее столкнули, то не уберег. Это мой дом. И если в нем завелся убийца, то виноват в этом я.

— Вы слишком суровы к себе...

— Я притягиваю смерть, — настойчиво заявил Фолкнор. Слишком эмоционально, и я вдруг поняла, что и второй стакан крепкого напитка у него опустел. Однако прежде, чем это успело меня напугать, он выдохнул, его плечи заметно поникли. — Она сопровождает меня всю жизнь. Я родился в ее объятиях и с тех пор каждый день моей жизни — это шаг, возвращающий меня к ней. Она ждет и вьется вокруг меня, забирая тех, кто мне дорог. Всегда рядом. Моя единственная настоящая невеста. И жена, и любовница, и мать, и дочь, и сестра. Такова наша судьба — судьба верховных жрецов Некроса. Смерть всегда ступает рядом с нами.

— Вы говорили, что смерть — это всего лишь естественный этап жизни, — напомнила я. — И о нем не стоит сожалеть.

Фолкнор снова криво усмехнулся и встал. Я думала, он собирается налить себе еще, но он подошел к камину, поставил пустой стакан на полку и оперся о нее рукой.

— Да, так учит нас Некрос, — признал он. — И как его верховный жрец я стараюсь помнить об этом, но человек во мне сопротивляется. Если из-за этого я кажусь вам лицемером, то вы правы, так и есть. Я всю жизнь стараюсь принять свое служение, но чем старше становлюсь, тем хуже у меня получается.

Он замолчал, а я сидела, боясь пошевелиться или даже просто слишком громко вздохнуть. Скорее всего, подобные откровения от шеда Торрена Фолкнора люди слышат нечасто, если вообще слышат. А он выглядел так, словно ему очень нужно выговорить это, выплеснуть. Как мне на крыше требовалось выплеснуть гнев и боль, чтобы наконец нормально вдохнуть. Сейчас я боялась напомнить о своем присутствии, чтобы не сбить его. Если ему нужно выговориться — пусть выговорится.

Новое тихое признание не заставило себя долго ждать:

— Мне было без малого двадцать, когда король призвал меня на службу. И прослужил я ему почти пять лет, прежде чем мой отец умер и мне пришлось занять его место. За это время я убил пятнадцать человек. Я не испытывал к ним ненависти или злости. Как не было во мне сострадания или сожаления. Я не воспринимал себя как убийцу. Разве палача, приводящего в исполнение приговор суда, мы называем убийцей? Разве солдат, убивающий врага, должен стыдиться этого? Я был неофициальным палачом и солдатом необъявленной войны. Я убеждал

себя, что всего лишь помогаю Богу забирать тех, кому место в его чертоге. Это было несложно. Учение Некроса я постигал с малолетства. Как вас готовили быть женой гвардейца, так меня готовили быть верховным жрецом. А нести смерть — часть служения верховного жреца Некроса. Я вырос, веря в это.

Он замолчал, и на какое-то время в гостиной не осталось других звуков, кроме его тяжелого дыхания, треска огня в камине и тиканья настенных часов. Я еще слышала, как гулко бьется сердце в груди, его биение отдавалось шумом в ушах, но понимала, что Фолкнор этого не слышит. Он, как мне казалось, уже забыл о моем присутствии, но он продолжил:

— А потом Некрос забрал ту, которой я дышал, и того, кто даже не успел начать жить. И вся моя вера рухнула в одно мгновение. — Он щелкнул пальцами, и в тишине этот звук показался таким громким и пронзительным, что я почти подпрыгнула на месте. — Вот так. Только что были вера, любовь и надежды — и все, на их месте пустота. Пустота внутри меня. Пустота вокруг меня. И лишь смерть по-прежнему стоит рядом. И как я ни стараюсь, эту пустоту не заполнить.

Я до боли закусил губу и в очередной раз за вечер сморгнула непрошенные слезы. Не знаю, почему мне вдруг стало так грустно. Я ведь знала его историю, знала от Ронана. Но одно дело знать, а другое — услышать это все из его уст. Услышать, чувствуя его боль в каждом слове.

А может быть, его слова просто перекликались с тем, что я сама чувствовала совсем недавно. Я не потеряла веру в Богиню, конечно, но пустота и холод уже ощущались на месте моей веры в семью и любовь.

Я встала и тоже подошла к камину, осторожно поставила свой стакан рядом с его, а потом все-таки сделала то, что хотела сделать еще на крыше: коснулась плеча шеда и слегка погладила.

— Мне очень жаль.

— Вы это уже говорили, — едко отозвался он.

Кажется, он уже устыдился своей откровенности, но меня это не смутило.

— И могу повторить это еще много раз.

— Сделайте одолжение: не стоит.

Он повернулся ко мне, и я поняла, что чем бы ни был вызвал момент доверия между нами, он прошел. Лицо шеда вновь стало непроницаемым, взгляд — равнодушным, плечи развернулись, спина выпрямилась. Голос тоже прозвучал совсем иначе, когда Фолкнор потребовал:

— Отведите меня в ту комнату с зеркалом.

Найти комнату с зеркалом оказалось не так-то просто. Лилия привела меня туда на второй день моего пребывания в замке, я тогда еще не ориентировалась в нем. Поэтому я долго блуждала по коридорам и несколько раз ошибалась. Фолкнор проявил небывалое терпение, помогая мне наводящими вопросами и совсем не раздражаясь — по крайней мере, внешне — тем фактом, что я никак не могу найти нужную дверь.

Когда наконец мы нашли комнату, я облегченно выдохнула. Мне уже самой начало казаться, что мы никогда сюда не доберемся, что мне все это привиделось. Не хотелось, чтобы шед счел меня обманщицей.

Выключатель щелкнул, и одинокая лампочка под потолком озарила тусклым светом уже знакомое нагромождение предметов. Тут ничего не изменилось: не пропало и не добавилось, не передвинулось. И зеркало стояло на том же месте, прикрытое покрывалом.

Фолкнор бросил мимолетный взгляд по сторонам и направился сразу к зеркалу, сдернул с него покрывало и принялся рассматривать надписи, вырезанные на раме, водя по ним кончиками пальцев. Я молча стояла рядом, дожидаясь, когда он закончит осмотр.

— Значит, когда вас привели сюда, зеркало было раскрыто, но не активно? — уточнил он. — То есть, оно было просто зеркалом?

Я ограничилась кивком, потому что видела, что шед смотрит на меня через отражение.

— Когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что этот мужчина в плаще что-то делал с зеркалом, потом ушел, но забыл его накрыть, и вернулся, — добавила я осторожно, хотя о том, что я думаю, он меня не спрашивал. — И еще он что-то забрал со столика.

Я подошла ближе и показала на место, которое уже покрылось пылью, но все еще оставалось пустым.

— К сожалению, я не запомнила, что тут лежало, — призналась я виновато. — Что-то, что не выбивалось из общей картины. А почему вы храните это зеркало здесь?

— Я понятия не имею, — признался Фолкнор, скользнув взглядом по столику, и снова посмотрел на зеркало. — Старыми вещами заведуют Долорсдон и экономка. Что-то выбрасывается, что-то отдается на благотворительность. Вероятно, какое-то время вещи отлеживаются здесь, прежде чем их куда-то определяют...

— Но это же волшебное зеркало, — возразила я. — Ему место в зале

обрядов, а не здесь.

В глазах Фолкнора снова появилось то мягкое выражение, которое заменяло ему улыбку, он покачал головой и повернулся ко мне.

— Я думаю, волшебным это зеркало сделал наш загадочный человек в плаще, нанеся на него надписи на языке Богов.

— Значит, он разбирается в магии жрецов? — предположила я.

Это очень сократило бы круг подозреваемых. Примерно до трех человек, двоих из которых мне совершенно не хотелось ни в чем подозревать. Однако Фолкнор разочаровал меня:

— Не обязательно. Тот, кто разбирается в магии жрецов, мог научить того, кто живет или служит в моем доме. Вырезать символы по шаблону — не самая сложная задача.

— Разве этого достаточно? — усомнилась я. — А как же активация? Для этого ведь нужна магия.

— Это зеркало пассивно, — возразил Фолкнор, показав пальцем на ряд символов, которые мне пока ровным счетом ничего не говорили. Мы еще не изучали таких слов. — Работает на прием, а не на передачу.

— Я не понимаю, — призналась я, хоть мне и не хотелось выглядеть в его глазах бестолковой.

— Это не такое зеркало как то, через которое вы подглядывали за мной, — терпеливо пояснил он, насмешливо покосившись на меня.

— Я не подглядывала, — возмущенно возразила я, чувствуя, как щеки начинают гореть.

— Как вам будет угодно. Но все же. Это зеркало не покажет вам другие места. Оно связано с одним единственным активным волшебным зеркалом. Поэтому через него можно увидеть и услышать только того, кто отражается в том другом зеркале. А он, соответственно, увидит того, кто отражается в этом. Это всего лишь...

— Канал связи, — перебила я, охнув. — То есть тот человек приходит сюда, чтобы...

— Общаться с кем-то за пределами замка, — кивнул шед. — Очевидно, в моем доме завелся не только убийца, но и шпион. И мне необходимо выяснить, кто это, как можно скорей. Вас попрошу об этом молчать.

Он повернулся ко мне всем корпусом и шагнул ближе, нависая надо мной и ловя мой взгляд.

— Слышите, Нея? Не вздумайте болтать об этом с кем-то в школе. Даже с моим братом. И не смейте писать об этом домой. Предупреждаю, вся ваша почта будет вскрываться. Увижу хотя бы маленький намек между

строк, вы пожалеете о том, что явились в мой замок.

Я внезапно поняла, что его грубый голос, прожигающий взгляд и угрожающая близость уже не производят на меня прежнего впечатления. Не было дрожи, сердце не замирало. Перед моим мысленным взором стоял мужчина со скорбно опущенными плечами, на лицо которого падали причудливые тени, а глаза при этом поблескивали, отражая огонь камина. Один и тот же человек не способен на такую искреннюю, преданную любовь и на бессмысленную жестокость. Я вдруг отчетливо поняла, что все угрозы в мой адрес, которые я слышала или чувствовала с самого начала, были иллюзией. Маской.

— Чему вы улыбаетесь, позвольте узнать? — раздраженно, но вместе с тем и немного растерянно спросил Фолкнор.

— Ничему, — я покачала головой, продолжая смотреть на него с улыбкой. — Вы можете не волноваться, шед. За все время я ни с кем это не обсуждала. Не вижу смысла начинать сейчас.

— Вот и хорошо, — все еще строго, но уже без прежнего нажима отозвался он. — Полагаю, вы устали, вечер получился длинным. Можете идти к себе.

Однако я не тронулась с места, даже не шелохнулась. У меня тоже были вопросы, и сейчас я поняла, что готова их задать. Что не боюсь их задать.

— Шед Фолкнор, а что вы знаете о том жреце, чей дух я по ошибке призвала на уроке?

Брови Фолкнора приподнялись, угроза окончательно ушла из выражения его лица и позы. Он сложил руки на груди и склонил голову набок.

— А вы уверены, что действительно его призвали?

Я тоже недовольно сложила руки на груди и вздернула подбородок. Его недоверие было обидным!

— Это видел весь класс и господин Форт. Можете хоть каждого опросить, они подтвердят.

— Я уверен, что дух приходил, — примирительным тоном согласился Фолкнор. — Но уверены ли вы, что он пришел по вашему призыву? Как я понимаю, духи ходят к вам по своей воле. Мы даже не можем быть уверены, что это был дух хозяина шкатулки. Мало ли кто еще решил вас навестить?

— О... — только и смогла выдохнуть я. Это не приходило мне в голову.

Я опустила голову, размышляя над этой вероятностью. Действительно,

я ведь понятия не имею, как выглядел тот жрец.

— У него были светлые волосы и глаза, как у вас. Голубые, — смущенно уточнила я. — Он, конечно, уже был тенью, но на несколько секунд я увидела его лицо. Это вам что-нибудь говорит?

— Это похоже на описание шеда Малроя. Хозяина шкатулки. Он был другом моего отца, но я его плохо знал, потому что он умер, когда мне было лет двенадцать.

— Он знал мое имя, — тихо добавила я. — То есть... Он назвал меня «Линн». Никто меня так не называет, но все же... это мое имя. Откуда он может меня знать?

Фолкнор нахмурился и задумчиво прошелся по комнате, лавируя между беспорядочно расставленной мебелью.

— Не представляю, — в конце концов выдохнул он. — Полагаю, он умер еще до вашего рождения. Либо вы на кого-то похожи, либо... Не знаю, говорят, иногда духи следят за теми, кто остался в этом мире. Но с чего бы ему следить за вами?

— У него были какие-то дела с моим отцом, — я пожала плечами. — Форт сказал, что шкатулки-близнецы использовались для мгновенного обмена почтой, и у моего отца вторая. А насколько близки они были с вашим отцом?

На этот раз плечами пожал Фолкнор.

— Учитывая, что на тот момент верховных жрецов Некроса уже можно было пересчитать по пальцам одной руки, они все старались дружить друг с другом. Не думаю, что они были очень близки. А что?

— Просто... Все эти духи начали приходить ко мне с тех пор, как я обручилась с вами. До этого не было ни одного. Лилия и Линн связаны с вами. И он тоже должен быть связан.

— В отличие от моих несчастных жен, в его смерти я точно не виноват.

— А кто виноват? То есть, от чего он умер?

Фолкнор переменялся в лице: побледнел и помрачнел больше, чем обычно. Мне показалось, что он хотел ответить какой-то отговоркой, даже открыл рот, но потом вдруг резко выдохнул и покачал головой, словно не соглашаясь сам с собой.

— От того же, от чего и большинство других верховных жрецов Некроса, — наконец ответил он. — Вы никогда не задумывались о том, почему нас практически не стало?

Я пожала плечами. Нет, я никогда не задавалась этим вопросом. До обручения с Фолкнором Северные земли и их жрецы вообще меня не интересовали.

— Сила Некроса — весьма сомнительный дар, — пояснил Фолкнор, неотрывно глядя на меня. — Она разрушительна, губительна для нас самих. Младших жрецов это не затрагивает, но для верховных существует непреложное правило: ты либо обзаводишься наследником к определенному возрасту, либо умираешь. Малрой не успел. Как и многие другие. Да и у меня осталось совсем немного времени.

Глава 17

Не знаю, как долго я стояла и просто молча смотрела на него, хлопая ресницами и выходя при этом, должно быть, очень глупо. Фолкнор тоже молчал, разглядывая меня и, очевидно, ожидая какой-то реакции.

— Не понимаю, — наконец призналась я. — Как такое может быть?

— Довольно просто, — поморщившись, пробормотал он.

Фолкнор отвернулся и поднял с пола покрывало, снова спрятал под ним зеркало, как будто теперь избегая встречаться со мной взглядом.

— Мы все рождаемся с Силой, вы это знаете, — принялся объяснять он, чрезмерно внимательно расправляя складки грубой ткани. — Старшие дети в семьях наших верховных жрецов тоже становятся верховными. Как и у вас, вхождение в Силу начинается в юношеском возрасте. У мужчин это происходит в основном лет в восемнадцать. Иногда раньше, иногда позже. Скажем так, в период от шестнадцати до двадцати. У женщин это зависит не столько от возраста, сколько от того... когда, собственно, девушка становится женщиной.

Он выразительно покосился на меня, словно проверяя, правильно ли я его поняла. Я, конечно, отвела взгляд, чувствуя, как слегка загорелись щеки.

— Поэтому, кстати, у нас на севере нет культа женской невинности, как у вас на юге, — продолжил Фолкнор неудобную для меня тему. — Мы воспринимаем это просто как этап взросления, момент расцвета девушки, перехода в новое состояние, обретения Силы для тех, в ком она заложена.

Я неловко кашлянула. Общаясь в школе, я, конечно, более или менее привыкла к тому, что здесь спокойно обсуждают такие вещи, но говорить об этом с Фолкнором точно была не готова. Возможно, потому, что понимала: рано или поздно он может стать моим супругом, и мне придется спать с ним. Я с трудом могла себе это представить.

Шед то ли наконец заметил мое смущение, то ли просто решил, что с меня довольно, и продолжил:

— Пика Силы, ее полного расцвета мы все достигаем одинаково — ровно в тридцать три года. Полагаю, с жрецами других Богов дела обстоят так же, но вы не обращаете на это никакого внимания. Мы обращаем, потому что к этому моменту давление Силы Некроса становится невыносимым. Вы ведь сразу заметили, что я выгляжу старше. Это потому что у меня до сих пор нет детей.

Все, что он говорил, по-прежнему оставалось для меня непонятным.

— Как именно дети могут помочь?

— Сила переходит от родителей к детям. Когда на свет появляется новый верховный, ты делишь ношу с ним. Или с ней. И живешь дальше. Если этого не происходит, ровно в тридцать три года ты умираешь.

Это откровение шокировало меня. Настолько, что голова слегка закружилась от осознания того, чем грозит моя задумка Фолкнору. Ведь если я буду молчать о своих намерениях, а потом все же сниму диадему и разорву помолвку, получится, что все это время он потерял зря.

А если не буду молчать, то он, скорее всего, отменит траур и женится на мне, пока я не могу отказаться.

Мне стало по-настоящему нехорошо: сердце забилося как сумасшедшее, дышать стало тяжело, а в животе что-то неприятно заныло. Я нашла взглядом ближайший стул и почти упала на него, не разбирая, насколько он чистый.

Но хотя после этого заявления в голове у меня царил сумбур, что-то не сходилось в рассказе Фолкнора. Как будто не хватало какой-то маленькой, но очень важной детали.

— Если все так, то логично жениться и производить наследника как можно раньше. Зачем Малрой тянул? Я понимаю вашу ситуацию, но...

— Это не только моя ситуация, — перебил Фолкнор.

Он нашел еще один стул, подтащил его к моему и сел прямо напротив меня, тоже не особо заботясь, пострадает ли его одежда. Сел настолько близко, что наши колени соприкасались бы, если бы мои не были плотно сжаты, а его — широко расставлены.

— Это то, что я до сих пор скрывал от вас и пытался скрыть от Лилии. Передача силы происходит не в момент зачатия, а в момент рождения. Когда ребенок рождается у верховной жрицы, она ничем не рискует. Когда младенец покидает утробу матери, ее сила просто частично переходит к нему. Мужчины лишены прямого контакта со своими детьми, поэтому мать становится... своего рода проводником нашей Силы. К сожалению, далеко не все женщины способны пережить это. Даже младшие жрицы Некроса порой оказываются недостаточно сильны. И тогда...

— Мать и ребенок погибают, — немеющими губами прошептала я.

Теперь вся ситуация выглядела для меня иначе, его чувство вины стало понятнее. Линн умерла не потому, что во время родов что-то пошло не так. Ее убила Сила, которую должен был получить его сын. Потому что она сама ею не обладала? Фолкнор говорил, что у Лилии была врожденная Сила. Поэтому он ее выбрал? И именно это, видимо, она узнала в день

своей смерти. Не то, что он женился на ней ради наследника. А то, что он подвергнет ее жизнь опасности, чтобы спасти свою.

И меня ждет то же самое. Видимо, среди учениц школы другой достаточно одаренной девушки не нашлось, и Фолкнор был вынужден искать невесту среди дочерей жрецов. Он считает, что моей Силы хватит, чтобы противостоять его? Но с чего бы? Я хоть и старший ребенок, но мой отец младший жрец. И вообще у нас это так не работает! Сила жрецов переходит от отца к сыну, а у меня ее не намного больше, чем у его первой жены.

— Почему же вы женились на Линн, если знали о том, что ей грозит?

— Потому что был молодым и глупым, — признал Фолкнор, глядя на свои сцепленные в замок руки. — Мы с ней тогда верили, что любовь способна преодолеть все. Многие верховные так заблуждались. Думали, что для них Некрос сделает исключение. А потом хоронили любимых женщин и себя вместе с ними. Некоторые вообще больше не пытались вступать в брак и заводить детей, просто ждали конца. Другие делали еще одну попытку уже с более подходящей невестой. На третью решались единицы. Мы ведь тоже не железные. А гарантия того, что жена выживет, рожая первенца, может быть только в союзе двух верховных. Вот так от века к веку нас почти и не осталось.

— Бред какой-то, — вырвалось у меня. Я не хотела верить в его слова. Слишком страшно и безысходно они звучали. — Какой Некросу прок так поступать с собственными жрецами? Это ведь... истребление!

Он поднял на меня взгляд и почти улыбнулся. Сейчас это было не только выражением глаз, губы тоже дрогнули.

— Знаете, Нея, вы задаете очень верные вопросы. Я уже почти восхищаюсь вами. Вы правы, в этом нет смысла. Как нет смысла в том, что Некрос не услышал молитвы своего последнего верховного жреца, которые я возносил с самого дня согласия Линн на брак. Каждый день я просил его дать ей сил выносить и родить моего ребенка. Он остался глух. Это заставляет задаться вопросом: «Почему?» Ему нет до нас дела? Он недостаточно велик? А может быть, его и вовсе нет? Как и других так называемых Богов.

Его последние слова заставили меня поежиться от неприятного холодка, пробежавшего по спине. Я вспомнила, как он сказал, что потерял веру. Но в тот момент я не восприняла его признание так буквально.

— Что вы такое говорите, шед? Вы же не сомневаетесь...

— Нет, я не сомневаюсь в существовании Богов, — уверенно и довольно спокойно перебил он. — Я почти уверен в том, что их нет. И

никогда не было.

— Но как же... Как же наша Сила? Откуда она тогда, если не от них? И с кем общаются другие верховные жрецы? Мой отец, хотя бы.

— В лучшем случае, с собственным воображением, — язвительно отозвался Фолкнор и поднялся со стула, нервно прошелся по комнате, на этот раз задевая некоторые предметы мебели, но даже не замечая этого. — Я понимаю ваше недоверие, Нея. Но я изучал этот вопрос с тех пор, как потерял Линн. Изучал древние легенды, альтернативные писания. Все то, что Совет Жрецов называет ересью и хулой. И пришел к выводу, что те, кого мы сейчас называем Богами, были всего лишь другой расой. Возможно, пришедшей к нам откуда-то.

Такое не стоило не то что говорить, а даже слушать. И уж тем более не следовало поддерживать эту беседу, чтобы не навлечь на себя гнев Богов, но я все равно не удержалась от вопроса:

— Откуда?

— Кто знает? — он пожал плечами и развел руками. — А откуда приходят приходящие с туманом? Не удивлюсь, если оттуда же. Эти... люди, или, правильнее сказать, существа, смешались с нами. Об этом говорят легенды, вроде истории о Невесте Смерти. У нас считается, что жрецы пошли именно от союза Бога и смертной женщины. Но что если Некрос не был Богом? Просто был другим. Как Вита, и Раж, и Ласка. Их союзы с людьми породили новый вид — жрецов. Людей, обладающих Силой. И самые предприимчивые из нас со временем поняли, что это можно использовать для управления другими. Они объявили своих могущественных предков Богами, а себя — их заместителями. В то время как на самом деле в нас течет чуждая этому миру кровь. И потомкам Некроса повезло меньше всего: его кровь и его Сила подобны яду.

— Перестаньте! — я тоже вскочила со своего места, наконец опомнившись. — Это богохульство. Я понимаю, что после пережитого вы потеряли веру, но нельзя же так!

Я думала, он разозлится, но он снова скрестил руки на груди и насмешливо посмотрел на меня, едва заметно кивая каким-то своим мыслям.

— Вот и Совет Жрецов так сказал, когда я изложил им эту теорию.

— Вы заявили об этом на Совете Жрецов? — не поверила я.

Одно дело говорить такое в собственном доме и совсем другое — официально заявлять на Совете. Конечно, Фолкноры богаты, влиятельны и в родстве с королевской семьей, но другие жрецы едва ли простят такое вольнодумство.

— Да, это было глупо, согласен, — шед недовольно поморщился. — Я не собирался этого говорить. Я пытался убедить их возводить в ранг жрецов всех, кто обладает Силой, обеспечивать им соответствующую подготовку. Ведь по сути это означает, что в их жилах течет кровь тех, кого мы называем Богами, просто они не относятся к официальным родословным жрецов. Побочные дети и их потомки. Конечно, верховных среди них уже нет, но это хоть немного решило бы проблему в Северных землях.

Теперь я наконец поняла, зачем нам преподают обряды.

— Вы для этого открыли свою школу? Собираете и обучаете тех, кто может выполнять обязанности жрецов?

— Да, именно. Если Силу не развивать, она угасает от поколения к поколению. Если магии обучать и постоянно практиковать ее, Сила может расти. Но мои возможности ограничены. Я уж не говорю о том, что без официального одобрения Совета ученики школы так и останутся в глазах населения просто магами. А это совсем другой статус. И другой уровень доверия. Но Совет на такое не пошел. Они уперлись в свою божественную избранность и твердили мне о ней. Вот я и не сдержался. Я бываю вспыльчив.

— О, мне это хорошо известно, — не удержалась я от едкого замечания.

К счастью, его это не задело. Напротив, мне показалось, что он смутился.

— В общем, мои аргументы они объявили богохульством и пригрозили мне божественной карой.

Я с пониманием кивнула.

— В Южных землях даже официальным жрецам тесно, — припомнила я слова Форта. — Если признавать жрецами всех побочных детей, конкуренция станет в разы больше. В других землях та же ситуация, как я понимаю, глядя на господина Мари.

— Я просил за свои земли, но полагаю, что мне отказали именно по этой причине.

— Либо жрецы, входящие в Совет, искренне верят в свои учения, — осторожно возразила я. — В собственную избранность Богами. То, что вы потеряли веру, еще не означает, что другие не несут ее в своих сердцах.

Он посмотрел на меня, сначала недобро прищурившись, а потом уголки его губ снова едва заметно приподнялись.

— Знаете, когда вы только появились в Фолкноре, мне в голову не могло прийти, что мы будем вести с вами подобные беседы. Но мне это

нравится, — торопливо добавил он, наверное, заметив, как я напряглась.

Его заявление вдохновило меня задать еще один вопрос, на который я едва ли решилась бы при других обстоятельствах:

— Если в одних местах жрецов много, а у вас их почти нет, почему не пустить на свою территорию жрецов других богов? Если вы все равно в них больше не верите, то какая вам разница, кому будут возносить молитвы местные жители: Некросу, Вите, Ражу или Ласке?

— Ничего не имею против других Богов, — фыркнул Фолкнор. — Но их жадные жрецы, привыкшие доить население, принесут сюда свои надуманные запреты и высосанные из пальца обряды. Народу Северных земель нужна реальная помощь, а не нахлебники, привыкшие брать плату за любое «благословление Богов». У нас тут суровые погодные условия, болезни, приходящие с туманом и другие твари. Нужно то за урожай биться, то останавливать снежные бураны, то истреблять кровососов, то варить и активировать зелья. Кто даст гарантию, что они будут этим заниматься? Что вообще южные, например, жрецы могут знать о том, как остановить снежный буран? Пока я жив... Пока жив хотя бы один верховный жрец Некроса, ноги чужих жрецов не будет на этой земле. И именно поэтому я должен жить. Хотя бы до тех пор, пока не буду знать, кто и как будет выполнять мою работу, когда меня не станет.

Я потеряла лоб, пытаюсь привести в порядок мысли. Всего было слишком много. Верховный жрец, который не верит в собственного Бога. Он действительно так предан этим землям и считает, что другие жрецы принесут только вред? Или он просто держится за жизнь и ищет себе оправдания? А еще Совет Жрецов, который он настроил против себя...

Останусь с ним — могу умереть или во время родов, или от рук подосланного, скорее всего, Советом шпиона. Сбегу — вероятно, обреку на смерть или его, или другую девушку, которую он найдет вместо меня. И как мне из этого всего выпутаться с минимальными потерями для себя и своей совести? Была бы рядом Роза, она бы наверняка что-нибудь придумала. А что могу я?

— Почему вы думаете, что со мной все получится? — я снова пытливо посмотрела на него. Уж если он вдруг так разоткровенничался, то объяснит и это. — Мой отец — младший жрец, а я вообще могу не так много.

— Вы можете лечить себя, а это уже не так мало, — возразил он. — И потом, я наводил справки. Ваша мать была единственной дочерью верховного жреца. Вы ее старший ребенок. Великая Сила должна была передаться вам.

— Но тут-то вы и заблуждаетесь! — я позволила эмоциям прорваться

в голосе. Передо мной забрезжила надежда, что сейчас я объясню ему это недоразумение — и он меня отпустит. — У нас женщинам Великая Сила не передается!

— Нет, Нея, это вы заблуждаетесь, — он шагнул ко мне, снова оказавшись так близко, что я почувствовала тот запах, который всегда исходил от него и слегка дурманил. — И вас вводят в заблуждение ваши же жрецы. Конечно, им не нужна конкуренция еще и со стороны женщин. Отсюда эти лицемерные рассуждения о «чистоте», запрет на брак до восемнадцати и необходимость делать выбор между диадемой и ножницами в шестнадцать. Боги милосердные, в шестнадцать! Хоть одному мужчине в ваших краях в шестнадцать сказали: или ты теперь сам по себе, или будь послушным до конца жизни? Неужели вы не видите, что ваши жрецы делают все, чтобы ни одна из вас не почувствовала в себе истинной Силы? Никакая Богиня ничего не решает, Нея. Ваша Сила переходит к вам по наследству. И у вашей матери она тоже была.

Забрезжившая надежда испарилась. Фолкнор настолько уверовал в собственную теорию, что не услышит моих аргументов. Пока я не умру во время родов.

— Я вижу, что вы мне не верите, — уже не так эмоционально заметил он.

— Потому что не чувствую в себе никакой Великой Силы! — упрямо повторила я, с трудом борясь с желанием заплакать от бессилия.

— Полагаю, вы начнете входить в Силу, лишь став женщиной, — по его губам скользнула усмешка. — Я бы предложил вам переспать со мной до свадьбы, но вы едва ли согласитесь.

Я бросила на него мрачный взгляд исподлобья, давая понять, что считаю такое предложение оскорбительным. Он тут же примирительно вскинул руки. А потом вдруг потянулся к моей диадеме и выдернул ее из прически. Я ойкнула, потому что он случайно вырвал пару волосков, которые за нее зацепились.

— Тогда начните хотя бы с того, чтобы отказаться от ношения этой мерзости, — он помахал диадемой в воздухе, и я перехватила ее. — Уверен, очень скоро вы почувствуете, что ваша Сила куда больше, чем вам кажется.

Я все еще недоверчиво смотрела на него, но решила, что это я сделать вполне могу. Хоть на мою диадему и перестали пялиться, я все равно чувствовала себя в ней не очень уютно. А если мой официальный жених требует ее снять — я ведь должна послушаться, так?

— Почему вы рассказали мне все это? — спросила я, крутя диадему в руках и разглядывая так, словно видела первый раз в жизни. — Вы ведь не

собирались. Собирались использовать меня вслепую, как Лилию.

— Да, не собирался, — согласно кивнул он. — Но... Сам не знаю. Вы начали задавать вопросы, очень правильные вопросы, и мне захотелось вам объяснить. Мне кажется, вы достаточно умны, чтобы со временем понять: я не чудовище. Да, я поступил чудовищно с Линн. И Лилии мне не стоило врать. И, конечно, остается вероятность того, что я ошибаюсь насчет вас. Я могу вас погубить, но у меня нет выбора. Есть моя природа — ядовитая, смертоносная — и есть мой долг перед народом этих земель. Все просто, мои желания и чувства не в счет.

Я снова подняла на него взгляд. Он спокойно посмотрел в мои глаза, и мне показалось, что ему действительно важно, чтобы я поверила ему. Вот только я не понимала, почему это может быть важным для него.

— Какая вам разница, считаю я вас чудовищем или нет?

На его лице появилась растерянность. Это выражение очень плохо сочеталось с суровыми чертами, а от того было особенно заметным.

— Не знаю, — тихо и отчего-то хрипло повторил он. — Почему-то сегодня это стало важным.

Мне казалось, что он искренен, но от этого не становилось легче. Напротив, начинала бить нервная дрожь, хотелось закричать, заплакать и рассмеяться одновременно. Говорят, так начинается истерика, но я поняла, что у меня сейчас нет сил даже на нее. Я обхватила себя за плечи, чтобы унять дрожь.

— Боюсь, что не могу утешить вас, шед Фолкнор, — призналась я, не отводя взгляда. — Правы вы в своих расчетах или нет, сути это не меняет. Вы собираетесь рискнуть моей жизнью ради спасения своей. И вы не спрашиваете моего мнения, вы сами все решили. Это чудовищно, на мой взгляд. Нельзя поступать чудовищно и не быть при этом чудовищем. Выбор есть всегда, просто вы свой сделали. Возможно, однажды я пойму его, но не сейчас.

— Что ж, по крайней мере, это честно, — кивнул он. — И между нами не осталось тайн.

Я все же опустила глаза. Моя главная тайна — то, ради чего я приехала в его школу, — пока осталась при мне. И теперь я собиралась охранять ее особенно тщательно.

Глава 18

Хотя откровения Фолкнора и добавили тревог по поводу моего будущего, в каком-то смысле мне стало легче. По крайней мере, теперь я понимала, что и почему ждет впереди, а главное — немного лучше понимала жениха.

Он неожиданно предложил проводить меня до комнаты, хотя обычно не провожал даже после совместных ужинов, всегда прощаясь у дверей столовой. Я была рада этому: искать дорогу обратно не хотелось. Я могла просто идти рядом с ним и крутить в руках диадему, не заботясь о том, где свернуть.

— Этот человек, которого вы видели, — неожиданно спросил Фолкнор, прерывая неловкое молчание. — Каким он был? Я имею в виду рост, телосложение. Вы не запомнили каких-то особенностей походки?

— Не знаю, не уверена, — растерялась я.

Мужчину этого я видела через щель между дверцами шкафа и при этом находилась в ужасе. Я почти ничего не запомнила.

— Но вы ведь уверены, что это был мужчина? Почему?

Я неловко развела руками, воскрешая в голове уже слегка побледневшие воспоминания.

— Он был высокий, широкоплечий. На женщину не похоже. По крайней мере, я таких в замке не видела.

— Хорошо. Высокий и широкоплечий. Как я? — продолжил он задавать наводящие вопросы. — Или как Долорсдон?

— Нет, точно не такой, как Долорсдон, — убежденно заявила я. — Он высок, но грузен и уже немолод. Это заметно по осанке. Тот человек был как вы. Я даже... — я прикусила язык, но слишком поздно.

— Даже что? — требовательно уточнил Фолкнор.

— Даже сначала подумала, что это вы, — призналась я, бросив на него смущенный взгляд искоса. — Но потом поняла, что это не можете быть вы.

— Вот как? — ухватился он. — Почему?

— Потому что вы здесь хозяин, — я пожалала плечами. — Вам не нужно прятать лицо, где бы вы ни находились. Кто с вас спросит?

— Верно, — кивнул Фолкнор, посмотрев на меня, как мне показалось, одобрительно. — Как вы думаете, это мог быть мой брат?

— А у вас есть основания полагать, что он может желать вам зла? — удивилась я. — Он всегда отзывается о вас очень хорошо.

— Знаете, я был уверен, что никто в замке не желает мне зла, — заметил шед. И голос его прозвучал довольно грустно. — Пока Лилия не погибла.

Несколько следующих шагов мы прошли в молчании, пока я не решила уточнить:

— Этот... шпион. Вы ведь думаете, что его подослал Совет, так?

— Думаю, да. Мне кажется, больше я никому не успел насолить.

— Но тогда он должен был появиться в вашем доме после вашего выступления?

Я вопросительно посмотрела на него, а в его взгляде снова промелькнуло одобрение. Я даже увидела в нем нечто большее. Нечто, похожее на уважение.

— Это вполне разумное предположение, но с тех пор в моем доме появились только несколько учеников школы. Те, с которыми вы занимаетесь в одной группе. Там есть подходящие по сложению? Помоему, я видел парочку высоких парней.

Я мысленно перебрала в голове своих соучеников. Да, действительно, двое вполне могли оказаться под тем плащом, но одного я сразу отмела.

— Тот, что с родинкой на щеке, может быть.

— Тот, что с родинкой на щеке? — удивленно переспросил Фолкнор. — Вы не знаете, как его зовут?

Я снова смутилась и была вынуждена признаться:

— Я не очень много общаюсь с группой. И приходится так много всего учить, что в голове все не помещается.

— Что ж, хорошо. Того, что с родинкой, берем на заметку. А второй почему не подходит?

— Да он ходит так... примечательно, — попыталась объяснить я и непроизвольно воспроизвела странную на мой взгляд походку. — Раскачивается из стороны в сторону при каждом шаге. Я бы запомнила, если бы человек в плаще так ходил.

Наблюдая за мной, Фолкнор едва не улыбнулся, но сумел сдержаться. Правда, для этого ему пришлось поднести к губам руку.

— Что? — обиженно уточнила я.

— Нет, ничего, очень... похоже получилось.

Я улыбку сдерживать не стала. И поймала себя на мысли, что мне хотелось бы однажды заставить и его улыбнуться, не сдерживаясь.

— Тогда у нас всего один подозреваемый? — предположила я после еще одного непродолжительного молчания.

Мы к тому времени уже добрались до школьного крыла и начали

подниматься по лестнице. Это означало, что дальше я дорогу найти смогу без труда, но шед все равно пошел со мной.

— Хотелось бы, но нельзя исключать того, что подкупили кого-то, кто в доме находится давно.

— И все равно подозревать вашего брата нет смысла. Он такой же хозяин здесь, как и вы...

— Вообще-то нет, не совсем такой же, — перебил Фолкнор.

— Но едва ли ему нужно прятаться под плащом, чтобы ходить по коридорам замка.

— Тут вы правы, — снова кивнул он. — Искать действительно стоит только среди учеников, слуг и преподавателей.

— Карл, как мне кажется, недостаточно высок, — торопливо заявила я. — Но один из лакеев точно мог бы быть под тем плащом.

— Я знаю, кого вы имеете в виду. Из мужчин-слуг есть еще мой камердинер, он тоже подходит по росту и сложению, но в нем я уверен.

Я удивленно приподняла брови.

— Значит, родного брата вы готовы заподозрить, а камердинера — нет?

— Что я могу сказать? — Фолкнор усмехнулся. — Эта профессия теряет популярность, поэтому камердинеру нет смысла меня предавать. А Ронан станет владельцем Фолкнора и всего моего состояния, если я умру, не оставив других наследников. И хотя он младший жрец, он все равно станет самым влиятельным человеком в Северных землях. Других-то жрецов нет.

— Вы думаете, что Совет хочет вашей смерти?

— А чего он может хотеть? Зачем еще ему убивать Лилию? Если не давать мне завести наследника, я умру меньше, чем через три года.

Эти слова больно кольнули меня. Идея разорвать помолвку через полгода снова начала казаться мне... мерзкой. Фолкнор собирался рискнуть моей жизнью, но он хотя бы рассказал мне правду. А я собиралась молчать до последнего, и сейчас это показалось мне подлым.

— Нея, не волнуйтесь, — Фолкнор истолковал мое молчание по-своему. — Никто вас не тронет, пока вы не моя жена. А до тех пор я рассчитываю вычислить шпиона и разобраться с ним.

Эти его слова заставили меня задуматься и усомниться в нашем предположении насчет Лилии. Я нахмурилась и закусил губу, не зная, стоит ли об этом говорить. Ведь мое предположение шло вразрез с тем, что он сказал раньше.

— А что вы об этом думаете? — вдруг спросил Фолкнор, как будто

нарочно подталкивая меня к тому, чтобы оспорить его мнение.

Я недоверчиво покосилась на него.

— Вам правда это интересно?

— Если бы было неинтересно, я бы не спрашивал.

Мы как раз подошли к двери моей комнаты, и я остановилась, повернувшись к нему. Коридор был как обычно пуст. Я не знала, который час, но подозревала, что уже довольно поздно. Скорее всего, все ученики уже спят в своих постелях.

— Едва ли Лилию убили, чтобы не дать родить вам наследника и свести вас тем самым в могилу. Слишком рано. Я поняла это, когда вы сказали, что меня не тронут, пока я вам не жена. Но и Лилии имело смысл позволить жить до тех пор, пока не подойдет пора рожать ребенка. Вы бы потеряли значительно больше времени.

— Да, вы опять правы, — нахмурился Фолкнор. — Я просто до сих пор думал, что... Впрочем, неважно, что я думал. Возможно, ее планировали убить позже, но что-то пошло не так? Может быть, она что-то узнала?

— Может быть, — согласилась я. — Но все равно проще и быстрее убить сразу вас, а не губить тех, кого вы выбираете в жены.

— Убить меня не так-то просто, — самонадеянно заявил он.

— Уверена, что, находясь настолько близко, этот человек нашел бы способ.

На этот раз шед долго молчал, скользя по мне взглядом. Он рассматривал меня так, словно видел впервые. Я только сейчас поняла, что расстояние между нами несколько меньше, чем требуют приличия. Но за моей спиной находилась дверь комнаты, если бы я сделала шаг назад, то уперлась бы в нее, и это выглядело бы некрасиво. По крайней мере, я активно убеждала себя, что не двинулась с места именно по этой причине.

— Тогда зачем он здесь, как вы думаете? — наконец спросил Фолкнор, все так же глядя мне в глаза.

Я далеко не сразу нашла, что ответить на это. В голову пришел только один вариант:

— Может быть, Совет Жрецов боится, что вы выступите со своим заявлением где-нибудь еще? Вероятно, они не хотят вам зла, но если вы в открытую пойдете против догматов...

— Они этого не допустят, — снова согласился со мной Фолкнор. — Что бы вы посоветовали мне, Нея? Как мне выяснить, кто из наших подозреваемых и есть шпион?

Я недоверчиво нахмурилась. Сначала он спрашивал моего мнения,

теперь — совета. Ни отец, ни брат, ни Роан никогда со мной не советовались. Советы давали — часто и с удовольствием. Но никогда не обсуждали со мной ничего важного. А Фолкнор выжидающе смотрел на меня, как будто я действительно могла сказать что-то умное. Может быть, это снова какая-то проверка? Как тогда на ужине. Или насмешка?

— Зачем вам мой совет?

Моя любимая бровь вновь выгнулась, демонстрируя удивление.

— Вы довольно разумно рассуждали, обратили внимание на нелогичность, которую я упустил из виду. Возможно, вам придет в голову какая-нибудь гениальная идея. Да и просто мне интересно, как поступили бы вы.

Я снова задумалась, нервно кусая губы. Не хотелось сказать какую-нибудь глупость и разочаровать его. Фолкнор терпеливо ждал, пока я думала, но ничего «гениального» мне в голову не приходило.

— Устроить засаду в комнате с зеркалом? — в конце концов предположила я. — Он уже там был, вернется снова.

— В такой засаде можно просидеть очень долго. Кто знает, как часто он связывается с Советом? Я не могу бросить все дела и поселиться там. А кроме себя, я сейчас никому не доверяю. Разве что вам, но не думаю, что будет разумным сажать в засаду вас.

Я согласно кивнула и снова задумалась. На этот раз новое предложение пришло в голову быстрее.

— Значит, нужно выманить его. Сделать так, чтобы ему пришлось связаться с Советом немедленно.

— Может быть, пустить слух, что я собираюсь выступить с обличающей речью на какой-нибудь ближайшей церемонии? Ему придется связаться с Советом, чтобы получить инструкции.

— Вот только как он с ними свяжется? Вы сказали, что зеркало работает только на прием...

— Думаю, на этот случай у них есть способ подать знак. По почте или еще как-то.

— Точно, — я нервно усмехнулась. — Пишет кому-нибудь и упоминает дядю Таона.

Фолкнор непонимающе нахмурился.

— Кого?

— Никого, — отмахнулась я. — Я имею в виду, что он использует какой-то шифр. Ничего не значащие для стороннего читателя фразы, которые дают понять, что требуется выйти на связь.

— Надо это попробовать. Но мне понадобится ваша помощь. Я могу

намекнуть об этом Ронану при лакее...

— И вашему камердинеру, — настояла я. — Никого нельзя исключать.

— Хорошо, если вы настаиваете. Возьмете на себя юношу с родинкой? А заодно Форта и Мари. Они тоже подходят под ваше описание. Вы с ними всеми общаетесь чаще, чем я.

— Я не думаю, что Форт в этом замешан, — запротестовала я.

— Но никого нельзя исключать...

Он выразительно посмотрел на меня, а мне оказалось нечего возразить.

— Хорошо, я скажу им обоим, — согласилась я.

На этом наш коварный план можно было считать составленным, и ему настала пора уходить, но Фолкнор медлил, как будто размышляя над какой-то идеей, связанной со мной. А потом неожиданно предложил:

— Хотите посидеть со мной в засаде?

Я отчаянно пожалела, что у меня не такие подвижные брови, как у него. Возможностей моей мимики определенно не хватало, чтобы выразить все мое изумление, а слов я тем более найти не могла.

— Мало ли сколько придется ждать, — снова улыбаясь одними глазами, пояснил Фолкнор. — А ждать одному ужасно скучно. Вы бы могли составить мне компанию. К тому же, это ваш план.

Называя план моим, он чересчур преувеличил, но... это оказалось очень приятно. Еще никогда ни один мужчина не доверял мне что-то столь серьезное, как план поимки шпиона. О том, чтобы участвовать в его разоблачении, и говорить не стоит.

Я почувствовала смесь возбуждения и радостного предвкушения, а мои губы вновь растянулись в улыбке.

— С удовольствием, шед Фолкнор.

— Тогда договорились. Доброй ночи вам, Нея.

И с этими словами он снова взял мою руку в свою и вежливо поцеловал. К собственному удивлению я осознала, что мои пальцы сжались, не желая отпустить его как всегда холодную ладонь. Я чувствовала, что должна сказать или сделать что-то еще, как-то дать ему понять, насколько приятно мне было то, что он разговаривал со мной, как с равной. На несколько блаженных минут я забыла о незавидной участи, что ждет меня впереди.

Но потом я вспомнила и слов так и не нашла. Лишь снова сжала его руку и отпустила.

— И вам доброй ночи, шед.

Глава 19

Я вновь не спала полночи. Все думала о том, что сказал мне Фолкнор. Крутилась в постели с боку на бок, вспоминая то как он говорил о Линн, то его слова о ядовитой природе верховных жрецов. Какая-то часть меня все еще бунтовала против того, что мою жизнь так легко ставили на карту, даже не спросив меня. Другая часть напоминала, что я сама отказалась от права решать за себя. И то, что я никогда не ожидала оказаться в такой ситуации, дела не меняет. Третья часть твердила, что нельзя губить другого человека, спасая свою жизнь. Четвертая задавалась вопросом, а не поступлю ли я так же, если обману Фолкнора, а потом сбегу от него. Все эти противоречивые голоса спорили в моей голове, не давая не то что спать, а даже спокойно лежать.

В конце концов я встала, накинула теплый халат и зажгла свет в комнате. Не верхний, а только лампы у кровати и на письменном столе. На столе лежала моя диадема, которую жених велел снять. Конечно, я и раньше снимала ее на ночь, но все равно вопреки всем доводам рассудка сейчас прислушалась к себе, пытаюсь почувствовать разницу. Почувствовать Силу. Конечно, ничего нового я не ощутила, но все равно решила убрать диадему подальше. Надо мне привыкать ходить без нее.

Я снова прошлась по комнате, думая теперь о других вещах. Я вспоминала, как шед разговаривал со мной, провожая до комнаты, как смотрел, когда говорил, что не хочет выглядеть чудовищем в моих глазах. Как он стоял совсем рядом сначала на крыше и потом у моей двери. Прикосновение холодной руки и теплых губ к тыльной стороне ладони, его запах, его голос. Сюда же влезли и воспоминания о ярмарке: как мы шли сквозь толпу веселящегося народа, и я держалась за его локоть. Я пыталась понять, что чувствую к нему. И представить, что чувствовала бы, познакомься мы при других обстоятельствах. Например, на том балу в королевском дворце в прошлом году. Но в сердце и голове царил сумбур.

Ночь, тишина и одиночество всегда меняют восприятие. Мысли, которые ни за что не пришли бы в голову при дневном свете, ночью невозможно из нее выгнать. Я меряла комнату медленными шагами, прокручивая в голове все события вечера, и задумчиво водила кончиками пальцев по губам, пока вдруг не осознала, что пытаюсь представить, каким был бы поцелуй жениха. Нежным и деликатным, как его прикосновение к руке? Грубым и жестким, как его поведение за первым ужином? Я не могла

этого вообразить, потому что за всю жизнь целовалась только с Роаном и не сказать чтобы часто. Хотя мы и были помолвлены довольно долго, за нами всегда пристально следили, поэтому ему редко удавалось улучшить момент. А когда удавалось, его поцелуи неизменно были торопливыми, страстными, напористыми. Мне казалось, что Фолкнор — такой спокойный, сдержанный, порой отстраненный — должен целовать иначе.

Пока я напрягала фантазию и погружалась в воспоминания, пальцы скользнули по подбородку, опустились к впадинке под горлом, между ключицами, потом еще немного ниже, к краю ночной сорочки. Как и его губы в моем воображении. Сердце стучало все быстрее, и я уже пыталась представить себе брачную ночь с шедом Фолкнором.

Странно, что я не думала об этом раньше. Как будто боялась, убеждая себя, что до нее никогда не дойдет. Впрочем, я все равно плохо себе представляла, что и как должно происходить. Мои познания ограничивались сценами из любовных романов, которые мне иногда в тайне от отца давала Роза, но мне всегда казалось, что они не вполне... конкретны. А сама Роза всегда отвечала уклончиво, чаще всего ограничиваясь отговоркой: «Когда придет время — сама все узнаешь».

Я не понимала, почему задумалась об этом сейчас. Может быть, из-за брошенного самим Фолкнором почти в шутку предложения переспать с ним до вступления в брак? Мне кажется, именно в этот момент я вспомнила, что рождению ребенка вообще-то предшествует зачатие. И я точно знала, что для этого мы окажемся в одной постели и практически без одежды, и он будет прикасаться ко мне, целовать...

Я прикрыла глаза и прижала ладони к горящим щекам, сердце стучало в ушах, и дышать стало тяжело. Странно. Когда я пыталась представить себя с Роаном, меня это тоже смущало, но никогда я не чувствовала себя так... необычно. Кровь прилиwała к голове — это было нормально, но непривычное ощущение в той части тела, о которой я не привыкла говорить вслух... Оно заставляло кусать губы от досады и желать... чего-то. Того, о чем мне стыдно было даже подумать.

— Хватит, Нея, остановись, — велела я себе.

Я решительно вернулась к столу, взяла книгу, которую мне прислала Роза, села и принялась читать раздел «Активация». Поначалу каждое предложение приходилось перечитывать по два раза, но потом неподобающие мысли окончательно выветрились из головы, и я начала потихоньку понимать, о чем написано в книге.

Вскоре я осознала, что сидеть не очень удобно, и перешла в кровать. Там мне удалось прочитать и вникнуть еще в две страницы текста, а потом

еще две страницы прочитать, не вникая.

После чего внезапно наступило утро. Я даже не заметила, как уснула. Меня разбудили громкие голоса в коридоре. Лампы на столе и у кровати по-прежнему горели, а часы намекали, что я серьезно опаздываю. Пришлось вставать и торопливо одеваться, несмотря на сонный туман в голове, который не желал развеиваться. Пока я натягивала юбку и свитер, с рекордной скоростью расчесывала волосы и собирала их в пучок — на другую пристойную прическу не было времени — я смутно вспоминала, что мне снилась крыша, ночь и пронизывающий ветер, брюнет с длинными волосами и голубыми глазами, его крепкие объятия и, кажется, даже поцелуи. Пришлось тряхнуть головой, чтобы прогнать эти образы.

Прежде, чем выйти из комнаты, я на несколько секунд задержалась у зеркала, разглядывая свою прическу. Не видеть диадему было странно. Я даже почувствовала жгучее желание достать ее из недр шкафа, где спрятала ночью. Но мне удалось сдержаться. Чуть приподняв подбородок и стараясь выглядеть решительно и независимо, я вышла из комнаты.

В столовой я оказалась тогда, когда большинство учеников уже расходились. Наспех выпив кружку терпкого какао и схватив какой-то пирожок, я поторопилась на занятия.

Голова так и не проснулась, поэтому на уроке по языку Богов я лишь бездумно записывала слова и их значения, а в объяснение спряжения глаголов даже не пыталась вникнуть. Вместо этого я думала, как бы выступить с компрометирующей речью в адрес шеда. Тогда бы ее услышали сразу и мой соученик, и господин Мари.

К счастью, учитель сам дал мне повод.

— Госпожа Веста, судя по тому, как вы зеваете, я слишком утомил вас своим рассказом, — язвительно заметил он, остановившись у моего стола. — Может быть, вам лучше заняться чем-то другим?

— Простите, господин Мари, — смутилась я, но тут же сообразила добавить: — Я плохо спала сегодня. Видите ли, вчера мы с шедом Фолкнором...

— Прошу вас, госпожа Веста, — Мари скривился и снова направился к своему месту, — не надо посвящать нас в то, как именно ваш жених не дает вам спать по ночам.

По классу прокатился смешок, а я снова почувствовала, как загорелись щеки. К счастью, голос у меня не отнялся, как случилось бы еще месяц назад. Все-таки регулярное общение с северянами сказывалось на моем отношении к подобным шуткам.

— Вы меня не так поняли. Мы разговаривали. Шед поднял очень

противоречивую тему. Такое не ожидаешь услышать от верховного жреца. Я полночи глаз не сомкнула, думая об этом.

— Вот как? — Мари нахмурился и, скрестив руки на груди, присел на краешек своего стола. — Что же такое он вам сказал?

Я едва удержалась от торжествующей улыбки. Кажется, Мари попался. Я не удивилась бы, окажись он шпионом Совета. И убийцей.

— Что наши Боги не были Богами. Что они были всего лишь существами другой расы, обладающими Силой. И Сила эта течет в жилах всех их потомков, которых мы привыкли называть жрецами и считать избранными служить Богам.

— Бред! — выплюнул Мари и резко выпрямился. — Когда в следующий раз захотите развлечь нас какой-нибудь глупостью, госпожа Веста, выберите что-нибудь более правдоподобное. Такое богохульство не может прийти в голову ни одному жрецу!

Его возмущение выглядело настолько правдоподобно, что я на мгновение усомнилась в только что родившихся подозрениях.

— Можете мне не верить, — я изобразила обиду. — Сами услышите от него на ближайшей проповеди.

— Что? — Мари побледнел так, как будто собирался упасть в обморок. Однако он устоял. — Шед Фолкнор собирается заявить такое? Тогда он сошел с ума!

Класс тревожно зашептался, а я только пожала плечами, осторожно обернувшись и посмотрев на парня с родинкой. Он равнодушно рисовал что-то ручкой на листе писчей бумаги, ни с кем не разговаривая. Бунт Фолкнора его как будто не интересовал.

Тем не менее, я практически выполнила свою часть задания. Мне оставалось только подsunуть эту «сенсацию» Форту, но он услышал обо всем без моего участия.

— Это правда? — с нездоровым возбуждением сплетника спросил он громким шепотом, поймав меня в коридоре по пути в столовую, когда я, уже порядком проголодавшись, спешила на обед.

— Что?

— Что Фолкнор решил пойти против официальных догматов. Уже все ученики об этом шепчутся.

Мне даже не пришлось изображать смущение. Я впервые подумала, не перестаралась ли, заявив об этом прямо на занятии. Может быть, стоило действовать аккуратнее? Но теперь думать об этом было поздно.

— Да, он так сказал.

— И он собирается объявить это на церемонии приветствия зимы? —

уточнил Форт.

Мне не понравился этот вопрос, но я, конечно, все равно кивнула.

— Обалдеть, — Форт с улыбкой покачал головой. — Теперь я точно на нее пойду. Будет интересно послушать. Если он вдруг передумает, предупреди меня, чтобы я не тратил зря время, — напоследок попросил он и пошел прочь, все еще изумленно качая головой.

Я какое-то время смотрела ему вслед, отчаянно желая, чтобы он оказался не замешан, после чего снова поторопилась в столовую. Сегодня я была готова съесть даже жирный суп.

Однако у самого входа, где уже чувствовались манящие ароматы еды, меня снова задержали. На этот раз Ирис, и, в отличие от Форта, она излучала праведный гнев.

— Ты с ума сошла? — она сверкнула глазами, глядя на меня с недоверием, смешанным с презрением. — Как ты можешь так с ним поступать?

— О чем ты? — я не сразу поняла, чем я ее так разозлила.

— Неужели ты не понимаешь, что если тебе поверят, у шеда могут быть серьезные проблемы с Советом Жрецов? Если он тебе так немил, просто скажи ему, что не хочешь замуж. Шед Фолкнор — благороднейший из людей, он не станет ни к чему тебя принуждать.

Ох, если бы Ирис знала, как она заблуждается! Как минимум, насчет последнего своего утверждения.

— Я не ожидала от тебя такой подлости, — огорченно продолжила Ирис. — Больше не приходи ко мне за помощью!

Она резко повернулась, собираясь уйти, но я успела схватить ее за руку.

— Ты все не так поняла! И я не могу тебе пока объяснить. Просто поверь мне на слово: шед не против того, чтобы я это говорила. Я не желаю ему зла!

Ирис окатила меня ледяным взглядом и выдернула руку.

— За что он только тебя выбрал? — пробормотала она и все-таки ушла.

А я осталась стоять на месте, боясь, что произошло нечто непоправимое. Конечно, я была рада помочь шеду вычислить шпиона, но я как-то не рассчитывала, что из-за этого лишусь единственной подруги.

Глава 20

Поскольку мы точно не знали, как много времени потребуется шпиону Совета на то, чтобы подать весточку о необходимости связи, ждать его в комнате с зеркалом стоило уже в тот же вечер. Так было написано в записке от шеда, которую мне передала одна из горничных. В ней он просил меня прийти в «известное мне место» сразу после ужина и заранее извинялся за то, что встретиться со мной сможет только уже там, так как вновь вынужден отлучиться из замка по срочному делу.

Я сделала как он велел: торопливо поев в одиночестве в огромной столовой, отправилась искать комнату, поскольку по-прежнему была не совсем уверена в ее местоположении. В этот раз я нашла ее довольно быстро.

Я не знала, как лучше: ждать шеда у двери или внутри. В коридоре я могла спугнуть нашего таинственного шпиона, но заходить одной мне было страшно. Вдруг он окажется уже там? К счастью, Фолкнор догнал меня еще по пути, поэтому эту сложную задачку решать не пришлось.

Дверь он осторожно открыл сам и, только убедившись, что комната пуста, позволил войти мне. Свет включать не стал и мне не позволил, поэтому я остановилась у самого входа, боясь сделать неосторожный шаг и налететь в темноте на какую-нибудь мебель.

— Вы предлагаете ждать его прямо под дверью? — недоверчиво уточнила я.

В ответ на это Фолкнор сделал движение рукой, как будто подбрасывал что-то в воздух, и из его ладони выпорхнуло несколько десятков «светлячков» — крошечных капелек света. Они разлетелись в разные стороны и осели на мебели, подсвечивая ее чуть зеленоватым светом. Намного светлее не стало — лица Фолкнора я, например, по-прежнему не видела, — но теперь я точно знала, куда можно наступить, а где преграда.

Мы сделали несколько шагов, после чего шед повторил это действие, выбросив еще несколько десятков «светлячков». На этот раз их свет отливал красным. Благодаря им мы смогли добраться до стульев, на которых сидели, разговаривая накануне. Следуя приглашающему жесту жениха, я опустилась на один из них, он занял второй. И после этого выпустил третью партию «светлячков» — желтоватых.

Теперь вся комната мерцала, переливаясь разными цветами, как окутанные гирляндами торговые киоски на ярмарке.

— Как красиво, — восторженно выдохнула я, глядя на это почти праздничное великолепие. — Пожалуйста, научите меня так делать!

— Научу, — пообещал Фолкнор.

Я все еще не видела его лица, но по тону поняла, что он улыбается. Мне даже стало интересно, улыбаются ли сейчас его губы или опять только глаза. Я повернулась к нему, пытаюсь разглядеть сквозь темноту, но мне не удалось.

— Вы думаете, разумно ждать его прямо здесь?

— Нет, как только услышим его шаги, спрячемся в ваш шкаф. Огоньки исчезнут, когда на них упадет свет лампочки, так что следов мы не оставим.

Я кивнула, забыв, что он не может этого видеть. Какое-то время мы сидели в тишине, которая ощущалась на удивление уютно. Я все еще разглядывала разноцветные капельки света, не переставая улыбаться. В этот раз мне совсем не было страшно. Я слышала рядом размеренное дыхание Фолкнора, скрип стула под ним, когда он менял позу, и чувствовала себя уверенно как никогда. Словно знала наверняка, что он справится с кем угодно и защитит от любого шпиона, кто бы им ни был. Никогда бы не подумала, что сидеть в засаде так приятно.

— Вы устроили настоящий переполох в замке, — вдруг заметил Фолкнор.

Он сказал это совершенно беззлобно, но я отчего-то сначала вздрогнула, а потом сжалась в комок. Я и сама полдня переживала о том, что получилось так неаккуратно. В свое оправдание я могла сказать лишь то, что у меня совершенно не было опыта подобных интриг. Но если мои действия и правда могут создать для него серьезные проблемы, то это его едва ли утешит.

— Простите, шед, — виновато прошептала я. — Получилось слишком топорно, я знаю. Просто я плохо спала ночью и почти не соображала. И...

Его ладонь вдруг легла на мою руку, и я осеклась.

— Все в порядке, Нея, ничего страшного. Зато даже если мы неверно очертили круг подозреваемых, теперь можем быть на сто процентов уверенны, что шпион Совета узнает скандальную новость.

— А у вас не будет из-за этого проблем? — осторожно уточнила я, нерешительно замерев.

Его рука так и лежала на моей, большой палец вновь поглаживал тыльную сторону ладони, и я не знала, чего хочу: чтобы он отпустил меня или чтобы продолжал в том же духе. В темноте, не видя его лица и не боясь, что что-нибудь выдаст мое смятение, так просто было почувствовать себя смелее, раскованнее. Я почти перестала дышать, когда поняла, что моя

ладонь повернулась, перехватывая его руку, и наши пальцы внезапно переплелись. Теперь уже мой большой палец скользнул по тыльной стороне его ладони в осторожном ласкающем движении.

Кажется, Фолкнор ожидал чего-то подобного даже меньше, чем я, потому что теперь его рука на несколько мгновений замерла, и он так и не ответил на мой вопрос. Он заговорил лишь после того, как его пальцы сжались, фиксируя мою руку в его.

— Я не думаю, что это выйдет за пределы замка иначе, чем мы планировали, — тихо ответил он. — Я уверен, что никто, кроме шпиона, не желает мне вреда. Любого можно купить, запугать или вынудить сотрудничать шантажом, но в целом я уверен в своих слугах и в учениках школы. И те, и другие меня почему-то любят. Могут, конечно, перемывать мне кости и отпускать едкие шуточки за моей спиной, но при этом остаются лояльны ко мне.

Я нахмурилась, вспоминая реакцию Ирис и многочисленные намеки Далии. Даже захотелось выдернуть руку, но Фолкнор держал крепко. Или мне не так сильно этого хотелось?

— Некоторые даже очень лояльны, — я сама поразилась тому, насколько ворчливо прозвучал мой голос. — И очень сильно любят.

В комнате снова повисла тишина, пока Фолкнор не решился осторожно уточнить:

— О чем это вы?

— Да так... Поссорилась с Ирис сегодня. Она решила, что я нарочно распускаю про вас слухи, чтобы погубить и освободиться от помолвки. Очень тепло при этом о вас отзывалась.

— Она живет при школе уже три года, — заметил Фолкнор. — Естественно, полностью за мой счет. Ей некуда идти, а магия дается ей с трудом. Я не выгоняю ее, потому что не хочу, чтобы она плохо кончила. Было бы странно, если бы она не была мне благодарна.

— А Далия? — не удержалась я. — За что она вам так благодарна?

— Это что, ревность? — удивленно уточнил Фолкнор.

И я почувствовала, как вторая его рука присоединилась к первой, прохладная ладонь погладила тыльную сторону моей, от чего от руки к спине побежали мурашки.

— Нет, — почему-то вдруг охрипшим голосом ответила я. — Просто любопытно. Со сколькими девицами в вашей школе вы спали, пока остановили выбор на Лилии? И стоит ли мне заранее тренировать невозмутимое выражение лица, чтобы потом не выглядеть глупо, когда ваши любовницы будут смеяться надо мной.

Он странно кашлянул, как будто пытался скрыть за этим звуком смешок. И неожиданно заверил:

— Нея, перспективы нашего брака сейчас довольно туманны, но в одном вы можете быть уверены: в том, что я всегда буду верен вам.

— Разве хоть одна жена может быть в этом уверена? — спросила я тихо, чтобы голос снова меня не подвел. Это был очень странный разговор, но я снова не удержалась. Темнота вновь крада мой стыд.

— Потому что я всегда был верен своим женам.

— При всем уважении, шед, на одной вы были женаты меньше года, на другой — едва ли месяц. Или вы считаете, что наш брак продлится не дольше?

Его руки судорожно сжались вокруг моей ладони.

— Не надо так думать, Нея, — попросил он. — Я всего лишь хотел сказать, что так велят мои обеты.

— Обеты?

— А что, ваши верховные жрецы не дают обеты, принимая служение? — в его голосе слышалось искреннее удивление.

Я тут же вспомнила, как отец с Кордом как-то обсуждали нечто подобное: Корд размышлял о том, какие три обета стоит выбрать, если он однажды станет верховным.

— Дают, — согласилась я. — И какие же выбрали вы?

— Нести безболезненную смерть, не красть и хранить супружескую верность, — без запинки выпалил он. — Как видите, верность вам определена моим положением жреца.

— Вы даже не верите в своего Бога, — напомнила я. — Кто может заставить вас соблюдать обеты?

Он тихо хмыкнул, прикосновения его рук снова стали почти невесомыми, непривычно ласковыми.

— А разве поступать правильно мы должны только под страхом наказания? Неважно, может Некрос наказать меня за нарушение обетов или нет. Я дал слово. Я всегда держу свое слово. Вот вы, Нея. Разве от плохих поступков вас удерживает только страх перед Витой? Вы могли бы, например, убить человека, если бы точно знали, что ни Богиня, ни суд вас не накажут?

Я непроизвольно дернулась, сердце, и без того бившееся быстро и неровно, зашло в сумасшедшем ритме. На мгновение мне показалось, что он знает о моем разговоре с братом, но потом я напомнила себе, что это невозможно. И порадовалась тому, что в комнате так темно и он не может видеть моего лица.

— Я не знаю, шед, — честно призналась я.

— Вы совершенно уверены, что никак не можете называть меня по имени? — неожиданно сменил он тему.

Я не знала, что на это ответить, но мне и не пришлось: в коридоре за дверью раздался звук шагов. Фолкнор резко встал и потянул меня к шкафу. Я не успела опомниться, как оказалась внутри, а дверцы за нами захлопнулись.

И в ту же секунду скрипнула и отворилась дверь. Выключатель щелкнул, и комнату залило тусклым светом. Сквозь щель между дверцами я видела, что мерцание цветных капель действительно исчезло, а мужчина в плаще осторожно закрыл за собой дверь и медленно приблизился к зеркалу. При этом он озирался по сторонам, как будто что-то его смущало. Наверное, он снова заметил следы нашего присутствия: сдвинутые стулья, стертую пыль. Однако это не остановило его и не помешало сдернуть с зеркала покрывало.

Я наблюдала за его действиями, затаив дыхание, и не сразу осознала, что руки мои судорожно цепляются за локоть Фолкнора, а щека прижимается к его плечу. Внутри шкафа было очень мало места, а чтобы смотреть в щель, нам обоим приходилось смещаться к центру. Когда я это поняла, я попыталась отодвинуться, но оказалось, что двигаться некуда. Я лишь ударилась о стенку шкафа, вынудив шеда тихо шикнуть на меня, а неизвестного в плаще — резко обернуться.

Наверное, если бы не мои странные мысли накануне, я бы не чувствовала сейчас такого смущения. Близость Фолкнора воскрешала непристойные фантазии, заставляя совсем забыть о реальности. Я даже совсем не думала об угрозе, которая могла исходить от человека в плаще.

Тот в свою очередь, видимо, решил, что в комнате никого нет, снова повернулся к зеркалу и провел ладонью по вырезанным на раме символам. Каждый на мгновение вспыхнул под его рукой. Я узнала в этом действии описание одного из способов активации, прочитанное накануне. Сердце тревожно заныло, уже догадавшись, кто все-таки скрывается под капюшоном.

Теперь мужчина терпеливо ждал у зеркала, когда на другой стороне откроют канал связи, а мы ждали... Честно говоря, я не понимала, чего именно мы ждем, а спросить боялась: нас могли услышать. Поэтому я просто ждала следующих действий шеда, полагая, что он лучше знает, когда и как следует поступить.

Секунды стремительно утекали, время шло, внутреннее напряжение во мне нарастало и достигло своего пика, когда я вдруг почувствовала, как

моей ноги что-то коснулось. Что-то маленькое, щекотное и царапающее. Оно поползло по ступне от кончика туфли к щиколотке и тихонько запищало.

По мне снова прокатилась волна мурашек, только не будоражащих, как от прикосновений Фолкнора, а холодящих ужасом. Я инстинктивно дернула ногой, пытаюсь сбросить с нее, как я предполагала, мышь. Сама я при этом потеряла равновесие и, ловя его, ударилась локтем о стенку шкафа. Как мне удалось не вскрикнуть — до сих пор не знаю. Я тут же замерла на месте и зажала рот рукой, но было уже поздно: мужчина услышал на этот раз довольно внятный шум и шагнул к шкафу.

— Простите, — едва слышно выдохнула я. Должно быть, шед уже пожалел, что позвал меня с собой.

Однако он ничего не сказал. Спокойно дождался, когда мужчина подойдет к шкафу и дернет дверцы, после чего стремительно шагнул вперед, одной рукой хватая его за горло, а второй сдергивая капюшон.

Я тихо охнула, а Фолкнор удовлетворенно констатировал:

— Форт! Так я и думал, что без южных жрецов здесь не обошлось!

Я не знала, чего больше на лице моего любимого учителя: ужаса или удивления.

— Шед Фолкнор? Нея? Что вы здесь... Что вы делали в шкафу? — с трудом прохрипел он, пытаюсь оторвать от себя руку моего рассвирепевшего жениха. — Шед, отпустите! Задушите...

Я коснулась локтя Фолкнора в умоляющем жесте, и после секундного колебания он ослабил хватку. Форт вырвался и отошел на пару шагов назад, жадно ловя ртом воздух и переводя ошарашенный взгляд с шеда на меня и обратно.

— Чего тебе не хватало, Форт? — теперь в голосе Фолкнора слышалась горечь. — Я дал тебе работу, крышу над головой, возможность учиться и развиваться самому. Чем они тебя купили?

— Я не понимаю, о чем вы, шед, — настороженно пробормотал Форт, предупреждаясь поднимая руку. — Мне кажется, тут какое-то недоразумение. Я бы никогда не стал ничего делать против вас!

— Тогда зачем вы ходите сюда тайком? — не выдержала я. В глубине души мне очень хотелось, чтобы его появлению тут нашлось какое-то объяснение, и все это действительно оказалось недоразумением.

— И для связи с кем используете зеркало? — строго добавил Фолкнор.

Лицо Форта исказило страдание, смешанное с раскаянием, и он тихо признался:

— Со своей невестой.

Мы с Фолкнором недоуменно переглянулись.

— С невестой? — недоверчиво уточнил он.

— Да. Нея, я ведь рассказывал тебе о моей ситуации.

Он умоляюще посмотрел на меня, и я, согласно кивнув, коротко пересказала его историю шеду. Тот продолжал хмуриться, но лицо его стало спокойнее.

— К чему все эти тайны? — спросил он, когда я замолчала. — Почему просто не взять зеркало себе в комнату и разговаривать, сколько вам вздумается? Разве я был бы против? Разве я хоть раз отказал вам в какой-нибудь обоснованной просьбе?

— Нет, шед, вы всегда очень добры, — признал Форт. — Но, поймите, ваша репутация несколько страшнее вас реального. И когда я только начал работать в вашей школе, я не знал, что вы столь отзывчивы. Я нашел эту комнату случайно, осматривая замок. Решение пришло спонтанно, и в письмах мы договорились с Вандой насчет зеркал. Я не настолько хорош в этом, чтобы сделать полностью активное зеркало, поэтому мой отец сделал волшебным зеркало в ее комнате, а я вырезал символы, чтобы это зеркало принимало вызов. И мы начали общаться. Потом я узнал вас лучше, но мне было стыдно признаваться в том, что я почти год делал за вашей спиной. Да и никто ни разу меня не видел. Я подумал, что проще оставить все как есть.

— Лилия вас видела, — возразила я, вспоминая свой сон. — И вы ее напугали.

Он растерянно покачал головой и убежденно заверил:

— Нет, она меня не видела. По крайней мере, я этого не заметил. И она мне ничего не говорила.

Теперь мы переглядывались все втроем. Взгляд Форты умолял поверить ему, мне очень хотелось это сделать, но Фолкнор не выглядел убежденным. Прежде, чем кто-либо из нас успел что-то сказать, поверхность зеркала вспыхнула, на мгновение затягиваясь белой пеленой, а когда та развеялась, в отражении была уже не наша комната. У зеркала стояла девушка: высокая, с округлыми плечами и большой грудью, густыми каштановыми волосами, сплетенными в толстую косу, и ярким румянцем на щеках.

— Кай? — напряженно позвала она.

Мы все как один шагнули к зеркалу. Увидев, что Форт не один, девушка испуганно прижала ладонь ко рту.

— Что происходит? — сдавленно спросила она.

— Это шед Фолкнор, Ванда, — представил Форт печальным голосом. — Боюсь, он раскрыл нашу маленькую тайну. А это его невеста,

Линнея Веста. Шед, Нея, это моя невеста Лаванда Карсон.

Мы с Фолкнором машинально кивнули в знак приветствия. Слова Форта подтвердились, от чего я испытала облегчение. Однако лицо моего жениха оставалось суровым.

— Приятно познакомиться, госпожа Карсон. Но вынужден огорчить и вас, и вашего жениха. — Он снова повернулся к Форту. — Вы должны покинуть Фолкнор завтра же. Жалование за этот месяц вам будет выплачено полностью, но я не могу вам позволить остаться здесь.

— Но, шед... — попытался возразить Форт, однако Фолкнор не дал ему закончить.

— Я больше не могу вам доверять, — объяснил он. — Я часто иду навстречу людям, но я ненавижу, когда мне лгут или что-то от меня скрывают. Я такого не прощаю. Вы живете в моем доме, но делали что-то тайком от меня. Вы, вероятно, напугали мою жену, и совершенно точно напугали мою невесту. Я не могу позволить вам остаться, потому что не знаю, что еще от вас можно ждать. Вам ясно?

Форт кивнул и низко повесил голову. Спорить не стал. То ли понял, что это бесполезно, то ли признал правоту Фолкнора.

— Тогда мы оставим вас наедине с невестой. Полагаю, вам теперь есть что обсудить. Нея, идемте.

Фолкнор коротко поклонился Ванде Карсон, после чего взял меня за руку и вывел в коридор.

* * *

Сказать, что я чувствовала себя ужасно, значит, ничего не сказать. У меня горели не только щеки, а вся кожа. Я не знала куда девать глаза, когда мы вышли в коридор. Неловко обхватив себя руками за плечи, я отчаянно желала провалиться сквозь землю.

— Простите, шед, мне так стыдно, — тихо повинилась я, не глядя на Фолкнора.

— За что? — довольно искренне удивился он.

Только теперь я осмелилась бросить на него недоверчивый взгляд.

— Я подняла панику из-за этого человека в плаще. Вам пришлось пустить компрометирующий вас слух. Потерять время в глупой засаде. Залезть в шкаф! А теперь еще и хороший человек из-за меня потерял работу.

Я не замечала, что, тараторя все это, бездумно мечусь из стороны в

сторону, пока Фолкнор не поймал меня за плечи и не остановил, развернув к себе.

— Перестаньте себя казнить, Нея, — потребовал он. — Вы поступили абсолютно правильно, предупредив меня о возможной опасности. Как именно ловить потенциального шпиона, я решил сам, так что слух полностью на моей совести. Время, которое я провел в глупой засаде, я провел с вами. И мне кажется, не таким уж потерянным оно оказалось.

Его пальцы чуть сильнее сжали мои плечи, и расстояние между нами как будто внезапно сократилось. Не могу сказать, что мне это было неприятно, хотя я все еще не понимала, когда именно начала получать удовольствие от его прикосновений.

Поднять на него взгляд я вновь не решалась, поэтому разглядывала однообразную черную ткань повседневной мантии. Рука сама собой потянулась разгладить небольшую складку на груди. Честное слово, я не имела в виду ничего такого, просто она меня раздражала.

— Но согласитесь, шкаф — это уже перебор, — пробормотала я, расправляя ткань. Проблема была в том, что стоило мне избавиться от складки в одном месте, точно такая же появлялась в другом. И я просто не могла остановиться.

Он тихо хмыкнул, я почувствовала, как его дыхание коснулось моих волос.

— Может быть, — согласился Фолкнор. — Бедный Форт. Представляю, как он удивился, обнаружив нас в том шкафу.

Я нервно рассмеялась и все-таки посмотрела на него. Шед старательно боролся с улыбкой. Я не понимала, почему он это делает. Если бы жизнь после смерти двух жен казалась ему такой унылой, что он не чувствовал бы желаний улыбаться, это можно было бы понять. А он хотел, ему было весело, я это видела, но он почему-то запрещал себе.

Рука сама собой потянулась к его лицу, коснулась уголка рта и скользнула по щеке.

— Вы не предадите их память, если позволите себе снова смеяться. Я уверена, они не были бы против.

Его лицо стало серьезнее, улыбка погасла сама собой.

— Откуда вы знаете?

Я пожала плечами.

— Мне кажется, они обе вас любили. Если бы я умерла раньше любимого человека, я бы хотела, чтобы он улыбался и дальше.

Он криво усмехнулся, а я резко отдернула руку от его лица, вдруг осознав, что не мне об этом говорить. Моя прежняя любовь оказалась

самообманом. Что я могла знать? Как я могла судить? Я снова опустила взгляд, пряча от жениха глаза, и прижала руки к груди. На этот раз к своей.

Его ладони еще раз скользнули по моим плечам и отпустили.

— Возможно, вы и правы, — неожиданно согласился он. И вернулся к прежней теме: — Насчет Форта тоже не переживайте. Я бы все равно рано или поздно узнал об этом. И принял бы то же самое решение. Я могу простить людям многое, но терпеть не могу, когда меня обманывают в моем же доме. Одно дело оппоненты: тут уж каждый добивается своих целей как может. Но когда обманывает тот, с кем мы вроде как заодно... Это убивает доверие.

Я с трудом подавила судорожный вздох и отвернулась, думая о том, что будет, если он узнает о моей лжи. Точнее, когда он узнает — ведь это было лишь вопросом времени.

— Нея? С вами все в порядке? — осторожно уточнил Фолкнор.

— А если он просто боялся признаться? — предположила я, думая больше о своей ситуации, чем о Форте. — Как раз чтобы не потерять ваше доверие? Поначалу скрывался, потому что представлял вас другим. Сложно его винить за это, согласитесь. А потом он узнал вас лучше, понял, что все его прежние предубеждения — лишь заблуждение, но уже не знал, как сказать правду.

Фолкнор прищурился, глядя на меня, а мое сердце пропустило удар. Наверняка он понял, что я имею в виду себя. Я ждала, что он потребует объяснений, но он только вздохнул и покачал головой.

— Может быть, и так, но не стоит списывать со счетов, что Лилия привела вас сюда, пыталась указать на него. Может быть, он и не шпион Совета, но какая-то угроза от него, скорее всего, исходит. Хотя я не думаю, что он причастен к смерти Лилии. Слишком он удивился, когда вы сказали, что она видела его, но совсем при этом не испугался.

— А если Лилия указывала не на него? — предположила я. Очень уж мне не хотелось, чтобы Фолкнор выгонял Форта. У меня было не так много друзей, а с Ирис я уже поссорилась. Ронана Фолкнора я как друга все-таки не воспринимала, хоть он и хорошо ко мне относился. — Что если она пыталась показать мне в тот вечер что-то другое? Не зеркало. И не Форта.

— А что?

— Не знаю! Что-то в комнате. То, что Форт забрал со столика. Вариантов масса, они же мне ничего не объяснили. Ни Лилия, ни Линн.

— Но они прятали вас от него, — безжалостно напомнил Фолкнор. — Значит, существовала какая-то опасность. Значит, он должен уйти.

На это я ничего не смогла возразить.

— Неужели судьба Форта так много для вас значит?

Вопрос Фолкнора выдернул меня из задумчивости, в которую я снова погрузилась. В его тоне было слышно недовольство, которое должно было меня напугать, но вместо этого позабавило. Я полуобернулась к нему.

— Это что, ревность? — я постаралась скопировать его тон.

На этот раз он позволил себе едва заметно улыбнуться.

— Думаю, да. Любому будет обидно, если его невеста предпочитает общество другого мужчины.

— Вы слишком заняты, чтобы совершать неторопливые прогулки каждый день, — напомнила я.

— К сожалению, это так, — согласился он грустно. — А если бы не был занят? Вы бы гуляли со мной?

— Конечно, — не задумываясь ни на секунду, заверила я. — С вами оказалось очень интересно разговаривать.

— С вами тоже. Хотя я этого и не ожидал.

— Почему?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Я ожидал увидеть безвольную и, простите, безмозглую девицу, годную только на то, чтобы рожать детей. Но вы с таким рвением взялись за учебу. И так смело огрызались. Вы оказались совсем не такой. Чему я очень рад.

— Неужели?

— Я собираюсь провести с вами всю оставшуюся жизнь и не смогу позволить себе любовницу. Конечно, я рад тому, что вы не только красивы, но и умны, и сильны духом.

У меня снова загорелись щеки, но на этот раз от смущения, смешанного с удовольствием. Было очень приятно слышать это от него. Может быть, мне и не стоит разрывать помолвку? Если ему нравится умная и умеющая за себя постоять невеста, то, должно быть, понравится и образованная, самостоятельная жена?

— Проводите меня до комнаты? — предложила я почти игриво.

— Думаю, на такую прогулку время у меня точно есть, — согласился он.

Прежде, чем сдвинуться с места, он повторил то же движение, что и тогда в городе, когда мы с Карлом высадили его у богатого дома. Как и тогда, перед ним выросла тень.

— Следить, — велел ей Фолкнор, кивнув на дверь. — Если попытается причинить кому-то вред или связаться с кем-то еще, доложить мне немедленно.

Тень молчаливо скользнула к двери и исчезла, пройдя сквозь нее.

Фолкнор шагнул ко мне и предложил локоть, за который я с удовольствием взялась. Может быть, наше маленькое приключение и не принесло результата, на который мы рассчитывали, но и отрицательным я этот результат назвать не могла.

Глава 21

Пока шли к моей комнате, мы успели еще раз обсудить, что же Лилия пыталась мне сказать. Фолкнор пообещал во время расчета между делом выяснить у Форта, за чем он в тот вечер возвращался в комнату, а мне посоветовал в следующий раз попытаться задать Лилии конкретные вопросы.

— Духам сложно с нами общаться, — объяснил он, — их сознание спутанно. Да и само явление без призыва, вероятно, отнимает много сил. Странно, что Лилии это удастся. Возможно, она была даже сильнее, чем я думал.

— Может быть, мне попробовать ее призвать? — предложила я. — Тогда ей будет проще объяснить?

— Лучше не надо. Она все равно дух человека, погибшего насильственной смертью. Они не любят насилия над собой. Вы можете не справиться. Я бы предложил вам сделать это в моем присутствии, но, как я уже сказал, ко мне она не приходит. Если уж она хочет что-то сказать, то будет продолжать являться. Просто помогите ей в следующий раз. Направьте конкретными вопросами.

Я обещала постараться, а Фолкнор, снова доведя меня до самой двери, велел:

— А сейчас ложитесь спать. Вам нужно отдохнуть.

— Мне нужно заниматься, — возразила я. — Я и так все еще отстаю, а если Ирис перестанет мне помогать...

— Я поговорю с ней, объясню ситуацию. Думаю, меня она послушает. И попрошу маму быть помягче с вами на своих занятиях, — со сдержанной улыбкой добавил он. — Мне кажется, она слишком строга.

— Проблема в том, что я не могу убивать животных, — объяснила я. — И не могу провести активацию. Моя компаньонка прислала мне книгу по магии наших жрецов. Хочу попробовать делать активацию так, как делают ее у нас.

Признавшись в этом, я посмотрела на него выжидающе. Как он отнесется к этой идее? Не окажется ли это невозможным? Вдруг наша магия несовместима? Однако Фолкнор согласно кивнул.

— Попробуйте. Возможно, это даже более правильное решение, чем пытаться переломить себя и выполнять нашу активацию. Все-таки ваша Сила отличается от нашей. Кстати, я рад, что вы сняли диадему. Уверен, вы

скоро почувствуете разницу.

— Вы велели ее снять, — напомнила я. — Я должна вас слушаться.

Он посмотрел на меня со смесью лукавства и недоверия.

— Насколько я помню, вы не во всем так послушны, Нея. Подозреваю, что вы послушны только тогда, когда согласны с предъявленными вам требованиями. Или когда вы хотя бы не против.

Я смущенно опустила взгляд, с трудом скрывая улыбку. Пожалуй, в чем-то он был прав.

— Но если я все же имею над вами хоть какую-то власть, то прошу вас: ложитесь спать. Прямо сейчас. Учиться и переживать будете завтра. Мне нужна сильная и здоровая жена, а не бледная тень, замученная учебой.

Все-таки он умел быть заботливым, даже если у него не всегда получалось облечь эту заботу в красивые слова. Но в последнее время красивые слова потеряли в моих глазах свою былую ценность. Поступки стали значить больше.

Повинуясь секундному порыву, я в знак благодарности за его беспокойство обо мне быстро поцеловала его в щеку, чем вызвала еще одну сдержанную улыбку.

— Поцелуй, надо же, — удивленно протянул он, насмешливо глядя на меня. — Еще и наедине. Север дурно на вас влияет, Нея. Такими темпами мне удастся поцеловать вас по-настоящему еще до свадьбы.

Я тут же пожалела о своем порыве и обиженно насупилась. Конечно, ему смешны мои неловкие попытки проявить чувства. Он взрослый мужчина, который дважды был женат. И кто знает, сколько женщин было у него между браками. Что я могла ему предложить? Свою неопытность и невинность? Возможно, на юге в невесте это и ценили, но здесь были свои порядки.

Впрочем, он сам выбрал меня. Так что получает то, что хотел.

Эти мысли были прерваны прикосновением его пальцев к моему подбородку. Он осторожно поднял мое лицо, заставив посмотреть себе в глаза. И прежде, чем я успела среагировать, наклонился ко мне. Я была уверена, что он поцелует меня, как только что сам заявил, по-настоящему, но вместо этого его губы осторожно коснулись уголка моего рта. На мгновение, не больше, но мое бедное сердце, и до того стучавшее быстрее обычного, окончательно сошло с ума.

— Спокойной ночи, Нея, — тихо попрощался Фолкнор.

Я не ответила. Просто не могла говорить. Еще до того, как мне удалось окончательно прийти в себя, его и след простыл, только мое сердце все еще билось быстро и неровно.

Я не знала, как усну после всего, но провалилась в сон на удивление быстро. Видимо, сказалась предыдущая бессонная ночь. Вот только сны не радовали.

Мне снилось, что я падаю, и меня охватывали страх и горечь, потому что я знала, что это падение прервет мою жизнь. Однако вместо того, чтобы разбиться о землю, я снова оказалась на крыше в сильных мужских объятиях. Его руки обвивали меня, крепко прижимая к широкой груди, ладонь скользила по волосам в успокаивающем движении. Я не видела его лица, а когда попыталась отстраниться, чтобы взглянуть на него, внезапно раздался оглушительный стук, и я проснулась.

Сердце снова билось в груди, захлебываясь ритмом, как будто меня что-то напугало. Я едва успела приподнять голову над подушкой, пытаюсь осознать, что произошло, как стук повторился.

Стучали в дверь. Да так, что она содрогалась. Я сомневалась, что живой человек может так молотить в нее. Сон не до конца слетел с меня, и ужас, который преследовал в нем, все еще ощущался, сковывая и не давая пошевелиться. Только когда стук повторился в третий раз, я заставила себя встать с постели и, на ходу надевая халат, приблизилась к двери.

— Кто здесь? — тихо спросила я.

— Нея... — услышала я шепот из-за двери. — Помоги...

Через дверь голос Лилии звучал иначе, да и раньше она никогда так не стучалась, но что если она не смогла в этот раз перехватить меня в коридоре? А ей срочно требовалось мое внимание. Может быть, она пришла объяснить мне насчет Форта?

Рука потянулась к задвижке, но замерла. В комнате было темно, только огонь в камине служил источником света, а за окном оказалось еще темнее. Сегодня луна и звезды прятались за тучами, а потому казалось, что мира за пределами моей комнаты вовсе не существует. В глубине души я понимала, что этого не может быть, но разум еще был частично во власти сновидений.

Выходить из комнаты было страшно. А если Лилия снова меня куда-то поведет? Что ждет меня там? С кем я могу столкнуться?

Я метнулась к кровати, под которой лежал саквояж, а в нем — шкатулка с револьвером. Касаться его все еще было страшно, но я все-таки взяла и засунула его в карман халата. Пусть полежит на всякий случай.

Только после этого я отодвинула задвижку и выглянула в коридор. Сегодня здесь тоже было темнее, чем обычно. Видимо, я возилась слишком долго: я едва успела заметить, как в конце коридора мелькнула ткань юбки, скрываясь за поворотом. Я поторопилась следом, но когда добежала до поворота, Лилия уже вновь почти скрылась за следующим.

На этот раз она повела меня вниз. В подвал, как я осознала с ужасом чуть позже. Я замерла на месте и окончательно потеряла ее из виду. С трудом мне все-таки удалось заставить себя спуститься в темное подвальное помещение, где из всего света была лишь одинокая свеча, откуда-то взявшаяся на полу. Ее одинокий фитиль трепетал от неощутимых дуновений ветра, которые грозили погасить ее в любой момент.

Если задуматься, то все это было странно. Не похоже на прежние явления Лилии. Она никогда не оставляла для меня свечи. Но в то же время со мной за время пребывания в Фолкноре случилось так много всего странного, что я не обратила на это внимания. Я взяла свечу и попыталась понять, куда следует идти дальше.

Лилии нигде не было видно, но одна дверь была распахнута, словно приглашала войти. Я осторожно шагнула в нее.

И почти сразу уперлась в стену. Нахмурившись, повернулась, но снова в паре шагов от меня оказалась стена. Я не успела даже осознать этого, когда дверь за мной резко захлопнулась. Настолько резко, что от движения воздуха свеча все-таки погасла. Я попыталась открыть дверь, навалилась на нее всем весом, но она не двинулась с места, как будто ее закрыли на задвижку с другой стороны.

Я оказалась в ловушке. В крохотном каменном мешке, запертая в подвале, где кричи, не кричи — никто тебя не услышит. Я в отчаянии замолотила кулаком по двери.

— Эй, выпустите меня! Кто бы вы ни были! Выпустите меня отсюда!

За дверью послышался приглушенный смех. Я остановилась, прислушиваясь. Смех изменился, и я поняла, что смеется несколько человек, девчонок. Некоторые, когда я затихла, попытались смолкнуть, но другим это не удалось.

— Эй, перестаньте, это не смешно! Ирис, это ты? Выпустите меня. Шед все равно будет меня искать и все равно найдет!

С той стороны кто-то остервенело стукнул по двери, и я услышала голос Далии:

— Но до тех пор ты успеешь посидеть тут и подумать о своем поведении, маленькая дрянь! Будешь знать, как оговаривать шеда Фолкнора!

На нее тут же зашикало несколько голосов, а я с ужасом поняла, что пожиная плоды своей неумелой интриги. Чрезмерно влюбленные в шеда соученицы терпели меня, пока я вела себя хорошо, но стоило мне, как они подумали, пойти против него, меня решили наказать.

— Далия, вы все не так поняли. Выпустите меня! Все, что я говорила,

я говорила с вдова шеда Фолкнора. Сами его спросите!

— Врать ты не умеешь, — фыркнула Далия. — Придумала бы что-нибудь более правдоподобное. Приятно тебе провести тут ночку. Надеюсь, ты подружишься с крысами. У вас много общего.

Она еще раз хлопнула ладонью по двери, после чего я услышала торопливо удаляющиеся шаги, перешептывания и приглушенный смех.

Когда все стихло, мне показалось, что вокруг стало еще темнее и холоднее, чем было до этого, но, конечно, это была иллюзия. У меня перехватило горло и защипало глаза. Я обхватила себя руками за плечи и прижалась спиной к двери, разрываясь между желанием зарыдать и закричать. Ни то, ни другое не имело смысла, но в темноте было так одиноко и страшно, что перспектива провести так несколько часов до тех пор, пока меня хватят, повергала в ужас и отчаяние.

Как я могла быть такой дурой и попасться в ловушку? Я ведь чувствовала, что что-то не так, но все равно упрямо шла за тем, кого считала Лилией.

Как они вообще узнали, что Лилия приходит ко мне? Я говорила об этом только шеду и... Форту после того занятия со шкатулкой. Неужели он кому-то сказал? Или кто-то остался и подслушал наш разговор? Та же Далия, например...

Думать об этом теперь было бесполезно. Я уже угодила в ловушку, и у меня имелись проблемы поважнее. Здесь было холодно, очень холодно. Конечно, ведь никакие каминные отопители не отапливали подвал. Едва ли к утру я замерзну насмерть (хотя я не знала, как далеко было до того самого утра), но тяжело заболеть могу.

Мне нужно было двигаться. Однако первая же попытка не увенчалась успехом. Помещение, в котором меня заперли, было какой-то кладовкой размером один мой шаг на три. Я принялась ощупывать стены, просто чтобы лучше представлять помещение, в котором находилась. Стоило еще поискать оброненную свечу. Я сомневалась, что смогу зажечь фитиль Силой, но попробовать стоило. Хотя бы будет не так темно.

Однако до исследования пола дело не дошло. Пока я ощупывала стены, моей руки коснулась чужая холодная ладонь. Еще более холодная, чем руки шеда Фолкнора. От этого прикосновения я замерла, крик ужаса умер где-то в горле.

— Лилия? Это ты? — прошептала я, потому что голоса не было.

Невидимая мне женщина — а это точно была женщина, судя по размеру руки, — молча передвинула мою ладонь на один из камней в кладке и заставила нажать на него. Стена, за которую я держалась, вдруг

куда-то уплыла, а потом что-то подтолкнуло меня сзади. Я шагнула вперед, но сразу зацепилась за что-то ногой и упала, больно ударившись коленом и ладонями.

Зато я поняла, что передо мной лестница. Чтобы снова не запнуться ни за что в темноте и не упасть, я, забыв о собственном достоинстве, поползла вверх по лестнице на четвереньках. Все равно никто не мог меня увидеть.

Я ползла по лестнице довольно долго. Несколько раз она поворачивала, и по моим расчетам я должна была подняться из подвала примерно до второго этажа. Только там мне пришло в голову снова ощупать стены, благодаря чему я нашла вход в коридор.

Я не знала, куда иду и смогу ли там выбраться, но предпочитала двигаться. Куда угодно, лишь бы не сидеть на месте. Может быть, Лилия — или Линн? — снова дадут мне подсказку?

Коридор был темным. Я даже не была уверена, что это действительно коридор, а не ниша, поэтому продвигалась медленно, держась руками за стену и осторожно ощупывая ногой место впереди, прежде чем на него наступить. От холодного камня руки немели, но я не обращала на это внимания, убеждая себя, что скоро вернусь к себе и там отогреюсь у камина.

Внезапно впереди вспыхнул свет. Тусклый, но после крошечной темноты я, благодаря ему, увидела все потрясающе отчетливо: узкий коридор, низкий потолок, надежный пол впереди. Я почти побежала к его источнику, и с удивлением обнаружила небольшое застекленное окошко, за которым оказалась уже знакомая мне комната. Это была та самая небольшая гостиная, в которой мы с шедом Фолкнором разговаривали по душам буквально позавчера.

Сам шед тоже находился за стеклом. Он уже снял мантию, сюртук и верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Он выглядел очень уставшим, но, очевидно, еще не ложился, а только пришел в свои комнаты. Я не сразу поняла, что смотрю на него сквозь зеркало, у которого в его гостиной стояли стаканы и бутылки с водой и каким-то мерзким коричневым напитком. Шед как раз подошел к столику и налил себе треть стакана.

Я торопливо замолотила в окошко то кулаком, то ладонью и закричала: — Шед Фолкнор! Вы меня слышите? Это я, Нея! Пожалуйста, помогите мне!

Но он меня не услышал, даже в лице не переменился. Сделал пару глотков, стоя у столика, устало потер рукой лоб. Потом поставил на стол стакан и стянул с себя сюртук.

Я в отчаянии всплеснула руками. Что же делать? Как мне до него достучаться? Фолкнор уже потянулся к пуговицам рубашки, когда я вспомнила про револьвер в моем кармане. Я достала его и попыталась постучать по стеклу, которое оказалось неожиданно прочным, металлической рукояткой. На этот раз звук получился более громким.

Фолкнор замер, нахмурился и озадаченно повертел головой, пытаясь понять, откуда идет звук. Я постучала снова, но это ему не помогло. А потом он вдруг недовольно закатил глаза, подошел к двери и распахнул ее.

— Мама? Что так поздно? Я думал, ты давно спишь.

Я оторопела от того, насколько хорошо мне оказалось слышно то, что произносилось в его комнате. Похоже, этот потайной ход был спроектирован для того, чтобы шпионить за обитателями замка. Интересно, сколько еще здесь таких «окошек»?

— Я ждала, когда ты изволишь явиться в свои комнаты, — недовольно процедила госпожа Фолкнор, без приглашения проходя в гостиную.

Шед обреченно вздохнул и закрыл за ней дверь.

— Было много работы. Ты знаешь, в районе Окдора бушует эпидемия, нужны сильные зелья. Боюсь, завтра большую часть дня тоже придется провести в лаборатории.

— Конечно. Особенно если тратить половину вечера на глупые авантюры в компании этой южной девчонки.

Моя рука с револьвером медленно опустилась вниз, когда я поняла, что речь сейчас пойдет обо мне. Я понимала, что подслушивать такие разговоры нехорошо, но не могла удержаться. Может быть, я смогу понять, чем так не угодила будущей свекрови?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, мама, — холодно отозвался шед, проходя от двери к зеркалу и забирая свой стакан, в котором еще оставалось достаточно напитка.

Госпожа Фолкнор осталась стоять на месте, почти посередине комнаты, скрестив руки на груди и сверля сына взглядом.

— А я не понимаю, какую игру затеял ты. У нас насчет этой девчонки были вполне определенные планы. Ты женишься на ней, она рождает тебе ребенка, после чего мы от нее избавляемся, пока южные жрецы не почувствовали себя тут хозяевами. Глупые засады в темных комнатах с залезанием в шкаф в этот план не вписываются!

Я почувствовала, как внутри все немеет. Револьвер наверняка упал бы на пол, если бы до этого я не опустила руку с ним в карман. Я попятилась назад, но тут же уперлась в стену и даже не ощутила ее холода. Взгляд словно приклеился к лицу Фолкнора, который слегка поморщился,

услышав слова матери.

— Это был твой план, мама, — тихо ответил он. — Я на него не соглашался.

— Но ты не спорил.

— На споры уходит много времени и сил, они бесполезны. Ты и так прекрасно знаешь, что я не люблю бессмысленного насилия.

— Но ты согласился, что южный жрец использует дочь, надеясь стать здесь хозяином.

— Это было очевидно, да, — на этот раз не стал перечить шед. — И когда она высказала желание приехать сюда, я был уверен, что она с отцом заодно. Но теперь я знаю ее лучше. Она здесь ни при чем. Ее используют вслепую. Она просто пешка в их игре, которой не жалко пожертвовать, разменная монета.

— Вот этого я и боялась, — госпожа Фолкнор сокрушенно покачала головой. — Ты привязался к ней. И тебе стало ее жалко. Поэтому я не хотела, чтобы ты морочил всем голову со своим трауром. Надо было жениться сразу. Она бы уже ждала твоего ребенка.

— Да она сама еще ребенок, мама! — неожиданно огрызнулся Фолкнор, резко обернувшись к матери. — Неужели ты этого не видишь? Просто ребенок, который считал себя взрослым, а потом вдруг узнал, как на самом деле выглядит мир взрослых людей. Узнал, что в нем тебя предадут и продадут самые близкие, и твоя жизнь ничего не стоит. Тебя могут просто отдать чужому мужчине, который сможет делать с тобой все, что захочет. И хоть она храбрится и пытается делать вид, что готова все это принять, уверен, она в ужасе от мысли, что ей придется спать со мной. Может быть, сейчас уже не в таком ужасе, но когда только приехала — была. И если бы я женился на ней тогда и потребовал своего, боюсь, она бы или рыдала всю ночь, или молча терпела, а рыдала бы потом. В любом случае я бы чувствовал себя скорее насильником, чем мужем.

— Ничего бы с ней не сделалось, — все так же холодно и резко заявила госпожа Фолкнор. — Потерпела бы. Не она первая, не она последняя. Сама захотела послушания. Вот пусть бы и наслаждалась.

Фолкнор покачал головой.

— Да уж, редко кто бывает так жесток по отношению к женщине, как другие женщины, — пробормотал он, одним большим залпом приканчивая содержимое своего стакана. — Казалось бы, вы должны лучше понимать боль и страхи друг друга, больше жалеть друг друга.

— Зато ты у нас жалостливый, — едко заметила госпожа Фолкнор. — Если даже семья ее не пожалела, почему ты должен? Лучше бы ты мать

родную хоть раз пожалел! Думаешь, мне не больно смотреть, как ты угасаешь?

На этой фразе в ее голосе впервые появились эмоции, мне даже показалось, что ее глаза заблестели от непролитых слез, но я не могла быть уверена.

— Ты посмотри на себя!

Она сделала приглашающий жест, и Фолкнор, все еще стоявший у столика с напитками, снова повернулся к зеркалу и поднял мрачный взгляд на свое отражение. На мгновение мне показалось, что он посмотрел мне в глаза, но я напонила себе, что он меня не видит.

— Твой отец так выглядел в сорок лет, — с горечью продолжила его мать. — Каждый день твой риск умереть возрастает, и с каждым этим днем я немножко умираю. Потому что ты мой сын. Мой старший сын, и ты прекрасно понимаешь, чего мне стоило произвести тебя на свет. Ты последний в своем роде. Последний верховный жрец Некроса. И ты должен жить. Ты должен жить и служить нашему Богу и этим землям. Да, можешь считать меня злобной старухой, но лично мне наплевать, сколько девчонок, вроде этой, придется для этого извести. Их пруд пруди. Они бесполезны, их жизнь бессмысленна. Одной больше, одной меньше — никому нет до них дела. Их жизнь имеет ценность только для них, но они сами предают себя, вручая право распоряжаться собой другим. И эта девчонка выбрала для себя так же...

— Нея, — перебил шед, снова обернувшись к матери. — Не «эта девчонка». Ее зовут Нея. Если ты так хочешь казаться бессердечной злобной старухой, не игнорируй ее личность. Ее зовут Нея. Она любит белую рыбу и свежие фрукты, а мясо и сладости не вызывают у нее восторга. У нее нет способностей к учебе, но она очень старательная и целеустремленная. Порой этих качеств достаточно, чтобы добиться результата. Она застенчива и потому с трудом заводит новых друзей, но очень добра к тем, кто замечает ее и первым протягивает руку. Она умная, светлая и веселая... если ее не запугивать, конечно. Она очень славная, правда. Если ты перестанешь на нее давить и просто немного пообщаешься с ней, ты поймешь, что от нее не исходит никакой угрозы.

Госпожа Фолкнор едва не застонала в голос. Она тяжело опустилась на диван, ее плечи ссутулились, и она спрятала лицо в ладонях.

— Проклятье, — пробормотала она, — ты влюбился в нее. Этого я боялась больше всего.

Фолкнор тоже подошел к дивану, сел рядом с матерью и обнял ее за плечи.

— Об этом можешь не волноваться, мама, — мягко произнес он. — Я свое в этой жизни отлюбил, ты знаешь. Я просто не хочу губить ее. Ни в каком смысле. Она еще такая маленькая и такая хрупкая. Пожалуйста, пусть ей будет хорошо. Разве тебе жалко? Ее предали те, кому она доверяла свою жизнь, она одинока, напугана и растерянна. Ей теперь некому верить и некого любить. Со временем она полюбит меня. И поверь, так будет гораздо лучше, если она будет любить меня и нашего будущего ребенка. Она спасет меня, а я позабочусь о ней. И о тебе. И о Северных землях. И всем нам будет хорошо, насколько это возможно.

— Пока не придут южные жрецы и не убьют тебя, меня, Ронана и твою Нею за компанию, если она будет с нами заодно, — мрачно изрекла госпожа Фолкнор.

— Я им этого не позволю.

Она отняла руки от лица, посмотрела на сына, грустно улыбнулась и нежно погладила его по щеке.

— Мой милый мальчик. Ты выглядишь таким взрослым, но в душе остаешься все тем же наивным мальчишкой, который верил, что все ему подвластно. Ты всегда был слишком благороден, чтобы принимать по-настоящему жесткие, но необходимые решения. Весь в отца. Он был таким же. Но я не позволю им погубить тебя. Ни ей, ни ее семье. Так и знай.

Шед поцеловал мать в лоб и едва заметно улыбнулся.

— Я знаю, что ты любишь меня, мама, но я прошу тебя: не делай резких движений.

На это госпожа Фолкнор ничего не ответила. Молча поднялась с дивана и направилась к двери, даже доброй ночи сыну не пожелала.

После ее ухода шед Фолкнор еще какое-то время сидел на диване, глядя в одному ему видимую точку, потом тоже встал, продолжив расстегивать рубашку. Стянув ее с себя и бросив к сюртуку на спинку дивана, шагнул куда-то за пределы видимости зеркала.

А я так и осталась стоять, прижавшись спиной к холодной стене, не зная ни что мне думать, ни что чувствовать. Конечно, мне стало понятнее, почему госпожа Фолкнор все это время так относилась ко мне. Она считала меня угрозой и собиралась избавиться, как только я выполню свое предназначение.

Радовало, что шед Фолкнор не разделял ее мнения. Или... должно было радовать, но... Боги, мне было обидно и горько. Я сама не понимала почему, пока не призналась себе: я действительно начала влюбляться в него. И думала, что он тоже проникается ко мне какими-то чувствами. Тогда как на самом деле он просто умело манипулировал мной. Я считала

его заботу искренним беспокойством, а он делал все, чтобы я влюбилась в него. Конечно, от этого забота не переставала быть заботой, но привкус менялся. Теперь у последних двух дней был металлический привкус крови.

Я не сразу поняла, что прокусила губу, стоя с закрытыми глазами и вспоминая наши разговоры, касания рук, мой неловкий поцелуй, его осторожный, нежный ответ.

— Нея...

Уже знакомый голос прозвучал совсем рядом, вырывая меня из вороха воспоминаний и противоречивых чувств. Почему-то сейчас я разозлилась на Лилию. Она специально привела меня сюда? Чтобы я лучше понимала, что за семейка Фолкноры?

— Нея...

— Да оставь ты меня в покое!

Мой раздраженный крик смешался со всхлипом и все-таки брызнувшими из глаз слезами. Я все еще не до конца понимала, почему мне так больно и страшно, но ничего не могла с собой поделать.

Лилия послушно исчезла, но мне стало только хуже. Я снова осталась в холодном коридоре одна. Куда бы ни ушел Фолкнор, он мог в любой момент вернуться и погасить свет, и тогда я осталась бы еще и в темноте.

— Лилия, прости, вернись, пожалуйста! Помоги мне, — сквозь слезы принялась просить я. — Помоги мне выбраться отсюда. Пожалуйста!

Призрак появился снова, но на этот раз на почтительном расстоянии. Убедившись, что я ее вижу, Лилия поплыла по коридору, а я последовала за ней. Вскоре коридор повернул, и тусклый свет подглядывающего окошка уже не освещал мне путь. Поэтому я не увидела, а почувствовала по пронизывающему холоду, что Лилия остановилась. Она снова коснулась моей руки, и на этот раз я спокойно позволила ей показать камень, на который следовало нажать. Часть стены повернулась вокруг своей оси, вытолкнув меня из потайного коридора в темное помещение. Но здесь уже были окна, на небе за время моих блужданий все же появилась луна, поэтому я смогла различить очертания предметов. Судя по всему, я оказалась в лаборатории. Возможно, в лаборатории самого шеда Фолкнора.

Я торопливо бросилась к двери, выбралась уже в обычный коридор и даже успела преодолеть половину пути к лестнице, когда меня окликнул сердитый голос госпожи Фолкнор:

— Госпожа Веста? Что вы тут делаете? Как вы сюда попали?

Я вздрогнула и резко обернулась, одновременно с этим попятившись назад. Она стояла довольно далеко от меня, но сверлила очень недоброжелательным взглядом. Я не знала, как объяснить ей свое

присутствие здесь. И еще меньше мне хотелось дать ей понять, что я знаю о ее планах. Что если Лилии готовили то же самое, а она узнала об этом, и поэтому мать Фолкнора ее убила? Не хотелось бы повторить ее судьбу.

— Я... простите... я заблудилась... — пробормотала я, продолжая пятиться, а потом наплевала на приличия и гордость и просто бросилась бежать. И бежала до самой своей комнаты.

Глава 22

Мне кажется, что до самого рассвета я не сомкнула глаз. Лежала на кровати, забравшись под одеяло прямо в халате, но меня все равно била мелкая дрожь, как будто я никак не могла согреться. Я чувствовала бедром тяжесть револьвера в кармане, но даже не думала вернуть его на место, словно боялась, что госпожа Фолкнор в любой момент может ворваться в комнату и попытаться убить. Умом я понимала, что это едва ли произойдет, пока я не рожу ребенка от ее сына, но страх никуда не девался.

Я не знала, что мне делать. Как быть дальше? Я едва начала считать идею выйти за Фолкнора не такой уж и плохой, когда выяснилось, что мне не собираются оставлять возможность выжить. Может быть, сам Торрен Фолкнор и не хочет моей смерти, но как он остановит мать? Что-то подсказывало мне, что она разбирается в ядах не хуже него, не зря же она преподает нам зельеварение. И что, мне после родов не пить, не есть и не позволять никому к себе прикасаться? Это невозможно. Да и не передумает ли сам Фолкнор ближе к делу?

А если он не передумает и сможет удержать мать от опрометчивых поступков, но моя семья поступит так, как предсказывает госпожа Фолкнор? Еще месяц назад такое предположение показалось бы мне диким, но теперь... Теперь я понимала, что возможно все. Конечно, мой отец не станет убивать меня, но погубить Торрена и Ронана Фолкноров он может. И почему-то мне этого совсем не хотелось. Я знала их еще так мало, а уже начала влюбляться в своего жениха. А что будет через год или полтора, когда я рожу ребенка?

Оставалась еще возможность, которую я рассматривала с самого начала: получить звание магистра, официально снять диадему и расторгнуть помолвку. У Торрена останется достаточно времени на новую попытку. По крайней мере, я на это надеялась. Вот только не разозлит ли это его мать настолько, что она решит мне отомстить? Позволят ли мне уйти? Позволят ли мне вообще сдать экзамены, и смогу ли я к ним подготовиться? Торрен был прав, сказав, что я не способна к учебе. Все давалось мне с большим трудом, а времени было мало. Если госпожа Фолкнор еще и убедит сына сократить траур... Нет, этот план выглядел ненадежно.

Ситуация казалась безвыходной, я прокручивала в голове варианты, но все они вели в тупик. Утром я, видимо, все-таки уснула, а может быть, и до

этого временами проваливалась в сон. Как шумели в коридоре другие ученики, я не слышала. А ведь они тоже были моей проблемой: что еще придумают поклонницы Торрена, чтобы наказать меня? И у кого я попрошу защиты?

Сон был тяжелым. Я то блуждала в лабиринтах коридоров, то падала с крыши, то бежала по замку от госпожи Фолкнор. Передо мной вставали то призраки жен шеда, то бесплотные тени давно умерших людей, то отец с братом — оба в ослепительно белых мантиях южных жрецов.

Я вновь проснулась от громкого стука в дверь, но на этот раз был самый разгар дня. Рука сама собой скользнула в карман, к револьверу, но из-за двери донесся встревоженный голос Ронана Фолкнора:

— Нея? Ты здесь? С тобой все в порядке?

Только сейчас я поняла, что проспала если не все занятия, то как минимум первую их половину. Я вылезла из-под одеяла и торопливо открыла дверь, пока Ронан не перешел к более активным действиям.

— Ты что, еще спишь? — удивился он, увидев меня.

— Да, я... Я приболела, — сказала я первое, что пришло в голову. — Простите, что прогуляла.

Он окинул меня встревоженным взглядом с головы до пят. Хорошо, что он не пытался войти в комнату, это заставило бы меня нервничать. Хотя я и так нервничала. Особенно когда он коснулся моего лба тыльной стороной ладони.

— Да ты вся горишь. Я скажу Торрену, он пригласит для тебя доктора или даст какое-нибудь зелье....

— Нет! Не надо! — слишком быстро и слишком испуганно воскликнула я. — То есть... Не стоит. Я ведь целительница, я сама себя вылечу. Мне просто... нужно поспать, вот. И все пройдет. Не надо его беспокоить, он занят.

Взгляд Ронана стал недоверчивым, но он все-таки кивнул.

— Хорошо, тогда отдыхай. Я попрошу принести тебе обед в комнату. Завтрак, как я понимаю, ты тоже проспала?

— Да, спасибо, — я торопливо захлопнула дверь прямо перед его носом. Это было грубо, но я надеялась, что он спишет это на мое состояние.

Похоже, блуждания в подвале и холодном потайном коридоре не пошли мне на пользу, и ко всем своим проблемам я действительно умудрилась простудиться. Но с этим я хотя бы могла справиться. Я действительно всегда выздоравливала сама, хотя и не умела целенаправленно лечить простуду, как делала это с мелкими травмами. Мой

организм как-то сам справлялся.

Зато у меня появилась возможность отсидеться в собственной комнате и еще немного подумать. Я впустила лишь горничную с обедом, а потом снова осталась в тишине и одиночестве. Пока я ела, на глаза мне попала присланная Розой книга. Я снова вспомнила о своей компаньонке и наставнице и... внезапно придумала решение.

Я не останусь в Фолкноре. Не буду сидеть тут и ждать, отравят меня или нет, умру я в родах или нет, получу я звание магистра или нет. Я сбегу. Уверена, Карл не откажется довезти меня до Колдора. Он добрый, он согласится помочь. А если нет, вспомню, чему меня учил шофер отца и уеду сама. Пешком дойду, если придется! У меня остались деньги, присланные отцом на новый гардероб. Я так и не потратила их до конца, как будто знала, что пригодятся. Их хватит на билет в любой конец страны и на то, чтобы прожить в чужом городе несколько дней.

Я уеду на запад или на восток. Найду работу помощницы по хозяйству в небольшом небогатом доме. Может быть, умение готовить и бесполезный навык для жены Торрена Фолкнора, но в этом случае очень мне пригодится. Или напишу Розе, как только почувствую себя в безопасности. Вдруг она согласится помочь мне? Она давно живет самостоятельно, может подсказать другие варианты. Что угодно, лишь бы не оставаться здесь. Надо было сразу так поступить, но, наверное, мне нужно было дойти до определенной степени отчаяния, чтобы работа прислуги показалась мне привлекательной альтернативой.

Закончив свой довольно поздний обед, я принялась собираться. Я понимала, что с большим количеством вещей далеко не уйду, поэтому решила ограничиться одним чемоданом и саквояжем. Оставалось только решить, что из вещей надеть в дорогу, что взять с собой, а что бросить тут. Времени на это ушло немало, но я никуда не торопилась. Я планировала бежать из замка после наступления темноты, надеясь, что так у меня будет больше шансов, что меня не заметят и что Карл согласится меня довезти.

Пока я разбирала и собирала вещи, я наткнулась на небольшой швейный набор, который брала с собой на случай, если придется починить что-то из одежды. Он ни разу не пригодился, но сейчас я достала его, замороженно глядя на небольшие ножницы.

Скорее всего, и в Восточных, и в Западных землях диадема так же ничего не значила, как и в Северных, но для меня она все еще имела значение. Я больше ее не носила, собиралась сбежать и отныне распоряжаться своей жизнью сама, но в глубине души все еще чувствовала себя ее пленницей.

Я выложила ножницы на стол, медленно расплела косу, с которой обычно спала, расчесала волосы пальцами. Я чувствовала себя странно. Немного на взводе и слегка не в себе, как будто перепила вина. Сердце стучало в груди, его удары отдавались в ушах, я тяжело дышала, а мои пальцы плохо гнулись, когда я взяла ножницы в руки.

На моем родном юге то, что я собиралась сделать, ничего не изменило бы, потому что происходило вне церемонии, без свидетелей и оснований. В других краях это, скорее всего, просто не имело никакого значения. Но я испытывала болезненную потребность как-то подтвердить самой себе свои намерения.

Наверное, мне просто было слишком страшно. Страшно выйти за двери этого дома навстречу неизвестности, хотя здесь меня не ждало ничего хорошего. Но здесь у меня были еда, постель и тепло камина, а там — кто знает? Огромный чужой враждебный мир, которого я боялась. Я наивно надеялась, что, укоротив волосы, все равно в какой-то степени пройду ритуал. Богиня увидит мои намерения и пошлет мне немного сил и решимости.

Коротко резать я все же не решилась. Получилось, конечно, ужасно криво. Настолько ужасно, что, увидев себя в зеркале, я заплакала. Попыталась сделать ровнее, но стало только хуже, и я бросила эти попытки. Принялась закалывать то, что осталось на голове, булавками в некое подобие пучка. Моя самостоятельность начиналась не очень хорошо, и от этого становилось еще страшнее. Вдруг мое решение сбежать было таким же глупым и опрометчивым, как и укоротить волосы?

И все же, когда за окном стемнело, я оделась, взяла приготовленные вещи и последний раз оглянулась по сторонам. Комната оставалась в довольно плачевном состоянии, но убираться у меня не было сил. У меня и идти куда-то сил не было. Я даже на мгновение задумалась, стоит ли сбежать так поспешно? Может, остаться еще на несколько дней? Дать себе выздороветь?

«Ну да, — ехидно заметил внутренний голос. — И никто не заметит, что ты обрезала волосы, а значит, задумала что-то».

Нет, я должна была уйти сегодня. Уйти сейчас.

В коридоре никого не оказалось, и я торопливо направилась к лестнице. Чемодан оказался тяжелее, чем я думала, саквояж тоже тянул руку. Одетая для улицы, я моментально взмокла, и без того затрудненное дыхание сменилось одышкой. Примерно на середине лестницы у меня закружилась голова, а потом я снова услышала знакомый зов:

— Нея!

— Нет-нет-нет, не сейчас, Лилия, — пробормотала я себе под нос, спускаясь еще на один лестничный пролет.

— Нея... Помоги...

На этот раз шепот был похож на плач. Что-то больно кольнуло в груди. Я обернулась, поскольку мне показалось, что голос Лилии доносится сзади. Она стояла в верхней части лестничного пролета и смотрела на меня с упреком.

— Прости, — прошептала я, надеясь, что она услышит. — Прости, я не могу. Я должна уйти.

Я снова повернулась, чтобы продолжить путь вниз, даже успела спуститься на одну ступеньку, но тут же встретилась лицом к лицу с Линн. Она преграждала мне путь и смотрела своими поблекшими, ставшими почти прозрачными глазами. Я вскрикнула, дернулась назад, потеряла равновесие и, пытаясь поймать его, выпустила из рук весь багаж. Чемодан покатился вниз, саквояж просто упал рядом, а я, так и не поймав равновесие, шлепнулась на ступеньку.

— Помоги, Нея, — едва слышно прошелестела Линн.

Я почувствовала, как глаза снова зацепили слезы.

— Я не могу! — в отчаянии повторила я. — Уйдите, пожалуйста! Я не могу, я не знаю, как вам помочь!

Я почувствовала щекой холод. Скосила глаза — лицо Лилии каким-то образом оказалось рядом с моим. Она смотрела на меня.

— Помоги... ему.

— Помоги Рену, — все так же едва слышно уточнила Линн.

— Спаси его.

И прежде, чем я успела спросить что-то еще, Лилия обхватила мою голову ледяными руками и больно сжала ее. Я закрыла глаза и попыталась закричать, но так и замерла с открытым ртом. Перед моими глазами пронеслись интерьеры замка, словно я летела по коридорам с большой скоростью. Я поднялась по лестнице в семейной части замка, в тот коридор, в котором была ночью. И услышала громкий хлопок, после которого через несколько секунд через щели одной двери повалил дым.

Ощущение холодных рук исчезло, я открыла глаза и оказалась снова на той же лестнице, где была до этого, но теперь уже одна. Сердце тревожно замерло, как и я сама на несколько секунд, приходя в себя.

А потом меня словно подбросило. Я вскочила на ноги и, забыв про чемодан и саквояж, побежала вниз по лестнице. Пересекла холл и теперь побежала уже вверх по другой лестнице, почти задыхаясь и спотыкаясь даже на ровном месте.

Я сразу нашла и нужный мне коридор, и дверь — ее было легко опознать по дыму, который сочился через щели. В голове не было совсем никаких мыслей, ни одной, поэтому я просто дернула дверь на себя. И тут же шарахнулась назад, закрывая рот и нос рукавом свитера и щуря глаза, которые мгновенно заслезились.

Пришлось подождать несколько секунд, пока дым растянуло по коридору. В большом пространстве он уже не был ни таким плотным, ни таким едким. Теперь я могла разглядеть, что происходит в лаборатории. Дым шел из емкости, стоявшей на огне, но не это привлекло мое внимание. Шед Фолкнор лежал на полу лицом вниз. Видимо, он пытался выйти, но не смог. Наверху дыма было больше, а внизу воздух казался чище, поэтому я поползла к нему на четвереньках, все еще зажимая рот и нос и вдыхая аккуратно через плотную ткань.

Конечно, пришлось убрать руку от лица, когда я попыталась вытащить Фолкнора из лаборатории, но хотя я тянула его изо всех сил, я с трудом сдвигала его по сантиметру. Он весил, должно быть, вдвое больше меня. Дым уже попал мне в легкие, и внутри болезненно запекло. Горло начало раздражать, и я закашлялась.

Я не могла вытащить его! У меня кружилась голова и в глазах темнело, а я почти не приблизилась к двери. Но и бросить его тут я тоже не могла. Надо было бежать за помощью, но я не знала куда и боялась его здесь оставить.

Я почти успела впасть в отчаяние, когда снова почувствовала холод, на этот раз с двух сторон. Моих рук коснулись призрачные руки Линн и Лилии. Тянуть бесчувственного Фолкнора стало проще.

Я кашляла все сильнее, глаза болели и слезились, но вскоре мне удалось с помощью призраков оттащить шеда на безопасное расстояние от лаборатории. Здесь воздух казался вполне нормальным. Я перевернула шеда на спину и осторожно похлопала по щекам. Он дернулся и закашлялся. Страшно, натужно. Глубоко вдохнул, хрипя. Попытался то ли подняться, то ли перевернуться. Глаза его раскрылись, и в них я увидела страх и боль. Он кашлянул еще раз, изо рта брызнула кровь, запачкав мое пальто.

Я в ужасе схватила его за руки и помогла перевернуться набок, чтобы он не захлебнулся кровью. Фолкнор вцепился в мою руку и до боли сжал ладонь.

— Нея...

— Что? Шед, что мне сделать? Как помочь?

— Беги, — с трудом прохрипел он. — Уходи... отсюда...

Он снова зашелся в кашле, выплевывая кровь, после чего повалился на пол, потеряв сознание. Я не знала, что именно с ним происходит, откуда эта кровь и почему он так тяжело дышит, но понимала, что он умирает. И я не могла этого допустить.

Я перевернула его обратно на спину, торопливо расстегнула рубашку — ни мании, ни сюртука на нем не было — и приложила раскрытые ладони к обнаженной груди. Я не знала, как лечить подобные травмы. Меня никогда не учили пользоваться моим даром. Некоторые вещи я просто освоила сама. Лечила себе порезы, ушибы, содранные коленки... Фолкнора же словно разъедало изнутри, он истекал кровью. И я не знала, как с этим бороться.

Поэтому я просто закрыла глаза и направила в него силу исцеления. Все, что имела. Она лилась из меня, разогревая ладони до жжения. Я не знала, помогает ли это, но отдавала все, что могла, не задумываясь.

Вскоре мне показалось, что его дыхание стало легче, кровь перестала клокотать в горле. Это было очень кстати: я чувствовала, что больше исцеляющая сила от меня к нему не идет. Как будто внутри меня перекрыли невидимый кран. Или она просто закончилась, вся до капли.

Я хотела посмотреть, как Фолкнор, но не смогла. Глаза открыла, но чернота никуда не делась. Я почувствовала, как слабеют руки и как моя голова падает ему на грудь.

А после этого я уже не чувствовала ничего.

Глава 23

Я пришла в себя так же неожиданно, как и отключилась. Как будто кто-то потряс меня за плечо, вырывая из объятий пустой черноты. Глаза открылись, и в первый момент я испытала ужас, потому что не смогла понять, где нахожусь.

Света луны и камина хватало, чтобы убедиться: комната была чужой. Просторной, искусно отделанной и обставленной, с огромной кроватью, как две с половиной моих. И она была намного мягче той, на которой я уже почти привыкла спать. Вместо одежды, которую я надела в дорогу, на мне была ночная сорочка. Тоже чужая. Волосы были распущены, что напугало меня особенно сильно: кто бы ни позаботился обо мне, он теперь знал, что я их остригла.

В горле першило и глотать было больно. Уж не знаю, от чего: от едкого дыма, которым я надышалась в коридоре, или простуды. Тело казалось ватным, непослушным. В голову тоже как будто набили ваты, ее распирало изнутри. Мысли текли вяло, и на смену первому испугу пришла апатия.

План побега с треском провалился. Это должно было меня огорчать, но я ничего не чувствовала. Словно во мне что-то перегорело. Сейчас я ничего не хотела: ни бежать куда-то, ни бороться. Я ощущала лишь чудовищную усталость.

Следовало перевернуться на другой бок и снова уснуть, наплевав на все. Просто выспаться впервые за последние три дня, а там будь что будет. Но несмотря на усталость, мне не спалось и не лежалось. В чужой комнате я оставалась напряжена, потому что не чувствовала себя здесь в безопасности. Хотелось вернуться хотя бы к себе в комнату. Там точно можно запереться на задвижку. Хотя я не представляла, что буду делать потом. Сидеть там, пока не умру от голода? Глупо.

Я выбралась из-под одеяла, с удивлением обнаружила рядом с кроватью домашние туфли, — тоже не мои, но это уже не имело значения, — а в шкафу нашелся теплый халат. Облачившись во все это, я осторожно вышла из комнаты в коридор. Тот выглядел пустым и подтверждал, что нахожусь я в семейной части замка.

Прежде, чем я решила покинуть свое ненадежное убежище, открылась еще одна дверь, и из нее в коридор вышли госпожа Фолкнор и незнакомый мне мужчина. Я тут же снова прикрыла свою дверь, оставив лишь небольшую щель, чтобы смотреть и слушать.

— Не волнуйтесь, госпожа Фолкнор, — мягко сказал мужчина, — он будет жить. Восстановление займет какое-то время, ему придется ненадолго отойти от дел, но все могло быть куда хуже.

— Он был весь в крови, когда его нашли, — холодно и резко отозвалась мать шеда. — Куда уж хуже, доктор?

— Меня кровь тоже напугала, — согласился доктор. — Но признаюсь, все выглядело куда хуже, чем было на самом деле. Или...

— Или что?

— Или ему оказали своевременную помощь. Очевидно, магическую, потому что, если все было так, как выглядело, ни один врач его не спас бы. Эта девочка, с которой его нашли, она ведь его невеста?

— Она его самая большая ошибка, — зло процедила госпожа Фолкнор. — Наша ошибка.

— Неужели? — хмыкнул доктор. — А я думаю, она спасла ему жизнь. Она ведь из южных жрецов? Способности к целительству у них часто встречаются.

Госпожа Фолкнор ничего не ответила. Просто повернулась и пошла прочь, а доктор так же молча последовал за ней.

Когда они оба исчезли из виду, я все-таки выскользнула из своей комнаты и быстро добралась до той, из которой они вышли. Это было рискованно: госпожа Фолкнор могла вернуться в любой момент. И мне даже думать не хотелось, что она сделает, если обнаружит меня в комнате своего сына, но я испытывала странную, щемящую потребность увидеть его. Убедиться в том, что с ним все в порядке.

В его спальне горел не только камин, но и лампа на тумбочке у кровати. Сам шед лежал в постели, облаченный в теплый халат, под голову и плечи у него было подложено несколько объемных подушек. Он выглядел ужасно бледным, почти как призрак его первой жены. Темные волосы разметались по белой ткани подушки. Дыхание его было хриплым, он прижимал к груди ладонь и болезненно морщился. Несмотря на закрытые глаза, я сомневалась, что он спит.

И все же я тихо приблизилась к нему, села рядом на кровать и осторожно коснулась руки, лежавшей на груди. Его веки тут же дрогнули, глаза открылись. Увидев меня, шед неожиданно... улыбнулся.

— Нея, — выдохнул он. — Рад, что ты в порядке.

Сказав это, он тут же закашлялся, морщась еще сильнее. Я успокаивающе погладила его по плечу.

— Тише, тише, — прошептала я. — Не говорите ничего.

Он кивнул, с трудом успокаиваясь после приступа кашля. Я жалела,

что не могу ему больше ничем помочь: мне было больно видеть его страдание, но целительной силы я в себе пока не чувствовала.

Фолкнор накрыл мою ладонь другой рукой, погладил как тогда в комнате с зеркалом, когда мы «сидели в засаде», но в этот раз я ощутила совсем другой трепет. У него был горьковатый привкус знания: все это ненастоящее, неискреннее.

— Ты спасла меня, — прошептал Фолкнор, чтобы сильно не напрягаться и не закашляться снова. — Спасибо.

Я только неловко пожала плечами. Мне очень хотелось узнать, что там произошло, но я решила, что сейчас не лучший момент задавать ему вопросы. Ему лучше было не разговаривать.

Однако он сам, судя по всему, придерживался другого мнения.

— Как ты там оказалась? — снова свистящий шепот на выдохе.

— Лилия и Линн привели меня, — я не видела смысла скрывать что-то и отпираться. — Они с самого начала просили меня помочь вам. Спасти вас.

Он как-то странно посмотрел на меня, но значение этого взгляда я поняла только когда он недоверчиво уточнил:

— И Линн тоже?

Я кивнула. На его лице вновь отразились эмоции, которые я поняла не сразу. Мне мерещились здесь и горечь, и тоска, и облегчение. Последнее удивляло особенно сильно.

Дыхание Фолкнора стало чаще и тяжелее, он снова ненадолго закашлялся, а я опять погладила его по плечу, чувствуя, как он сжимает мою руку, которая все еще лежала между его ладоней.

— Значит, они не злятся на меня... — пробормотал он. — Обе.

— Нет, — заверила я. — Они помогли мне спасти вас, вытащить из лаборатории. Они любят вас. Несмотря ни на что, любят, как и при жизни. Хотела бы я, чтобы меня кто-нибудь так любил.

У меня перехватило горло, и я замолчала, жалея только о том, что не сделала этого раньше. Не стоило откровенничать с ним.

— У тебя еще вся жизнь впереди, — мягко заметил он.

Я не удержалась от укоризненного взгляда.

— Какая жизнь, шед? Моя жизнь — это брак с вами. И даже если вы не сведете в могилу и меня, любить вы меня не будете. Так что и ждать мне уже нечего.

Он нахмурился, закрыл глаза, то ли слишком устав, то ли просто думая о чем-то. Результат его раздумий меня удивил.

— Ты могла бросить меня. Просто ничего не делать. Уйти и дать мне

умереть. Даже твоя Богиня не посчитала бы это убийством. Никто бы тебя не осудил и не наказал, но ты бы освободилась от меня.

Фолкнор снова открыл глаза и посмотрел на меня.

— Почему ты этого не сделала? Зачем рисковала? Дым был очень едким. Я сам просил тебя уйти, но ты осталась. Почему?

Я не могла оторвать взгляд от его глаз, но что ответить — не знала. Да, я могла освободиться от него, но я... не хотела. Не такой ценой. Я не могла позволить ему умереть. Я не хотела, чтобы он умирал. Правда была в том, что мне нравилось сидеть с ним в полутемной комнате и чувствовать, как его холодные ладони сжимают мои. Как кончики пальцев скользят по коже, вызывая мурашки на спине и отзываясь этим странным ощущением внизу живота.

— Нея? — позвал он еще тише, чем говорил до этого, напоминая, что ждет ответа.

— Я не могла.

Вот так. Пусть и непонятно, но зато честно, как есть. И пусть вместе со мной гадают, почему я не могла.

— Останься, — и снова его шепот был едва различим.

Я удивленно приподняла брови. Он в своем уме? Одно то, что я сижу на его кровати в ночной рубашке и халате почти за полгода до свадьбы, уже было верхом неприличия по моим меркам. Остаться в его комнате на ночь? Может, он еще предложит мне спать в своей постели?

— Кровать большая, — он словно прочитал мои мысли и снова слабо улыбнулся. — А я не в том состоянии, чтобы посягать на твою честь.

— Зачем мне оставаться?

Выразительная бровь снова шевельнулась, а я недовольно поморщилась. Прозвучало так, словно я не видела смысла оставаться здесь, если моей девичьей чести ничего не грозит.

— Ты можешь быть в опасности, — просто ответил он. — Я все объясню завтра. Но сейчас лучше тебе быть рядом со мной.

Я вспомнила слова его матери, вспомнила девчонок из школы, подумала о том, что случившееся в лаборатории может быть не несчастным случаем, и поняла, что мне действительно не хочется никуда уходить. Путь до моей комнаты в общежитии казался очень неблизким на фоне всех тревожных мыслей.

Я попыталась встать, но тут же поняла, что и так никуда не смогла бы пойти. Во мне не оказалось сил даже на то, чтобы обойти кровать и лечь с той стороны, с которой оставалось много свободного места. И я решила: если уж нарушать приличия, то по-крупному.

Фолкнор ничего не сказал, но наверняка очень удивился, когда я скинула туфли и вытянулась на кровати рядом, спиной к нему, положив голову ему на плечо. Однако это не помешало ему обнять меня и прижать к себе, словно он боялся, что я свалюсь с края. Хотя места тут тоже хватало.

Он зашевелился, и я почувствовала, как он пытается накрыть меня пледом, который лежал поверх его одеяла. Я помогла ему, после чего снова положила голову на его плечо.

— Что с твоими волосами? — поинтересовался он внезапно, когда мы наконец устроились.

— Долгая история.

— Расскажешь мне завтра?

— Расскажу, — после недолгого колебания пообещала я.

— Хорошо. Будь добра, погаси свет.

Я дотянулась до выключателя лампы, щелкнула им, и в спальне моментально стало гораздо темнее. Остатки моего воспитания попытались возмутиться происходящим, но у них ничего не вышло. Мне нравилось ощущать тепло его тела рядом, руку, которой он обнимал и держал меня, его дыхание, касавшееся моих волос. Его близость и явное желание защитить давали мне хотя бы немного того тепла и уюта, о котором я мечтала когда-то, представляя свою семейную жизнь.

Может быть, Торрен Фолкнор никогда не будет любить меня так, как он любил свою первую жену или как я хотела бы, чтобы меня любили, но, по крайней мере, я нужна ему. Сейчас он был единственным человеком во всем мире, которому я действительно была нужна. Пусть чтобы спасти себе жизнь, продолжить род и защитить свои земли. Но при этом он хотел, чтобы мне было хорошо — он сам так сказал матери — и собирался позаботиться обо мне. И мне хотелось верить, что у него это получится.

Потому что лежа в темноте рядом с ним, слушая его хрипкое дыхание и рассеянно поглаживая руку, которой он меня обнимал, я больше никуда не хотела бежать. Как бы глупо и парадоксально это ни звучало, здесь и сейчас я наконец чувствовала себя в безопасности.

Глава 24

Не знаю, как так получилось, но утром я проснулась уже на другом боку. Теперь я лежала к Фолкнору не спиной, а лицом. Моя рука покоилась у него на груди, и он накрывал ее своей. Другая его рука продолжала обнимать меня, прижимая к нему. Я по привычке устыдилась того, что просыпаюсь в объятиях мужчины, с которым меня пока не связывают узы законного брака, но это чувство быстро отступило под натиском других ощущений.

Рядом с Фолкнором этим утром мне было тепло и спокойно. Я даже поймала себя на мысли, что не откажусь просыпаться так всегда. Было в этом что-то... правильное. Я не знала, как это объяснить или описать, но чувствовала это сердцем.

Когда я попыталась пошевелиться, руки Фолкнора инстинктивно сжались, как будто он боялся выпустить меня, после чего глаза открылись, он глубоко вдохнул — это действие все еще сопровождалась пугающим хрипом — и посмотрел на меня.

— Доброе утро, Нея, — с улыбкой поприветствовал он.

И я не удержалась от ответной улыбки. Тем более сегодня утро начиналось с редкого в этих землях солнца, и его лучи падали мне на лицо. Как будто даже природа хотела дать нам небольшую передышку, просвет в постоянной тьме сомнений и угроз.

— Доброе утро, шед.

— Может быть, мы сойдемся хотя бы на «Торрен»? — с демонстративным вздохом предложил он. — Ты, между прочим, провела ночь в моей постели. Что там постели? Ты провела ее в моих объятиях. Мне кажется, это должно было нас хоть немного сблизить?

Только сейчас я заметила, что он перешел со мной на «ты», хотя я смутно помнила, что ночью он уже обращался ко мне так. Наверное, мне действительно пора было начать называть его по имени, но я не успела попробовать.

За моей спиной скрипнула дверь, я услышала шуршание одежды, звук шагов и отчаянно пожелала исчезнуть отсюда. Потому что одно дело нарушать приличия, когда никто не видит, и другое дело быть обнаруженной утром в постели своего пока еще жениха, а не мужа. Я резко перестала улыбаться, и попыталась сжаться в незаметный комок.

Фолкнор успокаивающе погладил меня по плечу, подбадривая

взглядом. Потом он перевел его на вошедшего.

— Доброе утро, мама, — невозмутимо поздоровался он.

Я пожалела, что не знаю никаких ругательств. Сейчас бы они мнегодились, потому что меньше всего мне хотелось встретиться здесь лицом к лицу с госпожой Фолкнор.

— Так вот она где, — холодно процедила та, игнорируя его приветствие. — А мы уж решили, что она все-таки сбежала.

Мне вдруг стало горько. Почему она не могла прийти хотя бы на четверть часа позже? Я могла бы еще какое-то время наслаждаться этим утром и такой редкой улыбкой жениха. А сейчас он узнает, что я собиралась сбежать, и этой непривычной, но такой приятной близости между нами снова не станет.

Госпожа Фолкнор тем временем прошла по комнате и встала так, что теперь я ее тоже видела. Лежать в объятиях ее сына под этим холодным, колючим взглядом я уже не могла, поэтому села, чувствуя на себе и удивленный взгляд Фолкнора.

— Что значит — все-таки? — поинтересовался он.

Я не нашла в себе сил посмотреть на него, лишь разглядывала собственные руки, низко опустив голову.

— Твоя невеста накануне пыталась спешно покинуть замок, — с удовольствием пояснила госпожа Фолкнор. — Мы нашли собранный чемодан и саквояж. Да и сама она была одета для путешествия. Полагаю, она хотела сбежать, пока ее не обвинили в твоём убийстве.

После этих слов я не выдержала и вскинула на нее одновременно удивленный, возмущенный и испуганный взгляд.

— Что за ерунда? — Фолкнор нахмурился, переводя взгляд с меня на мать и обратно. — О чем ты говоришь?

— О том, что накануне ночью я поймала ее рядом с твоей лабораторией, — ответила госпожа Фолкнор, ядовито улыбаясь. — Думаю, это она подменила порошки, чтобы извести тебя. А потом сбежать.

— Все было совсем не так! — возразила я, тяжело дыша. Обвинения матери шеда повергали меня в ужас. Только сейчас я поняла, как теперь все выглядит со стороны. И не знала, как оправдаться. Позволят ли мне вообще все объяснить?

— Если все так, как ты говоришь, мама, — от ледяного тона жениха бешено бьющееся сердце почти остановилось в моей груди, — то объясни: зачем ей спасать меня?

Выражения торжества и уверенности дрогнули на лице госпожи Фолкнор. Она скрестила руки на груди в защитном жесте и предположила:

— Всего лишь какой-то трюк. Может быть, она и не хотела убивать тебя. Просто втереться в доверие.

Фолкнор тихо хмыкнул.

— Боюсь, для Неи это слишком сложная интрига. Уверен, всему этому есть какое-то другое объяснение.

Он выжидающе посмотрел на меня, а я — испуганно на его мать. Будет ли разумно при ней упоминать о том, что я знаю ее первоначальный план? А если нет, то как я смогу объяснить свое решение сбежать?

Фолкнор, кажется, понял, что я не хочу откровенничать при ней, и попросил:

— Мама, оставь нас, пожалуйста.

— Чтобы она задурила тебе голову? — возмущенно фыркнула госпожа Фолкнор. — Нет уж. Я не оставлю тебя наедине с той, кто желает твоей смерти.

— Вы бы уже как-то определились, чего я желаю: убить его или задурить голову интригами, — вырвалось у меня.

Госпожа Фолкнор зло прищурилась, и я моментально пожалела о внезапной дерзости.

— Ты считаешь, что меня так просто обмануть? — в тоне Фолкнора снова появился лед.

Этот тон плохо сочетался с бледным, болезненным человеком, который не мог даже приподняться на постели, но он подействовал. Его мать стала выглядеть еще менее уверенной.

— Рен, я не ставлю под сомнение твою разумность, — уже мягче сказала она. — Я просто не доверяю ей и беспокоюсь за тебя.

— Я знаю, мама, — тон шеда тоже моментально смягчился. — И я благодарен тебе за заботу. Я люблю тебя и уважаю твое мнение, но сейчас я прошу тебя уйти и оставить меня с моей невестой. Нам нужно поговорить.

Я снова осторожно посмотрела на госпожу Фолкнор. Ее лицо превратилось в непроницаемую маску, но глаза по-прежнему горели ненавистью ко мне. Похоже, она действительно думала, что я то ли пыталась убить ее сына, то ли таким образом собираюсь манипулировать им. Говорят, люди часто меряют других по себе. Вероятно, тот факт, что она сама планировала убить меня, заставлял ее подозревать меня во всех смертных грехах.

— Как скажешь, — все же прощупала она, и даже в ее уступке мне послышалась угроза.

Когда за ней захлопнулась дверь спальни, Фолкнор выдохнул, заметно расслабившись, но тут же закашлялся. Правда, когда я снова инстинктивно

потянулась к нему, он остановил меня жестом.

— Все в порядке, — сипло прохрипел он и снова откинулся на подушки. — Рассказывай. Все как есть.

— Я действительно хотела сбежать, — призналась я. — Вы спрашивали, что с моими волосами. Так вот, я остригла их, потому что решила стать независимой. Хотела сбежать и жить своей жизнью, решать за себя сама. Я... — я запнулась, все еще боясь признаться в этом, но все-таки продолжила: — Я собиралась сделать это с самого начала. Выучиться у вас магии, сдать экзамен, стать магистром. Это стало бы основанием для того, чтобы отказаться от диадемы.

Я видела, как помрачнело его лицо, как он стиснул зубы, прикрывая на мгновение глаза, и это мне очень не понравилось.

— Но я ничего не делала в вашей лаборатории, — почти прошептала я. — Клянусь. Я не собиралась вам вредить.

— Это понятно, — холодно кивнул он. — Ты бы не смогла войти в мою лабораторию. Там заклятие на двери. Ее могут открывать только члены моей семьи. Кровные родственники. Мама, Рон и я. И над этим мне тоже еще предстоит подумать...

— Вообще-то, — перебила я, — дверь прекрасно открылась. Изнутри. Теперь он посмотрел на меня крайне удивленно.

— А как ты оказалась внутри?

— Через потайной ход, — призналась я, пожав плечами.

— Какой еще потайной ход? — он нахмурился.

— Вы не знаете, что в вашем замке есть потайной ход? — удивилась я.

— Первый раз об этом слышу. Как ты в него попала?

— Через кладовую в подвале.

— А там ты что делала?

— Меня там заперли.

Он открыл рот, видимо, чтобы задать еще один уточняющий вопрос, но вдруг устало вздохнул.

— Давай еще раз. С самого начала и по порядку.

Пришлось начать рассказывать с самого начала: как меня выманили из комнаты, как заперли в подвале, как Лилия показала мне тайный ход и как я случайно подслушала его разговор с матерью. Как выбралась потом через его лабораторию и как меня поймала госпожа Фолкнор. И о том, что именно после этого я решила сбежать.

С каждой моей фразой он мрачнел все больше. Когда я говорила о подслушанном разговоре, и вовсе болезненно поморщился. Когда я закончила свой рассказ, он очень долго молчал, после чего выдохнул всего

одно слово:

— Ясно.

— Что вам ясно? — настороженно уточнила я.

— Да все ясно, — вздохнул он и посмотрел на меня с грустной улыбкой. — Ты не просто рисковала собой, чтобы спасти меня. Ты рисковала собой, отказываясь от возможности сбежать и получить свободу. Я уже говорил: я был рад узнать, что ты далеко не так послушна и покорна, как расписывал твой отец. В тебе есть что-то от севера, несмотря на то, что ты южанка. Ты действительно мне этим очень понравилась. И я признаю: я хотел понравиться тебе и... когда я этого захотел, я стал вести себя соответствующим образом. Думаю, у меня даже получалось. Но теперь... — он снова вздохнул. — Ты спасла мне жизнь, рискуя своей. И с моей стороны будет подло требовать этого от тебя еще раз.

Я снова почувствовала, как в груди замирает сердце. Мне казалось, я понимаю, к чему он клонит, но пока я не понимала, что чувствую по этому поводу, пока он не подтвердил словами мою догадку:

— Я расторгаю нашу помолвку. Ты свободна, Нея. Свободна от меня, от обязательств передо мной, принятых твоим отцом. Ты вольна уйти и больше не вспоминать обо мне.

Я знала, к чему он клонит, но когда он сказал это, меня словно ледяной водой окатило. Я смотрела на шеду, не веря в происходящее. Он так крепко держал, пока я боялась его и мечтала сбежать, лишая всякой надежды на то, что он может передумать и отпустить меня. И вот теперь я поняла, что мое место здесь, рядом с ним, а он гонит.

— Ты не рада? — удивился он, наблюдая за моей реакцией. — Разве не этого ты хотела?

— Нет! — вырвалось у меня, но я тут же смутилась: ведь я только что сама рассказала ему о своих планах. — То есть, да. То есть...

Я закрыла лицо руками, не зная, что сказать и как все объяснить. Признаться в том, что этой ночью и этим утром я впервые за последнее время чувствовала себя на своем месте? Или объяснить, что идти мне некуда, а потому на самом деле я до ужаса боюсь покинуть замок? Мне казалось, что и в том, и в другом случае я буду выглядеть глупо и жалко. В конце концов я решила, что во втором признаться не так стыдно:

— Я не хочу уходить, шед, — с трудом выдавила я, отнимая руки от лица, но избегая смотреть ему в глаза. — Мне некуда идти.

— Но ты ведь собиралась куда-то уйти вчера, — напомнил он. — Вернуться домой?

Я помотала головой, чувствуя ком в горле. Слезы жгли глаза, но я изо

всех старалась не давать им волю.

— Домой я вернуться не могу. Как я буду общаться с отцом, зная, что он отправил меня сюда обманом? Как я буду дальше жить под его опекой и управлением, зная, что он может снова меня продать кому-то? Я собиралась уехать на запад или восток и пойти служить в какой-нибудь небольшой дом, — смущенно призналась я.

— То есть идею стать магистром магии ты отбросила? — уточнил Фолкнор.

— Всего лишь поняла, что мне не выучиться на магистра. Я слишком... слишком глупая, наверное. Точно недостаточно умна, чтобы освоить за полгода то, что другие учат минимум год.

— Ты не глупая, — возразил он. — Просто у тебя нет привычки к учебе. И постоянный стресс не дает сосредоточиться: то призраки шалют, то жизни что-то угрожает, то откровения сыплются — одно другого страшней. Ты можешь остаться здесь. На правах ученицы. Учиться, сколько потребуется. Потом сдать экзамены, стать независимой уже официально. И дальше строить свою жизнь так, как захочется. Конечно, этот вариант более опасен для тебя. Но если мы расторгнем помолвку, я надеюсь, это уберезит тебя от лишних проблем. По крайней мере, пока я жив.

Я посмотрела на него исподлобья, обдумывая этот вариант. Он казался идеальным. Ну, или близким к идеалу. У меня по-прежнему будет где жить и что есть, я смогу спокойно учиться, а не нервничать по поводу того, что я ничего не успеваю. И меня, наверное, оставят в покое. Проблемы Фолкнора с Советом меня не коснутся, девочки в школе перестанут ревновать шеда ко мне, а его мать больше не будет видеть во мне угрозу. И поскольку расторгнуть помолвку — это идея самого Фолкнора, она не будет на меня злиться за это. Все было идеально, кроме одного.

— А как же вы? Вам ведь нужна жена и нужен ребенок.

— Найду другую невесту, — он натянуто улыбнулся. — Такую, в которую я точно не... — он осекся и отвернулся к окну. — Найду кого-нибудь подходящего. Желательно, сироту, иначе мама опять потребует ее отравить.

Я против воли улыбнулась его тону, но мое веселье не продлилось долго.

— Скажите, шед, почему вы вообще выбрали меня?

Он снова прикрыл глаза, подавив вздох, и тихо признался:

— Я не выбирал тебя. Твой отец мне тебя предложил. Еще в прошлом году. Написал, что знает о моей проблеме, о проклятии жрецов Некроса. Не представляю, как он выяснил, мы веками старательно скрывали это. Он

рассказал мне про тебя, предложил в жены. Описывал тебя как послушную и покладистую, красивую и здоровую, достаточно сильную, чтобы выносить и родить моего ребенка.

Наверное, эта новость должна была шокировать меня и выбить из колеи, но я, видимо, уже свыклась с мыслью, что мой отец совсем не такой, каким я его себе представляла. То, что он не просто отдал меня, а сам предложил, расхваливая как торговец свой товар на рынке, уже не могло сделать мне больнее.

— Вы отказались? — только и уточнила я.

— Да, — он открыл глаза и снова посмотрел на меня. — Во-первых, я понимал, что стоит за этим предложением. Во-вторых, тебя пришлось бы ждать целый год, пока тебе не исполнится восемнадцать.

— Тогда почему вдруг согласились потом?

— Твой отец написал мне снова сразу после гибели Лилии. Сказал, что его предложение еще в силе, но я должен решить быстро: мол, ты обручена и вот-вот выйдешь замуж. Я тогда решил, что ваша семья может иметь отношение к ее смерти. И согласился, чтобы узнать наверняка, и... Если мои подозрения подтвердятся, отомстить.

Говоря это, он не прятал взгляд, смотрел на меня, как будто ждал какой-то реакции, но я вновь ничего не почувствовала. Мне лишь стала понятна его агрессия в первые дни. И его недоумение при нашей первой встрече. «Совсем ребенок», — сказал он тогда, а ведь ждал интриганку, замешанную в убийстве его жены и планирующую сжить его со свету.

— Ясно, — пробормотала я, опуская взгляд первой.

— Что тебе ясно? — спросил он, явно передразнивая мою аналогичную реакцию.

— Что я не так уж вам и нужна, — констатировала я. — И вы легко найдете мне замену.

Почему-то именно осознание этого стало для меня новым ударом. Не то, что отец сам меня ему навязал. И не то, что окажись я причастна к убийству Лилии, Фолкнор, скорее всего, действительно позволил бы меня отравить. Все это я уже в какой-то степени знала, оно меня больше не трогало. А вот то, что я оказалась заменяема для него, — это разочаровывало.

Я почувствовала шорох и тяжелое дыхание, открыла глаза и увидела, что Фолкнор сел на кровати, морщась от боли, но зато он оказался ближе ко мне. Провел рукой по моим криво отрезанным волосам, коснулся пальцами подбородка и заставил посмотреть себе в глаза.

— Нея, ты ведь сама мечтала сбежать, — почти прошептал он. —

Ночью ты говорила о браке со мной, как о конце собственной жизни. Неужели что-то изменилось с того момента?

Его рука скользнула по моей щеке в ласкающем движении. Это оказалось так приятно, что я, толком не отдавая себе отчета в своих действиях, накрыла его руку своей, прижимая к себе, чтобы он не отнял ее. Потом и вовсе повернула голову, касаясь губами его ладони.

— Изменилось, — едва слышно призналась я.

Его лицо стало еще ближе, я уже чувствовала его дыхание на моей коже.

— Что?

Я подняла на него несчастный взгляд. Он издевается?

— Я осталась на ночь в вашей спальне. Я спала рядом с вами, позволяла себя обнимать. А вы не понимаете, что изменилось?

Он снова заставил меня посмотреть на себя. Его пальцы продолжали скользить по моему лицу, зарываться в волосы, а после спускаться вниз и снова подниматься вверх, к губам. Фолкнор вглядывался в меня так, словно пытался рассмотреть на моем лице что-то.

— Я хочу услышать это. Мне нужно услышать это от тебя. Пожалуйста, Нея.

Я закрыла глаза, потому что говорить с ним об этом и смотреть на него было выше моих сил. Но и промолчать я не могла, когда он просил об этом. Я боялась, что если промолчу сейчас, то все это исчезнет: и тепло, которое я чувствовала ночью и утром, и ощущение нужности, правильности того, где я нахожусь. Он позволит мне остаться, но вот такого момента, когда мы оба были слишком слабы, чтобы притворяться кем-то другим, больше не будет.

— Я хочу остаться с вами, — тоже шепотом, не разжимая век, призналась я. — Не хочу уходить, не хочу разрывать помолвку. Мне было так хорошо и так спокойно этой ночью. Мне нравилось думать, что я нужна вам...

Его пальцы вновь коснулись моих губ, прерывая эту нелепую речь. И прежде, чем я успела опомниться, пальцы сменили губы. Они коснулись моих едва ощутимо, без страсти, нажима и спешки. Поцелуй был мягким, ласкающим, но при этом сдержанным.

Кровь застучала в висках, я хотела оттолкнуть его, но вместо этого моя ладонь скользнула по его плечу к затылку, а потом я погладила его по щеке, надеясь, что ему будет так же приятно, как было мне. От его ласкающих поцелуев в груди снова разливалось тепло. То самое тепло, которое я испытывала ночью и в момент пробуждения. В то же время его ладони

холодили кожу щек, которые начали гореть. Я вдыхала его запах, от которого кружилась голова, и отвечала на поцелуй, как умела. А когда он отстранился, я на мгновение потянулась за ним следом, не желая прерываться. К счастью, я быстро опомнилась и открыла глаза.

Фолкнор улыбался, глядя на меня. На этот раз улыбался по-настоящему, не сдерживая себя. Глядя на него, я сама заулыбалась.

— Значит, наша помолвка не расторгнута?

— Расторгнута, — серьезно ответил он. — Я слов на ветер не бросаю. Та наша помолвка, основанная на чужих интригах, принуждении, взаимном недоверии, страхе и лжи, расторгнута. Предлагаю новую помолвку. Давай поженимся не потому, что мне жизненно необходим наследник, а за тебя все решил отец. Давай поженимся, потому что мы оба этого хотим. Мне хорошо с тобой, Нея. Мне давно не было так хорошо. Ты действительно нужна мне. Может быть, я не мужчина твоей мечты и со мной тебе грозит немало опасностей, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя.

— А как же опасность, которая грозит вам от моей семьи?

— Мы разберемся, — уверенно заявил он. — Если мы захотим, вместе мы со всем разберемся.

— Вы снова верите в то, что любовь способна победить смерть? — с улыбкой спросила я.

И тут же смутилась, даже немного испугалась. Ведь о любви мы не говорили. Однако Фолкнор кивнул.

— Мне кажется, это единственное, во что имеет смысл верить.

Мне нечего было ему возразить. Да и не хотелось.

Глава 25

Так состоялась еще одна моя помолвка. Конечно, только мы с Фолкнором знали, что это уже совсем другое обручение, но остальных это и не касалось.

За всю предыдущую жизнь я не целовалась столько, сколько в то утро. Было что-то головокружительное и манящее в том, что я могла себе это позволить и не оглядываться, как будто совершаю преступление. Может быть, в эти дни я действительно стала чуть-чуть более независимой, чем была раньше? Хотя бы от внушенных мне дома правил. Тому, что мне пока не пришлось заходить в этом дальше, я была даже рада. И пожалела о том, что срезала волосы, вспомнив, как ужасно теперь выгляжу.

Однако стоило мне поделиться этим сожалением с Фолкнором, он тут же возразил:

— А мне нравится. Конечно, стоит пригласить специалиста, чтобы он немного придал форму, но в целом мне нравится этот твой новый облик. Тебе правда идет, Нея.

Мне хотелось верить, что он говорит серьезно. Впрочем, он как-то сказал, что я буду красивой, даже если меня побрить наголо.

В какой-то момент я снова почувствовала в себе целительские силы и поспешила приложить раскрытую ладонь к груди Фолкнора. И хотя я это уже делала, сейчас все ощущалась иначе. Было в этом что-то интимное, почти неприличное. Я слышала, как участилось его дыхание, чувствовала, как быстро бьется его сердце. Мне и самой с трудом удавалось сосредоточиться на лечении.

Я смогла снять его боль, но полного исцеления не произошло. Это стало сюрпризом для меня. Я чувствовала, что могу дать ему еще, но он словно перестал принимать. Вероятно, существовало какое-то ограничение на количество исцеляющей энергии, что я могла передать другому, даже если у меня оставалось еще.

Фолкнор был благодарен мне и за это.

— Теперь я хотя бы могу встать и заняться делами, — бодро заявил он, выбираясь из-под одеяла.

Мне эта идея не понравилась, о чем я сразу ему сказала, но Фолкнор уже уверенно шел к двери спальни. Я почти пожалела о том, что сняла болевые ощущения, которые могли удержать его в постели и заставить отдыхать, постепенно восстанавливаясь, но он поспешил меня успокоить:

— Не бойся, я не планирую сегодня же начинать снова варить зелья и перемещаться по Северным землям, изменяя погоду и устанавливая защиту от проходящих... У меня, конечно, хватает неотложных запросов, но я знаю, что сейчас мне не хватит на них сил. И все же есть ряд задач, которые мне необходимо решить сегодня.

Как оказалось, все эти задачи так или иначе касались меня. В первую очередь к ним относилось переселение меня в ту спальню, в которой я проснулась ночью. Фолкнор безапелляционно заявил, что в школьном общежитии я не останусь.

— В семейной части замка будет безопаснее, — заверил он. — Рядом со мной — еще безопаснее. На втором этаже живу только я. Хотя кабинет Ронана тоже здесь, зато лаборатория мамы, как и их спальни, — на третьем. Так что ночью здесь будем только мы с тобой.

Это заявление заставило меня занервничать, что не укрылось от его внимания. Фолкнор улыбнулся, притянул меня к себе и снова быстро поцеловал в губы.

— Не волнуйся, — тихо попросил он. — Непристойных предложений от меня ты больше не услышишь. До свадьбы. И с твоего позволения я все же сокращу свой траур. Не хочу ждать еще пять месяцев.

Я усомнилась в том, что это будет выглядеть прилично, но он только усмехнулся.

— Нея, я жрец Бога Смерти. Я вообще не обязан соблюдать траур. Это светская традиция королевства, но она противоречит учению Некроса. Я использовал его как предлог, чтобы не торопиться со свадьбой и дать себе немного времени подумать обо всем.

И мне снова не захотелось ему возражать. Я больше не боялась его, и теперь уже хотела выйти за него замуж. Меня, конечно, все равно немного пугало все, что связано с супружеской жизнью, но этим утром я убедилась в том, что Фолкнор умеет быть нежным, хоть это и сложно заподозрить по его внешнему виду и повседневному общению. А рождение ребенка... Что ж, все равно рано или поздно это должно будет произойти, так зачем же тянуть, подвергая жизнь шеда опасности?

Перемещением моих вещей занялись лакеи и горничные. Одна из них даже помогла мне одеться и вполне пристойно заколоть волосы, чтобы со стороны не было заметно, как криво они срезаны. После этого я снова встретилась с Фолкнором. Он за это время тоже успел облачиться в повседневную одежду, и теперь только тени под глазами, хриплое дыхание и периодически прорывающийся тяжелый кашель выдавали его плохое самочувствие. Мы встретились в небольшой гостиной, где для нас накрыли

круглый стол, чтобы мы смогли съесть припозднившийся завтрак.

— А почему мы раньше никогда здесь не ели? — удивленно поинтересовалась я.

Эта гостиная нравилась мне гораздо больше, чем огромная столовая. Здесь было уютно.

— Если хочешь, отныне будем есть здесь всегда, — тут же предложил Фолкнор. — Так будет даже удобнее.

Я согласилась и только после этого заметила, что стол накрыт на троих. Спросить я ничего не успела, поскольку дверь гостиной вновь распахнулась, и на пороге появилась немного испуганная Ирис, которую привел Долорсдон.

Оказывается, вторым неотложным делом шеда было мое примирение с подругой. И должна сказать, ему это удалось легко и непринужденно. После совместного завтрака, на котором он объяснил причины моего поведения на занятии, Ирис, как мне показалось, полюбила меня еще больше, чем прежде.

Когда она ушла и мы снова остались вдвоем, Фолкнор неожиданно спросил, кто именно запер меня в подвале. Не знаю почему, но мне не захотелось выдавать Далию.

— Я не знаю. Я слышала только их смех и шаги.

— Неужели? — он недоверчиво сощурился, внимательно меня разглядывая. — Мне кажется, это не так. Не забывай, Нея, я уже выяснил, что ты очень плохая лгунья. Имей в виду, я все равно выясню, кто там был, и они получат по заслугам. Но ты можешь сэкономить мне немного времени.

— Я не хочу, чтобы кого-то наказывали из-за меня, — нахмурилась я. — Неужели нельзя обойтись без этого?

— Нельзя, — серьезно ответил он. — Потому что я собираюсь наказать их не из-за тебя. Я собираюсь наказать их за то, что они сделали с тобой. Если я просто прощу им это, они могут сделать это снова. Или сделать с кем-то еще. Или даже сделать что-то хуже. Безнаказанность порождает вседозволенность.

По всей видимости, мне пора было привыкать к тому, что спорить с ним, не имея в запасе железных аргументов, бессмысленно. У меня не было вообще никаких аргументов, кроме эмоциональных. Мне не хотелось портить этот прекрасный день наказаниями, но я была вынуждена признать его правоту.

— Там точно была Далия, она со мной разговаривала. Другие молчали, поэтому я не знаю. Не знаю, даже сколько их было. Не меньше трех, если

считать Далию.

— Хорошо, этого мне достаточно.

Как я узнала потом, он всех вынудил признаться. Кроме Далии, надо мной «подшутили» еще три девушки из ее группы. Всех четверых шед Фолкнор запер на несколько часов в подвале в таких же кладовках. Поодиночке. Я, вспомнив свои ощущения той ночью, сказала, что это слишком жестоко, но он спокойно возразил:

— Ты знаешь, что ни одна из них не вернулась в подвал, чтобы освободить тебя? Ни ночью, ни утром. Они ждали, пока твое отсутствие заметят, тебя начнут искать и найдут. Ты понимаешь, что если бы не Лилия, ты просидела бы в той кладовке часов двенадцать, если не больше? В темноте, тишине, холоде и одиночестве. Ты говоришь, я поступаю жестоко, но я всего лишь поступаю с ними так, как они поступили с тобой. То, что человек готовил другому, и есть лучшее наказание для него. Самое справедливое.

Я вновь была вынуждена признать, что он прав, но все равно не могла выбросить Далию и других из головы весь день. Как Фолкнор ни пытался меня отвлечь — а он против обыкновения провел весь день со мной — я все равно переживала и ничего не могла с собой поделать. И хотя я ни разу больше ничего не сказала про них, он в конце концов не выдержал и отдал распоряжение освободить их, хотя прошло всего часов шесть из назначенных им двенадцати.

— Будем надеяться, урок они усвоили, — проворчал он. — Не могу видеть, как ты маешься. Это должно было стать наказанием для них, а не для тебя.

Наверное, из всего, что он сегодня сделал, это произвело на меня наибольшее впечатление. Настолько, что я окончательно забыла стыд и впервые обняла и поцеловала его первой, а не в ответ.

— Спасибо, шед, — с чувством поблагодарила я.

Он с демонстративным раздражением закатил глаза и поправил:

— Торрен!

Я улыбнулась, покачала головой и поправила нас обоих, уверенно выдохнув:

— Рен.

* * *

Рен восстанавливался еще почти неделю, и это была лучшая неделя из

тех, что я провела в Северных землях. Мы много времени проводили вместе. Вместе завтракали утром, после чего я шла на занятия, а он занимался какими-то своими делами, которые не требовали много сил. Потом вместе обедали, а после обеда шли гулять в той роще, где раньше я бродила с Фортом. Здесь уже начиналась зима: становилось все холоднее, иногда с неба сыпались хлопья снега, которые пока сразу таяли, падая на землю. Солнца становилось все меньше, но я едва замечала это, погружившись в собственные ощущения и наслаждаясь состоянием «почти влюбленности».

Все эту неделю Рен помогал мне с учебой. Мы вместе разбирали лекции, он восполнял пробелы в моем образовании. Простудировал со мной весь раздел с активацией в присланной Розой книге. Мне показалось, что ему и самому было интересно все это читать и разбирать, ведь эта магия отличалась от того, к чему привык он. Мы проводили порой целый вечер на небольшом диване в его гостиной, слушая треск огня в камине, по очереди читая вслух и разбираясь в прочитанном.

Способов активации было несколько, большинство пока представлялись мне слишком сложными. Но убийству мелких зверушек, которое я так и не смогла освоить, соответствовал простейший: использование собственной крови. Жрецы Некроса черпали силу в смерти, а жрецы Виты — в энергии своей жизни.

Я попробовала это на очередном занятии по зельям, и у меня все получилось. Я даже удостоилась скупой улыбки госпожи Фолкнор, которая подтвердила, что мое зелье получилось именно таким, каким и должно было.

Не знаю, что Рен сказал ей, как убедил, но она стала относиться ко мне терпимее. Как минимум, новых угроз я от нее не слышала. Конечно, до дружеских отношений нам было очень далеко, но она хотя бы не затевала ссоры, когда мы встречались. А встречались мы теперь часто: завтракали и обедали мы вдвоем с Реном, а вот ужинать стали вчетвером все в той же огромной столовой. Поначалу я нервничала, но с Реном, который в любую минуту был готов за меня вступить, и Роном, который продолжал общаться со мной вполне дружелюбно, вскоре поняла, что бояться мне нечего. А когда оказалось, что и госпожа Фолкнор не собирается на меня нападать, я и вовсе расслабилась.

Учиться действительно стало проще. Стоило мне перестать волноваться о том, что я ничего не успею, информация стала усваиваться лучше. К тому же, у нас стало на один предмет меньше: Рен пока не нашел замену Форту.

В один из вечеров мы поговорили и о нем. Мы так же сидели рядом на диване, уже закончив читать мою книгу. Я обвивала руку Рена своими, моя голова время от времени ложилось на его плечо, а он сам лениво потягивал свой коричневый напиток, который ему так нравился.

Рен склонялся к версии, что Форт все же был шпионом Совета и просто-напросто провел нас, предъявив какую-то неизвестную девушку в качестве невесты.

— И когда я сказал, что он должен покинуть замок, они, вероятно, решились на активные действия, — предположил он. — Не понимаю только, как он мог узнать про тайный ход, если я сам о нем не знал?

— И как он мог что-то сделать с твоими ингредиентами для зелий, если ты приставил к нему эту тень? — напомнила я. — Разве она не должна была тебя предупредить?

Рен, услышав это, недовольно поморщился.

— Тени, которые я призываю, при жизни были воинами. Воинами, а не жрецами, сведущими в зельеварении. После смерти у нас не появляются новые знания. Поэтому тень могла спокойно наблюдать за тем, как Форт менял порошки, не считая это подозрительным. Он ведь ни на кого не нападал, не держал в руках оружие. Даже не пытался отравить пищу. Это была хитрая подмена. Я даже не знал, что он так хорошо разбирается в зельях.

— А что, если это не он? — предположила я. — Что если Форт сказал нам правду? И есть кто-то еще, кого мы пока не вычислили?

— Тогда я не представляю, как он связывается с Советом. Разве что где-то есть еще одно зеркало. Вся почта в тот день и на следующий была вскрыта. Ничего подозрительного не обнаружено.

— Может быть, он с ним не связывается?

— Одиночка? — с интересом уточнил Рен, посмотрев на меня.

Я пожала плечами.

— А если у него уже были указания на все случаи? Или по крайней мере, на такой случай?

Он задумчиво кивнул.

— Вполне возможно. Так или иначе, мне следует заявить о том, что я пересмотрел свои взгляды. Скажу, что во взрыве зелья я углядел гнев Богов. Надеюсь, это охладит их пыл.

Он криво усмехнулся и сделал еще один глоток мерзкого напитка, а я удивленно посмотрела на него.

— Но это не так? — на всякий случай уточнила я.

— Конечно, нет, — фыркнул он. — Но какая разница? Я все равно

никогда не собирался действительно выходить с этим к людям. Буду служить Некросу и дальше, как делал всегда. Как делал это последние пять лет. Вера мне для этого не нужна.

— Но это ведь... ложь?

Я смотрела на него со смесью недоумения и любопытства, а он ответил мне еще одной усмешкой.

— Ты никогда не замечала, что слова «жрец» и «лжец» очень похожи? Нея, мы все лжем. Или большинство из нас. Даже те, кто искренне верят в Богов, лгут, говоря, что они с ними общаются. Это наша работа: помогать людям верить в то, что за ними... над всеми нами стоят всемогущие Боги, способные нас защитить или покарать.

— Я не понимаю, зачем тебе это нужно, — призналась я. — Только для того, чтобы не терять власть над Северными землями?

— В том числе, — не стал отпираться он. — Если я действительно заявлю, что более не верю в Некроса, я не смогу быть его жрецом. Я знаю, что в ваших землях жрецам платят напрямую за те или иные обряды. У нас иначе. Население платит налог, который распределяется между жрецами, а мы совершаем обряды по запросу уже бесплатно. Таким образом все платят понемногу, а получают нашу помощь тогда, когда она нужна. Сейчас я единственный, кто может проводить некоторые обряды. Если я перестану это делать, начнутся серьезные проблемы. А если я продолжу это делать не от имени Некроса, то я перестану получать собираемые в виде налогов деньги. И как тогда я буду содержать Фолкнор и школу? Не думаю, что мои новые убеждения того стоят. Даже если при этом я кажусь тебе лицемером.

Он выжидающе посмотрел на меня, и я с удивлением поняла, что его действительно волнует, как я к этому отношусь. Впрочем, я не знала, что ему на это сказать. С одной стороны, то, что он говорил, звучало разумно. На нем лежала определенная ответственность, и он не мог себе позволить говорить то, что вздумается, приходилось заранее просчитывать последствия.

С другой — я не представляла, как можно прославлять Бога, читать проповеди, распространять учение, не веря в то, что говоришь.

— А если бы не было этого... фактора денег и влияния, — осторожно спросила я. — Ты бы пытался развенчать веру в Некроса и других Богов?

Рен задумался, на несколько секунд снова прячась за стаканом с напитком, а потом медленно покачал головой.

— Почему?

— Потому что моя собственная жизнь была проще и имела больше смысла, пока я верил, — признался он тихо. — Я не уверен, что хочу

отбирать это у других. Я ведь могу быть и неправ.

В последней его фразе мне послышалась затаенная надежда. Словно он не столько потерял веру, сколько злится на Некроса за то, что тот не уберег его жену и ребенка. И почему-то я была этому рада. Я надеялась, что однажды он сможет примириться со своим Богом и ему больше не придется кривить душой. Мне казалось, что без этого он не сможет быть по-настоящему счастлив.

А мне очень хотелось, чтобы он был счастлив. С каждым днем я чувствовала, что связь, возникшая между нами в тот момент, когда я спасла его, становилась все крепче, а мои чувства к нему — все глубже. Я радовалась каждой его улыбке, как маленькой победой, и мне хотелось, чтобы таких улыбок становилось больше.

Лишь одно тревожило меня: в моей жизни все снова стало слишком хорошо. А в последнее время это означало, что впереди меня ждут дурные вести и пугающие откровения. Каждый день я подсознательно ждала, когда же все опять пойдет не так. И дождалась.

Глава 26

Сказка закончилась, как только Рен достаточно окреп, чтобы вернуться к своим обязанностям верховного жреца в полном объеме. Теперь мы виделись в основном за завтраком, после чего он покидал замок на весь день. Иногда он не успевал вернуться даже к ужину, и тогда компанию мне составлял только Ронан. Госпожа Фолкнор в отсутствие старшего сына не горела желанием изображать из себя примерную будущую свекровь. В такие дни мой жених заходил ко мне лишь перед сном, чтобы поцеловать и пожелать доброй ночи.

А потом он не вернулся и к ночи, и с тех пор отсутствовал в Фолкноре уже целых три дня. Я грустила и волновалась, но старалась не обижаться и не злиться на него. У него хватало дел, он предупреждал меня об этом с самого начала. Но иногда я задумывалась о том, будет ли такой вся наша жизнь? Мы будем прощаться утром, а потом в лучшем случае встречаться вечером, чтобы лечь спать? Конечно, мне тоже было чем занять себя в течение дня, но все равно хотелось видеться с ним чаще. Я надеялась, что это все же временное явление.

В эти дни мы стали больше времени проводить с Ронаном. Он стал помогать мне не только со своим предметом, который я уже нагнала, но и с другими. В этом не было никакой необходимости, но я не отказывалась, потому что мне нравилось общаться с ним. Теперь, когда Форта в замке не стало, а Рен снова оказался слишком занят, чтобы уделять мне внимание, мой круг общения сузился до Ирис и Ронана. Так что я рассматривала наши встречи просто как дополнительное общение. По какой причине он уделял мне так много своего времени, я не знала.

Причина открылась мне на четвертый день отсутствия Рена. После обеда я как обычно пришла в кабинет Ронана, чтобы разобрать утренние лекции, как до этого мы делали с женихом, но сегодня у меня не получалось поддерживать беседу. Даже сосредоточиться на объяснениях я никак не могла.

— Нея?

Я среагировала лишь на свое имя и подняла на него расфокусированный взгляд. Последние дни мы занимались за чайным столиком, а не за его письменным столом. Видимо, мягкий диван, более комфортный, чем жесткий стул, меня расслаблял, и я уплывала мыслями куда-то далеко.

— Простите, я задумалась, — смущенно призналась я, опуская глаза в книгу и пытаюсь вспомнить, о чем он мог сейчас говорить.

— Интересно, о чем? — со своей обычной доброжелательной улыбкой поинтересовался Ронан. — О Торрене?

Только когда я сама стала называть жениха Реном, я обратила внимание на то, что брат всегда называет его полным именем. В то время как сам Рен чаще всего называл его Роном. Иногда мне хотелось спросить, почему так, но каждый раз я или не решалась, или отвлекалась на что-то другое.

— Я волнуюсь, — призналась я, решив, что отпираться бессмысленно. — Его нет уже четвертый день. Вдруг что-то случилось?

— Мы бы об этом уже узнали, — заверил меня Ронан. — Он бы прислал с вестью одного из своих стражей или... в худшем случае явился бы сам. Так что я уверен, он просто занят.

Я кивнула, признавая его правоту, но тревожное чувство в груди никуда не делось. Я услышала, как Ронан демонстративно вздохнул, и подняла на него вопросительный взгляд.

— Удивительно, как быстро ему удалось тебя очаровать, — объяснил Ронан свой вздох. При этом он смотрел на меня... с сочувствием? — Еще недавно ты боялась его, даже планировала побег, а теперь не можешь без него и несколько дней прожить.

Я отвела взгляд, чувствуя, как начинают гореть щеки. В его голосе мне послышалось осуждение, но он торопливо заверил:

— Нет, я рад. Пойми меня правильно. Для тебя так лучше, учитывая, что выбора у тебя нет. Просто меня это уже второй раз поражает. Одно время мне казалось, что Торрен потерял и интерес к женщинам, и навыки общения с ними. А он, оказывается, все такой же сердцеед, каким был в юности. Лилия поддалась его чарам так же быстро.

Сравнение с Лилией мне не понравилось. Пусть Рен никогда не говорил мне о любви, мне все равно нравилось думать, что я для него значу больше, чем значила Лилия. Я была морально готова проигрывать Линн, но мне казалось, что он все же искренне ко мне привязан.

Впрочем, я могла выдавать желаемое за действительное. Что если все это: наше новое обручение, проведенная вместе неделя, его нежность — было лишь очередной манипуляцией? Просто более тонкой.

Рука Ронана неожиданно коснулась моей, он сжал мою ладонь, заставив напряженно замереть.

— Прости, если расстроил, — мягко попросил он. — Но я еще помню, в какой истерике была Лилия, когда поняла, что Торрен ее не любит. Я бы

не хотел, чтобы ты однажды испытала подобное, осознав его истинное отношение к себе.

— Я и не думала, что он меня любит, — возразила я.

Но стоило мне это произнести, как я поняла, что это ложь. Да, я старательно убеждала себя, что между нами возникла просто взаимная симпатия, странная близость на почве того, что я спасла ему жизнь, а он подарил мне чувство защищенности. Но именно сейчас, когда мы не виделись уже несколько дней, я поняла, что умудрилась действительно влюбиться в своего жениха. И в глубине души все это время я надеялась, что он влюбился... и вот-вот влюбится в меня.

Я осторожно высвободила руку, избегая смотреть Ронану в глаза. Встала с дивана и отошла к окну, одновременно стремясь увеличить расстояние между нами и не дать ему видеть мое лицо. Первое не получилось: Ронан встал вслед за мной и снова приблизился ко мне, остановившись у меня за спиной.

— Для тебя же будет лучше, если это действительно так, — тихо сказал он. Его дыхание щекотало кожу на моей шее. — Потому что Торрен никогда никого не любил и едва ли полюбит. Даже Линн была скорее его прихотью. Разве жизнью любимой женщины рискуют так бездумно? А Лилия и ты для него — лишь способ выжить. Впрочем, то, что он старается хотя бы притвориться влюбленным, делает ему честь. Наверное.

От этих слов у меня мурашки пробежали по коже, а в горле встал ком. Глаза неприятно защипало, и мне пришлось на несколько секунд плотно сжать веки, чтобы удержать неизвестно откуда взявшиеся слезы.

— Зачем вы мне это говорите? — почти шепотом спросила я, не доверяя собственному голосу.

— Чтобы ты не забывалась, взлетая на крыльях своей влюбленности в него, — объяснил он тоже едва слышно, и его руки неожиданно легли мне на плечи. — Потом слишком больно падать.

Я затаила дыхание. Ладони Ронана скользнули сначала вниз по моим рукам, потом снова поднялись вверх. И это пробудило воспоминания о сне, который я видела несколько раз.

Крыша, ветер, мужчина с темными волосами и синими глазами, его крепкие объятия. Я всегда думала, что мне снится Рен, что этот сон — причудливая фантазия о том, как могла пройти наша встреча на крыше. Но теперь я вспомнила, что в этом сне было кое-что еще: ощущение падения, горькое осознание конца.

Потом слишком больно падать...

Мне вдруг стало очень холодно. Ронан стоял уже почти вплотную,

крепко сжимая мои плечи, а я не могла пошевелиться, чтобы отодвинуться от него.

Я еще помню, в какой истерике была Лилия, когда поняла, что Торрен ее не любит...

А откуда он это знает? Тоже был случайным свидетелем их ссоры или?..

— Лилию вы тоже предупреждали? — мой голос все же задрожал, когда я спросила его об этом.

— Кто-то должен был, — спокойно признался он. — Торрен обманывал ее. Врал о том, почему женился на ней. Врал о своих чувствах к ней. И точно так же забыл о ней, как о тебе, когда посчитал, что задача выполнена. А ведь она рисковала своей жизнью, собираясь родить ему ребенка. Как ты думаешь, она имела право об этом знать?

— Это вы ей все рассказали, — поняла я. — И потом, после их ссоры, вы были с ней на крыше. В ту самую ночь.

Его руки замерли, дыхание участилось, он слегка отстранился, но при этом продолжал крепко меня держать.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне показала.

То, что я считала сном, было воспоминанием, которое Лилия мне каким-то образом передала. Вероятно, тем же самым, каким она показала мне взрыв в лаборатории Рена.

Ронан резко крутанул меня, поворачивая к себе, его пальцы вновь крепко сжали мои плечи, я даже дернуться не успела.

— Это не то, что ты думаешь, Нея, — заверил он, глядя мне в глаза. Почему-то сейчас выражение его лица пугало меня, хотя оно оставалось доброжелательным. Однако что-то изменилось в его взгляде. Он стал слегка... безумным. — Я пришел туда, чтобы утешить ее. Она нуждалась во мне. Она уже давно нуждалась во мне. Потому что с Торреном ей было холодно и одиноко. Он красиво ухаживал за ней, но стоило им пожениться, как она перестала для него существовать. Он приходил к ней лишь ночью, чтобы трахнуть, потому что зачатие — это единственное, что ему было от нее нужно. А она по-прежнему любила его и ничего не понимала. Бедная девочка. Она пришла с вопросами ко мне, она тянулась ко мне, к моему теплу. И я был готов ей его дать.

С каждым словом его голос и взгляд становились агрессивнее. Руки сжимали мои плечи так сильно, что причиняли боль. Я пыталась отстраниться, но он продолжал нависать надо мной, и я практически не могла пошевелиться.

— Отпустите меня, — прошептала я, когда он замолчал.

— Ты еще поймешь это, — продолжил Ронан, словно не услышав. — Когда он точно так же перестанет обращать внимание на тебя. Тебе тоже захочется чего-то большего, чем регулярный секс, после которого ты будешь чувствовать себя не любимой, а всего лишь использованной. И тогда ты придешь ко мне. Как пришла она.

Одна его рука выпустила мое плечо, но лишь для того, чтобы скользнуть вокруг талии и прижать к нему сильнее. Второй рукой он обнял меня за плечи, его губы потянулись к моим, и я смогла лишь отвернуться, потому что вырваться из его цепких объятий не представлялось для меня возможным. Я уперлась руками в его грудь и снова жалобно попросила:

— Ронан, отпустите, пожалуйста.

— Я вам не сильно помешал?

От громкого, недовольного голоса Рена мы оба вздрогнули. Ронан моментально выпустил меня и повернулся к входной двери. Его брат стоял на пороге, скрестив руки на груди и сверля нас обоих холодным взглядом синих глаз.

Ронан торопливо отошел от меня, рассеянно оправляя одежду. Я лишь глотала ртом воздух, не зная, обрадоваться мне тому, что Рен появился и избавил от неожиданных домогательств брата, или испугаться того, в каком виде он нас застал. Я считала, что мне не в чем себя винить и все выглядело достаточно однозначно, но в то же время я помнила, как однажды уже была уверена в подобном. В прошлый раз дело кончилось тем, что меня обвинили в лживости, свойственной всем жрецам.

По лицу Рена я ничего не могла понять. Он выглядел суровым и недовольным, но смотрел в основном на Ронана, по мне лишь скользнул хмурым взглядом.

— Торрен, ты вернулся, — констатировал Ронан очевидный факт, мягко улыбаясь, как будто ничего не произошло.

— И весьма вовремя, как я посмотрю, — с едкой усмешкой заметил Рен, делая медленный шаг вперед. — Теперь я знаю, что рассказы Далии про тебя и Лилию не были досужими домыслами и оговором ревнивой девчонки. Ты действительно пытался ее соблазнить.

Ронан на мгновение опустил взгляд, по его губам скользнула мрачная улыбка. Когда он снова посмотрел на брата, в его глазах опять было это странное, слегка сумасшедшее выражение. Он тоже сделал шаг, но не к Рену, а немного в сторону и одновременно оказался чуть ближе к выходу.

— В этом не виноваты ни она, ни я. Только ты. Ты слишком пренебрежительно относишься к женщинам, брат.

Рядом с Реном выросла безмолвная и бесформенная тень. Мне показалось, что это заставило Ронана занервничать. Я и сама инстинктивно отступила назад, пока меня не остановил подоконник. Я боялась привлечь к себе внимание, потому что сейчас Торрен Фолкнор был таким, каким я встретила его в первый раз: опасным, угрожающим и неизбежным, как сама смерть.

— Ты совсем забыл про нее, — добавил Ронан уже не так уверенно.

Он сделал еще несколько шагов, как будто обходя брата по дуге и стараясь пробраться к выходу из кабинета.

— Неправда, — холодно отрезал Рен. — Я выполнял свои обязанности, она это понимала. Она прекрасно знала, что значит быть мной. И принимала это. До определенного момента. Это ты начал нашептывать ей, что я к ней охладел?

— Она и сама это видела, — огрызнулся Ронан, но тут же резко втянул носом воздух, отпрянув назад: рядом с Реном вытянулась еще одна тень. — Только не знала, что ты не мог к ней охладеть, поскольку никогда не любил.

— Но ты просветил ее на этот счет, — хмыкнул Рен, призывая и третью тень.

У Ронана сдали нервы. Он уже не скрываясь метнулся к двери, но одна из теней, подчиняясь воле Рена, оказалась проворнее: она скользнула к двери быстрее и захлопнула ее. После этого все три окружили Ронана.

— Убери их, — сквозь плотно сжатые зубы процедил он, замирая на месте и испуганно оглядываясь по сторонам, стараясь не задеть случайно ни одну из теней.

Рен проигнорировал его замечание. Он прошел и встал так, что оказался спиной ко мне и лицом к брату. Теперь я не могла так легко читать его эмоции, но поза его оставалась напряженной и угрожающей.

— Ты убил ее? — обманчиво спокойно спросил он.

— Убери их, Рен!

— Ты убил Лилию?

— Нет!

Он крикнул это с таким отчаянием и такой горечью, что лично я ему сразу поверила. Впрочем, я и Форту поверила. Судя по тому, что три тени продолжали окружать Ронана и даже как будто немного приблизились к нему, Рена его заявление не убедило. Он тоже сделал шаг к брату, словно пытался давить той тяжелой аурой, которая вновь чувствовалась вокруг него.

— Я хотел спасти ее! — почти прорычал Ронан.

Я видела, что от страха у него мелко дрожат руки.

— Спасти? — удивленно переспросил Рен.

— От тебя! От той участи, на которую ты обрекаешь женщин. От того, что в свое время случилось с Линн.

Рен замер на месте, тени немного отступили от Ронана. Они все еще были готовы в любой момент кинуться на него, но теперь давали ему немного пространства и возможность успокоиться.

— Интересно, это каким же образом? — тон Рена снова стал холодным, ничего не выражающим.

— Очень простым, — усмехнулся Ронан. — Дать ей возможность забеременеть от меня. Она бы родила ребенка, но не твоего, а моего. И тогда бы точно не умерла.

— Ты что, думал, я этого не пойму, когда она родит? Ты думаешь, можно не заметить, что сила не поделена с ребенком? — теперь в его голосе прорвалась злость. — Тогда ты вообще не понимаешь, что такое быть верховным!

— Да пусть бы ты и понял! Но время было бы упущено. Потом я убедил бы ее сбежать со мной, а ты не смог бы ни расторгнуть с ней брак, ни заключить новый. А ведь Некросу нужен освященный брак, не так ли? Ребенок должен родиться от женщины, с которой ты связан, а ты не смог бы связать себя с другой. И сдох бы. В таких же невыносимых муках, в каких умерла Линн. И это было бы справедливо.

В его последних фразах было столько затаенного предвкушения, что меня почти замутило. Снова я была вынуждена столкнуться лицом к лицу с неприглядной истиной: милые, улыбчивые люди не всегда оказываются такими, какими кажутся. Я даже предположить не могла в Ронане столько ненависти к старшему брату. Он всегда говорил о нем так хорошо! Он же сам оправдывал его в моих глазах... Просто чтобы никто не догадался о его истинных чувствах к нему?

— Так это все из-за Линн?

Ронан посмотрел на него исподлобья. От такого взгляда меня пробрал холод. Наверное, если бы не три тени, стоявшие настороже, Ронан сейчас вцепился бы брату в горло зубами. Когда он заговорил, голос его звучал тихо, но в нем чувствовалась ярость, от которой он едва не задышался:

— Она должна была стать моей, Торрен. Должна была выйти замуж за меня и родить моих детей. Они бегали бы сейчас по этому дому, и она была бы жива.

— У тебя было столько же шансов завоевать ее, сколько и у меня, — возразил Рен. Его голос оставался бесцветным. — Она сама сделала выбор. Все было честно. Она предпочла рискнуть со мной, чем жить с тобой...

— Она не должна была этого решать! — заорал Ронан так, что я снова вздрогнула.

Мне показалось, что тени расценили это как нападение и едва не набросились на него, но Рен вовремя вскинул руку, удерживая их на месте. Из груди Ронана вырвалось рыдание, но он постарался подавить свои эмоции.

— Это ты — мужчина! Ты должен был принять это решение и отойти в сторону. У нее не было магии! Ни капли. И шансов тоже не было — ни одного! Она не понимала этого, но ты должен был понимать! И ты не имел права этого допустить. Если бы ты действительно любил ее, ты бы никогда не стал ею так рисковать! Но ты ее не любил, потому что любишь только себя! Сколько еще девчонок ты хочешь загубить, прежде чем поймешь: ты единственный, кто действительно должен умереть! И унести с собой в могилу эту отраву, эту проклятую силу. Не пропадут Северные земли без тебя, распрекрасного! Некрос защитит нас, если на то будет его воля. Ты просто хочешь жить. Боишься умирать и оправдываешь свою трусость великим предназначением. А теперь еще и веру в Богов решил поколебать? Чтобы уж точно быть самым важным и самым главным, без кого никто не справится? Ты мне отвратителен!

Рен медленно опустил руку, и вместе с этим движением тени растворились в воздухе.

— Это ты подменил ингредиенты, — он не спрашивал брата, а утверждал. — Ты хотел моей смерти? Ты же мой брат...

Я не видела его лица, но в его голосе в тот момент мне почудилась растерянность, смешанная с разочарованием. Нечто подобное испытывала и я, когда поняла, что отец отдал меня новому жениху не ради спасения Дома, а из-за собственных амбиций.

— Ты сам ходячая Смерть, — обессиленно выдохнул Ронан. То ли его злость улетучилась, то ли для нее не осталось сил. — Ты губишь все вокруг себя. Я не мог позволить тебе погубить еще и нашу семью. Без верховного жреца Северные земли как-нибудь обойдутся. А что они будут делать совсем без жрецов?

— Я не собирался этого делать, — голос Рена тоже прозвучал устало. — Это была приманка для выявления шпиона.

Он шевельнул рукой, распахивая дверь кабинета, и кивнул на нее.

— Убирайся. Я не хочу тебя больше видеть. Ты должен покинуть Фолкнор до заката.

— Ты не можешь меня выгнать, — Ронан ошарашено покачал головой. — Я часть твоего Дома.

— Я дважды повторять не буду, — чуть ли не прорычал Рен. — Или ты уйдешь сам, или я пришлю за тобой стражей — и мы закончим с этим навсегда.

Ронан бросил на меня быстрый взгляд, потом снова посмотрел на брата и неуверенно кивнул. Он медленно, как во сне, повернулся и пошел к двери, но на пороге снова остановился и полуобернулся к нам.

— Я ее не убивал, Торрен. Она была прекрасным человеком, я бы никогда не причинил ей вреда. Лилия прогнала меня. Дала пощечину и прогнала. Не знаю почему, но они все действительно тебя любят. Когда я уходил, она была жива. Клянусь тебе памятью Линн: Лилия была жива, когда я уходил. Или она сделала это сама, или ее убил кто-то другой. Надеюсь, это все-таки был не ты сам.

Сказав это, он вышел из кабинета, захлопнув за собой дверь.

Нас окутала тишина. Я по-прежнему боялась слишком громко вдохнуть, а Рен так и стоял ко мне спиной, такой же напряженный, как и во время разговора с братом. Мне хотелось его окликнуть, но я боялась того, что он скажет в ответ. Возможно, он и сам этого боялся, а потому медлил. Мы оба замерли в этом мгновении, не зная точно, куда пойдем дальше.

Наконец Рен обернулся, скользнул по мне еще одним хмурым взглядом и тут же отвел его в сторону. Он медленно стянул с себя мантию. Ее нижний край был испачкан в грязи, на рукавах виднелась пыль, значит, он пришел сюда, едва вернувшись в замок. Рен прошел к дивану и бросил мантию на его спинку, так же неторопливо развязал галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки, как будто пытаюсь облегчить себе дыхание.

Я молча наблюдала за тем, как он расстегнул сюртук и опустился на диван, потер лицо ладонями, сцепил руки в замок и уперся в них подбородком. Ничего не видящим взглядом он смотрел на ковер, лежавший на полу, а потом и вовсе закрыл глаза.

Еще несколько секунд я, не шевелясь, стояла у окна, после чего все же осторожно подошла к дивану, села рядом и коснулась плеча Рена. Он открыл глаза и повернул голову ко мне, но взгляд поймал лишь на мгновение.

— Не на такое возвращение домой я рассчитывал, — не скрывая горечи в тоне, тихо сказал он.

— Мне очень жаль.

Я не знала, что еще сказать. Мое сердце все еще быстро стучало в груди, затрудняя дыхание.

— Да, мне тоже, — признал он и, немного помолчав, добавил: — Тебе лучше уйти. А еще лучше — уехать.

Наверное, если бы он сейчас меня ударил, было бы не так больно. Хотя... Откуда мне знать? Меня никто за всю жизнь ни разу не бил.

— Меня ты тоже не хочешь видеть? Я ведь не виновата, Рен! Я не давала ему повода так себя вести. Я просила отпустить меня и...

Он остановил меня, внезапно коснувшись руки, сжав ладонь и едва заметно улыбнувшись.

— Я знаю, Нея, я все слышал. Дело не в этом. Дело в том, что он прав. Как бы больно и противно ни было это признавать. Рон прав. В том, что Линн погибла, только моя вина. Я не имел права рисковать ее жизнью. Как не имею права рисковать твоей. Поэтому тебе лучше уехать из Фолкнора. Уехать подальше от меня.

— Куда?! — я не могла сдержать эмоций, как не могла остановить наворачивающиеся на глаза слезы. — Мы уже выяснили, что мне некуда идти. Или ты хочешь, чтобы я вернулась домой? Как же моя учеба? Мы уже обо всем договорились, Рен.

Я пыталась поймать его взгляд, но он упрямо отводил его.

— Нет, ты не вернешься домой. Но и здесь уже никакой учебы не будет. Школой в основном занимался Рон. У меня нет на это времени, а теперь еще нет и двух преподавателей.

— Твоя мать могла бы это продолжить.

— Если завтра не выяснится, что это она столкнула Лилию с крыши, — фыркнул он, поднимаясь с места и отходя к окну, чтобы уж точно не смотреть на меня. — Оказывается, я совсем не знаю даже свою семью. Я обещал защитить тебя, но не могу. Я не понимаю, от кого исходит опасность. И меня почти все время нет. Я постоянно нужен в десяти разных местах и ничего не успеваю. На тебя совсем не остается времени. Это... нечестно.

— Это не повод меня выгонять, — возразила я, сверля взглядом его спину и мысленно умоляя обернуться. — Вот это будет нечестно.

— Нет, не повод, но вполне понятная причина. Уговор был таким: ты остаешься со мной и принимаешь на себя риски, а я обеспечиваю тебе защиту, забочусь о тебе и помогаю с образованием. Я не могу выполнить свою часть сделки, значит, она должна быть расторгнута.

— Да в сумрак эту сделку! — я вскочила с дивана и подошла к нему, пытаюсь все-таки заглянуть в лицо. — Я просто хочу остаться с тобой!

Он наконец повернулся ко мне и посмотрел в глаза, и я поняла, почему он избегал это делать. Со стороны он выглядел просто уставшим, но спокойным, а глаза выдавали истинные чувства. Выдавали тот ураган, который сейчас бушевал внутри него. Здесь были и гнев, и боль, и страх, и

сожаление, и снова гнев.

— А я просто хочу, чтобы у тебя все было хорошо! Я найду того, кто возьмет тебя в ученицы. Все оплачу. Ты уедешь на запад или восток, как собиралась. Обучишься магии, как и хотела. Встретишь нормального мужчину, с которым не придется рисковать. И который сможет дать тебе столько внимания, сколько ты заслуживаешь, нормальный дом и нормальную семью, о которых ты мечтала.

— Но я не хочу другого мужчину, — призналась я. Мне не понравилось, что мой голос прозвучал так плаксиво, но сейчас мне было не до сохранения лица. — Я хочу тебя. Хочу быть с тобой. Мне никогда не будет хорошо вдали от тебя. Мне не будет хорошо, если ты умрешь. Мне не будет хорошо, если ты свяжешь свою жизнь с другой. Я люблю тебя, Рен! Неужели ты этого не понимаешь?

Ну вот, я это сказала. Может быть, и не стоило. Слишком унижительно признаваться в любви, зная, что не услышишь ответного признания, но ужас при мысли, что он заставит меня уехать, был слишком велик.

Его лицо на мгновение исказилось, как будто что-то причинило ему резкую боль, но он быстро вернул себе контроль и даже смог изобразить некое подобие улыбки. Взял в ладони мое лицо, поцеловал в лоб, потом рядом с уголком глаза, спустился к щеке и наконец добрался до губ.

Я с готовностью ответила на его поцелуй, чувствуя эмоциональный подъем. Неужели мои слова все же подействовали на него, убедили?

Но Рен вскоре прервал поцелуй, прижал меня к груди, провел рукой по волосам, которые я теперь не закалывала — слишком коротко их пришлось подстричь, чтобы выровнять.

— Тебе будет больно какое-то время, но это пройдет. Будешь задыхаться поначалу, но потом смиришься. Однажды ты полюбишь снова, — заверил он тихо.

— Разве можно полюбить дважды? — попыталась возразить я.

Его рука замерла на моем затылке, я скорее почувствовала глубокий вдох, чем услышала его.

— Когда-то я тоже думал, что нельзя. Потом оказалось, что можно. Ты еще очень молода, Нея. И пока ты жива, у тебя все впереди. А я действительно гублю все, к чему прикасаюсь. Поэтому тебе нужно уехать подальше от меня. Пока я еще могу тебя отпустить.

Сердце забило еще быстрее, я немного отстранилась, чтобы снова посмотреть ему в глаза. Его слова вселили в меня надежду на то, что мои чувства к нему не так уж безответны. Вот только выражение его глаз надежды не оставляло: по ним было видно, что он для себя все решил. Он

даже улыбался с облегчением человека, освободившегося от какой-то тяжелой ноши.

Рен провел рукой по моей щеке, уже не пытаясь отвернуться. Наоборот, смотрел на меня так, словно хотел запомнить мое лицо в мельчайших деталях.

— У тебя все будет хорошо, Нея, поверь мне. Я позабочусь о тебе. Пока есть время.

— А кто позаботится о тебе? — на смену отчаянию во мне поднялось возмущение. — Мы ведь должны были позаботиться друг о друге, помнишь? Такой был план. Что изменилось? Я все еще дочь жреца, моя мать, по твоей теории, все еще была верховной, а то есть, я тоже верховная.

— Только верховные жрицы Некроса гарантированно могут пережить это, — спокойно объяснил он, выпуская меня из объятий. — Для остальных это разное соотношение шансов. И для тебя тоже.

— Но я готова рискнуть...

— Я больше не готов, — отрезал Рен. — Погубить жизнь любимой женщины было достаточно страшно один раз. Я не хочу рисковать и делать это во второй.

Не давая мне ответить, он повернулся и стремительно вышел из кабинета, забыв на спинке дивана мантию.

Такого двойственного чувства у меня еще никогда не было. Мне казалось, что сердце сейчас разорвет от радости, смешанной с горечью. Он признал, что любит меня. Фактически сравнил с Линн. Но оказавшись взаимной, любовь теперь нас разлучала. Было в этом что-то извращенное, неправильное, несправедливое.

Но и что-то закономерное тоже. Я была готова рискнуть жизнью, чтобы спасти его. Он отказывался от спасения, чтобы обезопасить мою. Что-то подсказывало мне, что поменяйся мы местами, каждый принял бы такое же решение, какое принимал сейчас другой.

Глава 27

Рен организовал все очень быстро, за каких-то два дня. Лучше бы он с тем же рвением занимался школой! Но он предпочел связаться с Домом одного из западных верховных жрецов. У того было двое братьев и сестра, все они брали учеников. Как я поняла из записки, которую мне принес Долорсдон, как раз к сестре я и должна была поступить в учение.

Самого Рена я за два дня ни разу не видела. Завтрак, обед и ужин мне теперь накрывали в моей комнате. Здесь я и проводила большую часть времени, потому что занятия в школе приостановили, когда Ронан покинул замок вслед за Фортом.

В эти два дня я выбиралась из комнаты лишь на небольшие прогулки в рощу, да и то только потому, что надеялась где-нибудь столкнуться с Реном. Мне казалось, что если мы встретимся еще хотя бы раз, если поговорим спокойнее, без эмоций, то он передумает. Видимо, он считал так же, поэтому всячески избегал меня.

В записке он предлагал написать Розе, попросить ее снова стать моей спутницей и телохранителем. Обещал оплатить эти услуги. Должно быть, это тоже было проявлением его заботы: он понимал, как плохо мне будет на новом месте, вдали от него, и как нужен мне будет хотя бы один друг. Я не возражала и сама написала Розе письмо, попросила передать его с магической почтой. Конечно, это означало, что в канцелярии отца его могут прочесть, но мне было все равно. Пусть знают, что в Северных землях им ловить больше нечего. Все равно они узнают об этом достаточно скоро.

На третий день я собрала вещи. Часть пришлось оставить: с обновками, приобретенными здесь, в мои чемоданы влезли не все прежние наряды. Но на дне моего саквояжа осталась лежать шкатулка с револьвером, подаренным Розой. К счастью, после попытки побега никому не пришло в голову рыться в моих вещах, чемодан и саквояж мне вернули нетронутыми.

Лакеи перетаскали мои чемоданы к автомобилю, а я спустилась в холл. Мой путь не лежал через кабинет теперь уже бывшего жениха, но я все равно дошла до него в последней отчаянной попытке увидеться с Реном. Кабинет оказался заперт, на мой стук никто не ответил.

В холле я тоже замедлила ход, обернувшись на лестницу, по которой только что спустилась. Сердце тяжело билось в груди, а я надеялась, что в любую секунду раздастся звук шагов и появится Рен.

«Ну же, — мысленно обращалась я к нему, — не дай мне уйти, останови меня, пожалуйста...»

На лестнице так никто и не появился. Звук шагов раздался от входной двери, но не мужских, а женских. Госпожа Фолкнор вернулась с ранней прогулки. Окинула меня мрачным взглядом, поджала губы и попыталась молча пройти мимо, но я обратилась к ней, удивив не только ее, но и себя:

— Вы тоже не попросаетесь со мной? Вы должны быть рады, что я уезжаю.

— Рада? — переспросила она, останавливаясь и поворачиваясь ко мне. — Один мой сын изгнан из собственного дома, другой намерен дать Силе убить себя. Последний Дом верховного жреца севера на краю гибели. Боюсь, вашего отъезда недостаточно, чтобы в данной ситуации я почувствовала радость.

— Мне жаль, — искренне сказала я. — Знаю, вы не доверяете мне, но я хотела бы спасти ваш Дом. И вашего сына тоже. Если бы он мне позволил.

Она едва слышно вздохнула и печально улыбнулась, после чего внезапно приблизилась ко мне.

— Торрену досталось тяжкое бремя. Быть последним всегда непросто. Это огромная ответственность, которой он никогда не хотел. Он понимает свой долг перед Северными землями, но так уж получилось, что он всегда был больше мужчиной, чем жрецом. Уже второй раз он ставит женщину выше Северных земель. Только в первый раз он женился вопреки доводам рассудка, а в этот — не делает этого, хотя ему стоило бы. Ничего. Эта рана на его сердце тоже затянется, и я смогу убедить его все-таки жениться. Время еще есть. Только в этот раз я сама выберу жену, такую...

— В которую он точно не влюбится? — с улыбкой уточнила я. — А потом отравите ее, чтобы не мешалась?

Она недобро сощурилась, и я в очередной раз отметила про себя, как оба сына похожи на нее. Она поджала губы сильнее, хотя я не думала, что это возможно.

— Станешь матерью, сама поймешь, что за своего ребенка можно и убить, — в конце концов процедила она.

— Главное: не убейте этим и его, если он снова влюбится, — предостерегла я. — Одиночество губит ничуть не хуже, чем Сила Некроса.

Госпожа Фолкнор отвернулась, покивала каким-то своим мыслям.

— Жаль, что ты из южных жрецов, — резюмировала она. — Могла бы стать для него прекрасной парой. Он даже мог бы быть счастлив с тобой.

Я удивленно приподняла брови.

— И вы бы это допустили?

Она снова резко повернулась ко мне, смерив презрительным взглядом.

— Какой бы ты меня ни считала, я люблю своего сына и желаю ему счастья.

— Тогда позаботьтесь о нем, — попросила я, чувствуя, как перехватывает горло. — Найдите ту, с которой он сможет однажды быть счастливым.

Госпожа Фолкнор в ответ на это промолчала, лишь снова едва заметно кивнула и направилась к лестнице. Я проводила ее взглядом, все еще надеясь, что Рен появится, но, когда звук ее шагов стих, заставила себя покинуть холл.

Автомобиль и Карл ждали меня у подножия лестницы. Больше во дворе никого не было. Прежде чем юркнуть в салон, я обернулась на замок, скользнула взглядом по окнам. В одном из них мне почудился мужской силуэт. Я попыталась присмотреться, но так и не смогла разобрать: хоть солнце и пряталось сегодня за тучами, свет все равно неудачно отражался от стекла. Возможно, силуэт мне и вовсе привиделся.

Я забралась на заднее сидение, и Карл захлопнул за мной дверцу. Через несколько секунд автомобиль медленно тронулся с места, огибая фонтан, стоявший в центре двора. Когда мы немного отъехали, я не удержалась и снова обернулась, посмотрела на то окно. На этот раз я совершенно определенно увидела шеда Фолкнора, глядящего мне вслед.

В горле снова встал ком. Автомобиль едва тащился, словно Карл специально не торопился разогнаться, давая мне шанс выпрыгнуть на ходу. Или Рену выбежать следом и остановить нас. Но ни он, ни я ничего такого не сделали. Я лишь смотрела на него, пока могла различить в окне, а потом мы нырнули в арку, выехали на дорогу — и окно пропало из вида.

Я снова повернулась вперед, чувствуя, что Карл бросает на меня взгляды через зеркало заднего вида, но избегая ловить их. Я смотрела перед собой и одновременно в себя, вспоминая, как пару месяцев назад впервые приехала в Фолкнор.

Сейчас сложно было поверить в то, что когда-то Рен казался мне старым и непривлекательным. Даже то, что он пугал меня до дрожи и нервной икоты, теперь было странно вспоминать. Я помнила, как увидела его вживую в первый раз, помнила его сокрушенное: «Милостивые боги, совсем ребенок», но все это казалось таким далеким, нереальным. Таким же далеким и нереальным, как и ребенок, которым я тогда была.

Чем больше мы отдалялись от замка, тем сильнее и болезненнее натягивалась в груди невидимая нить. Она грозила лопнуть в любой

момент, и мне казалось, что тогда мое сердце просто остановится. Перед глазами мелькали пустые поля, припорошенные снегом, и черные деревья, тянущие костлявые ветки в серое небо, но я видела огни городской ярмарки и разноцветные капельки света, которыми Рен подсвечивал комнату, когда мы сидели в засаде. Он так и не научил меня создавать их, хоть и обещал.

Постепенно тряска и мелькание деревьев, как всегда, убаюкали меня, воспоминания превратились в сны. В них я то шла с Реном под руку, то сидела с ним на постели, целуясь в лучах утреннего солнца, то грелась у камина.

— Все это очень странно, — говорил Рен в моем сне, прикладываясь к стакану с коричневым напитком. — Духи весьма редко являются к нам сами, без вызова. Тем более странно, что мои жены являются вам. Будь вы из наших жрецов, это еще можно было бы попытаться как-то объяснить...

И вслед за этим я слышала его же слова:

— Только верховные жрицы Некроса гарантированно могут пережить это. Для остальных это разное соотношение шансов. И для тебя тоже...

— Жаль, что ты из южных жрецов, — вторила ему госпожа Фолкнор. — Могла бы стать для него прекрасной парой...

Потом картинка в голове резко переменялась, я вновь оказалась в комнате с зеркалом в тот вечер, когда впервые ужинала с Реном. Передо мной стоял столик со стертой пылью. Я услышала собственный голос:

— Может быть, именно эту вещь вы и хотели мне показать?

Едва я это сказала, как снова увидела в зеркальном отражении Лилию. За ее спиной выросла тень, но не превратилась в Рена, как когда-то в моем сне. На короткое мгновение в полупрозрачной тьме снова проявились черты лица неизвестного мужчины. Того, который напоминал моего жениха возрастом и цветом глаз.

— Эту шкатулку дал мне шед Фолкнор еще в прошлом году, она принадлежала кому-то из верховных жрецов Некроса, кого уже давно нет в живых...

— Дух верховного жреца и вовсе вызвать невозможно, после смерти они неприкасаемы...

— А вы уверены, что действительно его призвали?

— Признанной теории призыва это противоречит... Некоторые теоретики и практики признают, что самовольно могут являться родственники, желающие защитить членов семьи...

Голоса сменяли один другой, передо мной проплывали лица, места, события. И все это сопровождалось ощущением, что я вот-вот услышу или увижу что-то очень важное. То, что решит все мои проблемы.

Автомобиль дернулся, я повалилась вперед и от этого проснулась. Растерянно моргая, попыталась понять, где нахожусь. Голос Карла связал меня с реальностью:

— Вокзал, Нея. Мы приехали.

Его голос звучал печально. Похоже, ему не хотелось, чтобы я уезжала.

— Ваш поезд через четверть часа, можно не торопиться. Вас там кто-нибудь встретит?

— Да, подруга должна добраться до Бранса примерно в то же время, что и я. Вы ее видели: она провожала меня сюда.

Он кивнул и открыл свою дверь.

— Не торопитесь выходить. На улице холодно. Я найду тележку, чтобы перевезти чемоданы за раз. Посидите пока в автомобиле.

С этими словами он вышел, а я осталась на своем месте, разглядывая через лобовое стекло здание вокзала. В груди разгорался огонь, на глаза снова наворачивались слезы от осознания собственного бессилия.

Как ни хотела я стать самостоятельной, независимой, решать за себя, мне не удавалось перешагнуть через собственное послушание. Я не хотела уезжать, не хотела отправляться в Бранс, учиться магии у какой-то неизвестной мне жрицы Ража. Но Рен велел уехать — и я уезжала. Оказалось, что отстаивать свои желания, мнение, позицию не так просто, как разом обкромсать волосы.

«А что я могу сделать? — пыталась мысленно оправдать себя я. — Сесть в Фолкноре на стул, вцепиться в него и заявить, что никуда не поеду?»

Даже от фантазии об этом мне стало неловко. Я закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

На мгновение я снова оказалась в комнате с зеркалом, перед столиком с потревоженной пылью. А потом на месте полустертой пыли увидела связку писем. Стопку прямоугольных конвертов, перехваченных лентой. На вид она мало чем отличалась от небольшой книги. Я бы не обратила на нее внимания тогда, но сейчас все-таки вспомнила. Ни марок, ни адреса — так не отправляют даже почту жрецов. На конверте всегда есть какая-то надпись, указывающая на то, куда и кому необходимо доставить послание.

— Такие шкатулки — абсолютные близнецы с символом перемещения на дне — используются для быстрого обмена почтой. У моих родителей были такие...

Я снова вспомнила отца, сидящего на диванчике с этой шкатулкой, читающего письмо... одно из нескольких. Как наяву увидела злое выражение, искажающее его лицо, и услышала голос Рена:

— Твой отец мне тебя предложил. Еще в прошлом году. Написал, что знает о моей проблеме, о проклятии жрецов Некроса. Не представляю, как он выяснил, мы веками старательно скрывали это...

— Это похоже на описание шеда Малроя. Хозяина шкатулки. Он был другом моего отца, но я его плохо знал, потому что он умер, когда мне было лет двенадцать...

— Просто вы сказали, что вдвое меня моложе. А мне не так давно исполнилось тридцать...

Я медленно отняла руки от лица, боясь вдохнуть. Шед Малрой умер восемнадцать лет назад. Вероятно, после этого связь между шкатулками была деактивирована. Но с чего я взяла, что вторая шкатулка принадлежала моему отцу? Зачем ему читать письма из нее год назад, если шед Малрой давно умер? Зато, возможно, именно после чтения этих писем он предложил меня в жены Фолкнору, не заботясь ни о моей жизни, ни о моих чувствах. И он знал, от чего умирают жрецы Некроса. Не из писем ли он это узнал? И не были ли эти письма адресованы моей матери?

Шкатулка Малроя уже год хранилась у Форты, но на следующий день после моего приезда он принес связку писем из нее к зеркалу, по которому связывался с Советом. Почему? Не потому ли, что эти письма касались меня? Куда они делись потом? Он мог забрать их с собой, мог уничтожить... И как же мне теперь узнать наверняка? Где найти ответы на свои вопросы и доказательства, которые убедят Рена?

Автомобиль качнуло: это вернувшийся Карл открыл багажник и принялся доставать чемоданы. С большим трудом я все же нашла, как открыть дверцу, и выбралась из салона.

— Карл! Вы знаете, где находится дом, принадлежавший Малроям?

Карл замер, так и не достав третий чемодан. Выпрямившись, он удивленно посмотрел на меня.

— Малроям? Да, знаю такой. Это довольно далеко отсюда.

— Отвезите меня туда. Пожалуйста!

— Но, Нея... Ваш поезд...

— Я никуда не еду, — отрезала я, снова садясь в авто. — Загружайте чемоданы обратно.

Глава 28

Карл не обманул: дорога до Малроя оказалась дальней. Поначалу меня охватывало непривычное, но приятное чувство: смесь волнения и восторга. Впервые я делала что-то, приняв самостоятельное решение. Даже учиться в Фолкнор я поехала не по собственному желанию, а потому что Роза сказала, что это мой шанс.

Но чем дальше мы ехали, тем меньше во мне оставалось восторга и рождалось больше сомнений. Что я смогу найти там после без малого двух десятков лет запустения? Есть ли вообще там что искать или же я просто выдаю желаемое за действительное?

Наверное, будь я сама по себе, я бы в какой-то момент поддалась этим сомнениям и повернула назад. Но за рулем сидел Карл. Добрый, милый Карл, всем сердцем преданный шеду и готовый помочь его непутевой невесте в неизвестной авантюре, лишь бы она осталась. Поначалу он кидал на меня недоверчивые взгляды в зеркало заднего вида, но через несколько часов, когда я усомнилась в правильности своей затеи, его уже ничто не могло свернуть с пути. Когда я осторожно заметила, что недооценила расстояние до замка, он только пожал плечами и заявил:

— Но мы проехали уже почти половину. Стоит ли теперь останавливаться?

Я решила, что не стоит. Хотя, конечно, мы делали остановки: автомобилю требовалось топливо, а нам с Карлом — еда, вода, туалет или просто размяться.

В дороге прошел весь день. Когда начали сгущаться сумерки, я поняла, что мой поезд должен был уже приехать в Бранс, а Роза — начать волноваться, не обнаружив меня среди пассажиров. Зная ее, я предполагала, что она сядет в первый же поезд до Колдора, а потом постарается добраться до Фолкнора, чтобы выяснить, куда я делась. Мне оставалось надеяться, что мы с Карлом успеем добраться до Малроя, найти то, что мне нужно, и вернуться в Фолкнор до того, как мое исчезновение вызовет настоящий переполох.

С этой мыслью я снова задремала: все-таки поездки в автомобиле убаюкивали меня как ничто другое.

Не знаю, сколько я проспала, но проснулась внезапно, тревожно дернувшись, как будто мне приснился кошмар. Я не сразу поняла, что меня разбудил хлопок водительской двери. Наш автомобиль стоял на месте, и в

салоне я осталась одна: Карл куда-то вышел. Сонно поморгав, я попыталась понять, где именно мы остановились, но сразу за стеклом начиналась непроглядная мгла, словно мы покинули пределы человеческого мира и оказались в сумраке.

Лишь впереди в свете фар я разглядела массивные кованые ворота, поросшие плющом. Карл стоял перед ними, дергал створки, пытаясь их распахнуть, но они лишь лязгали и грохотали, не желая пропускать нас дальше.

Выходить на улицу было немного страшно, но я заставила себя это сделать. Хотя бы для того, чтобы разогнать кровь по затекшим мышцам. Услышав хлопок моей двери, Карл оставил тщетные попытки и повернулся ко мне.

— Что, дальше проехать не сможем? — спросила я, обхватывая себя за плечи и зябко ежась.

На пороге зимы в Северных землях стало еще холоднее, мое теплое пальто больше не казалось таким уж теплым. Ночью становилось и того хуже. Мертвая тишина, окружавшая нас, холодила изнутри. Казалось, что кроме шума мотора на свете не осталось других звуков.

— Увы, Нея, — Карл развел руками. — Но мы почти приехали, замок Малрой за этими воротами, вон там.

Он ткнул пальцем в темноту. Я подошла вплотную к воротам и взялась руками за прутья, вглядываясь в темный силуэт, видневшийся на фоне туч, подсвеченных луной изнутри. Малрой казался больше Фолкнора, но сказать наверняка было трудно: до него оставалось еще довольно приличное расстояние.

— Значит, нам туда не попасть?

Я даже не знаю, чего было больше в моем голосе: надежды или огорчения. С одной стороны, было жалко проделать весь этот путь и даже не попасть в замок. С другой, мысль о том, чтобы нырнуть в это огромное мрачное здание, пугала меня до дрожи.

— Да нет, почему? — возразил Карл. — Мы лишь не сможем туда подъехать: ворота закрыты на цепь. А калитка открыта, можем пойти пешком.

— Там так темно... — пробормотала я.

Я даже не могла рассмотреть дорогу дальше света фар.

— У меня в багажнике есть фонарь.

Я обернулась к нему. Он что, действительно намерен идти туда сейчас, посреди ночи?

— Сейчас без четверти три, — пояснил он, словно прочитал мои

мысли. — До рассвета очень далеко, а на улице очень холодно. Если я заглушу мотор, к утру мы замерзнем. А если я его не заглушу, то мы сожжем все топливо и не выберемся потом отсюда. Места тут глухие. Поэтому наш лучший вариант — пойти туда сейчас, найти то, что вы хотите найти, и поехать обратно.

Я снова с сомнением посмотрела за ворота и неуверенно кивнула. В конце концов, я сама захотела сюда приехать. Следовало теперь идти до конца. Как бы страшно ни было.

Пока Карл искал в багажнике фонарь, я достала из саквояжа шкатулку с револьвером и спрятала его в кармане пальто. Я по-прежнему не была уверена, что смогу применить его по назначению, но это была наша единственная защита.

Когда мотор смолк, тишина вокруг стала абсолютной. Лязг петель калитки показался оглушительным и заставил меня поморщиться.

До замка мы добрались довольно быстро: от страха я едва не бежала, Карл, естественно, не отставал, освещая наш путь небольшим фонарем. Дверь главного входа оказалась не заперта, хотя сдвинуть ее с места было не так просто, и петли ее скрипели гораздо громче, чем петли калитки.

Карл навалился на нее всем весом и не смог остановить, когда она наконец поддалась, поэтому дверь ударилась о стену, и этот удар эхом прокатился по пустому холлу, потревожив каких-то крылатых существ под потолком. Я не смогла их рассмотреть, но слышала, как они возмущенно заверещали и захлопали крыльями.

Сердце печально заныло: замок выглядел абсолютно пустым. Я вспомнила, как Форт упоминал, что все имущество Малроя было распродано. Скорее всего, здесь ничего не осталось. Что я надеялась найти? Библиотеку с какими-нибудь записями? Кабинет с затерявшимся в столе письмом? Здесь не было ничего! Этот был просто замок. Пустая каменная громадина. Склеп.

Резкий, пронзительный скрежет и последовавший за ним удар заставили меня подпрыгнуть на месте, а Карла — осветить в том направлении.

— Что за?.. — ошарашенно пробормотал он.

Я тоже не могла поверить своим глазам: дальняя дверь, ведущая в какой-то коридор, только что распахнулась сама собой. Словно кто-то приглашал нас пойти туда.

— Ты здесь? — прошептала я, испуганно оглядываясь по сторонам.

Не знаю, что я ожидала услышать в ответ или увидеть. Я даже точно не знаю, к кому обращалась. К Лилии, которая направляла меня все это

время? Или к шеду Малрою, который, возможно, был моим настоящим отцом?

Как бы там ни было, мне никто не ответил. Кроме Карла:

— Думаю, стоит попробовать пойти туда. Не знаю, кто или что вас ведет и куда, но раз уж мы проделали весь этот путь и у нас нет других идей...

Я лишь молча кивнула, и он смело шагнул вперед, знаком велел мне держаться позади него. Я запоздало подумала, что стоило сначала вернуться в Фолкнор и попросить Рена отправиться сюда с нами. Наверное, он не отказал бы. Если, конечно, вообще позволил бы мне с собой увидеться.

Теперь уже было поздно об этом думать, поэтому мне оставалось только бессовестно вцепиться в руку Карла и следовать подсказкам невидимого проводника.

Нас провели по длинному коридору, потом заставили свернуть в другой. Ничего, кроме каменных стен, потолка и пола мы по пути не увидели, замок действительно стоял пустым. Вскоре мы оказались во внутреннем дворе, где когда-то, судя по всему, был разбит сад, но сейчас об этом напоминали лишь засохшие деревья. Мы едва не потерялись среди них, не зная, какую дверь стоит выбрать дальше, пока не услышали еще один глухой удар вдалеке.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что нас привели к небольшому строению в дальней части внутреннего двора. Первым о его предназначении догадался Карл:

— Это склеп. Семейный склеп. Здесь покоятся поколения семьи Малрой. Нам сюда?

Он вопросительно посмотрел на меня, а я смогла только растерянно пожать плечами, глядя в темный провал дверного проема. Склеп? Серьезно? Меня и так трясло крупной дрожью с того момента, как мы вышли из машины. А теперь посреди ночи мне предлагали войти туда, где лежат скелеты в гробах?

В следующее мгновение я поняла, что в этом есть смысл. Замок был полностью опустошен, но не заселен снова. Уж не знаю, почему, вероятно, на то были свои причины. Но если здесь что-то и осталось, то только... ну да, останки прежних хозяев. Может быть, в гробе шеда Малроя есть то, что сможет мне помочь? Иначе я не могла объяснить, зачем нас привели сюда.

Меня уже мутило от холода и страха, но за последние два месяца я в какой-то степени привыкла и к тому, и к другому, поэтому вошла внутрь. Карл не мешкая последовал за мной, все еще держа фонарь и освещая им

наш путь.

— Нея, а что конкретно мы здесь ищем? — только и спросил он.

— Гроб последнего Малроя. Того, который умер примерно восемнадцать лет назад.

Я ожидала расспросов, но их не последовало. Карл лишь приглушенно кашлянул и принялся скользить лучом фонаря по надписям на табличках. Довольно быстро он остановился на одной из них.

— Вот, видимо, этот, — заявил он и прочитал вслух: — Шед Лоран Малрой, последний из рода.

Я подошла ближе, всматриваясь в даты. Лоран Малрой умер за четыре месяца до моего рождения в свой тридцать третий день рождения. Он вполне мог зачать меня и умереть, не дождавшись моего рождения.

Я тяжело сглотнула, глядя на гроб. И что, теперь я должна открыть его?

— Нея... — напряженно позвал Карл рядом, но я даже не повернула голову в его сторону.

Я взялась за крышку, на секунду плотно сжала веки и резко выдохнула, после чего решительно подняла ее. Открыла на секунду глаза, но тут же снова зажмурилась. Останки шеда уже почти истлели, в гробу лежал скалящийся скелет.

— Нея! — еще раз позвал Карл, голос его звучал тревожнее.

Я заставила себя снова посмотреть внутрь гроба. Что здесь может быть полезного? Какой-нибудь фамильный артефакт, который среагирует на наследника рода? На глаза не попадалось ничего похожего.

— Нея, поторопитесь. Нам нужно уходить отсюда.

Голос Карла вновь вернул меня в реальность, заставил смотреть внимательнее.

— Посветите мне! — попросила я, поскольку он увел луч фонаря в сторону.

Карл подчинился. При более ярком свете я смогла рассмотреть, что Малрой был похоронен в парадной мантии жреца Некроса, надетой поверх черного костюма. Обычное дело, Рен постоянно так одевался, разве что мантию носил повседневную. Не это привлекло мое внимание.

С левой стороны ткань мантии слегка топорщилась, как будто что-то лежало во внутреннем кармане. словно во сне, я протянула руки, аккуратно отвернула край мантии и подцепила непослушными от волнения и холода пальцами то, что лежало в кармане. В голове громким, раздражающим молоточком стучала мысль: «Что ты делаешь, Нея? Ты вообще осознаешь, что ты делаешь?» Мне оставалось только игнорировать ее.

В моих руках оказался сложенный вдвое конверт. Стоило мне увидеть его, как я сразу вспомнила стопку писем, лежавшую на столике в тот самый вечер, когда призраки привели меня к зеркалу. Да, это определенно было одно из тех писем.

Очень осторожно, чтобы случайно не порвать, я вытащила из конверта тонкий лист писчей бумаги и развернула. Я не помнила почерк мамы, но сразу увидела ее имя в подписи, а потом вернулась к началу.

Мой дорогой Лоран!

Спешу поделиться с тобой своей радостью. Теперь это точно: я жду ребенка. И я абсолютно уверена, что этот ребенок твой. Я уже носила его, когда меня связали с моим мужем. Надеюсь, он об этом не догадается. Хотя то, что я была с кем-то до него, он, конечно, понял. Нет, не беспокойся, он ничего мне за это не сделал. Лишь высказал свое возмущение моим родителям. Как и стоило ожидать, они сказали, что разочарованы мной, что я запятнала себя, отдавшись неизвестно кому до брака. Слушать это было неприятно, но не смертельно. Как ни стараюсь, я не могу понять, как любовь может запятнать. Ты лучшее, что было в моей жизни, и наши ночи я буду помнить, пока жива. Мне кажется, что отдавать себя нелюбимому мужчине, пусть даже наш брак освящен Богиней, гораздо хуже.

Я знаю, ты говорил, что ребенок тебя уже не спасет, что времени осталось слишком мало. Но неужели Некрос не может дать тебе несколько дополнительных месяцев? Всего четыре! Ведь ребенок уже есть, он родится. Я готова расторгнуть брак, покрыть свое имя позором и навсегда уехать к тебе в Северные земли, если это поможет. Надо было сразу так сделать: расторгнуть помолвку и уехать к тебе, выйти замуж за тебя. Ты не предлагал, но я знаю, что ты хотел бы этого. Но все произошло так быстро! Мне просто не хватило времени решиться. Проклятая диадема! Иногда мне кажется, что она парализует мои мысли и волю.

Я чувствую в нашем ребенке твою Силу. Она отличается от моей, я очень хорошо это ощущаю. Так может быть, это еще не конец для тебя? Может быть, она уже начинает делиться? Может быть, это даст тебе немного времени? Я пишу и плачу, чувствуя собственное бессилие, злюсь на Богов за то, что они свели нас так поздно. Словно в насмешку. Какая извращенная жестокость...

— Нея! — Карл схватил меня за локоть, отрывая от чтения на полуслове. — Нашли вы то, что искали, или нет, нам нужно уходить. Туман сгущается.

Я думала, что холоднее внутри уже не станет, но ошиблась. Всего от двух простых слов сердце в груди замерло, скованное льдом ужаса. Я сама

его до конца не понимала, потому что никогда толком не видела ни самих проходящих, ни последствий их появления. Это было что-то подсознательное, может быть, врожденное. Или меня просто впечатлил рассказ Карла.

Он перевел луч фонаря на пол у входа в склеп, чтобы я убедилась в его правоте. С улицы в склеп действительно полз туман, похожий на клубы белого дыма. Я позволила Карлу потянуть меня к дверному проему, на ходу торопливо складывая письмо и засовывая его в карман пальто.

Снова оказавшись во внутреннем дворе, я уже сама испуганно вцепилась в руку Карла. Туман был повсюду. Казалось, он ползет со всех сторон, затягивает все пространство. Деревья бывшего сада уже едва можно было рассмотреть сквозь него, но пугало не это. Пугали тени, медленно шевелящиеся в нем.

— Сюда, — шепнул Карл и потянул меня к стене здания, на ходу гася фонарь, чтобы не привлекать к нам внимания.

Луна по-прежнему пряталась за тучами, поэтому моментально стало очень темно. Я даже рук своих не видела, лишь чувствовала сквозь ткань перчатки шершавую стену, за которую Карл велел держаться. Пройдя вдоль нее, мы должны были добраться до двери, через которую попали во внутренний двор.

Я держалась одновременно и за стену, и за плечо Карла, который шел впереди. Идти в темноте было страшно: мне все время казалось, что мы в любой момент можем столкнуться с одним из этих монстров. Я слышала их приглушенное рычание совсем рядом и изо всех сил закусывала губу, чтобы случайно не вскрикнуть или не заскулить от страха.

Наконец мы добрались до двери, нырнули в нее, и Карл захлопнул ее за нами. Сразу после этого он включил фонарь, чтобы осмотреть коридор. К счастью, тот выглядел пустым. Даже туман сюда еще не добрался.

— Бежим, — велел Карл. — Если они нас заметили, дверь их надолго не задержит.

Мы оба бросились бежать по коридорам, отчаянно надеясь, что не собьемся с пути и доберемся до центрального входа. Со светом было уже не так страшно, по крайней мере, видно, что ждет впереди. Я очень быстро начала задыхаться, поскольку не имела обыкновения бегать.

До главного холла мы добрались без приключений, но стоило нам снова оказаться на улице, я едва не застонала в голос. Тучи на небе все же немного растянуло, сквозь них проглянула луна, освещающая все своим бледным, призрачным светом. И в этом свете я увидела, что туман уже огибает замок с двух сторон и стремится перекрыть дорогу, по которой мы

пришли.

— Вперед! — поторопил Карл. — Просто бегите, Нея. Бегите, что есть сил!

И я побежала. Толком не разбирая дороги, не глядя, куда наступаю. Я знала, что нельзя оглядываться, что нужно смотреть на ворота, которые казались еще слишком далекими, но все равно оглядывалась. Я видела, как туман обогнул замок, соединился в одно большое облако на дороге и устремился за нами.

— Не смотрите назад! — крикнул Карл.

Я последовала его совету, но слишком поздно: нога за что-то зацепилась, и я повалилась вперед, непроизвольно вскрикнув и едва успев выставить перед собой руки. Карлу пришлось тоже притормозить, чтобы помочь мне встать. И в это мгновение нас накрыло туманом, я услышала хриплое рычание прямо у себя за спиной.

— Беги и не оглядывайся, — шепнул мне Карл, подтолкнув в спину. — Беги к машине!

Я послушно бросилась бежать дальше, но звуки ударов, борьбы и его сдавленный вскрик через какое-то время все же заставили меня оглянуться.

Сквозь туман я должна была видеть хуже, но оказавшись внутри него, словно попала в другой мир. Здесь как будто стало светлее, и хотя очертаний привычного мира отсюда было совсем не разобрать, Карла и набросившуюся на него тварь я разглядела прекрасно.

Приходящий походил на человека. Очень высокого, худого человека в странной одежде: какой-то серой тунике из грубой материи, прихваченной на талии узким пояском. Лишь голова заметно отличалась: череп был вытянут сзади, на белесой коже не росло ни волоска, вместо носа зияла дыра, а рот был круглым. Мелкие, острые зубы в нем тоже росли по кругу.

Монстр повалил Карла на землю, навис над ним и впился зубами в шею. Карл вскрикнул, попытался оторвать приходящего от себя, но ему не хватило сил.

Пока этот монстр был один, но я понимала, что другие на подходе. Мне нужно было бежать к машине. Я не знала, смогу ли укрыться в ней, но еще несколько секунд промедления точно стоили бы мне жизни. Но это значило, что я должна бросить Карла — еще живого Карла! — на растерзание кровожадным тварям. Я не могла с ним так поступить по очень многим причинам.

Но что я могла сделать? Если приходящий легко одолел пусть немолодого, но достаточно крепкого мужчину, то меня он переломит как тростинку, даже не заметит. Боевой магии нас еще не обучали, а значит,

применить против него Силу я тоже не смогу.

«Вся эта ваша магия — это, конечно, здорово, но пуля порой верней», — слова Розы прозвучали у меня в голове так отчетливо, словно она стояла рядом и снова произносила их.

Я сунула руку в карман пальто и достала револьвер, который она мне дала. Рукоятка холодила ладони даже сквозь перчатки, я обхватила ее обеими руками, чтобы держать крепче.

«Достала — стреляй. Глаза не закрывай и подпусти поближе, чтобы попасть наверняка».

Подпустить поближе я не могла, потому что существо мною пока не интересовалось, поэтому я шагнула к нему сама. Стрелять в проходящего, когда тот приник к Карлу, я побоялась, поэтому постаралась отвлечь его:

— Эй ты! Посмотри на меня!

Монстр не прореагировал, и не зная, что делать, я просто нажала на спусковой крючок. От звука выстрела я едва не оглохла, хотя это впечатление, скорее всего, было обманчивым. Просто до этого вокруг стояла слишком пронзительная тишина.

Приходящий тут же оторвался от уже неподвижного Карла, поднял голову и посмотрел на меня, скаля мелкие острые зубы. Его рот был перепачкан в крови, и от этого вида меня снова слегка замутило.

Я подошла еще и снова выстрелила, но пуля пролетела мимо, а приходящий поднялся с колен, собираясь броситься на меня. Я еще раз нажала на спуск. И еще раз. И еще.

Первая из трех пуль лишь оцарапала ему плечо, зато вторая угодила в грудь, а третья — и вовсе в лицо. Приходящий издал громкий, пронзительный звук, отдаленно напоминающий крик, и повалился навзничь.

Меня трясло от макушки до пят, руки и вовсе ходили ходуном. Казалось, меня сейчас стошнит, и я старательно отгоняла от себя мысль о только что совершенном убийстве. Времени на эти переживания не было, я клятвенно пообещала себе, что наревуся вдоволь, когда выберусь отсюда. Если выберусь. Сейчас же я бросилась к Карлу, роняя револьвер на землю и на ходу стягивая перчатку с левой руки.

Я не могла оценить, насколько плохи дела в месте укуса: все заливала кровь. Сам Карл был блее полотна, лежал с закрытыми глазами, и казалось, что он не дышит. Я приложила ладонь к его шее и плотно зажмурилась, пытаясь сосредоточиться. Как ни странно, в этот раз я чувствовала себя более уверенно. Ведь я смогла спасти Рена, а его повреждения выглядели куда хуже.

Сила потекла от меня к Карлу, соединяя разорванные сосуды, восстанавливая целостность тканей и даже помогая крови воспроизводиться. Я чувствовала, как почти погасший огонек жизни вновь разгорается под моими руками.

Но туман вокруг нас продолжал сгущаться, я уже снова слышала тихое, хриплое рычание и шаркающий звук приближающихся шагов. Карл зашевелился, я прервала лечение и открыла глаза. Он все еще был бледен, но уже пришел в себя.

— Давай, вставай, — умоляющим тоном пробормотала я, чувствуя, как кружится голова.

Что ж, по крайней мере, в этот раз я не потеряла сознание. Вот только я совсем не чувствовала сил, чтобы встать. Ноги казались ватными, руки плохо слушались. Боковым зрением я увидела, как из тумана вынырнула другая тень, превращаясь в приходящего, голодно разевающего зубастую пасть. Еще две тени следовали за ним.

Я нащупала револьвер, снова сжала его двумя руками, хотя одна из них теперь была перемазана в крови и от этого скользила по рукоятке, и выстрелила в ближайшего монстра. Дважды, потому что первая пуля по традиции пролетела мимо, зато вторая угодила в грудь. Впрочем, на таком расстоянии промахнуться было уже сложно.

Монстр упал и больше не шевелился, но на смену ему приблизился другой, а за ним выросло уже не меньше пяти темных силуэтов.

Я смогла выстрелить еще только один раз, ранив третьего приходящего, но потом, сколько я ни нажимала на спусковой крючок, револьвер лишь щелкал. Приходящие приближались. Рядом Карл с трудом пытался встать на ноги, а я чувствовала только слабость, страх и опустошение.

Нам не выбраться. Их слишком много, а мы оба едва можем шевелиться.

— Вставай, Нея, — потребовал над ухом Карл и потянул меня вверх.

Я почувствовала, как слезы все же навернулись на глаза и даже потекли по щекам, но подчинилась ему. Ноги плохо держали, было понятно, что далеко мне не уйти. Я не знала, кого молить о спасении. Рен не услышит, а Боги... Я уже и сама начала сомневаться в них. Было горько и стыдно за то, что я завела нас сюда. Вот тебе и самостоятельное решение! Глупое и опасное, я погубила им нас обоих. И все ради чего? Ради письма?

Нет, конечно, это было не просто письмо. Оно дало мне очень много. Ответило на мои вопросы, избавило от сомнений и ясно показало, каким должен быть дальнейший путь. Вот только теперь я понимала, что не смогу

пройти его. А Рену снова достанутся лишь сожаления: отправляя меня из Фолкнора, он надеялся меня защитить, но вот как все обернулось.

От этих мыслей меня отвлекла тень, вдруг выросшая прямо перед нами, закрывшая от ближайшего монстра. Приходящий не понял, что перед ним появилось препятствие, его интересовали только мы, но это не значило, что тень не может ему навредить. Она качнулась в его сторону, обволакивая на короткое мгновение, а когда отпустила — на землю повалилась высушенная мумия.

Теперь я поняла, почему Ронан так боялся того, что призванные Реном стражи коснутся его. Тень тем временем метнулась к следующему приходящему, выпивая жизнь и из него. Мне показалось, что в переливах тьмы время от времени виднеются рисунки парадной мантии жреца Некроса и длинные светлые волосы. Неужели это дух моего настоящего отца вновь переступил границу жизни и смерти? На этот раз, чтобы защитить нас.

— Идем, Нея, — велел Карл, потянув меня в сторону ворот. — Нам надо выбирать. Их слишком много. Кто бы это ни был, он не задержит их надолго.

Неожиданно появившаяся помощь придала мне сил, вернув надежду на спасение. Вложив руку в ладонь Карла, я снова побежала. Но как мы ни старались, мы никак не могли выбраться из тумана: нас накрыло слишком сильно. Сзади снова слышалось рычание, и я против всех доводов рассудка обернулась через плечо.

Тень металась от приходящего к приходящему, но как и сказал Карл, их было слишком много. Они лезли, как саранча. Наш защитник не справлялся.

Карл внезапно остановился, дернув меня за руку, и я снова посмотрела вперед: навстречу нам сквозь туман тоже двигались тени. Как же так вышло? Откуда они взялись впереди?

Мы оказались в ловушке, из которой нельзя выбраться. Карл инстинктивно обнял меня за плечи, прижимая к себе, словно надеялся таким образом отгородить от монстров, но я понимала, что это бесполезно. Мы смотрели то вперед, то назад, гадая, с какой стороны до нас доберутся раньше.

— Простите меня, Нея, — прошептал Карл.

Я не представляла, за что он извиняется, поэтому возразила:

— Нет, это вы меня простите. Я привела нас сюда. Это было глупо и...

— Постойте-ка, — удивленно перебил меня Карл. — Это не приходящие!

Я недоверчиво повернулась к теням, приближавшимся к нам со стороны ворот. Те уже проплывали мимо нас, оставаясь тенями. Нас они не тронули, зато сразу атаковали проходящих, догоняющих нас.

Прежде, чем я успела задаться вопросом, что происходит и откуда взялись новые тени, еще один силуэт приблизился достаточно, чтобы мы смогли узнать в нем шеда Торрена Фолкнора. От быстрого шага полы его мантии, надетой прямо поверх рубашки, разлетались в стороны, глаза горели незнакомым мне огнем, а в ладонях переливалось холодное, голубоватое пламя. Или оно только показалось мне пламенем, потому что стоило Рену бросить этот голубоватый сгусток в одного из проходящих, его окутало электрическими разрядами. Монстр дернулся и рухнул замертво, а я почувствовала запах грозы, смешанный с запахом паленой плоти.

Рен выглядел настолько грозно, метая голубоватые сгустки в проходящих, что даже я его испугалась. И вместе с тем в нем в этот момент чувствовалась такая сила, что не будь я уже в него влюблена, влюбилась бы сейчас. Рядом с ним выросли все новые и новые тени — его преданные стражи — и кидались на проходящих, первые ряды которых уже обращались в бегство.

Рен подошел к нам с Карлом, окинул быстрым взглядом пятна крови на его одежде и моих руках, и отрывисто велел:

— К автомобилю. Немедленно.

После чего последовал за стражами, продолжая метать молнии, истребляя проходящих.

Я не смогла ничего сказать ему в ответ: сердце билось где-то в горле, мешая даже дышать. Я не понимала, откуда он здесь взялся, но была до слез рада его видеть.

Наверное, если бы не Карл, я бы так и осталась стоять в тумане посреди дороги, но он потянул меня к авто, и я последовала за ним. На этот раз мы быстро выбрались из тумана, словно он сам отступал, как откатывается назад набежавшая на берег волна. Мы снова оказались в темноте, поскольку луна спряталась за тучами. К счастью, Карл не потерял фонарь. В отличие от меня, оставившей револьвер где-то там, посреди дороги.

Остановились мы, только добравшись до ворот, но как Карл ни настаивал, я отказывалась сесть в автомобиль и уехать. Я тревожно вглядывалась в туман, который оттягивался все дальше и дальше, пока совсем не растворился в темноте.

На какое-то время мир вновь погрузился в тишину, замер, словно время остановилось. Мы стояли у заведенного автомобиля, всматривались

в освещенную фарами дорогу, гадая, что происходит там, за пределами видимости.

Наконец в свете фар появился Рен. Он стремительно приближался к нам. Холодный голубоватый огонь больше не горел в его ладонях, тени не шли рядом, но выражение лица не предвещало ничего хорошего.

Подойдя ближе, он вновь скользнул по нам изучающим взглядом. Задержал его на мне, хмурясь и недовольно сжимая челюсти, а потом перевел на Карла.

— Ты как? — лаконично поинтересовался он.

— В порядке, — заверил Карл и нерешительно улыбнулся. — Ваша невеста спасла меня, шед. Я теперь ее вечный должник.

— Полагаю, сначала она тебя едва не угробила, — недовольно процедил Рен. — Уверен, вы поехали сюда не по твоей инициативе.

Наверное, в другой ситуации я бы испугалась его тона, но сейчас уже просто не могла бояться. Меня слишком радовало то, что мы остались живы.

— Сам доберешься до Фолкнора? — снова спросил Рен, глядя на Карла.

— Конечно, шед.

— Хорошо, увидимся там.

И с этими словами он шагнул ко мне, молча подхватил на руки, повернулся — и мы нырнули в неизвестно откуда взявшиеся черные клубы дыма. От неожиданности я зажмурилась, обхватив Рена за шею, а когда снова открыла глаза, мы оказались в его гостиной.

Глава 29

Не говоря ни слова, Рен опустил меня на пол, заставил убрать руки с его шеи и, отвернувшись, отошел в сторону. Я прижала ладони к груди, задерживая дыхание и настороженно наблюдая за ним. Я пока плохо понимала, как мы здесь очутились. Видимо, это и был тот самый способ перемещения, доступный лишь верховным жрецам, благодаря которому Рен успевал путешествовать в разные концы Северных земель в пределах одного дня.

Пугало не это. Пугало его молчание. Он стянул с себя мантию и бросил прямо на пол, оставшись в брюках и изрядно помятой рубашке. Снова повернулся ко мне. С его лица не сходило это хмурое, недовольное выражение. Колючий взгляд в очередной раз скользнул по мне, Рен резко подошел ближе и прежде, чем я успела опомниться, стянул с меня вторую перчатку, которая оказалась испачкана в грязи после моего падения. Снимая, он вывернул ее наизнанку, резко перехватил вторую мою руку и принялся оттирать перчаткой кровь Карла с нее. Кровь местами уже подсохла и въелась в кожу, поэтому не поддавалась.

Рен бросил перчатку на пол и принялся такими же резкими, дерганными движениями расстегивать мое пальто. Все это молча, не проронив ни звука, лишь тяжело дыша. Я тоже молчала, позволяя ему дергать меня, как безвольную куклу или маленького ребенка. Расстегнув пуговицы, он снял пальто — тоже перепачканное в грязи — и отшвырнул в сторону, как и собственную мантию. Снова перехватил руку, на которой остались пятна засохшей крови, на мгновение крепко сжал ее, заглянув мне в глаза. От его взгляда мурашки побежали по спине, и это не были мурашки удовольствия или предвкушения. Скорее, страха.

Оглянувшись по сторонам, Рен отошел к креслу, на котором валялся его сюртук. Он ощупал его и достал из кармана носовой платок. Подошел к столику со своим любимым коричневым напитком, но взял не его, а графин с водой. Налил ее в один из стаканов, смочил платок, отжал и вернулся ко мне. Он по-прежнему молчал, и с каждой секундой это пугало меня все больше.

Его пальцы вновь вцепились в мою руку, сжали почти до боли. Другой рукой он принялся оттирать кровь мокрым платком. Теперь пятна поддавались значительно лучше, но Рен тер мою кожу все сильнее и сильнее. Дыхание его при этом становилось все более и более неровным,

прерывистым.

Кожа была уже абсолютно чистой, но он продолжал тереть ее платком, пока я не заставила себя отмереть и не перехватила его руку.

— Хватит, — вместо голоса получился едва слышный шепот. — Хватит, Рен, мне больно.

— Больно? — хрипло переспросил он.

Влажный платок с пятнами крови улетел туда же, куда и мое пальто, а Рен схватил меня за плечи.

— Думаешь, это больно? — его голос прозвучал на грани истерики. Он встряхнул меня, и я испуганно сжалась, понимая, что он не в себе. — Если бы эти твари сожрали тебя — вот что было бы больно, Нея!

Он встряхнул меня еще раз, так что моя голова безвольно мотнулась вперед-назад. Страх накатило с новой силой. Почему-то показалось, что сейчас он сам убьет меня. От избытка чувств. От пережитого ужаса. Рен явно пытался заглянуть мне в глаза, но я стыдливо отводила взгляд. Тогда его ладони переместились на мою голову, сжав ее с двух сторон, заставив меня поднять лицо к нему.

— Зачем, Нея? — из последних сил сдерживая крик, спросил он. — Зачем ты туда поехала? О чем ты думала? Ты хоть раз подумала о том, что будет со мной, если ты по пути сгинешь? Ты могла умереть, понимаешь ты это? Опоздай я хотя бы на пару минут, вы оба погибли бы! Я ведь отправил тебя отсюда, чтобы снова не хоронить любимую! За что ты так со мной, Нея?

На последней фразе с едва сдерживаемого крика он перешел на шепот, словно побоялся, что голос его подведет. Судорожный вдох и дрожащий выдох подтвердили это.

— Прости, — только и смогла выдавить я.

В одно мгновение на меня накатило все: и разрыв помолвки, после которого я заставляла себя не плакать, и рвавший душу и сердце отъезд, и горечь письма мамы, которая, как оказалось, в жизни имела лишь краткий миг счастья, и ужас, пережитый в Малрое, и гнев Рена. Этого было слишком много. И это было слишком тяжело. Я сделала единственное, что могла сделать в этой ситуации: заревела. Так, как мне хотелось зареветь последние несколько дней: не сдерживаясь, навзрыд, не думая о том, как это будет выглядеть со стороны.

— О, ну прекрасно, — простонал Рен. — Давай теперь порыдай мне тут...

Он обнял меня, крепко прижав к себе, успокаивающе погладил по голове. Я уткнулась лицом в его грудь, некрасиво шмыгая носом, обхватила

руками вокруг талии, вцепилась пальцами в рубашку.

— Дурочка, — пробормотал он мне в ухо. — Какая же ты дурочка. Я тебя из этого замка больше не выпущу, поняла? Будешь сидеть тут до смерти. По крайней мере, моей...

Несмотря на рвавшиеся из груди рыдания, эти его слова заставили улыбнуться.

— Обещаешь? — не переставая всхлипывать, спросила я.

Он слегка отстранился, снова беря в ладони мое лицо и заставляя смотреть себе в глаза.

— А как иначе, Нея? Это же невозможно! Как мне теперь знать, что ты себя не угробишь? И где я, по-твоему, должен буду взять сил жить дальше, если ты это сделаешь?

Я не знала, что ответить, но ему мой ответ, судя по всему, и не был нужен, потому что через секунду он накрыл мои губы своими, целуя жадно, страстно, исступленно. Когда-то я задавалась вопросом, какими будут его поцелуи: нежными и деликатными или грубыми и жесткими. Оказалось, что они бывают разными. С момента нашего второго обручения он всегда целовал меня очень нежно, осторожно, словно боясь спугнуть. В ласкающих прикосновениях его губ всегда чувствовалась сдержанность, отстраненность, словно он старался не увлечься.

Сейчас же сдержанность и осторожность смело, как сметает недостаточно крепкую плотину напор неистового потока воды. Его губы жалили и терзали, причиняя боль, но за этим я не чувствовала ни злости, ни жестокости. Только отчаяние. Горечь человека, понимающего, что он проиграл. Проиграл себе, своим чувствам и рассудку, судьбе, Богам. Проиграл любви.

Я не хотела, чтобы он останавливался, хотя губы ныли и болели. Я лишь прижималась к нему сильнее, отвечая, может быть, по-прежнему не слишком умело, но со всей страстью, на какую была способна.

Наконец он прервал этот болезненный поцелуй и снова крепко прижал к себе. Настолько крепко, что я чувствовала биение его сердца в груди. Как он, наверное, чувствовал мое. Его дыхание стало успокаиваться, и рука, поглаживающая то по плечу, то по голове, двигалась теперь более плавно. Он сделал еще один глубокий вдох, медленно выпустил воздух и прошептал:

— Ладно, все, успокойтесь. Ты жива — это главное. С остальным постепенно разберемся.

Он снова отстранился, на этот раз чтобы убрать с моего лица растрепавшиеся волосы и вытереть мокрые от слез щеки. Подушечкой

большого пальца скользнул по припухшим губам, словно молчаливо извиняясь за свой эмоциональный взрыв. Он не отрываясь смотрел на меня, и его глаза казались пронзительно синими, а не голубыми.

— Мы можем пожениться, Рен, — тихо, но настойчиво сказала я. — Мы должны пожениться.

Прежде, чем я успела сказать что-то еще, он кивнул. Вот так просто. Кивнул, даже не выслушав мои аргументы. Вместо этого снова прижался губами к моим губам. На этот раз так же нежно и бережно, как делал это раньше, хотя его дыхание снова учащалось, становилось прерывистым.

Снова прервав поцелуй, Рен прижался лбом к моему лбу, его руки скользнули по моим плечам вниз, потом снова поднялись вверх.

— Я думал, с ума сойду, когда узнал, что ты пропала, — тихо признался он. — Ты даже представить себе не можешь, что со мной было. Я правда хотел тебя отпустить, думал, так будет лучше для нас обоих, но ошибся. Я люблю тебя. Думал, что это уже невозможно, но ошибся и в этом. Я хочу быть с тобой и прожить с тобой столько, сколько Боги позволят. Хочу любить тебя и быть любимым тобой, потому что даже Смерть боится одиночества.

Если к этому решению его привело беспокойство за меня, то съездить в Малрой стоило хотя бы ради этого. На этот раз я первая потянулась к нему, чтобы поцеловать, потому что говорить не могла. Мне хотелось одновременно плакать и смеяться, кричать от радости и шептать какие-нибудь глупые нежности, но горло перехватывало от эмоций, и все, что я могла, — это только целовать его.

Он отвечал с тем же энтузиазмом, что и я ему до этого, но потом его губы вдруг переместились на мою шею, рука мягко заставила меня запрокинуть голову, чтобы ему было удобнее. Настала моя очередь судорожно вдыхать. По телу прокатилась дрожь, но совсем не такая как та, что преследовала меня в Малрое. Страх полностью схлынул, холодно мне не было, но я испытывала незнакомое возбуждение. Или не совсем незнакомое? Это тянущее чувство внутри, внизу уже несколько раз навещало меня, когда я думала о Рене.

— Я могу поженить нас прямо сейчас, — прошептал он, возвращаясь к моим губам и чуть задыхаясь. — Хочешь?

Я заставила себя разжать пальцы, которыми до этого мяла его рубашку, обвила руками его шею, укрепляя поцелуй. Его ладони заскользили по моему телу смелее, чем он позволял себе раньше. Одна даже забралась под свитер, понялась вверх, к груди. Кажется, от этого непривычного прикосновения у меня вырвался стон.

— Не надо, — прошептала я.

Рен нахмурился и убрал руку, попытался отстраниться, но я удержала его и уточнила:

— Не надо нас женить. Я хочу нормальную свадьбу. Красивое платье. Произносить клятвы перед всеми. Это ты женишься в третий раз, а я-то в первый.

В его вздохе, последовавшем за этим, мне послышалось разочарование, но Рен кивнул.

— Да, конечно. Это твой день. Он будет таким, как ты захочешь. Но тогда отпусти меня сейчас, пожалуйста, потому что мне и так трудно остановиться. А когда ты так прижимаешься ко мне... — он не договорил, прикрыв глаза и сделав еще один глубокий вдох.

Я улыбнулась и тихо заметила:

— Я попросила не женить нас. Я не просила тебя останавливаться.

Рен открыл глаза, глядя на меня с удивлением и недоверием. Наверное, он что-то такое прочел на моем лице, потому что его бровь вновь подпрыгнула вверх. Нет, однажды он ее точно вывихнет.

— Ты это серьезно? А как же греховность близости до брака? Чистота невесты? И прочий ваш южный бред?

Я расцепила руки, медленно провела ими по его плечам, потом переместила на грудь. Сквозь тонкую ткань рубашки я чувствовала жар его кожи, и мне ужасно захотелось ощутить его ладонями, без преград, поэтому я потянулась к пуговицам и принялась их расстегивать.

— А разве ты можешь сделать меня грязной? — вспоминая письмо мамы, спросила я. — Любовь не может запятнать. Боги связали меня с тобой еще до того, как я родилась. Нет и не может быть греха в том, чтобы отдать себя мужчине, которого любишь.

Последняя пуговица на его рубашке уже была расстегнута. Затаив дыхание, я положила ладони на его грудь, чувствуя кожей маленькие жесткие волоски. Я уже делала это раньше, когда лечила его, но тогда было другое. Сейчас мы ступали на новую для меня территорию, и это одновременно будоражило фантазию и пугало почти до ступора. Но только «почти».

Я не знала, что делать, а Рен замер, словно не до конца доверяя моим словам. Или он просто впал в шок? Повинуясь внутреннему порыву, я качнулась к нему, осторожно касаясь кожи на груди еще и губами, ощущая ее солоноватый привкус. Он резко выдохнул, я почувствовала, как горячее дыхание коснулось волос на макушке. Рен сжал мои плечи и осторожно отстранил меня.

Я смутилась, решив, что сделала что-то не так. Испуганно отняла руки и прижала их к своей груди, поднимая на него то ли вопросительный, то ли извиняющийся взгляд.

Однако никакого недовольства на его лице я не заметила.

— Ты в этом уверена?

Я только молча кивнула. Его руки снова скользнули под мой свитер, но на этот раз для того, чтобы стянуть его с меня. За свитером последовала нижняя рубашка, и я вновь прижала руки к оставшейся почти обнаженной груди, внезапно смутившись.

Рен мягко отвел мои руки в стороны, провел кончиками пальцев по ключицам, обнаженным плечам, спине.

— Не закрывайся от меня, Нея. Потому что если ты действительно этого хочешь, то должна понимать, что я буду смотреть, и трогать, и целовать. Везде.

Он снова перехватил мои ладони и прижал к себе, как они лежали до этого.

— И ты можешь делать то же самое.

Я тяжело сглотнула и заставила себя все же провести руками по его груди вниз, к животу. Почувствовала, как мышцы судорожно сократились от моих прикосновений, а дыхание снова сбилось. Это отдалось незнакомым чувством внутри меня. Я снова скользнула руками вверх, к его плечам, начала снимать рубашку, вопросительно глядя на него.

Он помог мне, после чего снова прижал к себе, нежно целуя и позволяя привыкнуть к новым ощущениям. Только потом, когда я немного успокоилась и почувствовала, что готова идти дальше, потянулся к застегкам на юбке, и вскоре она скользнула вниз. Рен провел ладонью по моей спине и впервые опустил ее ниже, туда, где он еще никогда меня не касался. Где еще никто меня не касался. Мне оставалось только снова резко втянуть в себя воздух. Ощущения были приятными, несмотря на волну стыда, поднимающуюся во мне. Я старалась игнорировать ее.

Рен внезапно подхватил меня на руки и куда-то понес. Я не сразу сообразила, что он направляется в спальню. Только когда он уложил меня на кровать, я вдруг осознала, что это уже не игрушки. На мгновение снова охватил страх. Вспомнились романы, которые я читала, упоминания боли, которые почему-то запомнились лучше, чем многословные описания не совсем понятного блаженства.

Захотелось убежать. Извиниться, вернуться в гостиную, одеться и сбежать, но до того, как я успела что-то сказать, меня накрыло Реном, его губы заскользили по моей коже, и это оказалось так приятно, что я забыла,

куда только что собиралась уйти и почему.

— Я не знаю, что делать, — шепотом призналась я, когда мне показалось, что происходящее неравноценно: я растворялась в поцелуях и ласках, а сама лишь неуверенно гладила его по спине.

— Пока твоя главная задача — расслабиться и наконец перестать бояться меня. Начать по-настоящему доверять мне. Начнем с этого. И не стесняйся меня. Считай, что я уже твой муж. Я люблю тебя и не причиню вреда. И поверь, сегодня мне будет хорошо с тобой, даже если ты не будешь делать вообще ничего.

Он снова поцеловал меня, и я постаралась последовать его совету и расслабиться. Наслаждаться прикосновениями и поцелуями, слушать нежный шепот, наши смешавшиеся приглушенные стоны и учащенное дыхание. Чувствовать, как искрит на кончиках пальцев его Сила, как с каждой лаской во мне что-то меняется, словно Сила проникает в меня. Или просто пробуждается моя собственная?

Боль была, как и сменившее ее блаженство, но ничего из этого не походило на то, что описывали романы. Что-то словно взорвалось внутри, разлилось по венам теплом и искрящимся покалыванием. С этого момента я точно знала, что стала другой. Отныне и навсегда.

Глава 30

Все казалось таким странным. Походило то ли на слишком реальный сон, то ли на не очень похожую на правду реальность. Возможно, потому что уже приближалось утро, а я так толком и не спала этой ночью и сейчас пребывала на границе сна и бодрствования. А может быть, потому что происходящее было слишком нереально, чтобы я могла в него поверить. Я находилась в спальне мужчины, который не был моим мужем, и лежала в его постели. Вытянувшись вдоль его тела, я прижималась к нему, глядя на умирающий в камине огонь.

Я совершенно не стеснялась того, что мы оба полностью обнажены, что моя голова удобно устроилась на его плече, а его рука обнимает меня. Мои пальцы лениво скользили по его груди, играя с короткими волосками, а его ладонь поглаживала мою руку. Мне было хорошо. Тепло и спокойно. Мы казались мне сейчас единым целым, и я верила, что теперь мы будем вместе всегда. Потому что невозможно отделить часть себя, невозможно ее прогнать. Я знала, что даже если он вдруг попытается, я ему не позволю. Сейчас я чувствовала в себе силы противостоять кому и чему угодно. Даже самому шеду Торрену Фолкнору, верховному жрецу Некроса и самому влиятельному человеку в Северных землях.

— У тебя руки стали теплыми, — заметила я внезапно, когда наконец сама поняла, что не так было все это время. — Всегда были холодными, а теперь...

— Согрелись наконец, — хмыкнул Рен, между делом целуя меня в макушку.

— Наверное, это хорошо?

— Наверняка.

— Твое северное сердце оказалось не таким уж и холодным? — с улыбкой спросила я, запрокинув голову и глядя на него.

Он скосил на меня глаза, снова выразительно выгибая бровь.

— Будем считать, что мы удивили друг друга. И немножко — сами себя.

— Знаешь, что еще меня в тебе удивляет? — таинственным шепотом поинтересовалась я. — Как ты это делаешь? Это магия или просто какой-то фокус? Или у тебя там невидимая веревочка?

Я потянулась рукой к его брови и принялась щупать ее, делая вид, что ищу эту самую невидимую веревочку.

Рен рассмеялся, игриво шлепнув меня по руке, но тут же перехватил ее и поднес к губам

— Знаешь, когда ты почтительно трепетала передо мной, ты мне больше нравилась, — проворчал он.

И хотя его тон даже отдаленно не был похож на серьезный, я все-таки встревоженно переспросила:

— Правда?

— Конечно, нет, — заверил он, сжимая мои пальцы. — Нет ничего ужаснее жены, которая тебя боится. Жена должна быть другом и соратником. Уметь вразумлять, если ты поступаешь неправильно. Уметь слушать твои доводы, но не бояться привести свои. По крайней мере, у моих родителей так было. Мне казалось это правильным.

При упоминании о родителях мне стало грустно. Даже не потому, что в моем доме все было несколько иначе, а потому что перед глазами всплыли строчки маминого письма. Какой горькой и несправедливой оказалась ее любовь! Я пыталась представить, что она чувствовала. Пыталась понять, как бы сама поступила на ее месте. Но ни одно, ни другое мне не удавалось.

— Вот только лазить по заброшенным замкам в тайне от меня жена не должна, — продолжил Рен, отвлекая от этих мыслей. — Надеюсь, мы договорились.

— Конечно, — заверила я, непроизвольно содрогаясь от воспоминаний. — Я признаю, что это было... опрометчиво с моей стороны.

— Испугалась? — мягко поинтересовался Рен.

— Еще бы.

Я чуть отстранилась от него и подперла рукой голову, чтобы лучше видеть его лицо. Как ни странно, это частично вернуло мне привычное чувство стыда, поэтому я прижала к груди край одеяла, стараясь немного прикрыть себя от его ответного взгляда. Даже зная, что он уже все видел. Это было сильнее меня.

— Рен, что это за твари? Приходящие, я имею в виду. Карл говорил, что никто не знает, как они выглядят, разве что ты. Но я... убила двоих, а потом ты истребил еще больше. Наверняка же их убивали и другие? Даже если потом они наваливались толпой и уничтожали тех, кто посмел сопротивляться, должны же были оставаться тела?

— Должны, — кивнул Рен, поворачиваясь на бок и тоже подпирая голову рукой. — Но их никогда не остается. Несколько раз я пытался взять одного живьем, чтобы допросить... или изучить, если разговор не склеится. Но мне ни разу этого не удалось. Они существуют только в своем тумане.

Появляются тогда, когда он сгущается, исчезают, стоит ему развеяться. Живые и мертвые исчезают без следа. Откуда они приходят, куда потом деваются, почему терроризируют только наши земли? Никому неизвестно и не дано понять. Не знаю, сможет ли кто-то когда-то разгадать эту тайну. Все, что я могу, — это ставить защиту от них и истреблять при случае. Правда, я редко натываюсь на них. При том, что они регулярно пасутся вокруг защитного контура, который оберегает Фолкнор, меня они словно избегают.

— Могу их понять, — хмыкнула я, вспоминая его впечатляющее появление в сопровождении стражей.

Рен внезапно потянулся к моему лицу и погладил по щеке, улыбаясь так спокойно и так естественно, словно он никогда раньше не сдерживался в подобные моменты.

— Но иногда мне удается оказаться в нужном месте в нужное время.

— Кстати, а как ты там оказался?

— Вас искал.

— И как ты нас нашел? Как ты вообще узнал, что нас нужно искать?

— Очень просто, — усмехнулся он. — После того, как ты уехала, я тоже ушел по делам...

— Как всегда, — со вздохом перебила я.

— Да, как всегда, — не стал отпираться Рен. — Я всегда где-то нужен. Вчера мне требовалось себя занять, чтобы не сойти с ума и не броситься вслед за тобой. Я перемещался по городам, чертил защитные печати, проводил обряды, пока не вымотался достаточно, чтобы уснуть, как только вернусь домой. Вернулся. А тут твоя компаньонка...

— Роза? — зачем-то уточнила я, радостно улыбаясь. Можно подумать, у меня когда-нибудь была другая компаньонка... — Она здесь?

— Да. Когда поезд приехал без тебя, она тут же поехала в Колдор. Расспросила на вокзале, убедилась, что тебя никто не видел. Потом она добралась до Фолкнора, начала спрашивать тут. Выяснилось, что Карл тоже не вернулся. В общем, к тому моменту, как вернулся я, за тебя волновалась даже моя мать. Пришлось искать тебя через зеркало. Оно не сразу смогло тебя показать. Видимо, на замке Малроя до сих пор стоит защита от стороннего наблюдения. Но как только вы оказались на улице, я вас увидел. Только не сразу разобрал в темноте, что за место, поэтому едва не опоздал.

Его рука нащупала мою и на мгновение крепко сжала.

— Зачем ты туда поехала, Нея? Что за странная фантазия?

— Я вспомнила кое-что, — призналась я.

— Что именно?

И я принялась рассказывать: про письма, про шкатулку, про то, как злился мой отец, когда читал эти письма.

— У моей мамы был короткий роман с шедом Малроем, понимаешь? Прямо перед ее свадьбой. Его на тот момент уже нельзя было спасти, я родилась через четыре месяца после его смерти, но я его дочь. Дочь верховного жреца Некроса. Думаю, именно это и пытались показать мне твои жены в тот вечер. Письма. Потому что они знали, что я могу спасти тебя. Что я могу родить твоего ребенка. И они просили меня об этом. Я не знаю, где теперь те письма, Форт мог их уничтожить. Но я нашла еще одно в Малрое. Письмо, в котором мама говорила моему отцу обо мне, он взял с собой в могилу, оно лежало в левом кармане его мантии. У сердца. Для этого я туда и поехала, чтобы найти нечто подобное, как-то убедиться. И доказать тебе, чтобы ты не боялся на мне жениться. Потому что я оказалась не готова просто согласиться с твоим решением расстаться. Я приняла свое. Да, оно было поспешным, непродуманным, но оно было первым таким.

Я смотрела на него и все ждала выражение радости на его лице. Хотя бы облегчения, но Рен только хмурился и поджимал губы. Когда я замолчала, между нами на какое-то время повисла тишина, пока он не огорошил меня:

— Это ничего не доказывает, Нея. Они могли ошибаться насчет того, чья ты дочь. И даже если твоя мать была права... Он умер до твоего рождения, а значит, не передал тебе Силу...

Я подняла на него взгляд, глядя настороженно и недоверчиво.

— К чему ты это сейчас? — почти испуганно спросила я. — Ты ведь не?.. Ты сказал, что я могу уже считать тебя своим мужем. Теперь ты просто обязан на мне жениться!

Он успокаивающе погладил меня по плечу и обнял, придвинувшись ближе. Губы коснулись моего виска, скользнули по щеке и наконец мягко коснулись губ.

— Не беспокойся, Нея. Мы поженимся, обязательно поженимся. Я не могу отпустить тебя, не хочу расставаться с тобой. Но ребенок... — он запнулся, на мгновение отвел взгляд, но потом все же уверенно договорил: — Я не хочу подвергать твою жизнь опасности... А опасность все еще есть. Существуют зелья, которые не дадут тебе забеременеть от меня. Я могу сварить даже такое, которое справится с возможными последствиями этой ночи.

Я смотрела на него, чувствуя просто непреодолимое желание стукнуть так, чтобы выбить эти крамольные мысли из головы. К сожалению, я прекрасно понимала, что моих скромных сил не хватит на такой удар, и от

этого осознания глаза снова начинало пощипывать.

— Давай так, — предложила я, предварительно проглотив поднимающийся в горле ком. — Я сделаю вид, что не услышала этого, если ты обещаешь больше никогда подобного не произносить.

— Нея...

— Замолчи! — потребовала я, накрывая его рот ладонью. Мой голос прозвучал так грозно, что я сама себя испугалась, а у него взлетели вверх сразу обе брови. — Ты себя со стороны вообще слышишь? Что ты предлагаешь мне? Выйти за тебя замуж и, зная, что могу спасти тебя, спокойно наблюдать, как Сила убьет тебя? Ты это серьезно? Ты в своем уме?

Он снова взял мою руку в свою, повернул, коснулся губами тыльной стороны ладони, и ответил в том же тоне:

— А что ты предлагаешь мне? Сделать тебе ребенка и надеяться, что на этот раз все пройдет хорошо и вы не погибнете? А если не пройдет? Ты дочь верховного жреца Некроса, но ты не его верховная жрица. Сила не была передана. Она потеряна. Как Сила всех остальных родов наших земель. Пойми, Нея, я не хочу рисковать тобой. Я уже все решил.

Злость во мне поднялась с новой силой. Все-таки хорошо, что у меня слабые руки, иначе я бы его уже убила! Он хочет сказать, что я зря ехала в Малрой, рискуя нашими с Карлом жизнями? Что я получу взамен три горьких года совместной жизни? Нет, я была категорически с этим не согласна.

По моему телу прокатилась волна мурашек, но не таких, как обычно. Они кололись, поднимали дыбом волоски и словно бежали все в одно место: к той руке, которую Рен держал. Там, где его кожа касалась моей, внезапно проскочил разряд, заставивший его зашипеть от боли и отдернуть руку.

Я едва заметила это, слишком увлеченная формирующимся в голове возражением:

— Вот как? Что ж, у меня для тебя плохая новость, Торрен Фолкнор. Тебе придется передумать, потому что я решила иначе. Вот как все будет, Рен. Мы поженимся, и я рожу тебе детей. Не одного, а много. Ты научишь меня пользоваться Силой, и со временем я смогу помогать в твоём служении, тебе не придется все делать одному. У Северных земель будет два верховных жреца, а то есть в два раза больше защиты. Еще мы обучим учеников в твоей школе, разовьем их Силу, и они тоже будут помогать. Станут новыми младшими жрецами.

— Неужели? И кто будет заниматься школой? — он недовольно

нахмурился. — Ты, сама еще только постигающая магию и рожаящая мне много детей? Или я за счет своих обязанностей верховного жреца?

— Ронан, — не растерялась я. — И твоя мать. И я, когда сама научусь.

— Ронан меня предал, — гневно отрезал Рен.

Теперь я сама придвинулась к нему ближе, пробежала рукой по его волосам, мгновенно гася вспышку гнева.

— Ронан допустил ошибку, — мягко поправила я.

— Эта ошибка едва не стоила мне жизни, — упрямо напомнил он. — Да и ты могла пострадать.

Я покачала головой, чувствуя в груди болезненный спазм, но понимая, что должна озвучить очевидное, пусть это и обидит его.

— Рен, ты ведь тоже совершал ошибки. И одна из них стоила жизни той, кого ты любил.

Его лицо помрачнело, взгляд потух, и он обессиленно откинулся на подушки, глядя в потолок.

— Не могу поверить, что ты сравниваешь эти ситуации, — тихо пробормотал он.

Я погладила его по щеке и быстро поцеловала в губы, безмолвно прося прощения за то, что своими словами причинила боль.

— Я не сравниваю, — мягко возразила я. — Я лишь говорю, что все люди совершают ошибки, иногда чудовищные. Ты, я, он. Порой мы хотим как лучше, но подвергаем опасности тех, кто нам дорог. Это не значит, что мы не заслуживаем прощения.

— Я свои ошибки совершал из-за любви, — упрямо возразил Рен. — А он из ненависти. Нея, он хочет моей смерти!

— Нет, он злится. Ему больно. Потому что он тоже потерял ту, которую любил. Потерял дважды: сначала проиграв ее тебе, а потом похоронив. И замолчав оба раза свою горечь. Вам нужно поговорить. Не знаю, может быть, покричать друг на друга, высказать все. Возможно, даже подраться. Но потом помириться. Вы братья, Рен. Вы не должны враждовать. Вы должны помогать друг другу. Нас слишком мало, понимаешь? Мы не можем себе позволить расплытаться.

Он снова нахмурился, но в этот раз не недоволено, а скорее демонстрируя непонимание, перевел взгляд на меня.

— Нас?

— Нас, — кивнула я. — Северных жрецов. Фолкноров. Нас мало. И мы должны держаться вместе.

Рен внезапно обхватил меня руками и проворно перевернул на спину, оказываясь сверху. Его ладонь скользнула по моей щеке, волосам, потом

переместилась на плечо. Недовольство и мрачное выражение исчезли с лица, остались лишь легкое недоумением и осторожная надежда.

— Жаль, мама этого не слышит. Она определенно пришла бы в восторг и сразу полюбила бы тебя за эти слова.

Я улыбнулась и пожала плечами, насколько это позволяло сделать мое положение.

— Я могу потом повторить при ней. Рен, у нас все получится, — настойчиво добавила я, обнимая его за шею, чтобы удержать на месте. — Если на свете есть женщина, способная родить твоего ребенка, то это я. И со школой все получится. А еще можно приглашать к нам учиться людей вроде Форта.

— Ты имеешь в виду двуличных шпионов? — скривился он, но я видела, что он шутит.

— Я имею в виду незаконнорожденных детей жрецов других земель. Думаю, Форт не врал мне, когда говорил, что не мог найти свое место там, где родился. Обычные люди избегали его из-за того, что он по сути жрец, но жрецы не пускали в свое общество, потому что он бастард. Таких людей наверняка много. Обладающих Силой, но не имеющих привычек, которые тебя настораживают в жрецах других земель. Пусть приезжают к нам. Пусть обращают свою Силу на служение Некросу, принимают его учение. Пусть защищают Северные земли вместе с нами. Ты научишь их это делать, а они смогут почувствовать себя полноценными жрецами. Пусть и младшими.

— Совет этого никогда не позволит, — возразил Рен, но уже не споря, а скорее дискутируя. — Он никогда не признает их жрецами. К ним не будут относиться с тем же почтением.

— Да кого интересует, что признает или не признает Совет! — воскликнула я, чересчур увлекшись своей фантазией. — Ты годами защищаешь людей в этих землях. Лично носишься из города в город, из деревни в деревню. Уничтожаешь проходящих, останавливаешь стихийные бедствия и эпидемии, спасаешь урожай... Как ты думаешь, кого люди послушают в первую очередь? Какой-то далекий и непонятный Совет или тебя? Что ты назовешь истиной, то они и примут как истину.

Он так странно смотрел на меня, что я смутилась. Мои речи наверняка казались ему наивными, если не глупыми. Конечно, он знал миллион причин, почему все не может быть так, как я говорю. Вероятно, он сразу не назвал все это чушью только из-за нежных чувств ко мне. Наверное, в глубине души он смеется над моими предложениями, хотя в реальности позволяет себе только улыбаться. Ладно, пусть так! Пусть все это глупости

и чушь! Для меня главным было убедить его строить нормальную семью, без всех этих никому не нужных жертв с его стороны.

— Ты невероятная, ты это знаешь? — неожиданно спросил Рен совершенно серьезно.

— Что? — не поняла я. Такой реакции я не ожидала.

— Невероятная умница, — уточнил он. — Странно, что все это не придумал я сам. Наверное, иногда слишком много знать — вредно. Мне просто не приходило в голову посмотреть на все это... так.

Я недоверчиво улыбнулась, пока не до конца понимая, говорит ли он серьезно или подшучивает надо мной. Но в глазах его светилось искреннее восхищение.

— Кажется, я начинаю снова верить в Богов, — признался он тихо после того, как быстро поцеловал меня. — Потому что только они могли привести тебя ко мне.

— Забавно, правда? — я погладила его по щеке, убрала за ухо падающие на лицо волосы. — Когда в нашей жизни случается что-то плохое, мы говорим, что Боги нас оставили или даже что их вовсе нет. Я ведь тоже думала, что Богиня оставила меня, когда нас обручили против моей воли. А когда случается что-то хорошее, наша вера возвращается. Но без того плохого, что случилось в нашей жизни, разве произошло бы это хорошее? Может быть, Боги просто лучше знают?

Он вздохнул и пожал плечами. Его улыбка на мгновение погасла, но потом появилась снова.

— Я не знаю, Нея. Конечно, веря в это, легче принимать плохое в жизни. Думая, что за этим последует хорошее, что так надо. Я знаю одно: мне очень повезло с тобой. Неважно, кого я должен благодарить за это. Я искренне благодарен. У меня только один вопрос: сколько времени тебе потребуется, чтобы сшить свадебное платье?

Я растерялась от такой резкой смены темы.

— Не знаю... Зависит от швеи. И сложности. А что?

— Хочу жениться на тебе. Как можно быстрее. Пока еще что-нибудь не случилось.

— Надеюсь, ты имеешь в виду, нормально жениться, — я с подозрением прищурила глаза. — Потому что никакие твои зелья я пить не буду.

Он покачал головой.

— Никаких зелий. Знаешь, все это время ты казалась мне такой маленькой и хрупкой, я боялся навредить тебе. Но сейчас я чувствую в тебе огромную Силу. Не знаю, почему я не видел ее раньше.

— Потому что ее не было, — призналась я. — Я не была такой. Я была слабой и безвольной. Ты сделал меня сильной.

— Какой я молодец, — рассмеялся Рен.

И снова поцеловал, крепко обнимая. Его руки уже вновь заскользили по моему телу, заставляя сердце забиться вдвое быстрее, но внезапный стук в дверь заставил нас обоих вздрогнуть. Рен даже не успел ответить, а я только начала снова натягивать на себя съехавшее одеяло, когда дверь спальни распахнулась и на пороге появился Долорсдон. Впервые я видела распорядителя дома таким напуганным и растерянным, в теплом халате, надетом поверх полосатой пижамы.

— Шед Фолкнор!.. О, простите, не знал, что вы не один...

Он деликатно отвернулся, но я все равно почувствовала, что краснею от стыда. «Мне этого никогда не забудут!» — забились в голове тревожная мысль. О том, что на севере к близости до брака относятся спокойнее, я как-то забыла.

— В чем дело? — грозно спросил Рен, ментально превращаясь в сурового верховного жреца.

— Там ваш брат, шед, — дрожащим от волнения голосом ответил распорядитель. — Требуется вас. Он говорит, что все мы в смертельной опасности.

Кажется, пожениться до того, как что-нибудь случится, мы не успели.

Глава 31

Рен оделся так молниеносно, что я заподозрила его в применении магии для этого нехитрого дела. Правда, рубашку он застегивал на ходу, а ни сюртук, ни мантию, как оказалось, вовсе не стал надевать. Мне он велел остаться в спальне. Я, конечно, и не думала его слушаться. В последнее время у меня наблюдались явные проблемы с послушанием.

Мне потребовалось гораздо больше времени на то, чтобы отыскать по двум комнатам все предметы одежды и облачиться в них. Пальто я только подняла с пола и переложила на кресло, после чего выскочила в коридор.

— Нея?

Знакомый голос окликнул меня, едва я успела преодолеть пару метров. Я оглянулась, радостно улыбаясь, и через мгновение оказалась в крепких объятиях Розы.

— Вот так номер! — ошарашенно воскликнула та. — Я тут с ума схожу, гадаю, куда ты делась и что с тобой стало, а ты здесь!

Она отстранилась, окинула меня изучающим взглядом и покачала головой. Сама она была одета в свои обычные удобные штаны и хорошо знакомый мне черный свитер с высоким горлом, какой здесь носили многие. Очевидно, она тоже этой ночью и не думала лечь.

— Бедный ребенок, что они с тобой сделали?

Я удивленно приподняла брови, не понимая, о чем она говорит, и ей пришлось пояснить:

— У тебя очень болезненный вид. Тебя морили голодом? Держали в подвале?

Я нервно рассмеялась и отрицательно мотнула головой. Тоже посмотрела на нее более внимательно и поняла, что она для меня теперь тоже выглядит необычно. За два месяца я привыкла видеть более бледные лица. Да и сама, наверное, заметно побледнела.

— Нет, совсем нет, — заверила я. — Просто загар сошел. И я ночь не спала.

Роза отпустила мои плечи, которые до сих пор сжимала, оглянулась на дверь, из которой я только что вышла, и снова повернулась ко мне, но уже недоверчиво хмурясь.

— А ты разве не из спальни сейчас?

Я почувствовала, как загорелись щеки и опустила взгляд в пол. У Розы вырвался какой-то странный звук: то ли кашель, то ли смешок, то ли просто

возглас удивления.

— Значит, это не твоя спальня. Да, то-то я смотрю, ты стала совсем другая. Нет, бледность тут ни при чем. Просто ты стала... взрослее. Я жажду грязных подробностей.

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда и не знала, куда смотреть. Сердце забилось так, что стало тяжело дышать.

— Не сейчас, Роза, — взмолилась я. — Там что-то случилось. Ронан говорит, мы в смертельной опасности. Идем.

Я схватила ее за руку и потащила к лестнице, а она задала только один вопрос:

— Кто такой Ронан?

Я не стала тратить время на объяснения. В считанные секунды мы преодолели оставшийся коридор и оказались на лестнице. Голоса братьев мы услышали, едва спустились на один пролет.

— Почему я должен тебе верить? — сурово вопрошал Рен. — Ты желаешь моей смерти!

Я едва не застонала от досады: все объяснение ситуации мы пропустили, теперь придется вникать на ходу.

— Если бы речь шла только о твоей жизни, я бы пальцем не пошевелил, — огрызнулся в ответ Ронан. — Но хочу тебе напомнить, что в этом замке живет еще и моя мать, а также мои ученики. Хочешь верь, хочешь — нет, а они мне дороги. Полагаю, южане идут сюда не для того, чтобы оставлять живых свидетелей. Им нужен ты, но убьют они всех, чтобы на них потом не указали.

Внутри у меня все похолодело от такого заявления. Южане? Стало быть, южные жрецы. Идут сюда? Но почему?

— Что происходит? — спросила я, перепрыгивая последние ступеньки лестницы и не давая Рену высказать новые возражения. — С чего вы взяли, что южные жрецы идут сюда кого-то убивать?

Ронан вскинул на меня удивленный взгляд. Видимо, он считал, что я уже покинула Фолкнор. После этого он перевел взгляд на Рена, как бы предлагая ему самому рассказать. Сам он выглядел довольно помято, словно ходил в этой одежде уже даже не второй день и совсем недавно протрезвел. В полутемном холле они стояли втроем: Рен и Ронан в центре, друг против друга, а Долорсдон — чуть в стороне, на почтительном расстоянии от них.

Рен пару секунд сверлил взглядом брата, скрестив руки на груди, после чего повернулся ко мне.

— Рон говорит, что видел в городе южных жрецов и подслушал их

разговор. Они ищут транспорт, чтобы добраться сюда. Их очень много, и они без мантий. Значит, скрывают свой визит.

— Как вы тогда узнали, что это южные жрецы? — усомнилась Роза, спускаясь по лестнице более степенно, нежели я, и почти полностью копируя позу Рена.

Ронан удивленно посмотрел на нее, пытаясь понять, кто она. Не сумев, перевел взгляд на меня и пояснил:

— Я знаю в лицо отца Неи. Он был среди них. С ним был юноша, очень на него похожий. Полагаю, сын. Сначала я увидел их, а потом решил проследить за ними и подслушать. Они говорили о том, что им нужно нагрянуть в Фолкнор как можно раньше, пока обитатели замка спят. И еще: с ними будут верховные. Они упоминали, что те придут тайными тропами сами. Сомневаюсь, что они все собираются преподнести нам приятный сюрприз.

— Не может быть, — я даже головой помотала, чтобы подчеркнуть свое недоверие. — Они бы не стали такого делать, они бы не решились!.. Одно дело поженить нас, а потом перехватить контроль над Северными землями, принудительно оставив меня вдовой. Но явиться сюда небольшой армией, устроить бойню, убить всех... Отец и Корд на такое не пошли бы!

— Вообще-то, — тихо заметила Роза, — они могли.

Мы все перевели удивленные взгляды на нее, и ей пришлось пояснить:

— Когда я пришла в дом твоего отца за письмом, я услышала обрывок его разговора с Кордом. Корд был возмущен тем, что из-за разрыва вашей помолвки их план катится в сумрак. Твой отец ответил, что пока не все потеряно. Пока о разрыве помолвки никому неизвестно, еще можно что-то сделать. Честно говоря, я решила, что они думают о том, как восстановить помолвку. Это удивило меня, конечно. До того момента я считала, что они от нее не в восторге. Но я слышала, что другой Дом оттяпал у семьи Веста часть территории влияния. И теперь понимаю, что они могли говорить совсем о другом.

— Пока никто не знает, что наша помолвка расторгнута, — протянул Рен, — они могут уничтожить Фолкнор и занять Северные земли по праву семьи, с которой я собирался породниться. А с ними сюда придут и другие южные жрецы, которых им удалось подбить на эту авантюру. Они сделают это быстро, в восточных и западных землях даже опомниться не успеют. Я только не понимаю, как верховные позволили втянуть себя во все это? Младшим тесно — это понятно, но верховных ведь не так много, чтобы они рискнули вызвать гнев короля... Он будет искать виновных и когда найдет, никому мало не покажется.

— Возможно, мы недооцениваем то, насколько южным жрецам тесно в их краях, — мрачно заметил Ронан. — Вероятно, даже некоторым верховным не удастся удовлетворить сполна свои амбиции. И скорее всего, они уже знают, на кого все это свалят. Возможно, подставят кого-то из своих же. Думаю, они уже морально готовы жрать друг друга. Я, кстати, не удивлюсь, если в итоге именно семью Неи и сделают крайними.

Рен потер лоб рукой, потом прижал к лицу ладони, пройдясь из стороны в сторону. Он казался растерянным и... напуганным, хоть и старался скрыть это. Нам оставалось лишь напряженно следить за каждым его движением и ждать, что он скажет. Внезапно Рен остановился, как будто споткнулся о невидимое препятствие.

— Долорсдон, — обратился он к распорядителю. — Разбудите учеников, учителей и прислугу. Всем нужно немедленно покинуть замок. В гараже есть еще два автомобиля, если кто-то умеет водить, можно их взять, но всем места не хватит. Мужчинам точно придется уходить пешком. Лучше разбиться на группы и покидать Фолкнор в разных направлениях.

Долорсдон испуганно посмотрел на нас, но ничего не сказал. Послушно кивнул и поторопился в школьное крыло, а Ронан удивленно посмотрел на брата.

— Эвакуация? — удивился он. — Серьезно?

— Других вариантов нет, — Рен ответил ему мрачным взглядом. — Они уже здесь: защитный контур только что был взломан. Если уж они пошли ва-банк, то пойдут до конца. Отбить эту атаку мы не в силах. Значит, нам с тобой придется остаться и задержать их, а остальные должны немедленно уйти, потому что надолго нас не хватит. Но возможно, убив нас, они не станут гнаться за теми, кого здесь даже не было.

— Убив вас? — переспросила я, чувствуя, как замирает сердце.

— Они здесь для этого, — Рен даже не посмотрел на меня. — Им нужны я и Ронан. В первую очередь. У остальных есть шанс спастись.

— Ты можешь спастись, — раздался с лестницы властный голос госпожи Фолкнор. Я даже не заметила, когда и как она там появилась. — Ты можешь мгновенно уйти, будешь в столице в покоях короля через считанные мгновения.

Рен посмотрел на нее, нахмурившись, но тут же покачал головой.

— Не могу. Они возвели свой контур. Как мой не давал верховным попасть сразу сюда, так их не выпустит меня отсюда. Да и не собираюсь я бегать от них, как трусливый кролик.

— Что ж, тогда и я никуда не уйду, — заявила госпожа Фолкнор. — Это мой дом, а вы — мои сыновья. Я не брошу ни Фолкнор, ни вас. Если

нашей семье суждено сегодня погибнуть, то мы погибнем вместе.

— И я никуда не уйду, — на всякий случай уточнила я, хотя до этого момента мне казалось, что это и так понятно. Рен наконец поднял на меня раздосадованный взгляд, но я не дала ему проронить ни слова: — Даже не начинай, Рен! Жена должна стоять рядом с мужем, что бы ни было. К тому же, там моя семья. Может быть, мне удастся их образумить.

— Я бы на это не рассчитывала, — пробормотала госпожа Фолкнор, но в ее тоне мне почудилось общее одобрение моего решения.

— Ты еще не жена, — напомнил Рен, но уже без особой надежды меня переубедить.

— Ты сказал, я могу считать тебя своим мужем, — я пожала плечами, улыбнувшись ему. — Если ты мой муж, то я твоя жена.

— Значит, я тоже остаюсь, — спокойно заявила Роза.

— Вам-то это зачем? — уже просто уточнил Рен, тяжело вздохнув.

— Давайте я объясню вам, как это работает, шед, — усмехнулась Роза и приложила ладонь к груди. — Я телохранитель, она, — теперь ее рука легла на мое плечо, — охраняемое тело. Где тело, там и телохранитель.

— Вы даже не маг!

— Зато я хорошо стреляю, — парировала Роза, переместив руку на кобуру.

— А пуля порой надежнее этой нашей боевой магии, — с нервной усмешкой процитировала я ее же слова.

— О, у тебя была возможность оценить это или ты просто дразнишься?

Роза с любопытством посмотрела на меня, а я, вдруг испытав прилив гордости, радостно поведала:

— Да, мне твой револьвер пригодился недавно. Я застрелила двух проходящих, представляешь?

— Кого?

— Потом объясню, — махнула я рукой, понимая, что сейчас не лучшее время для пространных разъяснений.

— Слушай, а кто это вообще и откуда она здесь взялась? — тихо обратился Ронан к брату, странно косясь на мою компаньонку. Я не поняла, чего больше в его взгляде: любопытства или недоверия.

— Я тебе потом объясню, — проворчал Рен, хмурясь.

Даже если бы он решил объяснить сейчас, у него бы не вышло: из коридора восточного крыла раздался громкий топот десятков ног, словно бежал целый табун лошадей. В считанные секунды в холл высыпали ученики школы, все в разной степени одетые и причесанные, но все

одинаково перепуганные.

— О, да что вы творите? — возмутился Рен, когда они остановились, тревожно глядя на него. — Вы собрались бежать через главный вход? Через черный нужно, с другой стороны замка, иначе вас заметят, догонят и убьют!

— Да мы не собираемся никуда бежать! — возразил долговязый парень из группы Ирис.

— Нам сказали, что на замок готовится нападение, — задыхаясь то ли от бега, то ли от страха, выпалила сама Ирис. — Это так?

Только после этого она заметила меня, но то ли слишком удивилась моему возвращению, то ли не очень обрадовалась. И не она одна.

— Нам сказали, это южные жрецы, — Далия бросила на меня уничтожающий взгляд. — Они собираются вас убить?

— Вас это не касается, — отрезал Рен. — Это дело нашей семьи. Вы здесь ни при чем, но можете пострадать как неудобные свидетели. Мы сами разберемся, а вам нужно уходить...

— И куда вы предлагаете нам уйти? — возмутилась Ирис. — Шед Фолкнор, вот уже третий день, как школа не работает, но вы не выгнали нас, продолжаете нас кормить и позволяете здесь жить. Не потому ли, что вы прекрасно знаете, что большинству из нас идти некуда?

— И мы никуда не пойдем, — уверенно заявила Далия, упрямо скрестив руки на груди.

Мне пришло в голову, что чем-то ее вид, поза и тон напоминали манеру Розы держать себя. Даже странно, что мы не смогли найти общий язык. Ее подружки, среди которых наверняка были и те, что заперли меня тогда в подвале и кого Рен потом наказал аналогичным образом, выглядели так же уверенно.

— Вы что, все издеваетесь? — возмутился Рен, но по его глазам я видела, что он тронут такой преданностью до глубины души. — Если на мне нет мантии, это еще не значит, что я перестал быть верховным жрецом и мои распоряжения можно игнорировать!

Гнев у него получился не очень убедительный, поэтому после этой тирады никто даже не шелохнулся. Рен закатил глаза, обреченно махнул рукой и устало попросил:

— Новички, хотя бы вы уходите. От вас толку все равно никакого, вы и магией пользоваться еще не научились.

— Но те, кто идут сюда, ведь этого не знают, — осторожно заметила Келда. — Мы постоим для массовости.

— Ну да, южные жрецы вас увидят, как испугаются, как побегут, — язвительно фыркнул Ронан, качая головой. Он недовольно посмотрел на

брата. — Не понимаю, почему тебе все так преданы.

— Подрастешь, я тебе объясню, — отозвался Рен.

Ронан уже открыл рот, чтобы чем-то парировать, но его прервало появление преподавателей. Они не стали бежать по коридору, как ученики, или, как минимум, в холл вошли более степенным, хоть и достаточно энергичным шагом. Первым шел Луфр Мари, на ходу застегивая последние пуговицы сюртука.

— Я смотрю, учителям тоже идти некуда? — мрачно уточнил Рен, глядя на них.

Мари пригладил руками волосы и как всегда вредным тоном заявил:

— Должен же на вашей стороне выступить хоть кто-то, кто действительно владеет магией, — он бросил презрительный взгляд на учеников. — В том числе боевой.

— Похоже, сегодня Фолкнор или отстоит себя, или заберет с собой немало жизней тех, кто идет сюда с войной, — со странным воодушевлением заявила госпожа Фолкнор.

— На первое шансов мало, — вздохнул Рен. — Надеюсь, вы все это понимаете.

— Дураков тут нет, Торрен, — проворчал Ронан.

— А эти тени, которых ты призываешь, — с надеждой спросила я. — Разве они нам не помогут? С приходящими они справились в два счета.

Рен отрицательно покачал головой.

— Стражи хороши против приходящих, против обычных людей и даже против младших жрецов. Но они тени погибших военных, а не жрецов. И против верховных они практически бесполезны. Если среди южан будет больше двух верховных, то они быстро с ними разберутся.

После этого его признания настроение в холле стало чуть менее боевым, но никто не двинулся с места.

— Они уже почти добрались, но у вас еще есть время уйти, — повторил Рен, обводя всех выразительным взглядом. — Это не будет стыдно. Это не будет предательством.

Но даже после этого все остались стоять на своих местах. Рен кивнул и повернулся к Долорсдону, который как раз тоже вернулся в холл и снова почтительно замер. И хотя на нем по-прежнему были пижама и халат, стоял он с таким торжественным видом, словно собирался прислуживать на большом приеме.

— Что прислуга?

— Разбужена и одевается, шед, — важно кивнул распорядитель. — Комнаты будут прибраны в течение часа, завтрак будем готовы подать через

полчаса.

Не знаю почему, но я расплылась в улыбке, услышав это. Никто в Доме Рена не решился покинуть его хозяина. Было в этом одновременно что-то трогательное в своей нелогичности и воодушевляющее в своей самоотверженности.

— Что ж, — снова кивнул Рен, уже не споря и не возмущаясь. — Они почти здесь. Так встретим их. Вместе.

— Я принесу твою мантию!

Я кинулась бегом к лестнице. Верховный жрец Некроса должен был встречать вторжение в свой Дом только в мантии. Я жалела лишь о том, что не знаю, где лежит парадная. И нет времени это выяснять.

Глава 32

Мы вышли им навстречу все вместе. Рен, конечно, шел первым, а я — рядом с ним, держась за его руку. Отставая на полшага, шли его мать и брат: госпожа Фолкнор со стороны своего старшего сына, а Ронан — с моей, но между ним и мной поместилась еще и Роза. Ученики и учителя школы следовали за нами. Всего нас получилось человек тридцать.

Южных жрецов оказалось не меньше. Похоже, они по-настоящему опасались Фолкноров, раз пришли в таком количестве.

Солнце еще не встало, но небо уже светлело. Темнота над миром развеялась, но пока вокруг правили серые сумерки. Ночью шел небольшой снег, черная земля была укрыта им почти полностью. Он тихо хрустел под ногами и добавлял света. И холода. Та рука, которая не лежала в ладони Рена, моментально начала неметь. Я порадовалась тому, что взяла не только его мантию, но и свое пальто. Вот только перчаток у меня не было.

Рену холод, как всегда, был нипочем. Он даже мантию не застегнул, и ее полы опять разлетались при каждом шаге: их подхватывали порывы ветра.

Ступив на земли Фолкнора, южные жрецы тоже облачились в мантии. В первом ряду шагали пятеро в мантиях верховных. И мой отец. Брата я рассмотрела за его плечом. Это внезапно напомнило мне один из моих снов, в котором они так же шли мне навстречу по заснеженной земле, облаченные в белые мантии.

Заметив меня, отец — я продолжала его так называть несмотря ни на что — переменялся в лице. Верховный, шедший рядом с ним, тоже меня узнал и вопросительно посмотрел на него. Они ведь считали, что меня здесь нет, что я уехала. Мне даже показалось, что мое присутствие вызвало у них замешательство, и на секунду в груди затрепетала надежда. Возможно, то, что я здесь, заставит их передумать?

Однако южные жрецы лишь ненадолго сбились с шага, после чего продолжили идти на нас. Остановились только подойдя достаточно близко, чтобы можно было разговаривать.

Мы тоже остановились. Я произвольно сжала руку Рена сильнее. Он на мгновение повернул ко мне голову и ободряюще улыбнулся.

И тут же снова повернулся к незванным гостям. Когда он заговорил, в его тоне не было и следа подаренной мне нежной улыбки:

— Я приветствую вас, шеды, и ваших младших братьев в Северных

землях. Вот только мне непонятен столь ранний, столь неожиданный и столь многолюдный визит. Объяснитесь.

— Приветствую и я вас, шед Фолкнор, — заговорил один из верховных. Я его не знала. — Мы пришли сюда за справедливостью. Нам было сказано, — он оглянулся на моего отца и того верховного, что шел рядом с ним, — что вы попросили руки дочери одного из наших младших братьев, заманили ее в свой замок, обесчестили, после чего якобы отослали отсюда, и по пути она сгинула.

— Ну, как видите, с госпожой Веста все в порядке, — Рен указал на меня свободной рукой. — Хочу заметить, что ее отец сам предложил мне ее в жены, а госпожа Веста сама изъявила желание сюда приехать. Мы готовимся к свадьбе, ради чего я решил прервать свой траур. Так что вы зря проделали весь этот путь.

Верховные вновь переглянулись и посмотрели на моего отца, а тот зло сощурился. Сейчас на его лице было точно такое же выражение, как в тот день, когда я застала его за чтением писем из маминой шкатулки.

— А факт бесчестия отрицать не стал, — заметил он, выразительно глядя на верховных. — Принуждения к близости до брака будет достаточно?

Сложно описать словами то чувство стыда, которое меня захлестнуло. Было гадостно слушать, как они обсуждают мое «бесчестие», видеть, с каким сочувствием, смешанным с презрением, смотрят. Позволить мужчине «принудить» себя к близости вне брака считалось в наших краях чуть менее стыдным, чем отдаться ему добровольно, но все равно стыдно. Если такое и случалось, то это старались замолчать. Если замолчать не удавалось, то женщину, попавшую в такую ситуацию, как правило презирали чуть ли не больше, чем мужчину, который ситуацию создал. Но, конечно, за ее спиной. Официально ей сочувствовали.

— А это так? — тот верховный, что начал говорить, перевел вопросительный взгляд на меня.

Я инстинктивно прижалась к Рену, обхватила руку, которой он меня держал, второй рукой, словно боялась, что его сейчас у меня заберут. Или меня у него.

— Отвечай, дитя, не бойся, — голос верховного звучал обманчиво мягко.

Я только молча помотала головой. Даже под страхом смерти я сейчас не призналась бы в том, что была близка с Реном, по своей воле или против нее.

— Вы же видите, она просто боится своего позора, — тут же покачал

головой отец. — Да и кому какая разница, что она сейчас скажет, если свидетельствовать ее слова будем только мы.

— Вот ты жучара, — ошарашенно выдохнула Роза.

— Зачем ты это делаешь? — вырвалось у меня.

Я смотрела на своего отца и не верила в происходящее. Как я могла так заблуждаться на его счет? Или его отношение ко мне так изменила правда, которую он узнал? Это было за гранью моего понимания.

Отец сжал челюсти, глядя на меня все с той же злостью, словно это лично я предала его, а не моя мать родила ребенка от другого мужчины и скрыла это, нанеся ему двойное оскорбление. Я перевела взгляд на Корда, но тот избегал смотреть мне в глаза. А ведь он все равно оставался моим братом, пусть и наполовину.

Если до этого момента во мне еще жила надежда на то, что связь с семьей, в которой я выросла, пока не разорвана до конца, то теперь она скорострительно скончалась. Я поняла, что не смогу сказать или сделать что-то, что их остановит.

— Вы хотя бы уверены в том, что близость была? — тихо уточнил тот верховный, что стоял рядом с отцом. — Если она еще невинна, это и по мертвому телу будет понятно.

Мне показалось, что я проглотила целую пригоршню снега: настолько холодно стало внутри. Они действительно подписали нам всем смертный приговор и пришли исполнить его. И раз уж я оказалась здесь, меня щадить никто не собирался.

Теперь отец скользнул по мне изучающим взглядом.

— А ты сам не видишь? Волосы острижены, диадемы нет. Она держит его за руку, прижимается к нему... Он ее развратил, определенно.

— Мне даже слушать вас тошно, — зло процедил Рен. — Ублюдочные лицемеры.

— Торрен! — строго одернула его мать.

— Прости, мама, — тут же извинился он. — И ты, Нея.

Он перевел взгляд на Розу, которая стояла достаточно близко, чтобы услышать резкие слова, но она опередила его:

— Передо мной можете не извиняться, шед. Я подписываюсь под каждым вашим словом и могу добавить еще десяток своих. Но не при нежных ушах моей подопечной.

Рен кивнул и снова повернулся к южным жрецам.

— Давайте оставим эти лживые расшаркивания. Вы здесь не ради справедливости. Вам плевать на Нею. Вы здесь, чтобы убить нас и распространить свое влияние на Северные земли. Вот только уверены ли

вы, что сможете прожевать кусок, который собираетесь откусить? Уверены ли вы, что король не узнает и не накажет вас? Сомневаюсь, что он простит вам убийство своей родни.

Я видела, что на лицах некоторых младших жрецов проявилось сомнение, они нерешительно переглянулись, как бы спрашивая друг у друга, действительно ли они смогут избежать гнева Его Величества.

— Что ж, — все тот же верховный приторно сладко улыбнулся, — так даже лучше. Полагаю, вы понимаете, что раз уж мы пришли сюда, то обо всем подумали. И обратной дороги у нас нет. Теперь, когда вы видели наши лица и знаете наши намерения. Вы можете сдать, и тогда ваша смерть будет быстрой.

Рен промолчал, сверля верховного гневным взглядом исподлобья. Я не сразу поняла, что он просто занят призывом стражей. Лишь когда они начали появляться перед нами, заслоня собой как щитом, я поняла, что от слов мы переходим к делу. Сердце зашло к груди, но вместе с тем я почувствовала и уже знакомое покалывание во всем теле. Сила готовилась прийти мне на помощь, вот только я не успела научиться ею пользоваться.

— Ваши мертвые стражи не причинят нам вреда, шед Фолкнор, — усмехнулся верховный.

В его ладонях вспыхнуло пламя, похожее на то, каким Рен сражался с приходящими, только оно было красновато-оранжевого цвета как настоящий огонь. Остальные верховные сделали то же самое. Младшие жрецы принялись формировать похожие шары двумя руками, но у них получалось медленнее.

Стражи бросились вперед, стремясь накрыть собой и уничтожить противников, но сгустки Силы, посылаемые верховными, уничтожали их еще на подлете. Очень скоро стражей не осталось, и младшие жрецы атаковали нас.

Госпожа Фолкнор и Ронан вскинули руки, вдвоем формируя общий заслон, который закрыл нас от огненных шаров. Этот залп их щит вполне мог выдержать, но я сомневалась, что они продержатся долго.

Роза достала из кобуры пистолет, а Рен выпустил мою руку, потому что ему нужна была его вторая, чтобы иметь возможность сражаться в полную силу.

— Отойди за меня, — напряженно попросил он.

Во мне все протестовало против такого, но Роза бесцеремонно дернула меня назад, сама пряча за спину жениха и становясь рядом с ним, чтобы не дать мне вылезти вперед. Что происходило у нас за спиной, я не знала, но понимала, что там каждый тоже готовится к атаке в меру своих

возможностей.

Наши перспективы выглядели удручающе. Южных было слишком много. Пятеро верховных против одного нашего, младшие жрецы против магов-недоучек. Мы были обречены, я это понимала. Полагаю, остальные тоже.

По телу вновь прокатились покалывание и холод, кисти рук ужасно мерзли, и я засунула их в карманы пальто. Наткнулась на письмо мамы, которое шед Малрой забрал с собой в могилу. Вспомнила тень, защищавшую нас с Карлом от проходящих. Вспомнились мне и слова Рена: «Стражи хороши против проходящих, против обычных людей и даже против младших жрецов. Но они тени погибших военных, а не жрецов. И против верховных они практически бесполезны...»

А если на нашей стороне будет тень верховного жреца? Я понимала, что это едва ли сравняет наши силы, но я не могла не попробовать. Хоть какой-то вклад в сражение я должна была внести?

Мы ответили градом голубоватых сгустков искрящейся электрическими разрядами энергии, но их так же поглотил выставленный щит. Роза сделала два пробных выстрела, но я не увидела, увенчались ли они успехом.

Я закрыла глаза и сжала в ладони письмо, мысленно призывая дух отца из чертога Богов и умоляя его помочь нам. Я надеялась, что он услышит, как услышал меня на занятии и потом в своем замке, но довольно долго ничего не происходило.

Наконец я почувствовала чье-то ледяное присутствие рядом. Не знаю, как иначе это можно назвать. Я открыла глаза и скосила глаза в сторону: рядом со мной возвышалась бесформенная тень.

— Возьми меня за руку, — услышала я едва различимый за шумом магической схватки шепот. — Помоги мне, чтобы я смог помочь вам.

Я опустила глаза вниз. Часть тьмы тянулась ко мне, как будто действительно протягивая руку. Я осторожно коснулась этой тьмы ладонью и почувствовала, как ее сжали ледяные пальцы. Тело вновь закололо, словно тысячи маленьких ледяных иголок вонзились в меня, и постепенно это ощущение сконцентрировалось в центре ладони. Я чувствовала поток Силы, проходящий через нее, чем-то это было похоже на лечение. Только целительная Сила, покидая меня, казалась теплой.

В переливающейся тьме снова проступило лицо шеда Малроя. Он выглядел даже моложе моего жениха, словно после смерти его внешность стала такой, какой должна была бы быть в тридцать три года. Он смотрел на меня, мягко улыбаясь. Я не сразу поняла, что мгновения спустя

проступила и его фигура, облаченная в парадную мантию. Очень скоро он стал похож на обычного человека, как Лилия.

Он перевел взгляд на южных жрецов, забрасывающих нас своими огненными шарами, и плавно скользнул вперед, напоминая, что он всего лишь дух, а не человек. При этом ему удалось не коснуться никого из тех, кто стоял передо мной. Я лишь услышала удивленный возглас Рена.

Очередная атака южных жрецов пришлась на выставленный им одним щит, поскольку его мать и брат еще не восстановились после предыдущей. Скорее всего, от следующей уже не удалось бы закрыться, но появление призрачного шеда Малроя сбilo южных жрецов с толку. Или так мне показалось, потому что я не сразу поняла, что происходит на самом деле.

Лишь когда они все заскользили мимо меня, выстраиваясь новым щитом перед нами, я поняла, что Малрой пришел не один. Их было много. Несколько десятков точно. Похожих на живых людей, но скользящих по воздуху, не оставляя следов на снегу, облаченных в парадные мантии жрецов Некроса. Часть из них были светловолосыми, как Малрой, другие — брюнеты, как Рен. Когда один из таких проплывал мимо нас, госпожа Фолкнор приглушенно охнула, а Ронан удивленно прошептал:

— Отец?..

Рен лишь молча смотрел на происходящее, замерев как каменное изваяние. А я вновь чувствовала покалывание по всем теле и как Сила идет из меня, словно кто-то или что-то вытягивает ее.

Верховные жрецы выстроились перед нами, подняли руки, зажигая на ладонях голубоватый огонь, и синхронно шагнули вперед, к остолбеневшим южным жрецам.

Задние ряды наших противников первыми обратились в бегство. Младшие жрецы просто кинулись бегом прочь, через пустое, укрытое снегом поле, по которому они пришли. Верховные попытались предпринять еще одну атаку, но когда поняли, что не могут причинить вреда мертвым жрецам, просто исчезли в клубах черного дыма. И тогда прочь бросились бежать все младшие жрецы. Наши явившиеся из чертога Богов защитники так и не пустили в ход голубоватое пламя и не ускорили шаг, но продолжали гнать их прочь через поле.

Туда, где уже начал сгущаться туман.

Глава 33

— Боги, что это было? — услышала я за спиной ставший непривычно тонким голос Ирис.

После ее вопроса все пришло в движение: Роза отмерла и опустила пистолет, Фолкноры полным составом обернулись и посмотрели на меня, а у меня подкосились ноги, и я рухнула на землю, едва успев подставить руки. Немеющие от холода ладони почти не почувствовали ни снега, ни замерзшей грязи. Только болезненный удар.

— Нея!

Рен в одну секунду оказался рядом, обнял за плечи и попытался поднять меня на ноги, но я протестующе замотала головой: я знала, что не могу им пока доверять.

— Это ты сделала, да? — понял он по моему состоянию. — Ты призвала их?

— Да как она могла призвать верховных жрецов? — не поверила госпожа Фолкнор. — Это невозможно! Тем более южной девчонке, еще даже не начавшей входить в силу...

— Если верить Форту, однажды ей это уже удавалось, — пробормотал Ронан.

— И в силу она уже начала входить, — добавил Рен, выразительно посмотрев на мать.

Та только удивленно вздернула брови. Хотела что-то спросить, но Ронан ее опередил:

— Но там... — он неуверенно обернулся на исчезающих вдалеке жрецов, — там был наш отец?

— Я призвала только своего отца, — призналась я, прикрывая глаза. Я чувствовала себя даже хуже, чем после лечения Карла. — Он сам привел остальных. Ваших предков... и моих.

— Ничего не понимаю, — раздраженно воскликнула Далия. — Ты же из южных! Это твоя семейка едва нас не закопала на этом поле!

— Не совсем, — покачал головой Рен, неуверенно улыбаясь. — Ее настоящим отцом был Лоран Малрой.

— Значит, она дочь жрицы Виты и жреца Некроса, — протянула госпожа Фолкнор. — Это многое объясняет.

Я тут же вскинула на нее непонимающий взгляд. Остальные тоже посмотрели вопросительно, дожидаясь продолжения.

— Вита и Некрос, — повторила госпожа Фолкнор, как будто наше непонимание ее раздражало. — Жизнь и Смерть. А она — посередине. Медиум. Ни в нашем, ни в вашем поколении таких не было, но когда-то давно похожие союзы заключались. Правда, не среди верховных, а среди младших жрецов. Дети, которые в них рождались, обладали особым даром. Мертвые являлись к ним как живые. Даже по собственной воле, а уж по призыву почти всегда. Медиумам проще их увидеть и услышать, призракам не приходится прикладывать так много сил.

— Поэтому Лилия и приходила к тебе все это время, — Рен крепче обнял меня за плечи. — И даже верховный жрец покорился твоей воле.

— Нет, он не покорился, — возразила я с улыбкой. — Он просто хотел помочь. Он взял мою силу, чтобы стать... более реальным, что ли. Они все брали мою силу, но они не покорялись мне. Они защищали свои семьи. Своих потомков.

— Вот это номер, — протянула Ирис, скрестив руки на груди и поежившись.

В этот момент издалека послышались первые крики: южные жрецы увязли в тумане и попали в лапы проходящих. Я испуганно посмотрела в том направлении, чувствуя, как по мне прокатывается еще одна ледяная волна, ведь мой отец и брат тоже были где-то там. И я не могла желать им такой страшной смерти.

— Что с ними будет? — тихо спросила я, посмотрев на Рена.

На его лице не дрогнул ни один мускул, а взгляд стал холодным. Я понимала, что их он спасти не пойдет, и это было справедливо, конечно.

— Кто сможет, тот отобьется. Они все-таки жрецы. И теперь их судьба в руках их Богини. Мне лишь нужно восстановить защитный контур, чтобы туман не пошел к нам.

— Слушайте, а что не так с этим туманом? — нахмурилась Роза, вглядываясь вдаль. — Что там?

— Приходящие, — пояснил Ронан.

— Да, это слово я уже слышала, — кивнула моя наставница. — Но мне так и не объяснили.

— Хотите, я могу вам объяснить за чашкой чая, — тут же с улыбкой предложил Ронан. — Нас, кстати, так толком и не представили. Ронан Фолкнор, младший жрец Некроса.

Он слегка поклонился Розе, глядя на нее с тем же интересом, что и раньше в холле. Роза в ответ на это только неопределенно кивнула. То ли в знак согласия на чай, то ли просто дала понять, что услышала его имя. Сама она представляться не стала.

— Ты доберешься сама до комнаты? — спросил Рен немного виновато.

— Я помогу ей, — неожиданно вызвался Мари, подходя ко мне ближе.

— И я.

Роза тоже мгновенно оказалась рядом со мной. Вместе они помогли мне встать. Мари даже был готов взять меня на руки, но это не потребовалось.

— Ронан, сможешь мне с контуром? — спросил Рен, отвлекая того от разглядывания Розы.

— А что, сегодня ты не пойдешь убивать этих уродцев? — недоверчиво уточнил тот.

— Нет, сегодня не пойду.

— Ладно, — коротко бросил Ронан и направился в сторону плывущего к нам тумана. — Помогу.

— Подожди меня в моей комнате, ладно? — тихо попросил Рен. — Позавтракаем вместе.

— Не торопись, — так же тихо ответила я. — Поговорите с братом. Пожалуйста.

Он печально усмехнулся, но кивнул. Быстро поцеловал меня в губы, невзирая на то, что на нас все смотрели, после чего последовал за Ронаном. А мы все направились к замку. Роза и Мари поддерживали меня с двух сторон первое время, но потом я почувствовала, что силы постепенно возвращаются ко мне.

В холле замка мы разошлись. Ученики, возбужденно обмениваясь впечатлениями о случившемся, направились в свое крыло, гадая, скоро ли завтрак подадут им. Учителя последовали за ними. Госпожа Фолкнор распорядилась сообщить ей, когда вернутся сыновья, и удалилась к себе. Со мной и Розой в холле задержалась только Ирис, которая тревожно смотрела на меня.

Роза предложила составить мне компанию, пока не вернется жених, но я понимала, что она начнет расспрашивать меня об отношениях с Реном. Говорить сейчас ни о чем не хотелось, поэтому я заверила ее, что спокойно дождусь его сама, а она может наконец идти к себе и отдыхать.

— Госпожа Веста, вам подать завтрак в комнату или вы тоже будете ждать возвращения шеда и его брата? — уточнил Долорсдон.

— Я подожду шеда, но буду благодарна, если вы принесете мне горячего чая.

Долорсдон кивнул и не стал уточнять, куда мне его подать. Видимо, и так знал, что я буду ждать Рена в его комнатах.

— Странно, безумно хочется сладкого, — пробормотала я, когда

распорядитель ушел.

— Ты же его не любишь, — удивилась Роза.

— Не люблю, но сейчас кажется, что съела бы целую вазу конфет, — устало призналась я, смущенно улыбнувшись.

— Я догоню его и скажу, чтобы принес тебе чего-нибудь, — вызвалась Роза и поспешила вслед за Долорсдоном.

Мы с Ирис остались одни. Она продолжала встревоженно наблюдать за мной, как будто боялась, что я вот-вот упаду в обморок.

— Со мной все в порядке, — заверила я.

— Точно? Сама дойдешь? Может быть, мне проводить тебя? Могу посидеть с тобой, пока шед не вернется.

— Я в порядке, — настойчиво повторила я. — Не беспокойся.

— Хорошо.

Она порывисто обняла меня, но почти сразу отпустила, как будто смутившись, и тоже отправилась в школьное крыло вслед за остальными.

Я же поднялась на второй этаж, медленно добрела до комнаты Рена, на ходу стягивая с себя пальто. В гостиной бросила его на кресло, предварительно достав из кармана письмо, чтобы перечитать его еще раз уже в спокойной обстановке.

Здесь еще не затопили камин заново, поэтому я села к нему поближе, чтобы поймать остатки тепла, пока читала. Вскоре появился Долорсдон с подносом, на котором стоял чайник, пара чашек, тарелка с тостами и вазочка с вареньем. Я поблагодарила его, спросила, не вернулся ли Рен.

— Шед с братом еще восстанавливают защитный контур, госпожа Веста, — сдержанно ответил он.

Распорядитель дома смотрел на меня спокойно, словно и не заставлял меня утром голой в постели своего хозяина. В его взгляде я не заметила и тени осуждения. Либо он был очень сдержанным слугой, либо действительно не видел в моем поступке ничего предосудительного.

Я точно ни о чем не жалела, понимая, что именно проведенная с Реном ночь позволила мне сегодня сделать то, что я сделала. Во всяком случае, накануне Малрой не превратился в обычного на вид человека и не призвал родственников для того, чтобы победить приходящих, хотя и не справлялся с ними в одиночку. А с тех пор успело измениться лишь одно обстоятельство.

Мне оставалось надеяться, что мое сегодняшнее «выступление» убедит Рена в моей силе, и он позволит мне родить своего ребенка со спокойной душой. Хоть он и сказал, что согласен на это, мне не хотелось, чтобы он испытывал сомнения или страх все девять месяцев беременности.

Только когда раздался стук в дверь, я поняла, что задремала, сидя в кресле, так и не добравшись до чая. Сказывались бессонная ночь, пережитый ужас и растрата Силы. Я подскочила с места, надеясь, что Рен все же вернулся, но на пороге оказался не он.

— Прости, что снова потревожила. Просто ты сказала, что тебе хочется сладкого, а я пару недель назад была в Колдоре и купила эти шоколадные конфеты. Они тебе наверняка понравятся.

Ирис протянула мне небольшую коробочку и смущенно добавила:

— Правда, я там несколько штук уже съела за это время, но там осталось еще больше половины.

— Не стоило, Ирис, — пробормотала я, понимая, что шоколадные конфеты для девушки вроде нее — настоящая роскошь. Потому за пару недель она и съела всего несколько штук.

— Стоило, Нея. Ты спасла нас сегодня. Спасла шеда и его семью. И ты всегда делилась со мной фруктами. Так почему я не могу поделиться с тобой?

— Хорошо, — кивнула я и посторонилась, жестом приглашая ее войти. — Но тогда выпей чая со мной. Вам ведь еще не подали завтрак?

Ирис отказываться не стала, но в гостиную шеда вошла с опаской, восторженно оглядываясь по сторонам. Я пригласила ее к маленькому столику, на который Долорсдон водрузил поднос.

Конфеты оказались восхитительными, чай еще не успел остыть, и всего минуту спустя мне стало по-настоящему хорошо и спокойно. Я даже рассказала Ирис все про Малроя и маму, про то, как ездила в его замок и как он защищал меня там.

— Надо же, — выдохнула она. — Это одновременно так романтично и так грустно. Я и не знала, что верховных жрецов Некроса преследует такая беда.

— Как я понимаю, они это всегда скрывали, — кивнула я. — Думаю, из соображений безопасности. Чтобы никто не знал об этой их уязвимости.

— Наверное, это хорошо, что ты все-таки узнала правду. Конечно, грустно, что твои родители оба мертвы. Но все же лучше так, чем думать, что родной отец хотел тебя убить из жажды власти.

От ее слов мне снова стало холодно и как-то не по себе. Чувство покоя растворилось, как будто его и не было. Я подумала об отце и Корде, которых с другими младшими жрецами Малрой и Фолкноры загнали в туман. Как и в случае с наказанием для Далии, я понимала справедливость этого, но сердце мое не переставало болезненно ныть.

Я помнила Корда мальчиком, защищавшим меня от воображаемых

монстров игрушечным оружием. Помнила отца улыбающимся и обнимающим меня. Момент, когда все изменилось, я как-то пропустила. Возможно, в то время я была слишком увлечена своей влюбленностью в Роана. Или мое сознание просто отвергало эти изменения?

Я встала из-за стола и прошла к камину. Убеждала себя, что хочу попытаться немного оживить огонь и снова согреться, но на самом деле просто не хотела, чтобы Ирис сейчас видела мое лицо.

— Не уверена, что мне стало намного легче от этой правды, — призналась я, шевеля кочергой угли и остатки обгоревших поленьев. — Но знать ее полезно. Особенно для моих отношений с Реном и его матерью.

— А шед сказал правду? — тут же спросила Ирис. — Лилия действительно являлась тебе?

— Да, — не стала отпираться я, думая в этот момент совсем о другом. — Она начала приходить ко мне еще до того, как я приехала сюда. Хотела, чтобы я помогла.

— Вот как... Налить тебе еще чая? — спросила Ирис, звеня посудой.

— Да, спасибо.

Огонь в камине было уже не расшевелить, поэтому я вернулась к столику и взяла в руки чашку с заботливо налитым Ирис чаем, посматривая на еще одну конфету. Я ведь всегда могу купить подруге новую коробку...

— А ты не спрашивала ее, что с ней случилось той ночью?

Я посмотрела на Ирис поверх чашки, делая осторожный глоток. В ее тоне было что-то, показавшееся мне странным.

— Нет, все как-то не до того было. Поначалу она меня пугала, я не понимала, чего она хочет. Потом... всякое потом происходило.

— Но ты ведь можешь вызвать ее и спросить, так?

— Думаю, теперь могу, — кивнула я, делая еще один глоток чая. — Мне кажется, она пыталась показать мне во сне, что тогда случилось, но я запомнила все очень обрывочно. Даже не сразу поняла, что вижу ее воспоминания. Думаю, если я попробую теперь, то у меня получится лучше...

Ирис напряженно кашлянула. Ощущение, что что-то не так, усилилось. Как будто даже вкус чая изменился. Я не понимала, откуда взялось это тревожное чувство, пока мой взгляд не упал на чашку подруги: та стояла не тронутой. И судя по тому, что чай выглядел остывшим, она так и не пила его.

Сама Ирис сидела с неестественно прямой спиной, глядя на сложенные на коленях руки. На меня не смотрела. Даже мельком.

— Все в порядке?

— Мне очень жаль, Нея, — пробормотала она. — Правда жаль. Ты мне очень нравилась.

Нравилась...

Мне показалось, что краем глаза я увидела движение, но повернув голову в сторону, обнаружила в углу неподвижную фигуру Лилии. Она выглядела непривычно печальной, мне даже почудились слезы в ее глазах. Она молчала. Молчала и смотрела на Ирис.

Рука дрогнула, и чай пролился мне на юбку. Я торопливо поставила чашку на стол, звонко стукнув ею по блюдцу.

— Ирис?

— Я не хотела, понимаешь? — она продолжала смотреть на свои руки, как будто состояние собственных ногтей сейчас волновало ее больше всего на свете. — Все вышло случайно. Я видела ее после ссоры с шедом. Просто решила поддержать, утешить... Но ее уже утешал его брат.

По ее губам скользнула странная усмешка: отчасти презрительная, отчасти сумасшедшая. Ирис покачала головой и наконец подняла ко мне лицо.

— Далия говорила, что она ласкается с обоими, но я никогда не верила. Кто вообще может обратить внимание на Ронана Фолкнора, когда рядом есть его старший брат? Но в тот вечер я видела их собственными глазами. Потаскуха... Ей достался лучший мужчина в Северных землях, если не во всем мире, а она обжималась по углам с его родным братом!

Лицо Ирис исказила злость, смешанная с горечью, а у меня перехватило дыхание.

— Ты убила ее...

— Это вышло случайно! — оправдываясь, воскликнула Ирис. — Я разозлилась. Подошла и толкнула... — ее голос сорвался, в глазах появились слезы. — Слишком сильно. Она потеряла равновесие и перевалилась через бортик. Я не хотела!

Я вдруг поняла, что дыхание у меня перехватило не от эмоций. Мне действительно стало тяжело дышать. Воздух как будто застревал на пути к легким.

— Что ты со мной сделала? — прохрипела я, потянув высокое горло свитера, но легче дышать не стало.

— Прости, — она покачала головой. — Я не могу тебе позволить выдать меня. А ты рано или поздно узнаешь у нее, кто виноват в ее смерти. И тогда шед меня возненавидит. Я не могу этого допустить.

Меня бросило в жар, я попыталась встать со стула, но ноги уже не слушались. Они подломились, и я упала на пол, продолжая задыхаться.

— Он все равно поймет, — с трудом выдавила я, но тут же закашлялась.

— Нет, яд был в чае. Я принесла тебе конфеты, но они в порядке. Яд был в чае. А я его с тобой не пила.

Она встала и шагнула к двери, но тут же неуверенно замерла, как будто испытывала сомнения.

— Прости, Нея. Если бы не твой дар... Прости!

С этими словами она все же бросилась к двери и исчезла, а я осталась корчиться на полу, борясь за каждый вдох. Мысли в панике металась в голове, перед глазами все плыло. Руки тоже перестали держать меня, но я даже не почувствовала, как голова ударилась о ковер. Слишком поздно я сообразила, что можно попытаться вылечить себя. Яд в моей крови, если сменить ее полностью...

— Твое желание я выполнил: с братом помири... Нея?

Голос Рена раздался как будто где-то вдаль. На мгновение меня охватила радость: он здесь, опять вовремя! Он спасет меня, ведь я сама уже была не в силах себя лечить. Я почувствовала, как он перевернул меня, приподнимая за плечи. Мне даже удалось открыть глаза.

— Что с тобой? Что случилось?

Его перепуганное лицо расплывалось перед глазами. Мне пришлось собрать все имеющиеся силы, чтобы выдохнуть с остатками воздуха:

— Я... я... яд... яд...

Я не знала, есть ли звук в моем дыхании, сама его не услышала, но Рен, кажется, понял.

— Держись, Нея, сейчас...

Я почувствовала, как он открыл мне рот и насыпал что-то под язык. Конечно, главный отравитель королевства всегда носит при себе противоядие — иначе и быть не может! Надежда снова подняла голову, но секунды шли, а дышать легче не становилось. Наоборот, становилось все труднее.

— Держись, сейчас оно подействует, — шептал надо мной голос Рена. — Держись, Нея, пожалуйста.

Он взял мою руку в свою, и впервые его ладонь показалась мне горячей.

— Дыши, Нея, смотри на меня и дыши. Слушай мой голос, не засыпай. Оставайся со мной, слышишь? Ну же, милая, — его голос дрогнул, и продолжил Рен уже шепотом: — Я не могу потерять и тебя тоже... Не так... Не сейчас... Нея...

Я старалась и смотреть, и слушать, и дышать. Знала, что не могу

оставить его. Не так. Не сейчас. Я еще должна спасти его, родить ему ребенка, прожить с ним жизнь, в конце концов. Мы ведь со всем справились и все преодолели. Почему же теперь все так? Я должна была дождаться действия противоядия. Должна была!

Но не могла. Я уже не видела его лица, почти не слышала голоса и не чувствовала даже собственного тела, не то что его прикосновений. И дышать не получалось. Словно воздух исчез. Меня накрыло темной пеленой, но даже сквозь нее я какое-то время еще слышала, как Рен зовет меня. Я не успела осознать, когда исчез и звук его голоса.

Глава 34

Мне снова снилось, что я падаю, но в последний момент что-то не дает мне достичь земли. Держит меня. Только если в прошлый раз это казалось спасением, то в этот было похоже на пытку. Я хотела добраться до земли. Хотела, чтобы все закончилось, но меня не пускали. И это приводило в отчаяние, хоть я и не понимала почему.

Но наконец пути порвались, я обрела свободу падения, но вместо того, чтобы рухнуть на землю, взлетела вверх и снова оказалась на крыше. На той самой крыше, где закончилась жизнь Лилии. И где началась моя новая жизнь. По крайней мере, мне казалось, что когда я была здесь в прошлый раз, произошло нечто очень важное. Пусть я и не понимала, что именно.

Сегодня на небе совсем не было звезд. И луны тоже. И ветер не дул, проникая под одежду. Я оглянулась по сторонам, отчаянно пытаюсь вспомнить, как и почему снова сюда попала. И куда делся Рен.

Однако мужчина, оказавшийся со мной на крыше, не был моим женихом. Парадная мантия жреца Некроса сидела на нем так же хорошо, но лицо обрамляли длинные светлые волосы. Я не сразу узнала шеда Малроя, но когда поняла, кто передо мной, испытала странное облегчение с горьковатым привкусом. Я вспомнила все, что случилось.

— Значит, я все-таки умерла?

— Увы, так было нужно, Нея. Лилия хотела ей помешать, но я ей запретил.

Он приблизился, глядя на меня с восторженной улыбкой. Протянул руку, осторожно провел по волосам, погладил по щеке.

— Ты выросла такой красивой. Впрочем, как могло быть иначе? Я всегда знал, что ты будешь такой. Жаль, у нас не было возможности встретиться при жизни.

— Мне тоже. Очень жаль, что мое рождение не спасло вас... тебя.

Он пожал плечами.

— Некоторые вещи невозможно ни изменить, ни предотвратить. Каждому из нас назначен свой час. Некрос учит нас принимать его, не ропща. Я был благодарен Богам за то, что они свели меня с твоей мамой. За то, что дали мне познать любовь хотя бы накануне смерти. Что они позволили частичке меня остаться жить. Поверь мне: умирать, зная, что после тебя останется ребенок, гораздо легче, чем просто умирать. Конечно, это было несправедливо по отношению к твоей маме, но отчасти я был

даже рад, что умру и унесу с собой в могилу Силу верховного до твоего рождения.

Я нахмурилась, не совсем понимая, что он имеет в виду. Малрой пояснил:

— Я не был уверен, что жрица Виты справится с передачей Силы, а убить ее и тебя было бы по-настоящему ужасно. Я очень сильно ее любил, Нея. И тебя. Заочно, конечно. Даже не зная, кем ты будешь.

— Жаль, что любовь не способна победить смерть, — пробормотала я печально, думая о Рене.

Собственная смерть уже не пугала меня. Теперь, когда рядом был отец, я не боялась идти в чертог Богов, но мысль о том, что я оставляю позади его, отравляла хуже яда. Я помнила, как он говорил о смерти Линн. И даже о смерти Лилии. Моя смерть окончательно добьет его. Это угнетало больше всего.

— Да, не способна, — согласился Малрой. — Но есть и другая истина, куда более приятная. Смерть тоже не способна победить любовь. Мы уходим в чертог Богов, но наша любовь остается с теми, кто был дорог нам при жизни. Прежние жены твоего жениха доказали это. Смерть не убивает любовь, лишь избавляет ее от человеческих страстей. Очищает от ревности, сомнений и обид.

— Моя любовь теперь тоже станет чище?

— Твоя любовь в этом не нуждается.

Наверное, его слова должны были меня утешить, но горечь лишь усилилась.

— За что боги к нему так жестоки? — я посмотрела на Малроя с надеждой, как будто объяснение причины могло что-то для меня изменить. — Он ведь хороший. Он заботится о других больше, чем о себе. Так за что они наказывают его?

— Богам виднее, как правильно.

Я не нашла в себе сил, чтобы возразить. Ведь всего несколько часов назад я и сама говорила Рену нечто подобное. Может быть, моя смерть тоже часть их замысла? Замысла, который ведет его к еще большей награде? Еще большей любви?

— Ты прав. Конечно. Я только надеюсь, что в их понимание правильного входит его счастье.

— Ты невероятная, Нея, — восхищенно выдохнул Малрой. — Ты превзошла все мои надежды и ожидания. Я очень тобой горжусь. Я пришел сюда сказать тебе это: я очень люблю тебя и очень тобой горжусь. Мы оба тебя любим и гордимся. И я, и мама.

От его слов по всему телу разлилось тепло, заставившее меня повторить его улыбку словно зеркало, несмотря на разъедающую изнутри боль. Но вместе с тем я оказалась сбита с толку.

— Разве ты пришел сюда не для того, чтобы проводить меня в чертог Богов? Я ведь смогу увидеть там маму?

— Сможешь, — кивнул он. — Однажды. Но не сейчас. Сейчас еще не время.

Я удивленно вздернула брови, не понимая, что он имеет в виду, но безумная надежда уже вновь вспыхнула в груди, вымещая и боль, и горечь.

— А для чего сейчас время?

Его руки легли мне на плечи и легонько сжали. Он коснулся губами моего лба и тихо прошептал:

— Время передать тебе свое наследие. Время сделать тебя настоящей верховной жрицей Некроса.

С этими словами он крепко обнял меня, так сильно прижав к себе, что я снова задохнулась. Жар зародился где-то на уровне груди и разошелся по всему телу. Я горела, и одновременно с этим меня пронзало ледяными иглами. Было больно, очень больно. Настолько, что я дернулась, пытаюсь вырваться из объятий отца, но он держал крепко.

Мне казалось, что я закричала, но своего крика я не услышала. Слепительный свет накрыл меня так же, как незадолго до этого накрывало пеленой тьмы. Он принес с собой частичное облегчение. По крайней мере, пронзающая боль утихла, осталось только жжение, и то постепенно снова собралось в груди.

Сначала я почувствовала его руки. Они обнимали меня так же крепко, как и руки отца на крыше, но не причиняли боли. Потом я услышала его тихий шепот:

— Ну же, Нея, ты же сильная. Ты даже меня сильнее. Возвращайся. Я знаю, ты можешь. Пожалуйста. Боги...

Судорожный вдох и дрожащий выдох. Его рука погладила меня по волосам, губы коснулись виска.

— Некрос, я прошу тебя, — снова прошептал Рен, — верни ее. Услышь меня хотя бы один раз...

Я наконец поняла, что жжение в груди — это горящие легкие. И в следующее мгновение шумно вдохнула, жадно втягивая воздух. И, конечно, тут же закашлялась.

— Нея?

Рука коснулась моего лица, откинула с него волосы, пальцы пробежали по щеке. Я с трудом открыла глаза, моргнула, чтобы убраться

мутную пелену, и посмотрела на жениха, на лице которого причудливо перемешались выражения ужаса и радости.

Я улыбнулась ему. По крайней мере, совершенно точно попыталась это сделать, а уж что там получилось, не знаю.

— А говорил, что веру потерял, — голоса не было, а шепот получился каким-то свистящим.

Рен нервно рассмеялся, снова прижался губами к моему лбу, потом быстро коснулся ими уголка глаза, опустил по щеке, наконец накрывая губы в стремительном, но коротком поцелуе.

— Как же ты меня напугала, — выдохнул он.

— Я и сама испугалась...

Контроль над телом ко мне частично вернулся. Недостаточно для того, чтобы встать, но поднять руки и обнять Рена за шею я смогла. Он поцеловал меня еще раз, обнимая в ответ, но тоже не торопился вставать. Ни у кого из нас просто не было на это сил. И желания тоже.

Конечно, мне еще следовало рассказать ему про Ирис и про разговор с отцом на крыше, но сейчас ничего этого не хотелось. Хотелось просто лежать в его объятиях, понимая, что уж теперь-то все действительно позади.

* * *

Совместный завтрак у нас так и не случился. Убедившись, что со мной все в порядке, Рен уложил меня в постель. Причем в постель в моей комнате, а не в своей, поскольку мою не требовалось убирать, а до его комнат горничные добраться не успели. После этого он прислал ко мне Розу, мать и даже брата, который, конечно, оставался в гостиной, в спальню не входил. Судя по всему, Рен больше не собирался рисковать и оставлять меня без присмотра. Больше ко мне весь день никого не пускали, даже слуг.

Поначалу в обществе его матери я чувствовала себя немного неловко. Я все еще по привычке боялась ее. Но потом сообразила, что она больше для меня не опасна. Ведь я оказалась из северных жрецов, а моя связь с южным Домом была демонстративно разорвана. Вероятно, теперь госпожа Фолкнор могла превратиться в самую преданную мою защитницу.

Впрочем, после завтрака все это перестало меня волновать, потому что я уснула. И провела так почти весь день, просыпаясь лишь ненадолго. Такой слабости я в своей жизни еще не испытывала, но после бессонной ночи, призыва мертвых жрецов и яда это было вполне объяснимо.

Каждый раз, когда я открывала глаза, рядом со мной кто-то находился. Это были попеременно то Роза, то госпожа Фолкнор. И лишь когда я проснулась уже после заката, в погруженной в тишину и темноту комнате рядом со мной оказался Рен.

Он сидел на краю постели, уже облаченный в пижаму и теплый ночной халат, смотрел на меня и улыбался.

— Какая же ты соня, — заметил он, когда я зашевелилась, растирая лицо, чтобы прогнать остатки сна.

— Ты здесь давно? Почему не разбудил меня?

— Всего минут пять, не больше, — заверил он. — Мне нравилось смотреть, как ты спишь. По-моему, я никогда не видел тебя такой умиротворенной.

Я села на постели, чтобы приблизиться к нему. Попыталась пригладить растрепавшиеся во время сна волосы, одновременно вглядываясь в его лицо с тревогой. Казалось, за этот день он постарел еще сильнее.

— Ты ужасно выглядишь, — прошептала я, коснувшись ладонью его щеки.

Он лишь криво улыбнулся.

— День выдался тяжелый. И очень длинный. Я думал, он никогда не закончится.

— Но я уверена, ты со всем разобрался.

Рен кивнул, но лицо его при этом помрачнело. Утром я успела рассказать ему про Ирис, а это значило, что сегодня он занимался и ею. Учитывая, что она была одной из первых учениц его школы, это наверняка далось ему нелегко. Я понимала, что лучше не спрашивать о ней, но эта девушка все-таки была и моей подругой. По крайней мере, я ее таковой считала и искренне к ней привязалась. Поэтому не смогла удержаться:

— Что с Ирис?

Его лицо вновь превратилось в непроницаемую маску, глаза стали холодными. Смерть как она есть. Впрочем, едва ли стоило ожидать чего-то другого. Да и за убийство и попытку убийства соответственно жены и невесты шеда Ирис грозила смертная казнь, так что вариантов было немного.

— Я дал ей выбор, — после непродолжительного молчания все-таки признался он. — Полиция Колдора была уже в пути. Я оставил ее дожидаться их приезда в гостиной с отравленным ею же чаем. Она понимала свои перспективы. И выбрала выпить чай.

Я кивнула, чувствуя, как поперек горла встает ком. Мне не хотелось

плакать при нем из-за этого, но глаза все равно наполнились слезами. Конечно, он все сделал правильно. По крайней мере, это избавило Ирис от многих неприятных вещей, позволило уйти на своих условиях, но все равно было горько. Она была одной из немногих, кто поддержал меня здесь. И этого я не собиралась забывать.

Рен коснулся моего плеча, и я тут же накрыла его руку своей, давая понять, что я на его стороне, просто не могу справиться с собой.

— Она все это не со зла, я уверена, — с трудом контролируя голос, выдавила я. — Она была хорошей. Я верю, что она не хотела убивать Лилию. И действительно не хотела убивать меня, просто боялась, что я ее выдам. Что мы с Лилией обе ее выдадим.

— Возможно, — сдержанно ответил Рен. — Но это ничего не меняет. Она убила мою жену. И едва не убила тебя. Одна смерть еще могла быть случайностью, но то, что она решила отравить тебя, лишило ее права на снисхождение.

Я плотно сжала веки, кивая и проглатывая ком. С этим я была согласна. Даже не попытайся она убить меня... Лилия все равно имела право на справедливость.

— Знаешь, что самое печальное? Мы не могли ее выдать. Лилия не знала, кто ее толкнул. Не видела.

Я не могла объяснить, откуда это знаю, но знала наверняка. Возможно, Лилия снова нашептала мне, пока я спала.

— Поэтому она и не указывала на нее все это время.

Только когда Рен коснулся моего лица, вытирая скатившуюся по щеке слезинку, я поняла, что все-таки не совладала с эмоциями. Оставалось надеяться, что он поймет их правильно. Я перехватила его руку и поднесла ее к губам, после чего заставила себя улыбнуться.

Однако Рен на мою улыбку не ответил, и я поняла, что плохие новости еще не закончились. Тяжело сглотнув, я попросила:

— Говори уже до конца. Пусть все плохое останется в этом дне, а завтра начнется наша новая жизнь.

— Туман сошел, — все тем же сдержанным тоном сообщил он. — Мы нашли девять тел, выпитых проходящими. Среди них твой отец. Твой приемный отец. Сочувствую.

Я сжала его руку крепче, понимая, что не была готова к этому. Мне стоило приготовиться, но до сего момента я в тайне — даже от самой себя — надеялась, что они оба выберутся из тумана. По телу прокатилась дрожь и внутри снова стало холодно.

— А Корд? — только и смогла спросить я, глядя на наши сцепленные

руки.

— Жертв его возраста мы не нашли. Вероятно, он смог выбраться, как и многие другие.

Волна облегчения захлестнула меня почти с той же силой, что перед этим горечь от новости о гибели приемного отца. Хотя я понимала, что для Корда участие в нападении на Фолкнор будет иметь серьезные последствия. Но вероятно, суд учтет, что он еще почти ребенок...

— Я сообщил Его Величеству о том, что устроили здесь южные, — продолжил Рен, — но я не сказал, что твой брат был с ними. Указал только на отца.

Я подняла на него изумленный и даже в некоторой степени недоверчивый взгляд. Я уже успела понять, что Рен суров, когда дело доходит до наказаний, никому ничего не спускает. Мне и в голову не пришло просить его промолчать, потому что я понимала: он имеет право преследовать тех, кто собирался убить всю его семью. Даже если этот кто-то был частью моей семьи. Того, что он сам станет выгораживать Корда, я и вовсе не ожидала.

— Он ведь твой брат, — пояснил Рен с едва заметной улыбкой. — Они иногда совершают ошибки. Это не значит, что они не заслуживают второго шанса.

Я порывисто обняла его. С такой силой, что едва не задушила. Я не знала, как выразить ему свою благодарность, поэтому ограничилась одним словом, в которое постаралась вложить все свои эмоции:

— Спасибо!

Рен промолчал, только крепко обнял в ответ. И так мы, наверное, сидели пару минут, ничего друг другу не говоря, но думая о многом, пока он не сказал:

— Думаю, тебе пора спать. Да и мне тоже. Я зашел лишь увидеть тебя перед сном. Завтра же начнем готовиться к свадьбе. Пока не случилось что-нибудь еще.

Он осторожно высвободился из моих объятий, и только в этот момент я с удивлением поняла, что он собирается уходить.

— Ты не останешься со мной?

Слова вырвались быстрее, чем я смогла их осмыслить. Я ведь действительно думала, что он будет спать со мной. Куда только делась моя девичья скромность?

Впрочем, я тут же напомнила себе, что больше не девица. Рен же как обычно выразительно выгнул бровь.

— Что я слышу, госпожа Веста? Вы всерьез предположили, что я лягу

в вашу постель до брака?

Я почти задохнулась от возмущения и стукнула его кулаком по плечу. Он даже сделал вид, что ему больно, хотя я понимала, что для него это как прикосновение.

— Хватит издеваться! Вот сейчас обижусь и действительно не стану больше спать с тобой до самой свадьбы!

Он покачал головой и рассмеялся. Да так заразительно, что я тоже захихикала.

— Я тебе поражаюсь, Нея. Мы еще даже не женаты, а ты уже угрожаешь мне отлучением от постели. Ты так стремительно взрослеешь, что мне уже страшно. Но если серьезно... Тебе сегодня лучше воздержаться, а я не спал уже почти сорок часов и с ног валюсь...

— Так ложись здесь, — тихо попросила я, с удивлением осознавая, что больше не испытываю ни стыда, ни неловкости. — Обними меня и просто спи рядом. Как в самый первый раз, когда я осталась с тобой. Мне кажется, та наша ночь значила для меня даже больше, чем прошлая.

Рен улыбнулся, поцеловал мимолетно, едва ощутимо, после чего встал, стягивая с себя халат. Он бросил его на кресло у окна, обошел кровать и забрался в нее с другой стороны. Мы встретились посередине. Он обнял меня, как я и просила, а я устроила голову у него на плече.

Прежде чем мы уснули, я успела рассказать ему о своей встрече с отцом и о том, как он передал мне Силу. Рен слушал напряженно, но сомнений не выказывал, а под конец мне даже показалось, что он испытал некоторое облегчение. Я надеялась, что в этот момент он окончательно перестал тревожиться за меня.

На следующий день мы начнем готовиться к свадьбе и восстанавливать работу школы. Меня снова ждет много учебы и тревог, потому что мы не сможем найти Корда. В Южных землях события сегодняшнего утра как всегда извратят, поэтому на мои приглашения на свадьбу не ответит ни одна подруга. Это очень меня огорчит, но не помешает нам пожениться через две недели. У меня будет восхитительное черное платье с пышной юбкой и убийственным корсетом, а Рен будет великолепен в парадной мантии жреца, расшитой серебристыми нитями. Роза тоже наденет ради такого случая платье, возможно, впервые с того дня, как отрезала волосы. И это окончательно сведет с ума Ронана. Венчать нас будет госпожа Фолкнор по праву младшей жрицы, а к алтарю меня поведет Карл. Просто потому что больше будет некому, а ему я очень за многое благодарна. Он будет очень тронут. Я буду по-прежнему остро чувствовать свое одиночество каждый раз, когда Рен будет отправляться по

делам. И в такие дни я буду учиться вдвое усерднее, чтобы приблизить тот момент, когда смогу выполнять часть его работы, в надежде что это позволит нам проводить больше времени вместе.

В общем, «новая счастливая жизнь» не наступит с рассветом. Всегда будут тревоги, печали и трудности, но по крайней мере, теперь мы уже всегда будем преодолевать их вместе. Всей нашей семьей с преданными нам друзьями.

А пока я лежала в темноте спальни, поглядывая на пляшущие на стенах тени, отбрасываемые огнем в камине. Слушала размеренное дыхание Рена и ровное, уверенное биение сердца в его груди. Он обнимал меня во сне, и я чувствовала себя любимой, нужной и защищенной.

Я чувствовала себя дома.

Эпилог

Беспощадная пытка длилась уже несколько часов, а время, словно в насмешку, замедляло свой ход. Из комнаты меня выгнали почти сразу. Не знаю, как в других краях, но у нас в Северных землях считалось неправильным отцу присутствовать при родах. В первый раз я не испытывал никакого протеста в связи с этим, но с тех пор страхов стало намного больше.

Впрочем, мои страхи — это мои проблемы, сейчас все внимание должно было быть направлено на Нею и ребенка, а не меня с моими переживаниями. Сделать я все равно ничего не мог. Мое присутствие ровным счетом ничего не изменило бы. Разве что я мог потерять контроль и заразить Нею собственными сомнениями. Я старался держать их при себе все девять месяцев, демонстрировать уверенность и спокойствие, хотя на самом деле иногда уснуть не мог от страха и тревожных мыслей.

Из-за двери редко доносились звуки. Только особенно громкие стоны и крики, заставлявшие меня холодеть, вскакивать со специально принесенного стула и беспокоиться ходить по коридору туда-сюда.

— Знаешь, тебе ведь совершенно необязательно быть здесь.

Я остановился и обернулся к матери. Она стояла в десятке шагов от меня, скрестив руки, и смотрела со смесью сочувствия и осуждения.

— Даже если ты будешь за тысячи километров отсюда, ничего не изменится. Твоя Сила все равно частично перейдет к наследнику.

— Надеюсь, ты не предлагаешь мне отправиться за тысячи километров? — уточнил я резче, чем собирался.

Нет, я очень любил свою мать, но иногда ее речи выводили меня из себя.

— Нет, я предлагаю тебе пойти в свою комнату или в библиотеку. Налить себе стаканчик виски и расслабиться. Нея справится с рождением вашего ребенка без твоих метаний по коридору.

У меня даже слов не нашлось в ответ на это предложение, я смог только громко фыркнуть и отвернуться. А из-за двери снова донесся громкий стон, переходящий в крик, который сменился громким рычанием и чем-то, похожим на рыдание. Я стиснул зубы, закрывая глаза.

— Что-то идет не так, — слова вырвались против моего желания. — Снова что-то идет не так, мама.

— Да все с ней в порядке.

— Тогда почему так долго? И почему ей так больно?

Я не слышал, как мать подошла ко мне, почувствовал только ее ладонь на своем плече.

— Первые роды никогда не бывают легкой прогулкой, — мягко заверила она. — Как и роды вообще. Но это естественный для нас процесс. А Нея — очень сильная девочка. И ты сам прекрасно чувствуешь, что Сила еще не начала передаваться. Я помню, как это выглядело со стороны в прошлый раз.

В этом она была права. Сила как всегда тяжелым камнем давила мне на плечи, но пока и не думала отделяться. С каждым месяцем носить ее в себе становилось все тяжелее.

Я потер руками лицо, пытаюсь прогнать из головы черные мысли, но на смену им пришел лишь образ Линн. Пришлось помотать головой, пытаюсь избавиться от него, но он прилепился намертво. Мне нужно было подумать о чем-то другом, но мысли ни за что не цеплялись, пока я не вернулся ими к Нее.

Она сильная девочка... Кто бы мог подумать, что однажды моя мать будет говорить о ней с таким восхищением и неприкрытой нежностью! Хотя это было понятно, учитывая то, с каким рвением и какой готовностью Нея рисковала собой, чтобы спасти меня.

Да, я все равно считал, что риск есть, хотя сам видел, как день за днем раскрывается ее магический потенциал. Но могло ли его хватить? Была ли она верховной? Я не знал этого наверняка и не имел никакой возможности это проверить. Она сказала, что отец приходил к ней, когда она была мертва, и передал Силу, но обычно это так не работало. Что если это было лишь сном, галлюцинацией?

Сильная девочка... Да, сильная, но в том-то и дело, что все еще почти девочка. Я закрывал глаза и память рисовала мне Нею такой, какой я встретил ее впервые. В тот день она вошла в мой кабинет замерзшая, уставшая, испуганная... Не знаю точно, какой я ожидал ее увидеть. То ли хитрой двуличной шпионкой, работающей в паре с отцом, то ли безвольной прелестной дурочкой, умеющей лишь слушаться. Наверное, после ее письма я склонялся к первому, но все еще допускал и второе. Ведь письмо она могла написать под диктовку отца.

Реальность удивила меня. В ее взгляде читался незаурядный ум, но для хитрой шпионки она выглядела слишком юной и невинной. Я увидел перед собой ребенка, чистого телом и душой, но ребенка любопытного, деятельного и в глубине души — дерзкого.

У нее была одна особенность, которая покорила меня с первой

встречи. Во всяком случае, лучше всего я запомнил именно это: как она отвечала что-нибудь резкое, смелое, провокационное — и тут же пугалась. Серые глаза вдруг становились огромными, в них читался немой вопрос: «Это я сказала? А что мне теперь за это будет?»

Я не понимал, зачем она приехала. То есть, у меня была теория, которая родилась в моей голове, когда я получил письмо. Ее отец наверняка опасался, что за время траура я найду другую невесту и разорву помолвку, которой он добился с таким трудом. Поэтому я полагал, что Нея здесь с одной целью: держать на себе фокус моего внимания и при случае соблазнить, чтобы у меня не осталось выбора.

Поэтому я и потребовал от нее снять платье за первым ужином. Это была провокация. Я не сомневался, что она разыграет эту карту. Изобразит смущение и покорность, останется в одном нижнем белье, надеясь разбудить во мне желание. Ведь такие, как я, неизбежно клюют на невинность, скромность и покорность. По крайней мере, в Южных землях в этом свято уверены. Я полагал, что столь открытое платье она надела именно с этой целью. На севере если у женщины были видны ключицы — это уже приковывало мужской взгляд, а у нее была почти видна ложбинка на груди. Почти... И да, это приковывало мой взгляд и слегка кружило голову. Не зря у меня родилась эта больная фантазия о том, чтобы обвенчать нас на месте и взять ее прямо там.

Конечно, я надеялся, что мне хватит сил устоять. Я собирался лишь унижить ее, показать, насколько бесполезны ее старания... Но она повела себя совсем не так, как я ожидал. Вся напряглась, перепугалась, оскорбилась. Едва не заплакала, но дала мне отпор. Это выглядело то ли слишком смело, то ли слишком глупо, то ли чересчур хитро... Тогда я так и не понял, что это значило. Потом она рассказала мне, что испытала, но в тот вечер я терялся в сомнениях.

Однако сомнения не помешали мне почувствовать себя последним подонком, вырвавшим еду из рук голодного ребенка. Я знал, что она почти не ест в школьной столовой, и видел, с каким энтузиазмом ела за моим столом. В ее глазах были голод и сожаление, когда наша трапеза так резко закончилась. И мне почему-то стало стыдно. Это чувство усилилось, когда она призналась, что у нее нет теплой одежды, поэтому она в таком платье. В тот момент у меня появились первые, пока еще не совсем осознанные подозрения насчет ее отца. Какой нормальный родитель отправит ребенка на север с южной одеждой? Только тот, которому нет дела до жизни и здоровья дочери.

Смущали меня и некоторые замечания Неи. Ее фразы часто давали

понять, что она считает меня инициатором нашей помолвки. И чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я убеждался, что ее используют вслепую.

В ночь после нашего первого ужина она не выходила у меня из головы. Я закрывал глаза и видел ее: отчаянно храбрящуюся, в чем-то еще по-детски непосредственную, но уже по-женски привлекательную, готовую постоять за себя. Трогательно-хрупкую, с тонкими изящными запястьями и пальцами, слегка выпирающими ключицами и длинной шеей. Не знаю почему, но я уже тогда представлял, каково будет скользить губами по этой шее.

Мое воображение рисовало нас в столовой, и в этой фантазии она вставала со стула и покорно стягивала с себя платье, а я усаживал ее на стол и жадно целовал. Только не было с нами никаких слуг, а она не дрожала от страха и не плакала, а отвечала на мои ласки так, как, конечно, не могла отвечать невинная девочка. Что поделать? Меня никогда не возбуждало насилие над женщинами. И дрожащая партнерша, испытывающая ужас и отвращение от моих прикосновений, скорее отбивала у меня всякое желание.

Нея не шла у меня из головы и на следующий день. Когда с почтой пришел ответ ее отца, идея поехать с ней в Колдор появилась сама собой. Я не знал, зачем мне это. И не знал, как себя с ней вести. Но на городском празднике, глядя на то, как она кружится в хороводе, заливаясь смехом, я понял, что зря позволил ей приехать.

Лилия была хорошей. Красивой, умной, смелой, сильной. В ней было все, что я ценил в женщинах, но как я ни старался, мне не удавалось ее полюбить. Мое сердце рядом с ней билось так же ровно, как и всегда. Я мог заниматься с ней любовью. А мог не заниматься. Фантазии о ней не посещали меня в самый неподходящий момент. Пальцы не приходилось сжимать в кулак только для того, чтобы рука не потянулась к ней.

С Неей все было иначе с самого начала. С того мгновения, как я приблизился к ней при первой встрече в кабинете. Она смотрела на меня, запрокинув голову и разомкнув губы, едва дыша от страха, но не отводя взгляд довольно долго. Что-то дрогнуло во мне еще тогда. Как будто лед треснул. Было лишь вопросом времени, когда я окончательно потеряю голову.

Но осознал я все это много позже. На крыше перед тем, как она призналась, что видит Лилию. Когда я шагнул к ней, а она не двинулась с места, глядя на меня с вызовом. Я едва удержался от того, чтобы сгрести ее в охапку и зацеловать уже тогда. Меня останавливало лишь одно:

выражение страха и отвращения в ее взгляде. Она считала, что у меня нет сердца. Считала меня монстром, укравшим ее из дома. Боготворила «любящего» отца, не замечая его наплевательского отношения к себе.

Появившееся вслед за этим желание защитить ее выглядело вполне естественным. Я был готов защищать ее от собственной матери и от ее отца, от Совета и его шпионов, от злобных дурочек в школе и от ее воспитания. Даже от самого себя.

Но именно она, маленькая и слабая, спасала меня раз за разом. Она не боялась слушать мертвых, и благодаря ей мы вычислили Форта. Он оказался довольно безобиден, всего лишь следил за мной для Совета и скрыл от нас обоих правду, уничтожив письма, хранившиеся в шкатулке Малроя. Хотя кто знает, какое задание ему в итоге могли дать? Ведь прятали же мои жены Нею от него.

Она спасла меня от ядовитого дыма и от тайной мести брата, от одиночества и холода в сердце. И сейчас она снова спасала меня от гнета собственной Силы.

А что сделал я? Не уберег от настоящей опасности. Едва не потерял. Моя мать, как бы ни была строга, никогда не смогла бы отравить Нею. А того, кто смог, я пропустил. Не обратил внимания. Я никогда не обращал на нее внимания.

Когда Нея лежала у меня на руках, уже не дыша, я отчаянно желал, чтобы мое сердце остановилось вслед за ее. Я знал, что не смогу позволить себе принять яд и уйти за ней. Как не мог этого шесть лет назад после смерти Линн. Как не смогу позволить себе этого, если сегодня все пойдет не так. Моя жизнь мне не принадлежит.

В тот момент, когда надеяться было уже не на что, я с удивлением обнаружил, что взываю к Некросу. К тому, в кого давно перестал верить. По крайней мере, я так считал. Но в момент отчаяния я вновь пришел к нему. Потому что ничего другого мне не оставалось. Не знаю, вернулась ли Нея потому, что он меня услышал, или просто подействовало противоядие, или ее настоящий отец действительно передал ей Силу, которая помогла ей победить смерть...

Потерявшись в собственных воспоминаниях, я не сразу заметил, как моя Сила пробудилась и принялась рваться наружу. Лишь когда внутренности начало сворачивать в узел, я очнулся от воспоминаний и вернулся в реальность. По телу словно прокатывались электрические разряды. Мышцы сводило, суставы выворачивало, даже кости болели.

— Началось? — встревоженно спросила мама, которая все это время оставалась со мной.

Я смог только кивнуть. Боялся, что если открою рот, то закричу, а это будет как-то некрасиво. Поэтому мне оставалось только стиснуть зубы, закрыть глаза, сжать кулаки и мысленно твердить себе, что пожирающее меня пламя — не настоящее.

В какой-то момент я полностью потерял связь с реальностью. Услышал крик Неи, потом — свой собственный, причем он звучал откуда-то издалека, тогда как голос Неи был рядом. И после этого раздался крик младенца, а пламя вокруг меня в одно мгновение исчезло.

Я выдохнул, только теперь понимая, что лежу на полу. Жесткий камень охлаждал спину и затылок. Во рту был привкус крови, а перед глазами — встревоженное лицо матери.

— Рен? — по панике в ее голосе я понял, что она зовет меня не в первый раз, но ответить смог только широкой улыбкой.

Передача силы состоялась. Значит, ребенок в порядке. И Нея в порядке. Все получилось. Моя прекрасная юная супруга во всем оказалась права!

Меня не пускали к ней еще довольно долго. За это время я успел вернуть себе тот невозмутимый вид, которого всегда старался придерживаться ради спокойствия окружающих.

Но когда пришло время переступить порог комнаты, на меня снова нахлынули воспоминания. На этот раз куда более страшные. Шесть лет назад я так же входил в комнату супруги, уже зная, что меня там ждет. Только тогда вопреки знанию я все еще на что-то надеялся.

Лишь когда увидел залитую кровью кровать, накрытое простыней тело и крошечный сверток рядом с ним, почувствовал, как леденеет сердце. Доктор, принимавший роды у Линн, в последний момент пытался спасти хотя бы ребенка и разрезал мою жену, чтобы вытащить из нее младенца. Не помогло. Простыню с Линн я тогда стянул, чтобы последний раз взглянуть на нее, а к свертку не притронулся. Так никогда и не увидел своего сына.

Я моргнул, прогоняя это видение. Та страшная ночь осталась в прошлом. И мне следовало оставить ее там.

Нея полусидела, откинувшись на подушки, глядя на спеленатого младенца, лежащего у нее на руках. Она очень изменилась. Даже за эти несколько часов, что я ее не видел. Уже не та девочка, которая приехала в Фолкнор год назад. И не просто молодая женщина, которой она здесь стала, а мать. Я видел в удивленной улыбке на ее лице эту особенную, ни с чем не сравнимую любовь. Теперь центром ее мира стало это крохотное существо, которое я еще толком не мог рассмотреть.

Я остановился, наблюдая за ней, и не зная, стоит ли прерывать этот

момент. Нея то ли услышала меня, то ли заметила боковым зрением, то ли просто почувствовала мое присутствие и подняла взгляд на меня. Улыбка моментально стала шире, ярче, заразительней. Нет, та девчонка тоже еще осталась.

Я улыбнулся ей в ответ, наконец подошел ближе, сел рядом и тоже посмотрел на ребенка.

— Боги, какой он крошечный...

— Крошечный? — возмутилась Нея, но голос ее звучал слабо, устало. — Интересно, что бы ты сказал, если бы этот слоненок вылезал из тебя? Кстати, это она. Девочка, — она посмотрела на меня немного виновато, как будто извинялась.

— Девочка — это прекрасно, — заверил я, обнимая ее за плечи и целуя в висок. — Девочка — это лучшее, что могло с нами случиться.

Наша дочь будет верховной. Она будет сильной. Но ей никогда не придется пройти через то, через что прошел я. Значит, для нас больше никакого тревожного ожидания. По крайней мере, на много лет.

— Красивая, правда? — Нея снова вопросительно посмотрела на меня, как будто именно за мной оставалось последнее слово, вершащее судьбу малышки. Южное воспитание порой сказывалось в ней до сих пор.

Я отвел от ее лица немного влажные пряди волос и быстро поцеловал в кончик носа, на что она обычно почему-то демонстративно обижалась.

— Как могло быть иначе? Она ведь твоя дочь.

На щеках Неи проступил довольный румянец. Она всегда немного краснела, когда я говорил ей комплименты. И почему-то всегда очень радовалась, когда я называл ее красивой. Я так и не понял, в чем именно она сомневается: в том, что красива, или в том, что я действительно так считаю.

— Она чудо. Как и ты. Не представляю, за кого мы будем выдавать ее замуж. Мне кажется, никто и никогда не будет достаточно хорош...

— Рен, ей полчаса! Давай не будем думать о ее замужестве хотя бы лет... семнадцать?

Я рассмеялся.

— Хорошо, отложим пока решение этого вопроса.

Ребенок странно шевельнул губами, но глаз так и не открыл. И вообще вел себя очень тихо. Это заставило меня насторожиться.

— А почему она такая... молчаливая?

— Она спит, — успокоила Нея, кладя голову мне на плечо. — Она устала. По правде говоря, у нас обеих был очень непростой день.

— Тогда отдохайте обе.

Нея удобнее устроилась на моем плече и прикрыла глаза. Я обнял ее, придерживая руки, чтобы она не выронила ребенка, задремав. Хотя что-то мне подсказывало, что никто и никогда не сможет держать нашего ребенка так крепко и надежно, как она. Мне оставалось только обнимать обеих, оберегая их покой.

Я не примирился с Некросом. И до сих пор не знаю, существуют ли Боги вообще. Не знаю, слышат ли они нас и интересно ли им направлять наши жизни. Наверное, я никогда этого не узнаю. Но в тот момент я определенно чувствовал себя благословленным ими.